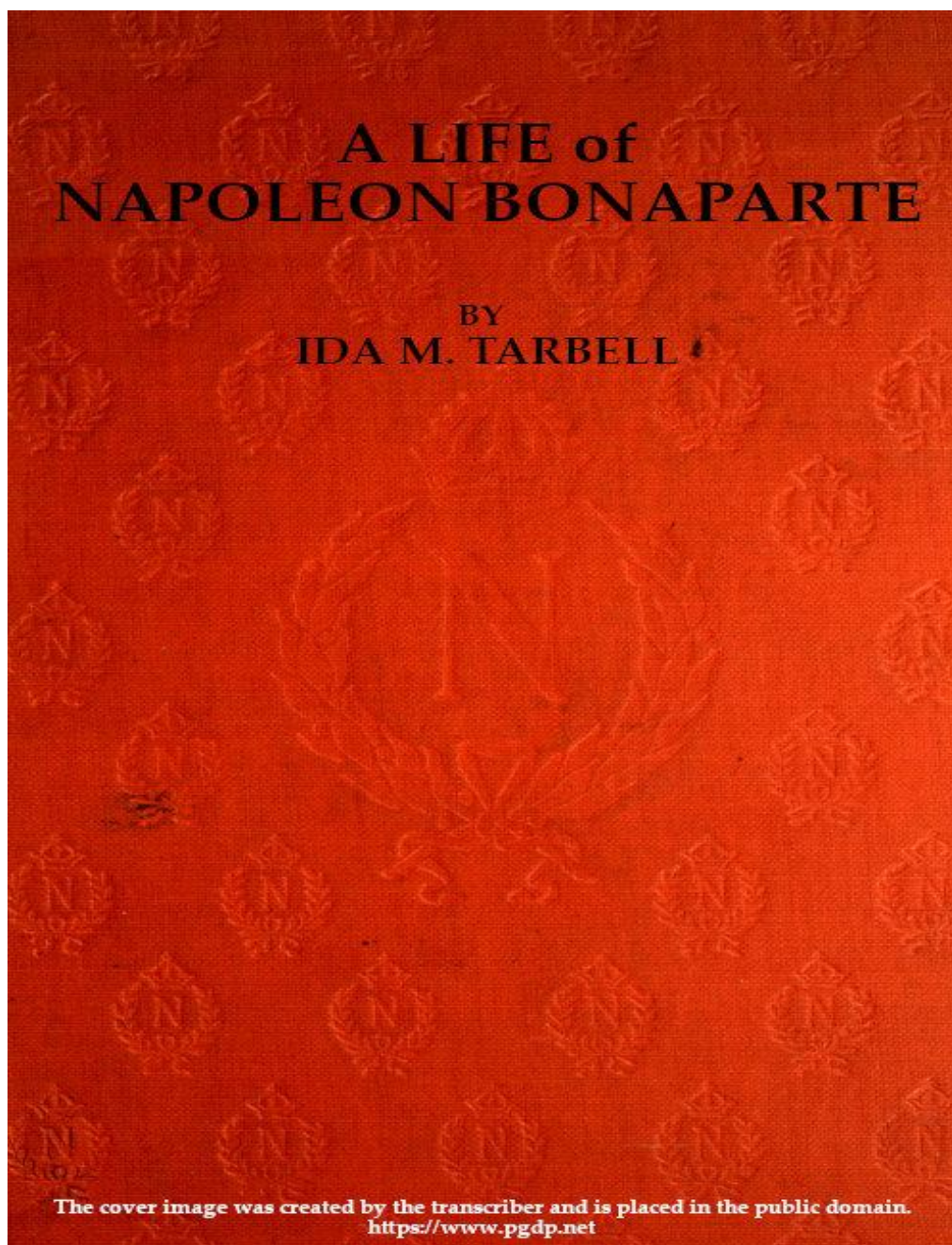

Жизнь Наполеона Бонапарта с очерком о Жозефине, императрице
Франции

Ида М. Тарбелл

Содержание

ЖИЗНЬ НАПОЛЕОНА БОНАПАРТА С очерком о ЖОЗЕФИНЕ, императрице Франции. Иллюстрировано из коллекции гравюр НАПОЛЕОНА, выполненных покойным почтенным Г. Г. Хаббардом и в настоящее время принадлежащих Библиотеке Конгресса, Вашингтон, округ Колумбия, с дополнением картин из лучших французских коллекций...

СОДЕРЖАНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ К ПЕРВОМУ ИЗДАНИЮ

ПРЕДИСЛОВИЕ К ВТОРОМУ ИЗДАНИЮ

Жизнь Наполеона

ГЛАВА I МОЛОДОСТЬ НАПОЛЕОНА И ЕГО РАННЕЕ ОКРУЖЕНИЕ — ШКОЛЬНЫЕ ГОДА В БРИЕННЕ

ГЛАВА II НАПОЛЕОН В ПАРИЖЕ — ЛЕЙТЕНАНТ АРТИЛЛЕРИИ — ЛИТЕРАТУРНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ — НАПОЛЕОН И РЕВОЛЮЦИЯ

ГЛАВА III НАПОЛЕОН И РОБСПЬЕР — БЕЗ РАБОТЫ — ГЛАВНОКОМАНДУЮЩИЙ ВОЙСКАМИ ВНУТРЕННЕГО ФРОНТА

ГЛАВА IV УХАЖИВАНИЕ И БРАК НАПОЛЕОНА — ЕГО ПРЕДАННОСТЬ ЖОЗЕФИНЕ

ГЛАВА V ПЕРВАЯ ИТАЛЬЯНСКАЯ КАМПАНИЯ — СПОСОБ ВЕДЕНИЯ ВОЙНЫ НАПОЛЕОНОМ

ГЛАВА VI ВОЗВРАЩЕНИЕ НАПОЛЕОНА В ПАРИЖ — ЕГИПЕТСКАЯ КАМПАНИЯ — 18 БРУМАРЯ

ГЛАВА VII НАПОЛЕОН КАК ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ДЕЯТЕЛЬ И ЗАКОНОДАТЕЛЬ — ФИНАНСЫ — ПРОМЫШЛЕННОСТЬ — ОБЩЕСТВЕННЫЕ РАБОТЫ

ГЛАВА VIII ВОЗВРАЩЕНИЕ ЭМИГРАНТОВ — КОНКОРДАТ — ЛЕГИОН ЧЕСТИ — КОДЕКС НАПОЛЕОНА

ГЛАВА IX ПРОТИВОДЕЙСТВИЕ ЦЕНТРАЛИЗАЦИИ ПРАВИТЕЛЬСТВА — ОБЩЕЕ ПРОЦВЕТАНИЕ

ГЛАВА X ПОДГОТОВКА К ВОЙНЕ С АНГЛИЕЙ — ФЛОТИЛИЯ В БУЛОГНЕ — ПРОДАЖА ЛУИЗИАНЫ

ГЛАВА XI ПРОТИВОДЕЙСТВИЕ НАПОЛЕОНУ — УСТАНОВЛЕНИЕ ИМПЕРИИ — КОРОЛЬ ИТАЛИИ

ГЛАВА XII КАМПАНИЯ 1805 ГОДА — КАМПАНИЯ 1806–1807 ГОДОВ — ТИЛЬСИТСКИЙ МИР

ГЛАВА XIII РАСШИРЕНИЕ ИМПЕРИИ НАПОЛЕОНА — СЕМЕЙНЫЕ ДЕЛА

ГЛАВА XIV БЕРЛИНСКИЙ ДЕКРЕТ — ВОЙНА НА ПОЛУОСТРОВЕ — БОНАПАРТЫ НА ИСПАНСКОМ ТРОНЕ

ГЛАВА XV КАТАСТРОФА В ИСПАНИИ — АЛЕКСАНДР И НАПОЛЕОН НА СОВЕТЕ — НАПОЛЕОН В МАДРИДЕ

ГЛАВА XVI ПРЕДАТЕЛЬСТВО ТАЛЛЕРАНА — КАМПАНИЯ 1809 ГОДА — ВАГРАМ

ГЛАВА XVII РАЗВОД — НОВАЯ ЖЕНА — НАСЛЕДНИК ПРЕСТОЛА

[ГЛАВА XVIII ПРОБЛЕМЫ С ПАПОЙ — ВОЗВЫШЕНИЕ ВОЕННОЙ ДОЛЖНОСТИ — ОБХОД БЛОКАДЫ — НАРУШЕНИЕ ТИЛЬСИТСКОГО СОГЛАШЕНИЯ](#)

[ГЛАВА XIX РОССИЙСКАЯ КАМПАНИЯ — ПОЖАР МОСКВЫ — НОВАЯ АРМИЯ](#)

[ГЛАВА XX КАМПАНИЯ 1813 ГОДА — КАМПАНИЯ 1814 ГОДА — ОТРЕЧЕНИЕ](#)

[ГЛАВА XXI ПРАВИТЕЛЬ ОСТРОВА ЭЛЬБА — ВОЗВРАЩЕНИЕ В ПАРИЖ — СОТНЯ ДНЕЙ — ВТОРОЕ ОТРЕЧЕНИЕ](#)

[ГЛАВА XXII СДАЧА НАПОЛЕОНА АНГЛИИ — ОТПРАВКА НА ОСТРОВ СВ. ЕЛЕНЫ — ЖИЗНЬ В ИЗГНАНИИ — СМЕРТЬ НАПОЛЕОНА](#)

[ГЛАВА XXIII ВТОРОЕ ПОХОРОНЫ НАПОЛЕОНА — ПЕРЕВОЗКА ОСТАНКОВ НАПОЛЕОНА С ОСТРОВА СВ. ЕЛЕНЫ НА БЕРЕГА СЕНЫ В 1840 ГОДУ](#)

[Жизнь Жозефины](#)

[ГЛАВА I СЕМЬЯ — РАННЕЕ ОКРУЖЕНИЕ — ЭЖЕН ДЕ БОАРНЭ — БРАК — РАЗЛУКА С МУЖЕМ](#)

[ГЛАВА II ЖОЗЕФИНА ВО ВРЕМЯ РЕВОЛЮЦИИ — ЗАКЛЮЧЕНИЕ В ЛЕС-КАРМЕС — БОРЬБА ЗА ВЫЖИВАНИЕ — БРАК С БОНАПАРТОМ](#)

[ГЛАВА III БОНАПАРТ ОТПРАВЛЯЕТСЯ В ИТАЛИЮ — ЖОЗЕФИНА В МИЛАНЕ — ТРИУМФАЛЬНОЕ ПУТЕШЕСТВИЕ ПО ИТАЛИИ — БОНАПАРТ ОТПРАВЛЯЕТСЯ В ЕГИПЕТ](#)

[ГЛАВА IV БОНАПАРТ СТАЛ ПЕРВЫМ КОНСУЛОМ — ТАКТИЧНОСТЬ ЖОЗЕФИНЫ В ОБЩЕСТВЕННОЙ ЖИЗНИ — ЕЕ ЛИЧНОЕ ОЧАРОВАНИЕ — МАЛЬМЕЗОН](#)

[ГЛАВА V ВОПРОС О НАСЛЕДОВАНИИ — БРАК ОРТЕНЗИИ — ЖОЗЕФИНА ИМПЕРАТРИЦА ФРАНЦУЗСКОГО НАРОДА — КОРОНАЦИЯ](#)

[ГЛАВА VI ЭТИКЕТ, РЕГУЛИРУЮЩИЙ ЖИЗНЬ ЖОЗЕФИНЫ — КОРОЛЕВСКИЕ ПУТЕШЕСТВИЯ — ТАКТ ИМПЕРАТРИЦЫ — ЭКСТРАВАГАНТНОСТЬ В ОДЕЖДЕ.](#)

[ГЛАВА VII ЖОЗЕФИНЕ НЕ РАЗРЕШИЛИ ЕХАТЬ В ПОЛЬШУ — СТРАХ РАЗВОДА — ПРИМИРЕНИЕ 1807–1808 ГОДОВ — КАМПАНИЯ 1809 ГОДА И ЕЕ ВЛИЯНИЕ НА НАПОЛЕОНА.](#)

[ГЛАВА VIII НАПОЛЕОН ВОЗВРАЩАЕТСЯ ВО ФРАНЦИЮ — НЕСЧАСТЬЕ ЖОЗЕФИНЫ — ВЗГЛЯД НАПОЛЕОНА НА РАЗВОД — СПОСОБ, КОТОРЫМ БЫЛ ОСУЩЕСТВЛЕН РАЗВОД](#)

[ГЛАВА IX ПОСЛЕ РАЗВОДА — НАВАРРА — ПОДОЗРЕНИЯ ЖОЗЕФИНЫ В ОТНОШЕНИИ ИМПЕРАТОРА — ЕЕ ПОСТЕЛЬНОЕ ВОЗВРАЩЕНИЕ К СЧАСТЬЮ](#)

[ГЛАВА X ВЛИЯНИЕ НА ЖОЗЕФИНУ КАТАСТРОФ В РОССИИ — БЕСПОКОЙСТВО ВО ВРЕМЯ КАМПАНИИ 1813 ГОДА — БЕГСТВО ИЗ ПАРИЖА — СМЕРТЬ В 1814 ГОДУ](#)

[Автографы Наполеона с 1785 по 1816 год\[3\]](#)

[ТАБЛИЦА СЕМЬИ БОНАПАРТ.](#)

[ХРОНОЛОГИЯ ЖИЗНИ НАПОЛЕОНА БОНАПАРТА](#)

[УКАЗАТЕЛЬ](#)

[ПРИМЕЧАНИЕ ПЕРЕПИСЧИКА](#)

[ПОЛНАЯ ЛИЦЕНЗИЯ ПРОЕКТА ГУТЕНБЕРГ](#)

Электронная книга проекта «Гутенберг» «Жизнь Наполеона Бонапарта с очерком о Жозефине, императрице Франции».

Эта электронная книга предназначена для бесплатного использования в любой точке США и большинства других стран мира практически без каких-либо ограничений. Вы можете копировать, передавать или повторно использовать ее в соответствии с условиями лицензии проекта «Гутенберг», включенной в эту электронную книгу или доступной онлайн по [адресу www.gutenberg.org](http://www.gutenberg.org). Если вы не проживаете в США, перед использованием этой электронной книги вам необходимо ознакомиться с законодательством страны, в которой вы проживаете.

Название: «Жизнь Наполеона Бонапарта с очерком о Жозефине, императрице Франции».

Автор: Ида М. Тарбелл

Дата выпуска: 21 апреля 2019 г. [электронная книга № 59322]
Последнее обновление: 17 февраля 2025 г.

Язык: английский

Благодарности: Электронный текст подготовлен Ричардом Тонсингом и командой Online Distributed Proofreading Team (<http://www.pgdp.net>) на основе изображений страниц, любезно предоставленных Internet Archive (<https://archive.org>).

*** НАЧАЛО ЭЛЕКТРОННОЙ КНИГИ ПРОЕКТА ГУТЕНБЕРГ «ЖИЗНЬ НАПОЛЕОНА БОНАПАРТА С КРАТКИМ ОПИСАНИЕМ ЖОЗЕФИНЫ, ИМПЕРАТРИЦЫ ФРАНЦУЗСКОЙ». ***

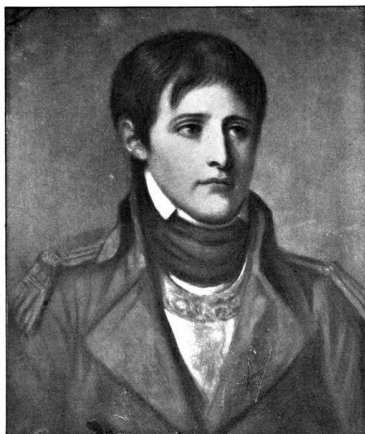
Электронная книга проекта Гутенберг «Жизнь Наполеона Бонапарта» Иды М. (Иды Минервы) Тарбелл

Примечание: Изображения оригинальных страниц доступны через Интернет-архив. См. <https://archive.org/details/alifeofnapoleonootarbmiss>

Примечание переписчика:

Изображение на обложке было создано транскриптором и находится в общественном достоянии.

ЖИЗНЬ НАПОЛЕОНА

БОНАПАРТА В ДВАДЦАТЬ ДВА ГОДА

По портрету Грез.

ЖИЗНЬ НАПОЛЕОНА БОНАПАРТА

***С эскизом ЖОЗЕФИНЫ, императрицы Франции. Иллюстрировано
из коллекции гравюр НАПОЛЕОНА, выполненных покойным
достопочтенным Г. Г. Хаббардом и в настоящее время
принадлежащих Библиотеке Конгресса, Вашингтон, округ
Колумбия, с дополнением картин из лучших французских
коллекций...***

АВТОР: ИДА М. ТАРБЕЛЛ

Нью-Йорк

McClure, Phillips & Co.

М. К. М.

АВТОРСКИЕ ПРАВА, 1894, ПРИНАДЛЕЖАТ
S. S. McCLURE, LIMITED

АВТОРСКИЕ ПРАВА, 1895, ПРИНАДЛЕЖАТ
S. S. McCLURE, LIMITED

АВТОРСКОЕ ПРАВО, 1896 Г., ПРИНАДЛЕЖИТ
THE S. S. McCLURE CO.

АВТОРСКИЕ ПРАВА, 1901 Г., ПРИНАДЛЕЖАТ
McCLURE, PHILLIPS & CO.

ПЕРВОЕ ИЗДАНИЕ, ФЕВРАЛЬ 1901 Г.

ВТОРОЕ ИЗДАНИЕ, АПРЕЛЬ 1901 Г.

ТРЕТЬЕ ИЗДАНИЕ, МАЙ 1903 Г.

ЧЕТВЕРТОЕ ИЗДАНИЕ, СЕНТЯБРЬ 1905 Г.

СОДЕРЖАНИЕ

ЖИЗНЬ НАПОЛЕОНА:

ГЛАВА	СТРАНИЦА
I. ЮНОСТЬ И РАННЕЕ ОКРУЖЕНИЕ. — ШКОЛЬНЫЕ ГОДЫ В БРИЕННЕ	17
II. В ПАРИЖЕ. — ЛЕЙТЕНАНТ АРТИЛЛЕРИИ. — ЛИТЕРАТУРНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ. — РЕВОЛЮЦИЯ	27
III. РОБЕСПЬЕР. БЕЗ РАБОТЫ. ПЕРВЫЙ УСПЕХ.	43
IV. УХАЖИВАНИЕ И БРАК. ПРЕДАННОСТЬ ЖОЗЕФИНЕ	53
V. ИТАЛЬЯНСКАЯ КАМПАНИЯ. — ПРАВИЛА ВОЙНЫ	61
VI. ВОЗВРАЩЕНИЕ В ПАРИЖ. — ЕГИПЕТСКАЯ КАМПАНИЯ. — 18 БРЮМЕРА	89
VII. ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ДЕЯТЕЛЬ И ЗАКОНОДАТЕЛЬ. ФИНАНСЫ. ПРОМЫШЛЕННОСТЬ. ОБЩЕСТВЕННЫЕ РАБОТЫ.	105
VIII. ВОЗВРАЩЕНИЕ ЭМИГРАНТОВ. КОНКОРДАТ. ОРДЕН ПОЧЕТНОГО ЛЕГИОНА. КОДЕКС НАПОЛЕОНА.	119
IX. ПРОТИВОДЕЙСТВИЕ ЦЕНТРАЛИЗАЦИИ ПРАВИТЕЛЬСТВА. — ПРОЦВЕТАНИЕ ФРАНЦИИ.	133
X. ПОДГОТОВКА К ВОЙНЕ С АНГЛИЕЙ. ФЛОТИЛИЯ В БУЛОНИ. ПРОДАЖА ЛУИЗИАНЫ	143
XI. ИМПЕРАТОР ФРАНЦУЗСКОГО НАРОДА. — КОРОЛЬ ИТАЛИИ	151
XII. ПОХОДЫ 1805, 1806, 1807 ГОДОВ — ТИЛЬЗИТСКИЙ МИР	163
XIII. РАСШИРЕНИЕ ИМПЕРИИ НАПОЛЕОНА. — СЕМЕЙНЫЕ ДЕЛА	179

XIV.	БЕРЛИНСКИЙ ДЕКРЕТ. — ПИРЕНЕЙСКАЯ ВОЙНА. — БОНАПАРТЫ НА ИСПАНСКОМ ТРОНЕ	191
XV.	БЕДСТВИЯ В ИСПАНИИ. — ВСТРЕЧА В ЭРФУРТЕ. — НАПОЛЕОН В МАДРИДЕ	199
XVI.	ПРЕДАТЕЛЬСТВО ТАЛЕЙРАНА. — ПОХОД 1809 ГОДА	211
XVII.	РАЗВОД С ЖОЗЕФИНОЙ. БРАК С МАРИЕЙ ЛУИЗОЙ. РОЖДЕНИЕ КОРОЛЯ РИМА.	221
XVIII.	КОНФЛИКТ С ПАПОЙ. — ПРИЗЫВ НА ВОЕННУЮ СЛУЖБУ. — НАРУШЕНИЕ ТИЛЬЗИТСКОГО ДОГОВОРА.	229
XIX.	РУССКАЯ КАМПАНИЯ. — ПОЖАР МОСКВЫ. — НОВАЯ АРМИЯ	241
XX.	КАМПАНИЯ 1813 ГОДА. — КАМПАНИЯ 1814 ГОДА. — ОТРЕЧЕНИЕ	253
XXI.	ЭЛЬБА. — СТО ДНЕЙ. — ВТОРАЯ ОТРЕЧЕНИЕ ОТ ПРЕСТОЛА.	265
XXII.	КАПИТУЛЯЦИЯ ПЕРЕД АНГЛИЧАНАМИ. — ОСТРОВ СВЯТОЙ ЕЛЕНЬ. — СМЕРТЬ	279
XXIII.	ВТОРАЯ ПОХОРОННАЯ ЦЕРЕМОНИЯ	295

ЭСКИЗ ЖОЗЕФИНЫ — ИМПЕРАТРИЦЫ ФРАНЦУЗСКОЙ:

I.	СЕМЬЯ. — РАННЕЕ ОКРУЖЕНИЕ. — АЛЕКСАНДР ДЕ БОГАРНЕ. — БРАК. — РАЗЛУКА С МУЖЕМ.	325
II.	ЖОЗЕФИНА ВО ВРЕМЯ РЕВОЛЮЦИИ. — ЗАКЛЮЧЕНИЕ В ЛЕ-КАРМ. — БОРЬБА ЗА СУЩЕСТВОВАНИЕ. — БРАК С БОНАПАРТОМ.	334
III.	БОНАПАРТ ОТПРАВЛЯЕТСЯ В ИТАЛИЮ. ЖОЗЕФИНА В МИЛАНЕ, 1796–1797. ТРИУМФАЛЬНОЕ ТУРНЕ ПО ИТАЛИИ. БОНАПАРТ ОТПРАВЛЯЕТСЯ В ЕГИПЕТ.	346
IV.	БОНАПАРТ СТАНОВИТСЯ ПЕРВЫМ КОНСУЛОМ. — ТАКТИЧНОСТЬ ЖОЗЕФИНЫ В ОБЩЕСТВЕННОЙ ЖИЗНИ. — ЕЕ ЛИЧНОЕ ОЧАРОВАНИЕ. — МАЛЬМЕЗОН	360
V.	ВОПРОС О ПРЕСТОЛОНАСЛЕДИИ. — БРАК ОРТЕНЗЫ. — ЖОЗЕФИНА — ИМПЕРАТРИЦА ФРАНЦУЗСКОГО	371

	НАРОДА. — КОРОНАЦИЯ.	
VI	ЭТИКЕТ, РЕГУЛИРУЮЩИЙ ЖИЗНЬ ЖОЗЕФИНЫ. — КОРОЛЕВСКИЕ ПУТЕШЕСТВИЯ. — ЭКСТРАВАГАНТНОСТЬ В ОДЕЖДЕ.	386
VII	ЖОЗЕФИНЕ НЕ РАЗРЕШАЮТ ПОЕХАТЬ В ПОЛЬШУ. — СТРАХ РАЗВОДА. — ПРИМИРЕНИЕ 1807–1808 ГОДОВ. — ПОХОД 1809 ГОДА И ЕГО ВЛИЯНИЕ НА НАПОЛЕОНА.	399
VIII	НАПОЛЕОН ВОЗВРАЩАЕТСЯ ВО ФРАНЦИЮ. — НЕСЧАСТЬЕ ЖОЗЕФИНЫ. — ВЗГЛЯД НАПОЛЕОНА НА РАЗВОД. — КАК БЫЛ ОСУЩЕСТВЛЕН РАЗВОД.	413
IX	ПОСЛЕ РАЗВОДА. НАВАРРА. ПОДОЗРЕНИЯ ЖОЗЕФИНЫ В ОТНОШЕНИИ ИМПЕРАТОРА. ЕЕ ПОСТЕПЕННОЕ ВОЗВРАЩЕНИЕ К СЧАСТЬЮ.	423
X.	ВЛИЯНИЕ НА ЖОЗЕФИНУ БЕДСТВИЙ В РОССИИ. — БЕСПОКОЙСТВО ВО ВРЕМЯ КАМПАНИИ 1813 ГОДА. — БЕГСТВО ИЗ ПАРИЖА. — СМЕРТЬ В 1814 ГОДУ.	440
	ПОЧЕРК НАПОЛЕОНА В РАЗНЫЕ ПЕРИОДЫ	453
	ТАБЛИЦА СЕМЬИ БОНАПАРТ	464
	ХРОНОЛОГИЯ ЖИЗНИ НАПОЛЕОНА БОНАПАРТА	469
	УКАЗАТЕЛЬ	477

ПРЕДИСЛОВИЕ К ПЕРВОМУ ИЗДАНИЮ

Основным источником иллюстраций для этого тома, как и в случае с материалами о Наполеоне в журнале McCLURE'S MAGAZINE, является великолепная коллекция гравюр г-на Гардинера Г. Хаббарда, которая была великодушно предоставлена в распоряжение издателей. Чтобы сделать иллюстрацию еще более полной, представитель журнала McCLURE'S MAGAZINE и уполномоченный агент г-на Хаббарда посетили Париж, чтобы найти там все, что могло бы быть желательным в качестве дополнительных картин, которых не было в великолепной коллекции г-на Хаббарда. Они заручились помощью М. Армана Дайо, *инспектора по делам изящных искусств*, который обладал редкими качествами для выполнения этой задачи. Свою официальную должность он получил благодаря знанию великих художественных коллекций Франции, как государственных, так и частных, а его служебные обязанности сделали его особенно знакомым с великими картинами, связанными с французской историей. Кроме того, он был специалистом по наполеоновской иконографии. Благодаря своим квалификациям и специальным знаниям он был выбран великим домом Nachette et Cie для редактирования их книги «*Napoléon raconté par l'Image*», которая была первой попыткой собрать в одном томе самые важные картины, связанные с военной, политической и частной жизнью Наполеона. Г-н Дайо только что завершил эту работу и был свеж после изучения картин, посвященных Наполеону, когда издатели журнала McCLURE'S MAGAZINE привлекли его к работе над дополнением коллекции Хаббарда.

Работа велась с единственной целью — не пропустить ни одной важной картины. Когда были найдены великие картины, необходимые для полной иллюстрированной биографии Наполеона (), которые никогда не были ни гравированы, ни отпечатаны, были получены фотографии, многие из которых были сделаны специально для нашего использования.

Был сделан щедрый выбор картин из работ Раффе и Шарле. М. Дайо также смог добавить ряд картин — не менее двадцати — уникальной ценности, благодаря своим личным отношениям с владельцами великих частных коллекций, посвященных Наполеону. Таким образом, были получены ранее неопубликованные картины, представляющие высочайшую ценность, из коллекций монсеньора герцога д'Омаля, Его Императорского Высочества принца Виктора Наполеона, принца Ролана, барона Ларре, сына главного хирурга армии Наполеона, герцога Бассано, сына министра и доверенного лица императора, меье Эдмона Теньи, друга и биографа Изабея, меье Альбера Кристофля, генерал-губернатора *Crédit-Foncier de France*; меье Поля ле Ру, который, возможно, обладает самой богатой коллекцией, посвященной Наполеону; и меье маркиза де Жирардена, зятя герцога Гаэта, верного министра финансов Наполеона I. Легко понять, что подлинность документов, полученных из таких источников, не вызывает никаких сомнений.

Следующее письмо полностью объясняет план, по которому организована коллекция г-на Хаббарда, и демонстрирует ее замечательную полноту. В нем также приводится классификация картин по периодам, что будет полезно читателю.

ВАШИНГТОН, октябрь 1894 года.

С. С. МАККЛЮР, эсквайр.

Уважаемый сэр! Около четырнадцати лет назад я увлекся гравюрами и с тех пор собрал значительную коллекцию, включающую множество портретов, в основном написанных и выгравированных при жизни этих личностей. У меня есть от двухсот до трехсот гравюр, связанных с Наполеоном, его семьей и его генералами. Самая ранняя из них — портрет Наполеона, написанный в 1791 году, когда ему было двадцать два года; следующая по дате была гравирована в 1796 году. В последующие годы появилось много гравюр « », а также четыре гравюры с рисунков, выполненных сразу после его смерти.

Немногие люди имеют столь ярко выраженный характер в разные периоды жизни, как Наполеон, что становится очевидным при рассмотрении этих гравюр. Есть четыре таких периода: первый период, 1796–1797 годы, Наполеон-генерал; второй период, 1801–1804 годы, Наполеон-государственный деятель и законодатель; третий период, 1804–1812 годы, Наполеон-император; четвертый период, упадок и падение Наполеона, включая Ватерлоо и Святую Елену. Большинство этих гравюр являются современными описанным периодам. Портреты включают копии портретов, написанных величайшими художниками и гравированных лучшими граверами той эпохи. Есть четыре гравюры на картины Мейссонье — «1807», «Наполеон», «Наполеон на разведке» и «1814».

ПЕРВЫЙ ПЕРИОД, 1796–1797, *Наполеон-генерал*. — В этих гравюрах, как правило, используется итальянское написание имени «Buonaparte». В этот период в Италии было много французских и других художников, и, похоже, все они стремились нарисовать молодого генерала. Французский писатель в одном из последних номеров «Gazette des Beaux-Arts» не уверен, кто из художников — Гро, Аппиани или Коссия — первым получил разрешение на рисование генерала Бонапарта. Для ваших читателей это не имеет значения, так как портреты каждого из этих художников включены в эту коллекцию.

Должно быть, существовали и другие портреты или бюсты Бонапарта, выполненные до 1796 года, помимо портрета Грея, представленного в этой коллекции. Их можно найти, но в моей коллекции других нет. Из портретов Наполеона, относящихся к этому периоду, восемь были гравированы до 1798 года, один — в 1800 году. На всех портретах волосы ниже ушей спадают на лоб и плечи, в то время как на всех портретах, созданных после экспедиции Наполеона в Египет, волосы короткие. Длина волос позволяет определить дату создания портрета.

ВТОРОЙ ПЕРИОД, 1801–1804 гг., *Наполеон как государственный деятель и законодатель*. В этот период многие английские художники посещали Париж и рисовали или гравировали портреты Наполеона. В них используется итальянское написание «Buonaparte», в то время как на французских гравюрах этого периода он называется «Bonaparte» или «генерал Бонапарт». Особого внимания заслуживает «Инспекция в Тюильри», которую Массон считает лучшим портретом Наполеона «в тридцатилетнем возрасте и в лучшем состоянии». Портрет, написанный Жераром в 1803 году и гравированный Ришом, другие считают лучшим из этого периода. Уже заметно изменение от длинного и худого лица на ранних портретах к круглому и полному лицу этого периода. На некоторых из этих гравюр в качестве аксессуара представлен Кодекс Наполеона.

ТРЕТИЙ ПЕРИОД, 1804–1812, *Наполеон-император*. — Теперь его называют «Наполеон», «Наполеон Великий» или «Император». Его главными художниками в этот период были Лефевр, Жерар, Изабе, Люптон и Давид (с Рафаэлем-Моргеном, Лонги, Деснойером, граверами) — художники, более заслуженные, чем художники более ранних периодов. Портрет в полный рост, написанный Давидом, копировался чаще и более известен, чем любой другой.

Говорят, что в портретах этого периода, выполненных Жераром, Изабеем и Давидом, мы не можем найти истинного сходства с Наполеоном. Его министры считали, что «государь должен иметь безмятежное выражение лица, с красотой, почти превосходящей человеческую, как обожествленные цезари или боги, чьими образами они были». «Советуйте художникам, — писал Наполеон Дюроку 15 сентября 1807 года, — сделать лицо более благородным (*plutôt gracieuses*). И еще: «Советуйте художникам стремиться не столько к идеальному сходству, сколько к созданию идеального образа, сохраняя определенные черты и делая сходство более приятным (*plutôt agréable*)».

ЧЕТВЕРТЫЙ ПЕРИОД, 1812–1815, *упадок и падение Наполеона*. — Вероятно, мы имеем истинное подобие Наполеона на портрете, выполненном Жироде и опубликованном в Англии. Он был нарисован Жироде в капелле Тюильри 8 марта 1812 года, когда Наполеон присутствовал на мессе. Считается, что это более правдоподобное сходство, чем у Давида, созданного в том же году; здесь более явно заметны изменения в его внешности, которая стала более полной, чем на

портретах 1801–1804 годов. Теперь он стал тучным, а его лицо стало круглым и полным. Два портрета, написанные в 1815 году, показывают это еще более ясно. Один из них был написан непосредственно перед битвой при Ватерлоо, а другой, авторства Дж. Истлейка, — сразу после нее. Г-н Истлейк, в то время студент художественной школы, находился в Плимуте, когда туда пришвартовался «Беллерофон». Он наблюдал за Наполеоном в течение нескольких дней, делая наброски, на основе которых впоследствии написал портрет в полный рост.

Коллекция завершается тремя примечательными гравюрами: первая — маска, изготовленная доктором Антомарки в день его смерти и выгравированная Каламаттой в 1834 году; вторая — рисунок, «сделанный сразу после смерти капитаном Иббетсоном, R. N.»; и третья — рисунок капитана Крокатта, сделанный через четырнадцать часов после смерти Наполеона и опубликованный в Лондоне 18 июля 1821 года. Они замечательным образом показывают лицо этого удивительного человека.

Большая часть этих гравюр была приобретена через фирмы Wunderlich & Co. и Kerppel из Нью-Йорка, некоторые — на аукционах в Берлине, Лондоне, Амстердаме и Штуттгарте; очень немногие — в Париже.

ГАРДИНЕР Г. ХАББАРД.

Исторические и критические примечания, сопровождающие иллюстрации в этом томе, были предоставлены, как правило, г-ном Хаббардом, хотя те, что подписаны А. Д., принадлежат перу М. Армана Дайо.

ПРЕДИСЛОВИЕ К ВТОРОМУ ИЗДАНИЮ

Жизнь Наполеона в этом томе впервые появилась в виде сериала в томах III и IV журнала *McClure's Magazine*. В 1895 году, после завершения сериала, она была опубликована в виде книги, иллюстрированной серией портретов из коллекции Хаббарда, которые были использованы в журнале, а также многочисленными другими картинами из основных французских коллекций, посвященных Наполеону. Иллюстрации в настоящем издании были выбраны из тех, что использовались в первом. Разнообразие и объем этих иллюстраций объясняются в предисловии к первому изданию, воспроизведенном здесь. Жизнь Наполеона в настоящем издании дополнена очерком о Жозефине. Отсутствие какого-либо жизнеописания Жозефины на английском языке, основанного на последних исторических исследованиях, является причиной представления этого очерка. До недавнего времени первая императрица французского народа представлялась миру такой, какой ее хотел видеть ее внук Наполеон III — подходящим типом для народного поклонения, скорее святой и мученицей, чем женщиной. Настоящий очерк — попытка рассказать правдивую историю ее жизни, как она раскрывается в недавних тщательных исследованиях Фредерика Массона и в многочисленных мемуарах того периода, многие из которых появились после падения Второй империи. Если рассказанная здесь история откровенна, автор надеется, что она не будет воспринята без сочувствия.

ШАРЛЬ БОНАПАРТ, ОТЕЦ НАПОЛЕОНА. РОДИЛСЯ В 1746 ГОДУ, УМЕР В 1785 ГОДУ.

КАРТИНЫ ДАВИДА, ИЗОБРАЖАЮЩИЕ БОНАПАРТА В БРИЕННЕ, БОНАПАРТА, ГЕНЕРАЛА ИТАЛЬЯНСКОЙ АРМИИ, БОНАПАРТА, ИМПЕРАТОРА.

Жизнь Наполеона

ГЛАВА I

МОЛОДОСТЬ НАПОЛЕОНА И ЕГО РАННЕЕ ОКРУЖЕНИЕ — ШКОЛЬНЫЕ ГОДА В БРИЕННЕ

«Если бы я не был убежден, что его семья так же старинна и благородна, как и моя, — сказал император Австрии, когда выдал Марию Луизу замуж за Наполеона Бонапарта, — я бы не отдал ему свою дочь». Это замечание является достаточным признанием благородства отца Наполеона, Шарля Мари де Бонапарта, джентльмена из Аяччо на Корсике, чья семья, происходившая из Тосканы, поселилась там в XVI веке, и который в 1765 году женился на молодой девушке с острова, Леттиции Рамолино.

Месье Бонапарт дал своей жене благородное имя, но мало что еще. Он был ленивым, любящим удовольствия, причудливым человеком, унаследовавшим судебный процесс и поглощенным безнадежной задачей вернуть имение, которое захватила церковь. Мадам Бонапарт не принесла мужу громкого имени, но она принесла ему здоровье, красоту и замечательные качества. Высокая и импозантная, мадемуазель Леттиция Рамолино обладала великолепной осанкой, которую она никогда не теряла, и лицом, привлекавшим внимание, в частности, благодаря выразительности и совершенству черт. Она была сдержанной, но обладала неумемной энергией и силой воли, и, хотя ей было всего пятнадцать лет, когда она вышла замуж, она вела семейные дела с таким здравым смыслом и твердостью, что смогла достойно воспитать восьмерых детей из тринадцати, которых она родила. Привычки к порядку и бережливости, сформированные в годы борьбы, настолько прочно укоренились в ее характере, что позже, когда она стала *mater regum*, «мадам Мэр» императорского двора, она не могла от них отказаться, но откладывала часть своего щедрого дохода «для тех из моих детей, которые еще не устроились», как она говорила. На протяжении всей своей жизни она подтверждала верность характеристики своего сына: «Мужская голова на женском теле».

Первые годы после их свадьбы были бурными для Бонапартов. Корсиканцы, возглавляемые патриотом Паскалем Паоли, восстали против французов, которые в то время были хозяевами острова. Среди последователей Паоли был Карл Бонапарт. Он разделил судьбу своего вождя до конца борьбы 1769 года, и когда, наконец, Паоли был безнадежно разгромлен, ушел в горы. Во всех опасностях и лишениях этой войны и бегства Шарля Бонапарта сопровождала его жена, которая, будучи сильной телом и смелой духом, безропотно переносила лишения, опасности и усталость. Когда корсиканцы сдались, Бонапарты вернулись в Аяччо. Шесть недель спустя мадам Бонапарт родила четвертого ребенка, Наполеона.

«Я родился, — говорил Наполеон, — когда моя страна гибла. Тридцать тысяч французов были извергнуты на нашу землю. Крики раненых, вздохи угнетенных и слезы отчаяния окружали мою колыбель при моем рождении».

Юный Бонапарт научился с присущей корсиканцам яростью ненавидеть идею угнетения, почитать Паоли и, с мальчишеским презрением к необходимости, даже презирать покорность своего отца. Это было неудивительно. Его мать не имела времени заниматься воспитанием своих детей. Его отец не уделял им никакого внимания, а Наполеон, «упрямый и любознательный», господствуя над своими братьями и товарищами, не боялся никого, бегал по пляжу с моряками или по горам с пастухами,

слушая их рассказы () о корсиканском восстании и сражениях на море и на суше, впитывая их презрение к покорности и любовь к свободе.

В девять лет он был застенчивым, гордым, своенравным ребенком, неопытным и необразованным, маленьким, бледным и нервным, почти без образования, но уже влюбленным в солдатскую жизнь и осознающим свое превосходство над товарищами. И тогда он внезапно был пересажен из своей свободной жизни в среду, чуждую ему по языку, искусственную по этикету и строгую по правилам.

Он попал в эту новую атмосферу как иждивенец, своего рода ученик, получающий благотворительную помощь. За девять лет, прошедших с тех пор, как он отказался от дела Паоли, Шарль Бонапарт стал настоящим паразитом. Как и все бедные дворяне той страны, к которой он привязался, и даже как многие богатые того времени, он выпрашивал у правительства всевозможные льготы в обмен на свою поддержку. Чтобы обеспечить их, он унижался перед французским генерал-губернатором Корсики, графом де Марбо, и часто ездил в Версаль, чего он едва мог себе позволить. Среди милостей, которых он добивался, были бесплатное образование для своих детей, хорошая должность с зарплатой и почестями, а также поддержание его претензий к иезуитам.

Благодаря настойчивым просьбам он обеспечил место среди бесплатных учеников колледжа в Отене для своего сына Жозефа, старшего в семье, и место для Наполеона в военной школе в Бриенне.

ЛЕТИТИЯ РАМОЛИНО, МАТЬ НАПОЛЕОНА. РОДИЛАСЬ В 1750 ГОДУ, УМЕРЛА В 1836 ГОДУ.

Чтобы поступить в школу в Бриенне, необходимо было уметь читать и писать по-французски и сдать предварительный экзамен по этому языку. Молодой Наполеон не мог этого сделать; более того, он едва ли смог бы сделать то же самое на своем родном итальянском языке. Поэтому на некоторое время потребовалась подготовительная школа. Было решено, что это будет Отен, где Жозеф должен был поступить в колледж, и в январе 1779 года Шарль Бонапарт прибыл туда с двумя мальчиками.

Наполеону было девять с половиной лет, когда он поступил в школу в Отене. Он пробыл там три месяца и за это время добился достаточного прогресса, чтобы соответствовать требованиям Бриенна. Основные сведения о поведении мальчика в Отене поступают от аббата Шардона, который возглавлял начальную школу. Он говорит о своем ученике:

«Наполеон привез в Отен мрачный, задумчивый характер. Он ни к кому не проявлял интереса и находил развлечения сам. Он редко имел компанию во время прогулок. Он быстро учился и быстро все понимал. Когда я давал ему урок, он смотрел на меня приоткрытыми губами, но если я повторял что-то из сказанного, его интерес исчезал, что он явно показывал своим поведением. Когда я делал ему замечание, он отвечал холодно, я бы даже сказал, с высокомерным видом: «Я это уже знаю, сэр»».

Когда он уехал в Бриенну, Наполеон оставил своего брата Жозефа в Отене. У мальчика не осталось ни одного знакомого в его жизни. Школа в Бриенне насчитывала около ста двадцати учеников, половина из которых содержалась за счет правительства. Это были сыновья дворян, которые, как правило, не имели ничего, кроме своих громких имен, и чьим правилом для достижения успеха в жизни было правило старого режима — найти влиятельного покровителя и, льстя ему и проявляя раболепное внимание, оставаться в его окружении. Молодой Бонапарт слышал в основном хвастовство и видел в основном тщеславие. Его первыми уроками во французском обществе были сомнительные уроки паразита- а и придворного. Девиз, который он видел повсюду, был: «Цель оправдывает средства». Его учителя не были достаточно сильными людьми, чтобы противостоять этому влиянию. Военные школы Франции в то время находились в руках религиозных орденов, а братья-минималисты, которые руководили Бриенном, были известны в основном своим невежеством. Они, конечно, не могли изменить высокомерные и ложные представления своих аристократических молодых учеников.

Было опасным экспериментом поместить в такую среду мальчика, как молодой Наполеон, гордого, амбициозного, ревнивого, лишённого здорового нравственного воспитания, обладающего итальянским безразличием к правде и правам других, уже осознающего, что ему предстоит проложить свой путь в мире, и вдохновленного решимостью сделать это.

С самого начала атмосфера в Бриенне была ненавистна мальчику. Его товарищи были французами, а именно французы покорили Корсику. Иногда они дразнили его этим, и он отвечал им, что если бы соотношение сил было четыре к одному, Корсика никогда бы не была завоевана, но французы пришли в соотношении десять к одному. Когда они сказали: «Но твой отец сдался», — он горько отвечал: «Я никогда не прощу ему этого». Что касается Паоли, он с гордостью говорил им: «Он хороший человек. Я бы хотел быть таким, как он».

У него были проблемы с новым языком. Они издевались над ним из-за этого. Его имя было странным; *la paille au nez* — так они прозвали Наполеона.

Он был беден, а они были богаты. Из-за своей бедности он подвергался такому презрительному обращению, что умолял отвезти его домой.

«Отец [писал он], если вы или мои покровители не можете дать мне средств, чтобы я мог более достойно содержать себя в доме, где я нахожусь, пожалуйста, позвольте мне вернуться домой как можно скорее. Я устал от бедности и насмешек наглых учеников, которые превосходят меня только своим состоянием, потому что ни один из них не испытывает и сотой доли того благородного чувства, которое одухотворяет меня. Должен ли ваш сын, сэр, постоянно быть мишенью для этих глупцов, которые, тщеславясь роскошью, которой они наслаждаются, оскорбляют меня своим смехом над лишениями, которые я вынужден терпеть? Нет, отец, нет! Если удача отказывается улыбаться мне, заберите меня из Бриенны и сделайте, если хотите, механиком. По этим словам вы можете судить о моем отчаянии. Поверьте, сэр, это письмо не продиктовано тщетным желанием наслаждаться экстравагантными развлечениями. У меня нет такого желания. Я просто чувствую, что необходимо показать моим товарищам, что я могу достать им все то же, что и они, если захочу.

Ваш уважительный и любящий сын,
«БОНАПАРТ».

Шарль Бонапарт, всегда стремившийся к удовольствиям и своему наследству, не мог помочь своему сыну. Наполеон предпринял другие попытки сбежать, даже, как говорят, предложив себя британскому Адмиралтейству в качестве матроса, и, по крайней мере, однажды умоляя месье де Марбо, генерал-губернатора Корсики (), который помог Шарлю Бонапарту обеспечить места для обоих мальчиков, отозвать свою защиту. Инцидент, который привел к этому, был характерен для школы. Высокомерные молодые аристократы издевались над ним из-за положения его отца, которое, по их словам, было не более чем положением бедного судебного пристава. Молодой Бонапарт, уязвленный тем, что он считал оскорблением, напал на своих мучителей и, будучи пойманным с поличным, был заключен в карцер. Он немедленно написал графу де Марбофу письмо, которое было замечательным для такого молодого мальчика и в таких обстоятельствах. Объяснив инцидент, он сказал:

«Теперь, месье ле граф, если я виновен, если моя свобода была отнята у меня справедливо, будьте добры и добавьте к проявленной вами доброте еще одну вещь — заберите меня из Бриенна и отзовите свою защиту: с моей стороны было бы грабежом продолжать пользоваться ею, когда есть кто-то, кто заслуживает ее больше, чем я. Я никогда, сэр, не буду более достоин ее, чем сейчас. Я никогда не избавлюсь от своей импульсивности, которая тем более опасна, что я считаю ее мотивы священными. Какие бы идеи личной выгоды ни влияли на меня, я никогда не смогу контролировать себя настолько, чтобы видеть, как мой отец, человек чести, таскается по грязи. Я всегда, месье ле граф, буду слишком глубоко переживать в таких обстоятельствах, чтобы ограничиться жалобой своему начальнику. Я всегда буду считать, что хороший сын не должен позволять другому мстить за такое оскорбление. Что же касается тех благ, которыми вы меня осыпали, то я никогда их не забуду. Я скажу, что я обрел почетную защиту, но Небеса лишили меня добродетелей, необходимых для того, чтобы воспользоваться ею».

БОНАПАРТ В БРИЕННЕ.

Оригинал этой статуи находится в галерее Версаля. Она датируется 1851 годом и является работой Луи Роше, одного из учеников Давида д'Анже.

В конце концов Наполеон понял, что ему не остается ничего другого, как остаться в Бриенне, страдая от бедности и формализма.

Было бы неразумно предполагать, что в этой мрачной жизни не было никакого облегчения. Мальчик не раз завоевывал признание своих товарищей своей храбростью и умением защищать свои права. Он был не только доблестным, но и щедрым, и «предпочитал сам сесть в тюрьму, чем доносить на своих товарищей, совершивших проступок». Молодой Наполеон скоро обнаружил, что если за некоторые вещи его высмеивали, то за другие его хвалили.

Он завел друзей, особенно среди учителей, и с одним из своих товарищей, Бурьеном, он оставался дружен в течение многих лет. «Ты никогда не смеешься надо мной, ты меня любишь», — сказал он своему другу. Те, кто считал его угрюмым и сварливым, не понимали, что под сдержанной, мрачной внешностью маленького корсиканского мальчика скрывалось гордое и страстное сердце, жаждущее любви и признания, и что его отталкивала от товарищей не высокомерие, а чувствительность.

По прошествии пяти с половиной лет Наполеон был переведен в военную школу в Париже. Отбор учеников для этой школы осуществлял инспектор, в то время это был шевалье де Кералио, приветливый старик, который любил общаться с мальчиками, а также экзаменовать их. Он был особенно доволен Наполеоном и назначил его для продвижения, несмотря на то, что тот был силен только в математике и еще не достиг возраста, требуемого правилами. Учителя протестовали, но де Кералио настоял на своем.

«Я знаю, что делаю, — сказал он. — Если я в этом случае отступаю от правил, то не для того, чтобы оказать услугу его семье — я их не знаю. А из-за самого ребенка. Я увидел в нем искру, которую нужно бережно взращивать».

Де Керальо умер до того, как были сделаны назначения, но его пожелания в отношении молодого Бонапарта были выполнены. Рекомендация, которая помогла ему поступить в академию, любопытна. В заметках написано:

«Месье де Бонапарт; рост четыре фута, десять дюймов и десять линий; сдал четвертый экзамен; хорошее телосложение, отличное здоровье; покорный характер, откровенный и благодарный; правильное поведение; отличился своими успехами в математике; неплохо справляется с историей и географией; отстаёт в латыни. Станет отличным моряком. Заслуживает отправки в школу в Париже».

ГЛАВА II

НАПОЛЕОН В ПАРИЖЕ — ЛЕЙТЕНАНТ АРТИЛЛЕРИИ — ЛИТЕРАТУРНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ — НАПОЛЕОН И РЕВОЛЮЦИЯ

В октябре 1784 года Наполеон был помещен в Военную школу в Париже, ту самую школу, которая до сих пор стоит напротив Марсового поля. Ему тогда было пятнадцать лет, он был худощавым, неуклюжим, деревенским мальчиком, который с открытым ртом смотрел на парижские улицы и казался совершенно неуместным тем, кто видел его в столице впервые.

Наполеон находил своих новых товарищей еще более неприятными, чем те, что были в Бриенне. Ученики Военной школы были сыновьями солдат и провинциальных дворян, получавшими бесплатное образование, а также богатыми молодыми людьми, которые платили за свои привилегии. В школе царила роскошь. Здесь был большой штат слуг, дорогие конюшни, несколько блюд на обед. Богатые тратили деньги без счета, а бедные в большинстве своем влезали в долги. Наполеон не мог оплачивать свою долю обедов и подарков, которые его товарищи время от времени дарили учителям и однокурсникам. Однажды он видел, как его сестра Элиза, которая училась в школе мадам де Ментенон в Сен-Сире, плакала по той же причине. Он не хотел брать в долг. «У моей матери и так слишком много расходов, и я не имею права увеличивать их своими расточительствами, которые просто навязываются мне глупой глупостью моих товарищей». Но он громко жаловался своим друзьям. Пермоны, корсиканская семья, жившая на набережной Конти, которая принимала Наполеона как своего родного, даже предоставив ему в распоряжение комнату, часто обсуждали эти жалобы. Было ли это тщеславие и зависть или уязвленное самолюбие и справедливое возмущение? Последнее, сказал месть Пермон. Это чувство было настолько глубоким у Наполеона, что, руководствуясь своим естественным инстинктом регулировать все, что ему не нравилось, он подготовил меморандум правительству, полный здравого смысла, о бесполезной роскоши учеников.

Год в Париже завершил военное образование Наполеона, и в октябре 1785 года, когда ему было шестнадцать лет, он получил назначение вторым лейтенантом артиллерии в полку, дислоцированном в Валансе. Из пятидесяти восьми учеников, имевших право на повышение до второго лейтенанта в том году, только шестеро пошли в артиллерию; одним из этих шестерых был Наполеон. Его экзаменатор сказал о нем:

«Сдержанный и прилежный, он предпочитает учебу любым развлечениям и любит читать лучших авторов; усердно занимается абстрактными науками; мало интересуется чем-либо еще. Он молчалив и любит одиночество. Он капризен, высокомерен и чрезмерно эгоистичен; мало говорит, но быстро и энергично отвечает, остро и строго парирует; обладает большой гордостью и амбициями, стремится к чему-либо. Этот молодой человек достоин покровительства».

Он сразу же покинул Париж, взяв в долг деньги у торговца тканями, которого его отец поддерживал, вероятно, не сожалея о том, что его школьные дни закончились, хотя можно с уверенностью сказать, что всех, кто был с ним дружен в этот период, он никогда не забывал в будущем. Некоторые из его старых учителей в Бриенне получали пенсии; один был назначен ректором Школы изящных искусств, основанной в Компьене, другой — библиотекарем в Мальмезоне, где швейцаром был бывший швейцар из Бриенны.

Профессора Военной академии были так же хорошо обеспечены, как и многие из его одноклассников. Во время Консулата, узнав, что мадам де Монтессон, жена герцога Орлеанского, все еще жива, он пригласил ее в Тюильри и спросил, чем он может ей помочь. «Но, генерал, — возразила мадам де Монтессон, — я не имею к вам никаких претензий».

«Вы не знаете, — ответил первый консул, — что я получил свою первую корону от вас. Вы поехали в Бриенн с герцогом Орлеанским, чтобы раздать награды, и, возлагая лавровый венок на мою голову, вы сказали: «Пусть он принесет вам счастье». Говорят, что я фаталист, мадам, поэтому совершенно очевидно, что я не мог забыть то, о чем вы уже не помните», — и Первый консул распорядился вернуть мадам де Монтессон шестьдесят тысяч франков годового дохода, оставленных ей герцогом Орлеанским, но конфискованных во время Революции. Позже, по ее просьбе, он повысил одного из ее родственников до звания сенатора. В 1805 году, уже будучи императором, Наполеон назначил пожизненную пенсию в шесть тысяч франков сыну своего бывшего покровителя, графа де Марбо, и вместе с ней заверил его в своей заинтересованности и доброй воле во всех обстоятельствах жизни молодого человека. Щедрая, терпеливая, даже нежная память обо всех, кто был связан с ним в его молодые годы, была одной из отличительных черт Наполеона.

Его новая должность в Валансе не была блестящей. Его годовой доход составлял двести двадцать четыре доллара, а работы было много. Однако это была независимость, и жизнь раскрылась перед молодым офицером в своей красоте. Он завел много знакомых и впервые познакомился с высшим обществом и женщинами. Мадам Коломбье, чей *салон* был ведущим в городе, приняла его, познакомила с влиятельными друзьями и, по сути, предсказала ему великое будущее.

Шестнадцатилетний офицер, несмотря на свою поношенную одежду и большие сапоги, стал любимцем. Он блестяще и свободно разговаривал, начал понимать, что может нравиться, и впервые немного полюбил — мадемуазель Коломбье — это была игривая юношеская любовь, целью тайных свиданий которой было вместе есть вишни. Мадемуазель Мион-Десплейс, симпатичная корсиканская девушка из Валанса, также пользовалась его вниманием. Воодушевленный своим удачным началом и стремясь к будущему успеху, он даже начал брать уроки танцев.

БОНАПАРТ В ВАЛЕНСЕ.

По картине Франсуа Фламенга.

Если бы ему нужно было думать только о себе, все было бы легко, но на нем лежала забота о семье. Его отец умер несколькими месяцами ранее, в феврале 1785 года, оставив свои дела в печальном запутывании. Жозеф, которому теперь было почти восемнадцать лет и который в 1779 году уехал с Наполеоном в Отен, оставался там до 1785 года. Его намеревали сделать священником, но он внезапно заявил, что не будет ничем другим, кроме солдата. Это означало, что все, что было сделано для него, пошло насмарку, но его отец постарался устроить его в военную школу. До того как все было улажено, Шарль Бонапарт умер, и Жозеф был вынужден вернуться на Корсику, где он был бессилен что-либо сделать для своей матери и четырех маленьких детей, оставшихся дома: девятилетнего Луи, семилетней Полины, пятилетней Каролины и трехлетнего Жерома.

Люсьен, которому было уже почти одиннадцать лет, учился в Бриенне, отказываясь становиться солдатом, как того желала его семья, и посвящая свое время литературе; но он не был бесплатным учеником, и шестьсот франков в год, необходимых для его обучения, были тяжелым бременем. Только Элиза была обеспечена. В 1784 году она поступила в Сен-Сир как одна из двухсот пятидесяти учениц, содержащихся там за счет Его Величества, и быть *дезойль де Сен-Сир* означало получать питание, образование и одежду с семи до двадцати лет, а по окончании обучения — приданое в три тысячи франков, *приданое* и сто пятьдесят франков на дорожные расходы домой.

Наполеон относился к положению своей семьи более серьезно, чем его братья. Действительно, когда он учился в Бриенне, он проявлял интерес, чувство ответственности и хорошее суждение о будущем своих братьев и сестер, что было довольно удивительно для такого молодого мальчика. В пятнадцать лет он написал письмо своему дяде, которое своим острым анализом могло бы сделать честь отцу семьи. Темой письма было желание его брата Жозефа покинуть церковь и поступить на службу к королю. Наполеон подытоживает все «за» и «против»:

«Во-первых. Как говорит отец, у него нет мужества, чтобы противостоять опасностям, связанным с этим шагом; его здоровье слабое и не позволит ему выдержать тяготы военной кампании; и мой брат смотрит на военную профессию только с точки зрения гарнизона. Он был бы хорошим гарнизонным офицером. Он хорошо сложен, легкомыслен, умеет делать комплименты, и с этими талантами он всегда будет хорошо ладить в обществе.

«Во-вторых. Он получил церковное образование, и уже очень поздно отказываться от него. Монсеньор, епископ Отона, дал бы ему богатую должность, и он наверняка стал бы епископом. Какое преимущество для семьи! Монсеньор Отона сделал все, что мог, чтобы побудить его не сдаваться, пообещав, что он никогда не пожалеет об этом. Если он настаивает на желании стать солдатом, я должен его похвалить, при условии, что он имеет явное пристрастие к этой профессии, самой прекрасной из всех и великой движущей силе человеческих дел... Он хочет быть военным. Это все хорошо, но в каком корпусе? В морском? Во-первых, он ничего не знает о математике; ему понадобится два года, чтобы ее выучить. Во-вторых, его здоровье несовместимо с морем. Инженерный корпус? Ему понадобится четыре или пять лет, чтобы выучить все необходимое, и по истечении этого времени он будет всего лишь кадетом. Кроме того, работа в течение всего дня ему не подойдет. Те же причины, которые применимы к инженерному корпусу, применимы и к артиллерии, за одним исключением: ему придется работать восемнадцать месяцев, чтобы стать кадетом, и еще восемнадцать месяцев, чтобы стать офицером... Без сомнения, он хочет поступить в пехоту... А что такое худощавый пехотный офицер? Три четверти времени он будет бездельником... Будет сделана последняя попытка убедить его поступить в церковь, а если это не удастся, отец отвезет его на Корсику, где он будет под его присмотром».

Неудивительно, что Шарль Бонапарт прислушался к совету сына, который мог написать такое ясное письмо, как только что процитированное, или что дядя мальчика

Люсьен перед смертью сказал: « » («Помни, что если Жозеф и старший, то Наполеон — настоящий глава семьи»).

Теперь, когда молодой Бонапарт был в независимом положении, он еще острее ощущал свою ответственность, и именно по этой причине, а также из-за плохого здоровья, он покинул свой полк в феврале 1787 году, в отпуск, который он продлил почти до пятнадцати месяцев, и который он провел в энергичных усилиях по улучшению положения своей семьи, работая над восстановлением соляных заводов и плантации шелковицы, в которых они были заинтересованы, чтобы обеспечить назначение Люсьена в колледж в Эксе и поместить Луи в французскую военную школу.

Когда он вернулся в свой полк, теперь дислоцированный в Оссоне, он отказался отправлять деньги домой и проводил свободное время в отчаянной работе, спал всего шесть часов, ел только один раз в день и переодевался раз в неделю. Как и все молодые люди страны, вдохновленные философами и энциклопедистами, он пробовал свои силы в литературе и в этот момент заканчивал историю Корсики, часть которой он написал в Валансе и представил аббату Рейналю, который поддержал его в этом начинании. Рукопись была завершена и готова к публикации в 1788 году, и автор приложил героические усилия, чтобы найти кого-нибудь, кто согласился бы принять посвящение, а также кого-нибудь, кто бы ее опубликовал. Прежде чем ему это удалось, события вытеснили эту работу из поля зрения, и другие амбиции заняли все его силы. В это время у Наполеона было много литературных проектов. Он был заядлым читателем и ничто не делало его счастливее, чем возможность сэкономить несколько центов, чтобы купить подержанные книги. Из всего, что он читал, он делал длинные выдержки и вел тетрадь «мыслей». Наиболее любопытны некоторые из этих фрагментов, размышления о зарождении общества, о любви, о природе. Они показывают, что он был страстно увлечен формированием идей о великих вопросах жизни и ее взаимосвязях.

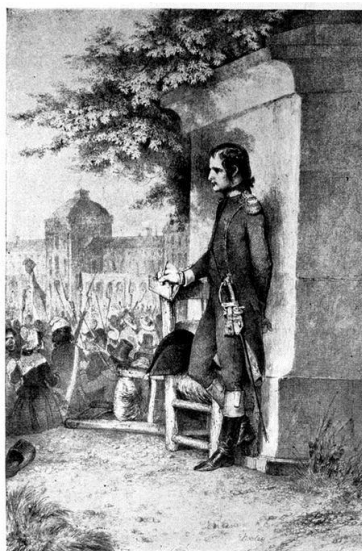
Помимо своей истории Корсики, он уже написал несколько фрагментов, среди которых историческая драма под названием «Граф Эссекс» и рассказ «Маска Пророк». Он также взялся за написание сентиментального путешествия в стиле Стерна, описывающего поездку из Валанса в Мон-Сени. Позже он участвовал в конкурсе на сочинение на тему «Определить, какие истины и чувства следует прививать людям для их счастья», организованном Лионской академией. Он не выиграл конкурс; более того, его сочинение подверглось резкой критике за непоследовательность и плохой стиль.

Революция 1789 года обратил ум Наполеона к более великой цели, чем написание истории Корсики — он хотел освободить Корсику. Национальное собрание избавило остров от его подчиненного положения и сделало его департаментом Франции, но мнения были сильно разделены, и брожение было схожим с тем, которое волновало материк. Наполеон, глубоко заинтересованный прогрессом новых либеральных идей и видящий также возможность для солдата и агитатора среди своих соотечественников, поспешил домой, где провел около двадцати пяти месяцев из следующих двух с половиной лет. То, что молодой офицер провел пять шестых своего времени на Корсике, а не на службе, и что он более чем в одном случае приводил причины для отпуска, которые только чрезвычайно наивный человек не заметил бы, что были придуманы для данного случая, нельзя объяснить просто двуличием характера и презрением к власти. Он делал только то, чему научился в военных училищах Бриенна и Парижа и что видел вокруг себя в армии. Действительно, вся французская армия в тот период занималась уклонением от исполнения долга. Все министры войны того периода жаловались на непрекращающиеся дезертирства среди рядовых солдат. Среди офицеров дела обстояли не лучше. Правда, они не дезертировали; они оставались на своих местах и... ничего не делали. «Те, кто был богат и хорошо , не имел нужды работать», — говорит маршал герцог де Брولли. «Их

продвигали по службе благодаря фаворитизму. Те, кто был беден и родом из провинции, тоже не имели нужды работать. Это не приносило им никакой пользы, поскольку, не имея покровителей, они не могли продвигаться по службе». Граф Сен-Жермен сказал об офицерах: «Ни один из них не находится на действительной службе; все они развлекаются и занимаются своими делами».

Наполеон, мучимый желанием помочь своей семье, подталкиваемый амбициями и врожденной потребностью в действии и достижениях, все еще разрываемый между верностью Франции и Корсике, не мог, находясь в своем окружении, брать отпуск больше, чем разрешалось законом.

Революционная агитация не занимала все его время на Корсике. Он никогда не работал так усердно для своей семьи. В течение двух с половиной лет, которые он провел во Франции, его сопровождал Луи, чьим наставником он стал, и он терпел все лишения, чтобы помочь ему. Доход Наполеона в то время составлял шестьдесят пять центов в день. Это означало, что он должен был жить в убогих комнатах, сам готовить суп, которым он и его брат питались, никогда не ходить в *кафе*, чистить свою одежду, давать уроки Луи. Он делал это мужественно. «Я завтракал сухим хлебом, но закрывал дверь на замок от своей бедности», — сказал он однажды молодому офицеру, жалующемуся на то, что ему приходится экономить на двухстах долларах в месяц.

БОНАПАРТ В ТЮИЛЬРИ, 10 АВГУСТА 1792 ГОДА.

По литографии Шарле. Лейтенант Бонапарт на террасе Тюильри, наблюдающий за толпой бунтовщиков, спешащих на массовое убийство швейцарской гвардии.

Экономия и лишения всегда были для него более приемлемыми, чем заимствования. Он терпеть не мог нарушений в финансовых вопросах. «Ваши финансы прискорбно расходуются, очевидно, на метафизических принципах. Поверьте мне, деньги - это очень физическая вещь », - однажды сказал он Джозефу, когда последний, будучи королем Неаполя, не мог свести концы с концами. Он отправил Джерома в море в основном для того, чтобы остановить его безрассудные траты. (В пятнадцать лет этот молодой человек заплатил три тысячи двести долларов за бритвенный набор, «содержащий все, кроме бороды, чтобы ее владелец мог ею пользоваться».) Одни из самых яростных сцен, которые

происходили между Наполеоном и Жозефиной, были из-за того, что она постоянно была в долгах. После развода он часто предупреждал ее, чтобы она была осторожна со своими деньгами. “Подумай, какое плохое мнение сложилось бы у меня о тебе, если бы я знал, что ты по уши в долгах с доходом в шестьсот тысяч долларов в год”, - писал он ей в 1813 году.

Методичные привычки Марии Луизы постоянно доставляли удовольствие Наполеону. “Она оплачивает все свои счета раз в неделю, при необходимости покупает себе новые платья и подвергает себя лишениям, чтобы не залезть в долги”, - гордо сказал он. Однажды ему прислали счет на шестьдесят два франка и тридцать два сантимов за жалюзи, установленные в *салоне* принцессы Боргезе. “Поскольку я не распоряжался об этих расходах, которые не должны быть отнесены в мой бюджет, принцесса оплатит их”, - написал он на полях.

Это была не скупость. Это было присущее мужчине чувство порядка. Никто не был более щедр на подарки, пенсии, жалованье; но его раздражало видеть, как деньги тратятся впустую или как ими небрежно распоряжаются.

Из-за его длительного отсутствия на Корсике и жалоб консерваторов острова французскому правительству на то, как он обошелся со своим батальоном национальной гвардии во время беспорядков в Аяччо, Наполеон потерял свое место во французской армии. Он приехал в Париж весной 1792 года, надеясь вернуть его. Но в запутанном состоянии государственных дел подобным случаям уделялось мало внимания, и он был вынужден ждать.

Почти без гроша в кармане он обедал шестицентовыми блюдами в дешевых ресторанах, заложил свои часы и вместе с Бурьеном разрабатывал планы, как разбогатеть. Один из них состоял в том, чтобы арендовать несколько новых домов, строящихся в городе, и сдавать их в субаренду. Пока он ждал, он увидел знаменитые дни “Второй революции” — 20 июня, когда толпа окружила Тюильри, захватила дворец, надела на голову Людовика XVI *красную шляпу*, сделала все, что угодно, но не нанесла удар, как и предполагали агитаторы. Наполеон и Бурьен, слонявшиеся по окраинам, увидели эти безобразия, и он с отвращением сказал:

“*Че кольоне*, почему они позволили этим скотам войти? Они должны были расстрелять пятьсот или шестьсот из них из пушек, а остальные вскоре обратились бы в бегство”.

Он видел 10 августа, когда король был свергнут. Он все еще был в Париже, когда начались ужасные сентябрьские массовые убийства — те массовые убийства, в ходе которых, чтобы “спасти страну”, фанатичное и запуганное население решило пролить “реки крови” между Парижем и *эмигрантами*. Все эти излишества вызывали у него отвращение. Он начал понимать, что Революции, которой он так восхищался, нужна была голова.

В августе Наполеон был восстановлен в армии. Следующий июнь застал его со своим полком на юге Франции. В промежутке, проведенном на Корсике, он оставил Паоли и дело независимости Корсики. Его старый герой был втянут, помимо его воли, в движение за отделение острова от Франции. Наполеон занял позицию, согласно которой французское правительство, какими бы ни были его крайности, было единственным защитником в Европе свободы и равенства, и что Корсике лучше остаться с Францией, а не обращаться за помощью к Англии, как это было бы неизбежно в случае восстания. Но он и его партия потерпели поражение, и он со своей семьей был вынужден бежать.

Корсиканский период его жизни закончился; открылась Франция. Он начал его как убежденный республиканец. Эволюция его энтузиазма по отношению к революции была достаточно естественной. Он был преданным сторонником принципов Руссо. 1789 год

положил конец злоупотреблениям, которые раздражали его во французском обществе и правительстве. После бегства короля в 1791 году он принес присягу:

“Я клянусь использовать оружие, оказавшееся в моих руках, для защиты страны и защищать от всех ее врагов, как внутренних, так и внешних, Конституцию, провозглашенную Национальным собранием; скорее умереть, чем подвергнуться вторжению иностранных войск на территорию Франции, и подчиняться приказам, отданным в соответствии с декретом Национального собрания”.

“Нация теперь является первостепенной целью, - писал он. - мои природные склонности теперь согласуются с моими обязанностями”.

Усилия двора и эмигрантов по свержению нового правительства усилили его преданность Франции. “Моя южная кровь течет в моих жилах со скоростью Роны”, - сказал он, когда был поднят вопрос о сохранении Конституции. Месяцы, проведенные в Париже в 1792 году, только усилили его радикальные взгляды. Теперь, когда он покинул свою страну, вместо того чтобы помогать ей бороться с революцией, он был лучше, чем когда-либо, подготовлен к тому, чтобы стать французом. Это казалось единственным способом восстановить состояние его самого и его семьи.

Состояние Бонапартов по прибытии во Францию после их изгнания с Корсики было плачевным. Их имущество “было разграблено, разграблено и сожжено”, они бежали без гроша в кармане — фактически они были беженцами, зависящими от щедрот Франции. Они переезжали с места на место, но в конце концов нашли хорошего друга в лице месье Клари из Марселя, мыловара с двумя хорошенькими дочерьми, Жюли и Дезире, и Жозеф и Наполеон стали обитателями его дома.

В этот новый период своей жизни Наполеон впервые проявил себя не как солдат, а как писатель. В Марселе вспыхнуло восстание против правительства. В воображаемой беседе под названием “Супруг Бокера” Наполеон так ясно и справедливо обсудил ситуацию, что Саличетти, Гаспарин и Робеспьер младший, депутаты, присматривавшие за Югом, приказали опубликовать газету за государственный счет и распространили ее в качестве документа кампании. Более того, они пообещали благосклонно относиться к автору, когда у них будет такая возможность.

ПОРТРЕТ БОНАПАРТА, ВЫПОЛНЕННЫЙ КАРАНДАШОМ ОДНИМ ИЗ ЕГО ШКОЛЬНЫХ ТОВАРИЩЕЙ.

Этот эскиз, который раньше находился в *Музее Суверена*, впоследствии перешел в собственность месье де Бодикура, который недавно подарил его Лувру. Он представляет исключительный интерес. Выполненный в Бриенне одним из

школьных товарищей будущего цезаря, он может считаться первым портретом Бонапарта, снятым с натуры. Под ним карандашом написаны следующие слова:

“Mio caro amico Buonaparte. Понтормини дель Турноне, 1785 год.”

Вскоре это произошло. Тулон открыл свои двери для англичан и присоединился к Марселю в контрреволюции. Наполеон был в составе войск, посланных против города, и вскоре его повысили до командира Второго артиллерийского полка. Его энергия и мастерство привлекли к нему благосклонное внимание. Он сразу понял, что важным моментом была не осада города, как это делал командующий генерал и как приказал Конвент, а вытеснение флота союзников из гавани, когда город должен был пасть сам по себе. Но главнокомандующий действовал медленно, и к планам Наполеона прислушались только после смены командования и назначения опытного и мудрого офицера. Новый генерал сразу понял их ценность и поспешил осуществить. Результатом стал уход союзников в декабре 1793 года и падение Тулона. Главнокомандующий упомянул Бонапарта как “одного из тех, кто наиболее отличился, помогая мне”, и в феврале 1794 года был произведен в бригадные генералы.

Интересно отметить, что именно в Тулоне Наполеон впервые вступил в контакт с англичанами. Здесь он познакомился с Жюно, Мармоном и Дюроком. В то же время Баррас тоже обратил на него внимание.

Обстоятельства, которые свели Жюно и Наполеона вместе в Тулоне, были особенно героическими. Нужен был кто-то, кто доставил бы приказ в уязвимый пункт. Наполеон попросил младшего офицера, смелого и умного. Был послан Жюно, в то время сержант. “Снимите свою форму и отнесите сюда этот приказ”, - сказал Наполеон, указывая на точку.

Жюно покраснел, и глаза его сверкнули. “Я не шпион, - ответил он. - найдите кого-нибудь рядом со мной, кто выполнит бы такой приказ”.

- Вы отказываетесь повиноваться? - спросил Наполеон.

“Я готов повиноваться, ” ответил Жюно, “ но я пойду в своей форме или не пойду вообще. Тогда это достаточная честь для этих... англичан”.

Офицер улыбнулся и отпустил его, но он приложил все усилия, чтобы узнать его имя.

Несколько дней спустя Наполеон позвал к себе кого-то из рядовых, кто писал хорошим почерком. Жюно предложил себя и сел поближе к батарее, чтобы написать письмо. Едва он закончил, как рядом разорвалась бомба, брошенная англичанами, и засыпала его и его письмо землей.

- Хорошо, - рассмеялся Жюно. - Мне не понадобится песок, чтобы высушить чернила.

Бонапарт посмотрел на молодого человека, который даже не дрогнул перед опасностью. С тех пор молодой сержант оставался при командующем артиллерией.

ГЛАВА III

НАПОЛЕОН И РОБЕСПЬЕР — БЕЗРАБОТНЫЕ — ГЛАВНОКОМАНДУЮЩИЙ ВНУТРЕННЕЙ АРМИЕЙ

Т милости, оказанные Наполеону за его услуги в Тулоне, были распространены и на его семью. Мадам Бонапарт помог муниципалитет Марселя. Жозеф был назначен военным комиссаром. Люсьен был зачислен в Итальянскую армию, и в городе, где он служил, прославился как популярный оратор — “маленький Робеспьер”, как его называли. Здесь же он начал заниматься любовью с дочерью своего домовладельца Кристин Бойер, впоследствии его женой.

Перспективы для беженцев казались очень хорошими, и они были еще более радужными благодаря особой дружбе молодого Робеспьера с Наполеоном. Эта дружба вскоре усилилась благодаря роли, которую Наполеон сыграл в месячной кампании с итальянской армией, когда, во многом благодаря его гению, морское побережье от Ниццы до Генуи перешло во власть Франции. Если эта победа имела большое значение для армии и для Робеспьера, то больше для Наполеона. Он посмотрел с Высоты Птичьего полета и впервые увидел, что в Италии есть “земля для завоевателя”. Робеспьер писал своему брату, реальному главе правительства в тот момент, что Наполеон обладал “исключительными достоинствами”. Он поручил ему составить план кампании против Пьемонта и отправил с секретным заданием в Геную. Отношения между двумя молодыми людьми были, на самом деле, очень близкими, и, учитывая положение Робеспьера-старшего, перспективы у Бонапарта были хорошие.

То, что Бонапарт восхищался способностями старшего Робеспьера, не подлежит сомнению. Он был уверен, что если бы он “остался у власти, то восстановил бы порядок и законность; результат был бы достигнут без каких-либо потрясений, потому что это было бы достигнуто путем спокойного применения власти”. Тем не менее, несомненно, что молодой генерал не желал вступать в тесный контакт с лидером террористов, о чем свидетельствует его отказ от предложения отправиться в Париж, чтобы принять командование городским гарнизоном. Без сомнения, его отказ был отчасти вызван его честолюбием — он считал, что там, где он находился, лучше работать, — а отчасти также его неприязнью к эксцессам, которые практиковало правительство. Все, кто его знал, свидетельствуют, что он никогда не одобрял политику террористов, и есть много историй о его усилиях в то время спасти *эмигрантов* и подозреваемых от насилия бешеных патриотов; даже спасти англичан, заключенных в тюрьму в Тулоне. Он всегда с добротой вспоминал Робеспьера младшего, а когда был у власти, назначил Шарлотте Робеспьер пенсию.

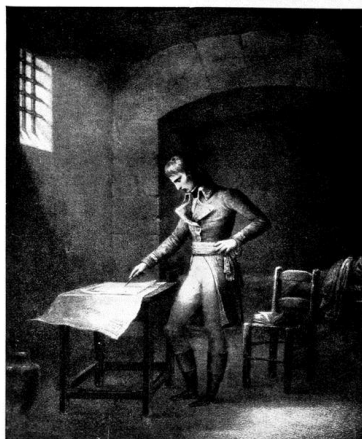
Дела у Бонапарта начали налаживаться. Его бедность миновала. Если его план итальянской кампании увенчается успехом, он может даже претендовать на командование армией. Его братья получили хорошие должности. Жозеф был помолвлен с Жюли Клари, и жизнь в Ницце и Марселе текла весело, где Наполеона окружали многие из его друзей — Робеспьер и его сестра; две его собственные хорошенькие сестры; Мармон и Жюно, который был по уши влюблен в Полин. Внезапно все эти надежды и счастье были разрушены. 9 Термидора пал Робеспьер, и все, кто поддерживал его, были

заподозрены, в том числе Наполеон. Его секретная миссия в Геную послужила предлогом для его ареста, и в течение тринадцати дней, в августе 1794 года, он находился в плену, но через своих друзей был освобожден. Вскоре после его освобождения пришло назначение присоединиться к экспедиции против Корсики. Он отправился в путь, но предприятие провалилось, и весна снова застала его без места.

В апреле 1795 года Наполеон получил приказ присоединиться к Западной армии. Добравшись до Парижа, он обнаружил, что его направили в пехоту. Такая перемена считалась в армии позором. Он отказался идти. “Очень многие офицеры могли бы командовать бригадой лучше, чем я, ” писал он другу, “ но мало кто мог бы так хорошо командовать артиллерией. Я ухожу в отставку, удовлетворенный тем, что несправедливость, допущенная к службе, будет в достаточной степени ощутима теми, кто умеет ценить вещи ”. Но хотя он мог бы назвать себя “удовлетворенным”, его уход на пенсию был для него самым серьезным событием. Это был крах того, что казалось карьерой, захлопнувшиеся ворота, над открытием которых он так яростно работал.

Он должен был начать все сначала, и он не видел, как это сделать. Им овладело что-то вроде отчаяния. “Он выступал против судьбы”, - говорит герцогиня д'Абрантес. “Я был празден и недоволен”, - говорит он о себе. Он пошел в театр и сидел угрюмый и невнимательный на протяжении самой веселой пьесы. “У него бывали моменты неистового веселья”, - говорит Буррьен.

Временами им овладевало жалкое отвращение от усилий; ему хотелось успокоиться. “Если бы у меня был этот дом, - сказал он однажды Буррьену, указывая на пустой дом неподалеку, - с моими друзьями и кабриолетом, я был бы счастливейшим из людей”. Он цеплялся за своих друзей с каким-то отчаянием, и его письма Джозефу чрезвычайно трогательны.

НАПОЛЕОН В ТЮРЬМЕ.

По литографии Мотта. Бонапарт, магистр Тулона, уже достиг славы, когда события Термидора внезапно остановили его карьеру. Его отношения с младшим Робеспьером вызвали у него подозрения; депутаты Конвента отстранили его от исполнения обязанностей и посадили под арест.

Любовь, так же как и неудачи, вызывали у него меланхолию. Все в нем, действительно, наводило на мысли о браке. Теперь Джозеф был женат, и его счастье вызывало у него зависть. “Какой удачливый негодяй Жозеф!” - сказал он. Жюно, безумно влюбленный в Полину, был с ним. Двое молодых людей бродили по аллеям Ботанического сада и обсуждали страсть Жюно. Слушая своего друга, Наполеон думал о себе. Его привлекла Дезире Клари, невестка Жозефа. Почему бы не попытаться завоевать ее? И он начал требовать от Жозефа новостей о ней. Дезире попросила его портрет, и он написал: “Я сделаю это для нее; ты должен отдать его ей, если он все еще ей нужен; если нет, оставь его себе”. Он впал в меланхолию, когда не получил от нее известий, обвинил Джозефа в том, что он намеренно опустил ее имя в своих письмах, а саму Дезире в том, что она забыла его. Наконец он посоветовался с Джозефом: “Если я останусь здесь, вполне возможно, что я почувствую склонность совершить глупость и жениться. Я был бы рад услышать от вас реплику на эту тему. Возможно, вы могли бы поговорить с братом Эжени [Дезире] и сообщить мне, что он скажет, и тогда все будет улажено”. Он ждал ответа на свои предложения “с нетерпением”; убеждал своего брата устроить все так, чтобы ничто “не могло помешать тому, чего я жажду”. Но Дезире была непреклонна. Позже она вышла замуж за Бернадотта и стала королевой Швеции.

И все же в этих переменчивых настроениях он никогда не сидел сложа руки. Как и тремя годами ранее, они с Бурьеном занимались финансовыми спекуляциями; он пытался убедить Жозефа вложить *дот* своей жены в собственность *эмигрантов*. Он готовил мемориалы о политических беспорядках того времени и по военным вопросам, и он подталкивал своих братьев, как будто у него не было личных амбиций. Он также не пренебрегал приобретением друзей. Самым важным из тех, кого он воспитывал, был Поль Баррас, революционер, сторонник традиций, член Директории и один из самых влиятельных людей в Париже на тот момент. Он познакомился с Наполеоном в Тулоне и показал себя расположенным к дружеским отношениям. “Я привязался к Баррасу, - сказал позже Наполеон, - потому что больше никого не знал. Робеспьер был мертв; Баррас играл роль: я должен был привязаться к кому-то и к чему-то”. Одним из его

планов для себя было отправиться в Турцию. На самом деле, в течение двух или трех лет Наполеон думал о Востоке как о возможном поле для проявления своего гения, и его мать часто беспокоилась, как бы он не уехал. Только что случилось так, что турецкий султан обратился к французам за помощью в реорганизации своей артиллерии и совершенствовании обороны своих фортов, и Наполеон попросил разрешения взяться за эту работу. Хотя он продвигал все свои планы с необычайным энтузиазмом, даже почти ежедневно писал Джозефу письма о том, что он сделает для него, когда тот поселится на Востоке, его призвали выполнить работу, которая должна была иметь важное значение в его будущем.

Военному комитету нужны были планы итальянской кампании; глава комитета был в большом замешательстве. Никто ничего не знал о положении дел на Юге. Однажды случайно один из знакомых Наполеона услышал о трудностях и порекомендовал молодого генерала. Подготовленный им мемориал был настолько превосходным, что его пригласили в топографическое бюро Комитета общественной безопасности. Его знания, здравый смысл, энергия, огонь были настолько замечательными, что он завел крепких друзей и стал важной персоной.

Впечатление, которое он произвел, было таким, что, когда в октябре 1795 года правительству угрожали восставшие части, Баррас, номинальный глава обороны, попросил Наполеона командовать войсками, защищавшими Тюильри, где постоянно заседал Конвент. Он на мгновение заколебался. Он испытывал большую симпатию к секциям. Его проницательность покорила. Конвент выступал за республику; свержение теперь означало еще один запрет, еще больший Террор, возможно, преемственность роялистов, английское вторжение.

“Я согласен, - сказал он Баррасу, - но предупреждаю вас, что, как только мой меч окажется вне ножен, я не верну его обратно, пока не наведу порядок”.

Именно в ночь на 12-ю Вандею был назначен Наполеон. С невероятной быстротой он сосредоточил людей и пушки, которые смог обеспечить, у входов во дворец и на подступах. Он вооружил даже членов Конвента в качестве резерва. Когда части вывели своих людей на улицы и на мосты, ведущие к Тюильри, их встретил огонь, который сразу же рассеял их. В ту ночь в Париже было тихо. На следующий день Наполеон был произведен в дивизионные генералы. 26 октября он был назначен главнокомандующим Внутренней армией.

Наконец-то представилась возможность, которую он так долго и жадно искал. Это было гордое положение для двадцатилетнего молодого человека, и вполне можно остановиться и спросить, как он его получил. Ответ несложен для того, кто, отбросив предрассудки и суеверия, которые долгое время окружали его имя, изучает свою историю так, как он изучал бы историю неизвестного человека. Он завоевал свое место, как любой бедный и амбициозный мальчик в любой стране и в любом возрасте должен завоевывать его — тяжелым трудом, хватаясь за каждую возможность, постоянным самоотречением, мужеством при каждой неудаче, вскакивая на ноги после каждого падения.

Он добился успеха, потому что знал каждую деталь своего бизнеса (“Нет ничего, что я не мог бы сделать сам. Если некому будет делать порох для пушек, я смогу это сделать”); потому что ни насмешки, ни холодность, ни даже мрачное уныние, которые заставили его однажды написать Джозефу: “Если так будет продолжаться, я в конце концов не сверну с дороги, когда проедет карета”, - не могли остановить его; потому что он глубоко верил в себя. “Неужели эти люди воображают, что я хочу, чтобы их помощь возросла? Однажды они будут слишком рады принять мою. Мой меч у меня на боку, и я далеко найду с ним”. То, что он не раз искажал условия, чтобы заручиться благосклонностью, это правда; но, поступая так, он просто делал то, что видел вокруг себя, чему научился у своего отца, что

оправдывала косвенная мораль того времени. То, что он изменил мнения и пристрастия, в равной степени верно; но тот, кто во время Французской революции не изменил мнения, был тем, кто рассматривал “не то, что есть, а то, что могло бы быть”. Конечно, он ни в чем не был хуже своего окружения, а во многих отношениях был намного выше его. Он боролся за место не для того, чтобы ему было легко, а для того, чтобы у него была возможность действовать; не для того, чтобы он мог развлечься, но чтобы он мог добиться славы. Он не искал почестей только для себя; он хотел разделить их с другими.

ПОРТРЕТ БОНАПАРТА РУЧКОЙ В ПРОФИЛЬ.

Автор Гро. Этот рисунок, который я обнаружил среди портфелей Лувра, является одним из самых ценных документов наполеоновской портретной живописи. Это был подарок месье Делестра, ученика и биографа Гро. В этом четком профиле мы уже видим все то *характерное выражение*, к которому прежде всего стремился Гро и которое вскоре было великолепно передано им в портрете *Бонапарта в Арколе*. Я полагаю, что этот набросок пером был подготовкой к законченному портрету. — А. Д.

Первое применение своей власти Бонапартом после того, как он был назначен главнокомандующим Внутренней армией, было сделано для его семьи и друзей. Пятьдесят или шестьдесят тысяч франков, *ассигнации* и платья достаются его матери и сестрам; Жозеф получает должность консула; в Париже в его распоряжении “кров, стол и экипаж”; Луи произведен в лейтенанты и его адъютанты; Люсьен назначен военным комиссаром; Жюно и Мармон зачислены в его штат. Он никого не забывает. На следующий же день после 13-й Вандеи, когда его заботы и волнения были многочисленными и интенсивными, он был у Пермонов, где только что умер месье Пермон. “Он был как сын, брат”. Вскоре он попытался изменить это отношение, стремясь жениться на прекрасной вдове Пермон. Когда она весело рассмеялась при этой мысли, поскольку была на много лет старше его, он ответил, что возраст его жены ему безразличен, пока она не *выглядит старше тридцати*.

Перемена в самом Бонапарте была огромной. До этого времени он ходил по Парижу “неуклюжим и нескладным образом, в потертой круглой шляпе, надвинутой на глаза, с кудрями (известными в то время как *орейль де шьен*), плохо напудренными и плохо причесанными и спадавшими на воротник стального серого пальто, которое с тех пор стало таким знаменитым; его руки, длинные, тонкие и черные, были без перчаток, потому что, по его словам, они были ненужной тратой; на ногах были плохо сшитые и

нечищенные ботинки”. Большинство людей видели в нем только то, что месье де Понтекулан, который принял его в Военное министерство, увидел при их первом собеседовании: “Молодого человека с бледным лицом, опущенными плечами и слабым и болезненным видом”.

Но теперь, поселившись в элегантном *отеле*, разъезжая в собственном экипаже, заботясь о своей персоне, встречаемый в каждом *салоне*, куда ему хотелось попасть, молодой главнокомандующий изменился. Успех имел к этому большое отношение; любовь, возможно, имела большее значение.

ГЛАВА IV

НАПОЛЕОНА УХАЖИВАНИЯ И БРАКА—ПРЕДАННОСТЬ ЖОЗЕФИНА

За пять месяцев, проведенных в Париже перед 13-й вандейской, бонапарт кое-что повидал в обществе. Одной интересной компанией, к которой он часто присоединялся, была компания, собиравшаяся вокруг мадам Пермон в отеле на улице Фий Сен-Тома. Эта мадам Пермон была той самой, у которой он часто укрывался в те дни, когда учился в военной школе Парижа, и которую он посетил позже, в 1792 году, когда задержался в городе в надежде получить место в армии. В этот последний раз он даже разоблачил себя, чтобы помочь ей и ее мужу спастись от ярости террористов и бежать из города. Мадам Пермон вернулась в Париж весной 1795 года на несколько недель, и вокруг нее, как и до Террора, собралось множество ее старых друзей, в том числе Бонапарт.

Другим домом — и совершенно иного характера, — в котором его приняли, был дом Барраса. 9-й Термидор, как называют падение Робеспьера, освободил Париж от напряжения ужаса, настолько сильного, что в ответ он на какое-то время впал в неистовство. В этот период упадка Баррас был сувереном. Эпикурейец по натуре, обладавший вкусами, культурой и пороками старого *режима*, он лучше, чем кто-либо в правительстве, подходил для создания и руководства распутным и роскошным обществом. В эту компанию был введен Наполеон, и он не раз выражал Жозефу свое удивление тем оборотом, который приняли дела в Париже.

“Искатели удовольствий появились снова и забыли, или, скорее, помнят только как сон, что они когда-либо переставали сиять. Открыты библиотеки, и лекции по истории, химии, астрономии и т.д. сменяют друг друга. Делается все, чтобы развлечь и сделать жизнь приятной. У человека нет времени на размышления; да и как можно быть мрачным в этом деловом вихре? Женщины повсюду — в театрах, на прогулках, в библиотеках. Изучая *ученых*, вы встречаете очаровательных людей. Только здесь, из всех мест в мире, они заслуживают того, чтобы стоять у руля. Мужчины сходят по ним с ума, думают только о них, живут только ими и для них. Женщине не нужно оставаться в Париже более шести месяцев, чтобы узнать, что ей причитается и в чем заключается ее империя.... Эта великая нация посвятила себя удовольствиям, танцам и театрам, и женщины стали основным занятием. Легкость, роскошь и *бон тон* вернули себе трон; Ужас вспоминается только как сон”.

Бонапарт принимал участие в веселье своих новых друзей и вскоре был в хороших отношениях с большинством женщин, посещавших *салон* Барраса, даже с самой влиятельной из них, знаменитой мадам Тальен, великой красавицей Директории.

Среди женщин, которых он встретил в *салоне* мадам Тальен и в собственном доме Барраса, была виконтесса де Богарне (*урожденная* Ташер де ла Пажери), вдова маркиза де Богарне, гильотинированного 5 термидора 1794 года. На момент смерти маркиза его жена находилась в заключении. Вскоре после этого ее освободили, и она стала близкой подругой мадам Тальен. Все окружение мадам Тальен действительно было привязано к Жозефине де Богарне, а с Баррасом она была в близких отношениях, что породило множество сплетен. Не имея состояния, имея двоих детей на содержании, все еще дрожа при воспоминании о своем заключении, ленивая и тщеславная, нет ничего удивительного в том, что Жозефина поддалась удовольствиям общества, которое спасло ее от тюрьмы и

которое теперь распахнуло перед ней свои объятия, и в том, что она приняла защиту могущественного режиссера Барраса. Она, несомненно, была одной из постоянных *завсегдатаев* его дома и каждую неделю ухаживала за ним в своем маленьком домике в Круасси, в нескольких милях от Парижа. Барон Паскье, впоследствии один из членов Государственного совета Наполеона, в то время жил в бедности в Круасси - и был соседом Жозефины. В своих “Мемуарах” он оставил абзац о веселых прогулках, которые устраивали там Баррас и его друзья.

“Ее дом был рядом с нашим”, - говорит Паскье. В то время она выходила нечасто, редко чаще раза в неделю, чтобы встретить Барраса и отряд, который всегда следовал за ним. С раннего утра мы увидели, как прибывают корзины с продуктами. Затем конные *жандармы* начали разъезжать по маршруту Нантерр-Круасси, поскольку молодой режиссер обычно приезжал верхом.

Дом мадам де Богарне, как это часто бывает у креолов, выглядел роскошно; но, если отбросить излишества, отсутствовало самое необходимое. Птицы, дичь, редкие фрукты были свалены в кучу на кухне (это было время нашего сильнейшего голода), и была такая нехватка сковородок для тушения, стаканов и тарелок, что им приходилось приходить и занимать из наших небогатых запасов”.

В Жозефине де Богарне было многое, что могло завоевать расположение такого человека, как Баррас. Креолка в расцвете юности — Жозефине было тридцать два года в 1795 году — она обладала грацией, нежностью, обаянием, которые заставляли забывать, что она некрасива, даже когда рядом с ней были такие блестящие женщины, как мадам Тальен и мадам Рекамье. Невозможно было удивить ее позой, которая не была бы грациозной. Она никогда не была взъерошенной или раздражительной. По натуре она была воплощением легкости и покоя. Виконтесса де Богарне, достаточно искусная, чтобы одеваться в простые облегающие вещи, которые идеально гармонировали с ее стилем, и достаточно искусная, чтобы использовать искусство туалета, чтобы скрыть недостатки, появившиеся из-за ухода и возраста, в целом была одной из самых очаровательных женщин в окружении мадам Тальен.

БОНАПАРТ, ГЕНЕРАЛ АРМИИ В ИТАЛИИ.

Гипсовый профиль. Работы Дэвида д'Анже. Коллекция месье Поля ле Ру. Этот энергичный профиль представляет значительный художественный и иконографический интерес. Это первый грубый слепок лица Бонапарта на фронте парижского пантеона. Несколько месяцев назад барон Ларрей рассказал мне интересный анекдот, касающийся этой статуи. Барону, сыну главного хирурга Наполеона I и самому бывшему военному хирургу Наполеона III, оказавшемуся с императором в шалонском лагере, пришла в голову благородная идея попытаться спасти фронтон Пантеона, который в то время собирался быть разрушенным, чтобы удовлетворить архиепископа Парижского, который с живым неудовольствием рассматривал изображение Вольтера на фасаде здания, недавно посвященного религии. За столом императора барон Х. Ларрей ловко перевел разговор на Дэвида и, к его удивлению, сообщил государю, что на этом фронтоне можно увидеть самое гордое изображение Наполеона. Бонапарт, по сути, представлен как захватчик для себя корон, раздаваемых Отечеством, в то время как другие персонажи получают их. Услышав это, Наполеон III. воцарилось молчание, но на следующий день был отдан приказ уважать фронтон. Гипсовый слепок, который я здесь воспроизвожу, подписан *Дж. Дэвидом* и датируется 1836 годом. Фронтон Пантеона был открыт в 1837 году.—А. Д.

Доброта сердца Жозефины, несомненно, завоевала ей столько же друзей, сколько и ее светлость. Все, кто хоть немного знал ее, говорили, что она мягкая, отзывчивая и отзывчивая. Все, кроме, возможно, семьи Бонапартов, которые никогда не заботились о ней и которых она никогда не пыталась завоевать. Люсьен, действительно, рисует ее портрет в своих “Мемуарах”, который, если бы его можно было рассматривать непредвзято, отнял бы у нее большую часть ее очарования:

“Жозефина не была неприятной, или, возможно, мне лучше сказать, *все утверждали, что она была очень хорошей*; но это было особенно тогда, когда доброта не стоила ей никаких жертв.... У нее было очень мало ума и совсем не было красоты, но в ее фигуре была некая креольская гибкость. Она утратила всю естественную свежесть цвета лица, но искусство туалета компенсировало это при свете свечей.... В блестящих труппах Директории, куда Баррас оказал мне честь, пригласив меня, она едва привлекала мое внимание, такой старой она казалась мне и такой неполноценной по сравнению с другими красавицами, которые обычно составляли двор сладострастных Директоров, и среди которых прекрасная Тальен была истинной Калипсо”.

Но если Люсьена не привлекала Жозефина, то Наполеона привлекла с самого начала; и когда однажды мадам де Богарне сказала ему несколько лестных слов о его военном таланте, он был совершенно опьянен ее похвалами, повсюду следовал за ней и безумно влюбился в нее; но из-за ее положения, элегантности, влияния она казалась ему недоступной, и к тому же он искал жену в другом месте. Когда он впервые познакомился с ней, он думал о Дезире Клари; и он был знаком с Жозефиной некоторое время, когда добивался руки вдовы Пермон.

Хотя он и не осмеливался признаться ей в любви, все его окружение знало об этом, и Баррас наконец сказал ему: “Тебе следует жениться на мадам де Богарне. У вас есть положение и таланты, которые обеспечат продвижение по службе; но вы изолированы, без состояния и без родственников. Тебе следует жениться; это придает вес”, - и он попросил разрешения обсудить этот роман.

Жозефина была огорчена. Баррас был ее защитником. Она почувствовала мудрость его совета, но Наполеон напугал и утомил ее неистовством своей любви. Несмотря на свои сомнения, она наконец уступила, и 9 марта 1796 года они поженились. Незадолго до этого Наполеон был назначен главнокомандующим итальянской армией, а два дня спустя он оставил жену ради своего поста.

С каждой станции на своем пути он писал ей страстные письма:

“Каждое мгновение уводит меня все дальше от тебя, и с каждым мгновением я чувствую, что не могу быть вдали от тебя. Ты постоянно в моих мыслях; мое воображение утомляется, пытаюсь представить, что ты делаешь. Если я представляю тебя грустной, мое сердце сжимается, и мое горе усиливается. Если вы счастливы и веселитесь со своими друзьями, я виню вас за то, что вы так скоро забыли о мучительной трехдневной разлуке; в этом случае вы

легкомысленны и лишены глубоких чувств. Как видишь, мне трудно угодить; но, моя дорогая, совсем другое дело, когда я боюсь, что у тебя плохое самочувствие или что у тебя есть какие-то причины для грусти; тогда я сожалею о той скорости, с которой я разлучаюсь со своей любовью. Я уверен, что вы больше не испытываете ко мне никаких добрых чувств, и я могу быть удовлетворен только тогда, когда услышу, что у вас все идет хорошо. Когда кто-нибудь спрашивает меня, хорошо ли я выспался, я чувствую, что не могу ответить, пока гонец не принесет мне известие, что вы хорошо отдохнули. Болезни и гнев людей влияют на меня лишь постольку, поскольку я думаю, что они могут повлиять на вас. Пусть мой добрый гений, который всегда защищал меня среди больших опасностей, хранит и оберегает вас! Я с радостью избавлюсь от него. Ах! не будь счастлив, но будь немного меланхоличен и, прежде всего, не допускай печали в свой разум и болезней в свое тело. Ты помнишь, что говорит об этом Оссиан. Напиши мне, моя милая, хорошее длинное письмо и прими тысячу и один поцелуй от своего лучшего и любящего друга”.

Прибыв в Италию, он написал:

“Я получил все твои письма, но ни одно не произвело на меня такого впечатления, как последнее. Как ты можешь думать, моя дорогая любовь, писать мне таким образом? Вы не верите, что мое положение и так достаточно жестоко, не усугубля моих сожалений и не терзая мою душу? Что за стиль! Что за чувства вы описываете! Это как огонь; это сжигает мое бедное сердце. Моя единственная Джозефина, вдали от тебя нет счастья; вдали от тебя мир - это пустыня, в которой я стою один, без шанса вкусить восхитительную радость от излияния своего сердца. Ты отнял у меня больше, чем мою душу; ты - единственная мысль в моей жизни. Если я измучена всеми муками событий и боюсь исхода, если мужчины вызывают у меня отвращение, если я готова проклинать жизнь, я кладу руку на сердце; твой образ бьется там. Я смотрю на это, и любовь для меня - совершенное счастье; и все улыбается, за исключением того момента, когда я вижу себя вдали от своей любви. С помощью какого искусства ты научился пленять все мои способности, концентрировать все мое существо в себе? Жить для Джозефины! Это история моей жизни. Я делаю все, чтобы добраться до тебя; я умираю от желания присоединиться к тебе. Глупец! Неужели я не вижу, что удаляюсь от тебя все дальше? Сколько земель и стран разделяет нас! Как скоро ты прочтешь эти слова, которые лишь слабо выражают чувства сердца, которым ты правишь!..”

“Не беспокойся; люби меня, как свои глаза — но этого недостаточно — как самого себя; больше, чем себя, чем свои мысли, свой разум, свою жизнь, все твое. Но прости меня, я брежу. Природа слаба, когда любишь....”

“Я получил письмо, которое вы прерываете, чтобы уехать, по вашим словам, в деревню; а потом притворяетесь, что завидуете мне, такой измученной работой и переутомлением. О, моя дорогая!... Конечно, я не права. Ранней весной местность прекрасна; и тогда девятнадцатилетний любовник, без сомнения, был там. Мысль о том, чтобы потратить еще одно мгновение на письмо человеку, находящемуся за триста лиг отсюда, который живет, переезжает, существует только в памяти о тебе; который читает твои письма, как человек поглощает свои любимые блюда после шестичасовой охоты!”

ЖЮНО (1771-1813).

ГЛАВА V

ПЕРВАЯ ИТАЛЬЯНСКАЯ КАМПАНИЯ — СПОСОБ ВЕДЕНИЯ ВОЙНЫ НАПОЛЕОНОМ

Вно у Наполеона было много дел, помимо разлуки с Жозефиной. Чрезвычайные трудности окружали его новый пост. Ни генералы, ни солдаты ничего не знали о своем новом командующем. “Кто такой этот генерал Бонапарт? Где он служил? Никто ничего о нем не знает”, - написал отец Жюно, когда тот в Тулоне решил последовать примеру своего командующего артиллерией.

В Итальянской армии задавались те же вопросы, и Директория могла ответить только так, как это сделал Жюно: “Насколько я могу судить, он один из тех людей, на которых природа скупа и которых она допускает на землю только из века в век”.

Он должен был заменить главнокомандующего, который насмехался над его планами относительно итальянской кампании и от которого можно было ожидать, что он будет чинить препятствия на его пути. Он должен был взять с собой армию, которая находилась на последней стадии нищеты и уныния. Их одежда была в лохмотьях. Даже офицеры были настолько босиком, что, когда они добрались до Милана и один из них был приглашен на обед во дворец маркизы, ему пришлось идти в ботинках без подошвы, подвязанных шнурками, тщательно затемненными. Провизии у них было всего на месяц, и то половинным пайком. Пьемонтцы называли их “героями тряпья”.

Хуже их бедности было их бездействие. “В течение трех лет они стреляли из своих орудий в Италии только потому, что шла война, а не с какой—то особой целью - только для того, чтобы успокоить свою совесть”. Недовольство было таким, что контрреволюция набирала силу с каждым днем. Одна рота даже взяла название “Дофин”, и в лагере звучали роялистские песни.

Наполеон с первого взгляда увидел все эти трудности и решил их преодолеть. Со своими генералами он был сдержан и суров. “Это было необходимо,” объяснял он позже, “чтобы командовать людьми намного старше меня”. Его взгляд и осанка подавляли неповиновение, сдерживали фамильярность, даже внушали страх. “С момента своего прибытия,” говорит Мармон, - он вел себя как человек, рожденный для власти. Даже наименее проницательному взгляду было ясно, что он знал, как добиться повиновения, и едва ли он был у власти, как к нему можно было применить строчку знаменитого поэта:

“Des egaux? dès longtemps Mahomet n’en a plus.”

Генерал Декре, хорошо знавший Наполеона по Парижу, услышав, что он собирается проехать через Тулон, где он находился, предложил представить своих товарищей. “Я бегу, - говорит он, - полный рвения и радости; *салон* открывается; я собираюсь броситься вперед, когда позы, взгляда, звука его голоса достаточно, чтобы остановить меня. В нем не было ничего грубого, но и этого было достаточно. С того времени у меня никогда не возникало соблазна переступить черту, которая была для меня очерчена”.

Лавалетт говорит о своей первой беседе с ним: “Он выглядел слабым, но его взгляд был таким твердым и пристальным, что я почувствовал, как бледнею, когда он заговорил со мной”. Ожеро едет к нему в Альбенгу, полный презрения к этому любимцу Барраса,

который никогда не знал действия, настроенный на неподчинение. Выходит Бонапарт, маленький, худой, скруглыми плечами, и отдает Ожеро, гиганту среди генералов, приказы. Здоровяк в ужасе пятится. “Он напугал меня”, - говорит он Массене. “Его первый взгляд поразил меня”.

Он подавлял неповиновение в рядах быстрым и суровым наказанием, но неповиновение длилось недолго. Армия не просила ничего, кроме действий, и они сразу поняли, что им следует двигаться. Он прибыл на свой пост 22 марта; девятнадцать дней спустя начались боевые действия.

Театр военных действий проходил вдоль той части приморских Альп, которая проходит параллельно морю. Бонапарт удерживал побережье и горы; а к северу, в предгорьях, простиравшихся от Тенде до Генуи, находились австрийцы и их сардинские союзники. Хотя французы уступали в численности на целых десять тысяч человек, их положение было тем сильнее, что противник был рассеян по холмистой местности, где было трудно объединить их дивизии.

Когда Бонапарт встретился лицом к лицу со своим врагом, это было с юношеским пылом и предвкушением, которые объясняют многое из того, что последует дальше. “Две армии пришли в движение,” писал он Жозефине, “каждая пытается перехитрить другую. Более умелый добьется успеха. Я очень доволен Болье. Он очень хорошо маневрирует и превосходит своего предшественника. Я надеюсь, что выбью из него дух”.

Первым шагом в кампании была искусная стратегия. Он распустил слухи, которые заставили Болье заподозрить, что тот намеревается двинуться на Геную, и он развернул свои войска в этом направлении. Австриец воспринял этот обманный маневр как настоящее движение и двинулся левым флангом к морю, чтобы отрезать продвижение французов. Но Бонапарт не шел маршем на Геную, и, быстро собрав свои силы, 12 апреля он обрушился на австрийскую армию при Монтенотте и разгромил ее. Правые и левые части союзников были разделены, а центр разбит.

Серией хитроумных финтов Бонапарт помешал различным дивизиям противника вновь усилить друг друга и вынудил их сражаться по отдельности. При Миллезимо 14-го он разгромил одну часть; в тот же день при Дего - другую; на следующее утро близ Дего - еще одну. Австрийцы были отброшены назад, но их сардинские союзники все еще находились в Севе. Теперь Бонапарт повернулся к ним и, изгнав их из лагеря, разбил при Мондови 22-го числа.

В Италии это было феноменально. За десять дней “тряпичные герои”, над которыми они насмехались в течение трех лет, разгромили две сытые армии, на десять тысяч превосходящие их самих, и в любой момент могли двинуться на Турин. Сардинцы запросили мира.

Победа была столь же ошеломляющей для французов, сколь и ужасающей для врага, и Наполеон использовал ее, чтобы побудить свою армию к новым завоеваниям.

“Солдаты! - сказал он, - за пятнадцать дней вы одержали шесть побед, захватили двадцать один знамя, пятьдесят пять пушек и несколько крепостей и завоевали богатейшую часть Пьемонта. Вы взяли в плен полторы тысячи человек и убили или ранили десять тысяч человек.

Однако до сих пор вы сражались за бесплодные скалы, запомнившиеся вашей доблестью, но бесполезные для нации. Ваши подвиги теперь равны подвигам армий-завоевателей Голландии и Рейна. Вы были совершенно обездолены и обеспечили все свои нужды. Вы выигрывали сражения без пушек, переходили реки без мостов, совершали форсированные марши без обуви, разбивали биваки без бренди, а часто и без хлеба. Никто, кроме республиканской фаланги — солдат свободы, — не смог бы вынести того, что пережили вы. За это вам благодарна ваша страна.

“Две армии, которые недавно атаковали вас в полной уверенности, теперь в ужасе разбегаются перед вами.... Но, солдаты, не следует скрывать, что вы ничего не сделали, поскольку остается еще кое-что сделать. Ни Турин, ни Милан не наши.... Величайшие трудности, без сомнения, преодолены; но вам еще предстоит сражаться, брать города, форсировать реки...”

Не менее искусный в дипломатии, чем в бою, Бонапарт под свою ответственность заключил перемирие с сардинцами, по которому ему оставалось сражаться только с австрийцами, и сразу же отправился преследовать Болье, бежавшего за По.

Так же ловко, как три недели назад он заставил Болье поверить, что собирается выступить маршем на Геную, теперь он обманывает его относительно места, где он предполагает переправиться через По, заставляя его поверить, что это в Валенце. Убедившись, что Болье положил глаз на этот пункт, Бонапарт быстро двинулся вниз по реке и переправился у Плацентии. Если бы при переходе не произошла непредвиденная задержка, он оказался бы в австрийском тылу. Как бы то ни было, Болье встревожился и после небольшого сопротивления французскому наступлению отвел основную часть своей армии за Адду, оставив в Лоди всего двенадцать тысяч человек.

Бонапарт ликовал. “Мы пересекли По”, - писал он директории. “Вторая кампания началась. Болье в замешательстве; он просчитывается и постоянно попадает в расставленные мной ловушки. Возможно, он хочет дать бой, поскольку у него есть и смелость, и энергия, но нет гениальности.... Еще одна победа, и мы станем хозяевами Италии”.

Полный решимости не оставлять за собой врагов, Бонапарт выступил против двенадцати тысяч человек в Лоди. Город, лежавший на правом берегу Адды, охранялся небольшим отрядом австрийцев; но основная масса противника находилась на левом берегу, в конце моста длиной около трехсот пятидесяти футов, и контролировалась десятком или более пушек.

Ворвавшись в город 10 мая, французы вытеснили силы охраны и прибыли к мосту прежде, чем австрийцы успели его разрушить. Французские гренадеры сплошной массой устремились вперед, но, пройдя половину пути, пушки на противоположном конце обрушили на них такой шквал выстрелов, что колонна дрогнула и отступила. Несколько генералов в строю во главе с Бонапартом бросились в переднюю часть отряда. Присутствия офицеров было достаточно, чтобы вдохновить солдат, и они пронеслись по мосту с такой стремительностью, что австрийская линия на противоположном берегу позволила захватить свои батареи и через несколько мгновений была отступлена. “Из всех действий, в которых участвовали солдаты под моим командованием, - писал Бонапарт Директории, - ни одно не могло сравниться с грандиозным переходом моста в Лоди. Если мы потеряли всего несколько солдат, то это было просто из-за стремительности наших атак и эффекта, произведенного на врага мощным огнем нашей непобедимой армии. Если бы я назвал всех офицеров, отличившихся в этом деле, я был бы вынужден перечислить каждого *карабинера* авангарда и почти каждого офицера штаба”.

Австрийцы теперь отступили за Минчо, и 15 мая французы вошли в Милан. Население приветствовало своих завоевателей как освободителей, и в течение нескольких дней армия наслаждалась удобствами, которых не знала годами. Пока это *праздновалось*, Бонапарт учреждал Ломбардскую республику и пытался примирить или перехитрить, в зависимости от обстоятельств, дворян и духовенство, возмущенных внедрением французских идей. Только в конце мая Ломбардия оказалась в ситуации, позволяющей Бонапарту последовать за австрийцами.

После Лоди Болье повел свою армию к Минчо. Как обычно, его силы были разделены: правые находились у озера Гарда, левые - у Мантуи, центр - примерно на полпути между ними, в Валеджо. Именно в этот последний момент Бонапарт решил напасть на них. Притворившись, что идет справа от них, он дождался, пока его противник попадет в ловушку, а затем бросился на ослабленный центр, разбил его вдребезги и, вытеснив всех, кроме двенадцати тысяч человек, бежал в Мантую, в Тироле. За пятьдесят дней он изгнал из Италии всех, кроме остатков австрийцев. Две недели спустя, заняв сильную позицию на реке Адидже, он начал осаду Мантуи.

Французы одержали победу, но их положение было шатким. Австрия готовила новую армию. Между победителями и Францией находилось несколько слабых итальянских правительств, на дружбу которых нельзя было положиться. Население этих штатов благоволило французам, поскольку они обещали либеральное правительство, равенство и братство. Знать и духовенство ненавидели их по той же причине. Было очевидно, что победа австрийцев заставит всех этих мелких князьков наступать на пятки Бонапарту. Папские государства на юге готовили заговор. Неаполь был союзником Австрии. Венеция сохраняла нейтралитет, но доверять ей было нельзя. Англичане находились у побережья и в любой момент могли заключить союз, который привел бы к появлению грозного врага в тылу Франции.

Ожидая прибытия новой австрийской армии, Бонапарт решил уменьшить эти опасности. Он заключил мир с Неаполем. Две дивизии армии были отправлены на юг, одна в Болонью, другая в Тоскану. Народ встретил французов с такой радостью, что Рим был рад купить мир. Ливорно был взят. Недовольных в Милане заставили замолчать. К тому времени, когда свежая шестидесятитысячная австрийская армия под командованием нового генерала Вурмзера была готова к бою, Италия была фактически усмирена.

Австрийцы двинулись против французов тремя колоннами: по одной к западу от озера Гарда под командованием Квасдановича, по одной с каждой стороны Адидже, к востоку от озера, под командованием Вурмсера. Их план состоял в том, чтобы атаковать французские аванпосты по обе стороны озера одновременно, а затем окружить армию. Первые действия были успешными. Французы по обе стороны озера были отброшены. Армия Бонапарта уступала той, что выступала против него, но мастерство, с которым он управлялся со своими силами и использовал промахи противника, с лихвой компенсировало недостаток численности. Сняв осаду Мантуи, он сосредоточил свои силы к югу от озера таким образом, чтобы предотвратить воссоединение австрийцев. Затем с беспрецедентной быстротой он обрушился на врага по частям. Везде, где он мог вступить в бой с дивизией, он делал это при условии, что его собственные силы превосходили силы австрийцев на момент сражения. Таким образом, 31 июля при Лонато он разбил Квасдановича, хотя и не так решительно, но австриец собрал свою дивизию и вернулся в то же место, надеясь соединиться там с Вурмсером, который по глупости разделил свои дивизии, отправив одну в Лонато, а другую в Кастильоне, в то время как сам отправился в Мантую, чтобы сменить тамошний гарнизон. Бонапарт вступил в бой с войсками при Лонато и Кастильоне в один и тот же день (3 августа), разгромив их обоих, а затем повернул всю свою армию против австрийцев под командованием Вурмзера, который к тому времени вернулся из своей спасательной экспедиции в Мантуе. 5 августа при Кастильоне Вурмсер был разбит, его оттеснили через Минчо в глубь Тироля. Через шесть дней кампания была завершена. "Австрийская армия исчезла, как сон", - писал Бонапарт домой.

Это правда, что он исчез, но только на день. Вскоре были отправлены подкрепления, и в начале сентября началась новая кампания. Оставив Давидовича в Тироле с двадцатью

тысячами человек, Вурмсер двинулся вниз по Бренте с двадцатью шестью тысячами человек, намереваясь ударить в тыл Бонапарту, разрезать его на куски и освободить Мантую. Но на этот раз у Бонапарта был свой план, и, не дожидаясь выяснения, куда направляется Вурмсер, он двинулся вверх по Адидже, намереваясь атаковать австрийцев в Тироле и присоединиться к рейнской армии, а затем к верховьям Дуная. Так получилось, что план Вурмсера оказался удачным для Бонапарта. Французы обнаружили, что им противостоит менее половины австрийской армии, и, после того как они разбили ее, обнаружили, что фактически находятся в тылу у другой половины. Конечно, Бонапарт не упустил возможности. Он помчался вниз по Бренте следом за Вурмсером, догнал его в Бассано 8 сентября и, конечно же, победил. Австрийцы бежали в ужасном состоянии деморализации. Вурмсеру удалось добраться до Мантуи, где он соединился с гарнизоном. Крепкий старый австриец имел мужество, несмотря на свои потери, выступить из Мантуи и встретиться с Бонапартом 15-го числа, но он снова потерпел поражение и был вынужден укрыться в крепости. Если австрийцы неоднократно терпели поражение, они и не думали уступать, и, по-видимому, были все основания продолжать борьбу. Французская армия находилась в самом отчаянном положении. Его численность сократилась едва ли до сорока тысяч, и это число плохо снабжалось, и многие из них были больны. Несмотря на то, что армейские подрядчики жили в богатейшей стране, алчность и нечестность были таковы, что еда доставлялась солдатам наполовину испорченной и в недостаточных количествах, в то время как поставляемая одежда была совершенно дрянной. Многие офицеры были уволены из-за ран или переутомления; те, кто остался на своих постах, были обескуражены и угрожали уйти в отставку. Директория вмешивалась в перемирия и договоры Бонапарта до тех пор, пока Неаполь и Рим не были готовы напасть на французов; а Венеция, если и не была открыто враждебна, то во многих отношениях раздражала армию.

Бонапарт, столкнувшись с этими трудностями, был в неподдельном отчаянии:

“В Италии все испорчено”, - писал он Директории. “Престиж наших вооруженных сил теряется. Необходима политика, которая даст вам друзей как среди князей, так и среди народа. Уменьшите количество ваших врагов. Влияние Рима не поддается исчислению. Было большой ошибкой ссориться с этой властью. Если бы со мной посоветовались, я бы отложил переговоры, как я сделал с Генуей и Венецией. Всякий раз, когда ваш генерал в Италии не является центром событий, вы подвергаетесь большому риску. Это высказывание не из честолюбия; просто у меня слишком много почестей, и мое здоровье настолько подорвано, что, думаю, я буду вынужден потребовать преемника. Я больше не могу ездить верхом. Остается только мое мужество, а его недостаточно в подобном положении”.

“BONAPARTE A LA BATAILLE D'ARCOLE, LE 27 BRUMAIRE, AN V.”

Именно в такой ситуации Бонапарт увидел австрийские силы под Мантуей, увеличенные до пятидесяти тысяч человек, и нового главнокомандующего Альвинци, поставленного во главе их. Австрийцы наступали двумя дивизиями, одна вниз по Адидже, другая по Бренте. Французская дивизия, встретившая врага у Трента и Бассано, была отброшена назад. Несмотря на все свои усилия, Бонапарт был вынужден отступить со своей основной армией в Верону. Положение выглядело серьезным. Альвинци приближался к Вероне, а армия на реке Адидже медленно оттесняла французскую дивизию, посланную сдерживать ее. Если бы Давидович и Алвинци объединились, Бонапарт был бы потерян.

“Возможно, мы на грани потери Италии”, - писал Бонапарт Директории. “Через несколько дней мы предпримем последнее усилие”. 14 ноября была предпринята эта последняя попытка. Альвинци приблизился к Вероне, удерживая позицию, со всех сторон окруженную реками и горами, из которой был только один выход - узкий проход у него в тылу. Французы были в Вероне.

Ночью 14 ноября Бонапарт спокойно вернулся в лагерь. Ранним вечером он отдал приказ покинуть Верону и двинулся по дороге на запад. Это выглядело как отступление. Французская армия поверила, что это так, и начала с грустью говорить между собой, что Италия потеряна. Оказавшись достаточно далеко от Вероны, чтобы скрыться от внимания противника, Бонапарт повернул на юго-восток. Утром 15-го он пересек Адидже, намереваясь, если возможно, достичь ущелья, по которому только Алвинци мог бы покинуть свои позиции. Местность, по которой двинулась маршем его армия, представляла собой болото, пересеченное двумя дамбами. Пунктами, которые необходимо было занять, чтобы овладеть дефилом, были город Аркола и мост через быстрый ручей, на котором лежал город. Австрийцы разгадали этот план и поспешили отвоевать Арколу и мост. Весь день две армии отчаянно сражались, Бонапарт и его генералы шли во главе своих колонн и выполняли работу простых солдат. Но ночью Аркола не была взята, и французы отступили на правый берег Адидже только для того, чтобы вернуться 16-го, чтобы восстановить Альвинци, который, опасаясь, что его отступление будет отрезано, отвел свою армию из-под Вероны и занял позицию в Арколе. В течение двух дней французы боролись с австрийцами, вырвав у них победу до конца 17-го числа и отправив их в бегство в направлении Бассано. Бонапарт и его армия вернулись

в Верону, но на этот раз через ворота, которые австрийцы тремя днями ранее указали как место, куда они должны были войти.

Прошло полтора месяца, прежде чем австрийцы смогли собрать пятую армию для отправки против французов. Бонапарт, со всех сторон измученный угрозой восстания в Италии, которому противостояла Директория, желавшая заключить мир, и удрученный состоянием своей армии, неустанно работал над укреплением своих связей, успокоением своих врагов и восстановлением своей армии. Когда в январе 1797 года австрийцы численностью около сорока пяти тысяч человек выступили против него, у него было около тридцати пяти тысяч человек, готовых встретить их. Около десяти тысяч человек из его армии наблюдали за тем, как Вурмсер и двадцать тысяч австрийцев заперлись в Мантуе.

Альвинци умело спланировал свою атаку. Продвигаясь с двадцатью восемью тысячами человек к Адидже, он послал семнадцать тысяч под командованием Проверы подойти к Вероне с востока. Обе дивизии должны были скрытно приблизиться и нанести удар одновременно.

Сначала Бонапарт не был уверен в расположении основных сил противника. Посылая разведку во всех направлениях, он убедился, что, должно быть, они приближаются к Риволи. Оставив войска в Вероне для сдерживания Проверы, он за одну ночь сосредоточил свою армию на плато Риволи, а утром 14 января перешел в атаку. Битва при Риволи длилась два дня. В ней победила только виртуозная тактика Бонапарта, поскольку перевес был сильно против него. Его победа, однако, была полной. Из двадцати восьми тысяч австрийцев, выведенных на поле боя, сбежало менее половины.

Пока шло сражение, Бонапарт также руководил сражением с Провера, который намеревался достичь Мантуи и атаковать французских осаждающих с тыла, в то время как Вурмсер покинул город и атаковал их с фронта. Атака началась, но Бонапарт предвидел это движение и послал дивизию на помощь своим людям. Это сражение, известное как "Фаворита", уничтожило дивизию Проверы австрийской армии и настолько обескуражило Вурмзера, чья армия была сильно ослаблена болезнями и голодом, что он сдался 2 февраля.

Австрийцы были полностью изгнаны из Италии, но у Бонапарта не было времени на отдых. Папская область и различные аристократические партии южной Италии угрожали восстанием против французов. Дух независимости и восстания, который захватчики вносили в страну, не мог не ослабить клерикальные и монархические институты. Активный враг на юге был бы серьезной помехой для Наполеона, и он двинулся маршем в Папскую область. Двух недель было достаточно, чтобы заставить замолчать угрозы его врагов, и 19 февраля 1797 года он подписал с папой римским Толентинский мирный договор. Как только был заключен мир, он снова выступил против австрийцев.

Когда пала Мантуя и Австрия увидела, что ее изгнали из Италии, она призвала с Рейна своего самого способного генерала, эрцгерцога Карла, и дала ему армию численностью более ста тысяч человек, чтобы он повел ее против Бонапарта. Французы были усилены примерно до семидесяти тысяч человек, и хотя для поддержания спокойствия в Италии требовалось двадцать тысяч, у Бонапарта была прекрасная армия, и он уверенно повел ее навстречу основным силам противника, которые были отправлены на юг для защиты Триеста. В начале марта он пересек реку Тальяменто и в серии боев, в которых неизменно добивался успеха, шаг за шагом оттеснял своего противника назад, пока не показалась сама Вена, а в апреле было подписано перемирие. В мае французы овладели Венецией, которая отказалась от союза с Францией и которая, по мнению Бонапарта, играла вероломную роль, и была установлена республика по французскому образцу.

Италия и Австрия, измученные и обескураженные этой "принципиальной войной", как называл ее Наполеон, наконец пошли на компромисс, и 17 октября, через год, семь месяцев и семь дней после того, как он покинул Париж, Наполеон подписал Кампо-Формийский мирный договор. По этому договору Франция получила границу по Рейну и Нидерландам до устья Шельды. Австрия получила Венецию, и из Реджо, Модены, Ломбардии и части государств папы была образована Цизальпинская республика.

Военный гений, проявленный этим двадцатисемилетним командиром в ходе кампании в Италии, приводил в замешательство его врагов и приводил в восторг друзей.

“Дела идут очень плохо”, - сказал австрийский ветеран, захваченный в Лоди. “Кажется, никто не знает, что он задумал. Французский генерал - молодой болван, который ничего не знает об обычных правилах ведения войны. Иногда он справа от нас, иногда слева; то впереди, то в тылу. Такой способ ведения войны противоречит всей системе и совершенно невыносим”.

Несомненно, что если противники Наполеона никогда не знали, что он собирается делать, если сами его генералы часто испытывали неуверенность, поскольку он обычно умалчивал о своих планах, то у него самого были определенные правила ведения войны. Наиболее важными из них были:

“Атаки должны быть не разрозненными, а концентрированными”.

“Всегда превосходите противника в момент атаки”.

“Время - это все”.

К этим сформулированным правилам он присоединил поразительную изобретательность в стратагеме. Уловка, с помощью которой в начале кампании он заманил Боле в поход на Геную, и та, с помощью которой несколько дней спустя он заставил его разместить свою армию под Валенцей, были в своем роде шедеврами.

Его сообразительность в чрезвычайных ситуациях часто спасала его от катастрофы. Таким образом, 4 августа, в разгар азарта состязания, Бонапарт отправился в Лонато, чтобы посмотреть, какие войска можно было бы оттуда привлечь. Войдя, он был очень удивлен, увидев австрийского *парламентария*, который призвал коменданта Лонато сдаться, потому что французы были окружены. Бонапарт сразу понял, что австрийцы могли быть ничем иным, как отрезанной дивизией, стремящейся к бегству; но он был смущен, так как в Лонато было всего тысяча двести человек. Послав за этим человеком, он снял повязку с его глаз и сказал ему, что, если его командир осмелится взять в плен главнокомандующего итальянской армией, он может наступать; что австрийская дивизия должна была знать, что он находится в Лонато со всей своей армией; и он добавил, что, если они не сложат оружие в течение восьми минут, он не пощадит ни одного человека. Эта дерзость спасла Бонапарта и принесла ему четыре тысячи пленных с пушками и кавалерией.

“ITALIE.”

С литографии Раффета.

Его изобретательность в военной стратегии, быстрота действий, дерзость в атаке сбили с толку и деморализовали врага, но это подняло энтузиазм его одаренных воображением южных войск до высшей точки.

В этой кампании он настаивал еще на одном правиле: “Единство командования необходимо для обеспечения успеха”. После поражения от пьемонтцев Директория приказала ему 7 мая 1796 года разделить командование с Келлерманом. Наполеон ответил:

“Я считаю крайне неполитичным разделять итальянскую армию на две части. Точно так же противоречит интересам республики ставить над ней двух разных генералов....

“Один генерал не только необходим, но и существенно важно, чтобы ничто не мешало ему в его походе и операциях. Я провел эту кампанию, ни с кем не посоветовавшись. Я не сделал бы ничего ценного, если бы был вынужден согласовывать свои планы с планами другого человека. Я получил преимущество над превосходящими силами и когда сам был лишен всего, потому что был убежден, что вы доверяете мне. Мои действия были такими же быстрыми, как и моя мысль.

“Если вы будете чинить мне всевозможные препятствия, если я должен буду сообщать о каждом шаге правительственным уполномоченным, если они имеют право изменять мои передвижения, отбирать у меня или посылать мне войска, не ждите больше никакой ценности. Если вы ослабите свои средства, разделив свои силы, если вы нарушите единство военной мысли в Италии, я с прискорбием заявляю вам, что вы потеряете счастливейшую возможность установить законы в Италии.

“При состоянии дел республики в Италии совершенно необходимо, чтобы у вас был генерал, пользующийся вашим полным доверием. Если это не я, мне жаль, но я удвою свое рвение, чтобы заслужить ваше уважение на посту, который вы мне доверяете. У каждого свой способ ведения войны. У генерала Келлерманна больше опыта, и он справится с этим лучше, чем я, но оба вместе они справятся очень плохо.

“Я могу оказывать услуги, необходимые стране, только тогда, когда полностью и безоговорочно пользуюсь вашим доверием”.

Он оставался у руля и на протяжении всей кампании продолжал действовать все более независимо от Директории, даже диктовал условия мира в свое удовольствие.

Именно в этой итальянской кампании зародилось почти суеверное обожание, которое испытывали к нему солдаты Наполеона и большинство его генералов. Блестящее полководчество было не единственной причиной этого. Во многом это было связано с его личным мужеством, которое они обнаружили в Лоди. Был отдан приказ атаковать деревянный мост, по которому стреляли тридцать пушек, а за ним была австрийская армия. Солдаты колебались. Наполеон бросился им во главе и повел их в самую гущу огня. С того дня он был известен среди них как “Маленький капрал”. Он завоевал их качеством, которое больше всего нравится солдату в строю — презрением к смерти. Их преданность ему была такова, что они с радостью рисковали своими жизнями, если видели, что он в опасности. В битве при Арколе было несколько таких случаев. В первый же день, когда Бонапарт начал наступление, его адъютант полковник Мюиرون увидел, что ему угрожает неминуемая опасность. Бросившись перед Бонапартом, полковник закрыл его своим телом, получив рану, которая предназначалась генералу. Кровь храброго парня брызнула в лицо Бонапарту. Он буквально отдал свою жизнь, чтобы спасти жизнь своего командира. В тот же день, в последней попытке взять Арколу, Бонапарт схватил флаг, ворвался на мост и водрузил его там. Его колонна достигла середины моста, но там была разбита фланговым огнем противника. Гренадеры, шедшие впереди, обнаружив, что они покинуты тылом, были вынуждены отступить; но, каким бы критическим ни было их положение, они отказались бросить своего генерала. Они схватили его за руки, за одежду и потащили за собой сквозь выстрелы и дым. Когда один упал раненый, другой занял его место. Сброшенный в болото, Бонапарт утонул. Враг окружал его, когда гренадеры почувствовали опасность. Раздался крик: “Вперед, солдаты, спасайте генерала!” - и они немедленно набросились на австрийцев с такой яростью, что отогнали их, вытащили своего героя и отнесли в безопасное место.

Его речи неизменно побуждали их к действию и энтузиазму. Они были ораторскими, пророческими и изобиловали фразами, которые солдаты никогда не забывали. Таков был его адрес в Милане:

“ Солдаты! вы обрушились подобно потоку с вершины Апеннин; вы отбросили назад и рассеяли всех, кто противостоял вашему походу. Пьемонт, освобожденный от австрийской тирании, поддался своему естественному чувству мира и дружелюбия по отношению к Франции. Милан ваш, и республиканский флаг развевается по всей Ломбардии, в то время как герцоги Модены и Пармы обязаны своим политическим существованием исключительно вашей щедрости. Армия, которая так высокомерно угрожала вам, не находит преград, защищающих ее от вашего мужества. Реки По, Тичино и Адда ни на один день не смогли лишить вас мужества. Этих хваленых крепостных валов Италии оказалось недостаточно. Вы преодолели их так же быстро, как очистили Апеннины. Такой большой успех принес радость в лоно вашей страны. Да, солдаты, вы хорошо поработали; но неужели вам больше нечего делать? Скажут ли о нас, что мы знали, как побеждать, но не знали, как извлечь выгоду из победы? Будут ли потомки упрекать нас в том, что мы нашли Капую в Ломбардии? Но я вижу, как вы хватаетесь за оружие; недостойный мужчины покой утомляет вас, и дни, потерянные для славы, потери для счастья.

Давайте двигаться вперед. Нам еще предстоит совершить форсированные марши, победить врагов, снискать лавры и отомстить за нанесенные обиды. Пусть трепещут те, кто точил кинжалы гражданской войны во Франции; кто, как подлецы, убивал наших министров и сжигал наши корабли в Тулоне. Час мести настал, но пусть люди будут спокойны. Мы друзья всех народов, особенно потомков Брутов, Сципионов и тех выдающихся личностей, которых мы выбрали в качестве образцов для подражания. Восстановить Капитолий, с честью заменить статуи героев, прославивших его, и пробудить римский народ, оцепеневший от стольких веков рабства, — это будет плодом ваших побед. Затем вы вернетесь в свои дома, и ваши сограждане, указывая на вас, скажут: “Он служил в итальянской армии.”

Таким было его обращение в марте, перед последней кампанией против австрийцев:

БОНАПАРТ.

Выгравировано Бартолоцци, Р.А., итальянским гравером, проживающим в Англии, по портрету Аппиани.

“Вы одержали победу в четырнадцати крупных сражениях и шестидесяти шести стычках; вы взяли сто тысяч пленных, пятьсот орудий большого калибра и две тысячи орудий меньшего калибра, четыре снаряжения для понтонов мостов. Страна кормила вас, платила вам деньги во время вашей кампании, и вы, кроме того, отправили тридцать миллионов из государственной казны в Париж. Вы обогатили Парижский музей тремя сотнями *шедевров* древней и современной Италии, на создание которых ушло тридцать веков. Вы покорили самую красивую страну Европы. Флаг Франции впервые заиграл на границах Адриатики. Короли Сардинии и Неаполя, папа римский, герцог Пармский стали союзниками. Вы изгнали англичан из Ливорно, Генуи и Корсики. Вам еще предстоит выступить против австрийского императора.

Его одобрение было для них величайшей радостью. Стоило ему сказать хвалебное слово полку, и они вышивали это на своих знаменах. “Я был спокоен, Тридцать второй был там”, - было написано на флаге этого полка. Над Пятьдесят седьмым плавало имя, которым назвал их Наполеон: “Ужасный Пятьдесят седьмой”.

Его недовольство было большим стимулом, чем одобрение. Он сказал отряду, который в беспорядке отступал: “Солдаты, вы вызвали мое неудовольствие. Вы не проявили ни храбрости, ни постоянства, но уступили позиции там, где горстка людей могла бы бросить вызов целой армии. Вы больше не французские солдаты. Пусть на их цветах будет написано: “Они больше не являются частью армии Италии”. ” Один ветеран умолял, чтобы их поместили в авангард, и в течение оставшейся части кампании ни один полк не отличился так сильно.

Влияние его гения было столь же велико на его генералов, как и на его войска. Они были ослеплены его стратегиями и маневрами, вдохновленными его воображением. “*В нем было так много будущего*”, - выразительно объясняет Мармон. Они могли поверить в него чему угодно. Замечательные люди должны были стать их последователями и друзьями — Ожеро, Массена, Бертье, Мармон, Жюно.

Народ и правительство в Париже начали верить в него, как и Армия Италии. Он присылал не только флаги и сообщения о победе; он присылал деньги и произведения искусства. Как ни бедствовала Директория, суммы, поступавшие из Италии, были причиной не вмешиваться в верховную власть молодого генерала в его кампаниях и договорах.

Никогда прежде Франция не получала таких писем от генерала. Теперь он объявляет, что отправил “двадцать первых мастеров, от Корреджо до Микеланджело”; теперь “дюжину миллионов денег”; теперь два или три миллиона драгоценностей и бриллиантов для продажи в Париже. Взамен он просит только солдат и офицеров, “у которых есть огонь и твердая решимость не делать *заученных отступлений*”.

Появление в Париже первых произведений искусства произвело глубокое впечатление на людей:

“Процессия огромных повозок, запряженных богато убранными лошадьми, была разделена на четыре части. Сначала прибыли сундуки, наполненные книгами, рукописями, ... включая антиквариат Иосифа Флавия, на папирусе, с работами, написанными рукой Галилея.... Затем последовали коллекции минеральных продуктов.... По этому случаю были добавлены повозки, груженные железными клетками со львами, тиграми, пантерами, над которыми развевались огромные пальмовые ветви и всевозможные экзотические кустарники. Затем покатились колесницы с тщательно упакованными картинами, но с названиями самых важных, написанными крупными буквами снаружи, такими как “Преображение Господне” Рафаэля; “Христос” Тициана. Число было большим, ценность - еще большей. Когда эти трофеи были вручены под аплодисменты возбужденной толпы, тяжелый грохот возвестил о приближении массивных повозок со статуями и мраморными группами: Аполлона Бельвидерского, Девяти муз, Лаокоона.... В конце концов была добавлена Венера Медичи, украшенная букетами, венками из цветов, флагами, взятыми у врага, и французскими, итальянскими и греческими надписями. Отряды кавалерии и пехоты с развевающимися знаменами, барабанным боем, музыкой маршировали с интервалами; члены недавно созданного института выстроились в шеренгу; художники и ученые; певцы театров оглашали воздух национальными гимнами. Эта процессия прошла маршем через весь Париж и на Марсовом поле дефилировала перед пятью членами Директории в окружении их подчиненных офицеров”.

Практику отправки домой произведений искусства, начатую во время итальянской кампании, Наполеон продолжал на протяжении всей своей военной карьеры, и искусство Франции во многом обязано образованию, полученному таким образом художниками первой половины нынешнего столетия. Его агенты рыскали по Италии, Испании, Германии и Фландрии в поисках *шедевров*. При въезде в страну одной из первых вещей, которые он делал, был сбор информации о ее главных предметах искусства, чтобы потребовать их в случае победы, поскольку обычно они приобретались по договору. Среди произведений искусства, которые Наполеон прислал в Париж, были двадцать пять Рафаэлей, двадцать три Тициана, пятьдесят три Рубенса, тридцать три Ван Дайка, тридцать один Рембрандт.

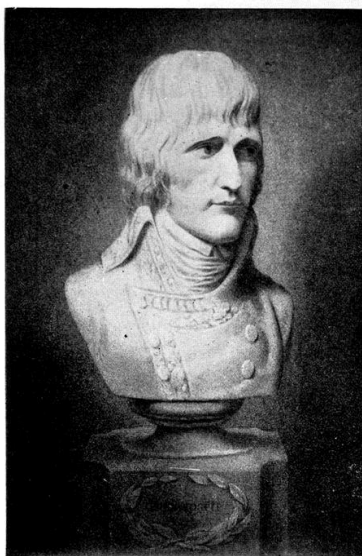
В Италии взошла “звезда” Наполеона, того таинственного проводника, за которым он следовал от Лоди до Ватерлоо. Здесь родилась эта вера в него и его будущее, эта вера в то, что он “шел под защитой богини удачи и войны”, эта уверенность в том, что он наделен “добрым гением”.

Он называл Лоди родиной своей веры. “Вандемьер и даже Монтенотт не заставили меня поверить в то, что я выдающийся человек. Только после Лоди мне пришло в голову, что я могу стать решающим действующим лицом на нашем политическом поле. Тогда родилась первая искра высоких амбиций”.

Воспитанный в религии, полной мистицизма, наученный верить в приметы, ориентированный по “звезде”, он ведет активную, практичную, трудолюбивую жизнь с оттенком суеверия. Мармон рассказывает, что однажды, находясь в Италии, стекло над портретом его жены, который он всегда носил, разбилось.

“Он страшно побледнел, и это произвело на него самое печальное впечатление. “Мармон, - сказал он, - моя жена очень больна или изменяет мне”. “Есть много подобных историй, которые показывают его зависимость от предзнаменований и доверие к ним.

В кампании, полной таких достижений, как кампания в Италии, кажется, нет времени для любви, и все же любовь никогда не была более настоящей, более всепоглощающей в жизни Наполеона, чем в этот период.

“NAPOLEONE BUONAPARTE.”

“Гравировка Генри Рихтера со знаменитого бюста работы Черакки, недавно привезенного из Парижа и теперь находящегося в его распоряжении. Опубликовано 1 июня 1801 г. Х. Рихтером, № 26 Ньюман-стрит, Оксфорд-стрит”. Этот бюст был изготовлен в рамках итальянской кампании Черакки, корсиканцем, работающим в Риме. Черакки покинул Рим в 1799 году, чтобы избежать наказания за участие в восстании в городе, и отправился в Париж, где надеялся получить помощь от Первого консула. Он изготовил бюсты нескольким генералам — Бертье, Массене и Бернадотту, — но поскольку заказов не становилось больше, а Наполеон ничего для него не делал, он возмутился против него и принял участие в заговоре с целью убийства Первого консула в опере 18 Брюмера 1801 года. Арестованный по пути в *ложу* в опере, он вскоре был казнен.

“О, моя обожаемая жена, ” писал он Жозефине в апреле, “ я не знаю, какая судьба меня ожидает, но если это и дальше будет удерживать меня вдали от тебя, я не смогу этого вынести; моего мужества не хватит до этого момента. Было время, когда я гордился своим мужеством; и когда я думал о вреде, который могут причинить мне люди, о том жребии, который может уготовить мне судьба, я смотрел на самые ужасные несчастья без дрожи, без удивления. Но теперь мысль о том, что моя Жозефина может быть в беде, что она может быть больна, и, прежде всего, жестокая, роковая мысль о том, что она может любить меня меньше, причиняет муку моей душе, останавливает биение моего сердца, делает меня печальным и унылым, лишает меня даже мужества ярости и отчаяния. Раньше я часто говорил: ‘Человек не может причинить вреда тому, кто готов умереть’; но теперь умереть, не будучи любимым тобой, умереть без этой уверенности - это адская пытка; это яркий и сокрушительный образ полного уничтожения. Мне кажется, что я задыхаюсь. Мой единственный спутник, ты, кто был избран судьбой, чтобы пройти со мной мучительный жизненный путь, и день, когда я больше не буду владеть твоим сердцем, будет тем, когда для меня мир потеряет все тепло и всю свою растительность.... Я остановлюсь, мой милый питомец; моя душа опечалена. Я очень устала, мой разум измучен, меня тошнит от мужчин. У меня есть веские причины ненавидеть их. Они разлучают меня с моей любовью”.

Жозефина была равнодушна к этой сильной страсти. “Какой странный Бонапарт!” - холодно сказала она при виде свидетельств его привязанности, которые он изливал на нее; и когда после нескольких недель разлуки он начал умолять ее присоединиться к

нему, она колебалась, оправдывалась, всячески пыталась уклониться от его желания. Нет ничего странного в том, что женщина с ее ленивой натурой, любящая лесть, не испытывающая страсти ни к чему, кроме развлечений, безрассудных трат и собственной непринужденности, предпочла жизнь в Париже. Там она разделяла с мадам Тальен то обожание, которым парижский мир всегда одаривает красивых женщин. В опере и на балах она была центром притяжения; люди узнавали ее даже на улице. *Нотр-Дам де Виктуар* так они ее называли.

В отчаянии от ее безразличия Наполеон наконец написал ей в июне из Тортонны:

“Моя жизнь - сплошной кошмар. Черное предчувствие затрудняет дыхание. Меня больше нет в живых; Я потерял больше, чем жизнь, больше, чем счастье, больше, чем покой; У меня почти нет надежды. Я посылаю вам курьера. Он пробудет в Париже всего четыре часа, а потом привезет мне ваш ответ. Напишите мне десять страниц; это единственное, что может меня хоть немного утешить. Ты больна; ты любишь меня; Я огорчил тебя; ты ждешь ребенка; и я не вижу тебя.... Я так плохо обращался с тобой, что не знаю, как исправить себя в твоих глазах. Я винил тебя за то, что ты осталась в Париже, а тебе там было плохо. Прости меня, моя дорогая; любовь, которой ты меня наполнила, лишила меня рассудка, и я никогда его не верну. Это болезнь, от которой нет излечения. Мои предчувствия настолько мрачны, что все, о чем я прошу, - это увидеть тебя, поддержать в своих объятиях два часа, и чтобы мы могли умереть вместе. Кто о вас заботится? Я полагаю, вы послали за Гортензией; я люблю дорогое дитя в тысячу раз больше, потому что думаю, что она может вас немного утешить. Что касается меня, то у меня нет утешения, покоя и надежды до тех пор, пока я снова не увижу посланника, которого я посылаю к вам, и пока вы не объясните мне в длинном письме, что именно с вами происходит и насколько это серьезно. Если бы была какая-нибудь опасность, я предупреждаю вас, что я должен немедленно отправиться в Париж.... Вы! вы!— и остальной мир не будет существовать для меня больше, чем если бы он был уничтожен. Я забочусь о чести, потому что она небезразлична тебе; о победе, потому что она доставляет тебе удовольствие; в противном случае я бы бросил все и бросился к твоим ногам”.

После этого письма Жозефина согласилась уехать в Италию, но покинула Париж в слезах, как будто шла на казнь. Оказавшись в Милане, где она была почти придворной, к ней вернулась прежняя веселость, и какое-то время они были очень счастливы. Но это длилось недолго. Наполеон, вынужденный быть в походе, умолял Жозефину приезжать к нему то здесь, то там, и однажды она едва не рассталась с жизнью, пытаясь сбежать от армии.

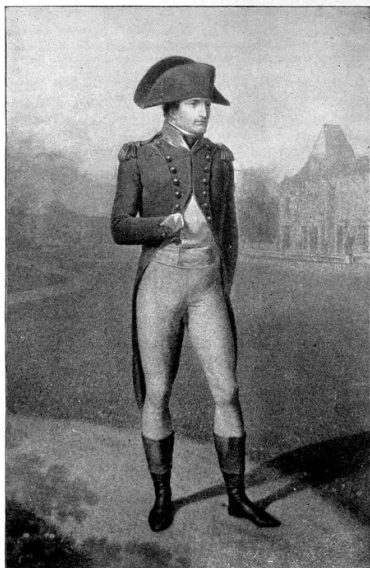
Где бы она ни обосновывалась, вокруг нее был круг обожателей, и в результате она пренебрегала письмами к мужу. Его письма были полны упреков и мольб. Он выпросил у нее всего одну строчку и умолял ее быть менее холодной.

“Твои письма холодны, как пятидесятилетний возраст; можно подумать, что они были написаны после того, как мы были женаты пятнадцать лет. Они полны дружелюбия и чувств зимы жизни,... Что еще ты можешь сделать, чтобы огорчить меня? Разлюбить меня? Что ты уже сделал. Ненавидишь меня? Что ж, я бы хотел, чтобы ты это сделал; все унижает меня, кроме ненависти; но безразличие со спокойным пульсом, неподвижным взглядом, монотонной походкой!... Тысяча поцелуев, нежных, как мое сердце”.

Причиной пренебрежения Жозефины были не просто лень и безразличие. Часто это было кокетство, и Наполеон, осведомленный своими курьерами о том, кого она принимала в Милане или Генуе и о тех удовольствиях, которыми она наслаждалась, ревновал со всей силой своей натуры. Не один молодой офицер, осмелившийся отдать дань уважения Жозефине в этой кампании, был изгнан “по приказу главнокомандующего”. Однажды, неожиданно добравшись до Милана, он обнаружил, что ее нет. Его разочарование было горьким.

“Я добрался до Милана, бросив все, бросился в твои покои, чтобы увидеть тебя, прижать к своему сердцу — тебя там не было; ты разъезжаешь из одного города в другой, развлекаясь балами.... Мое несчастье непостижимо.... Неставляй себя напоказ; стремись к своему удовольствию; счастье создано для тебя”.

Именно между такими крайностями торжествующей любви и черного отчаяния жил Наполеон на протяжении всей итальянской кампании.

БОНАПАРТ В МАЛЬМЕЗОНЕ.

Заголовок на гравюре гласит: “Бонапарт, дочь мадам Бонапарт”. Выгравирована в 1803 году Годфруа в честь Изаби.

Глава VI

Возвращение Наполеона в Париж—египетская кампания—18-е брюмера

В декабре 1797 года он вернулся в Париж. Вся его семья собралась там, образовав "колонию Бонапарта", как называли это парижане. Там были Жозеф и его жена; Люсьен, ныне женатый на Кристине Буайе, дочери своего старого домовладельца, брака, которого Наполеон так и не простил; Элиза, ныне мадам Баккиочи; Полина, ныне мадам Леклерк. Мадам Летиция была в городе с Каролиной; Луи и Жером все еще ходили в школу. С Жозефиной была ее дочь Гортензия, тринадцатилетняя девочка. Ее сын Эжен, которому было всего пятнадцать лет, находился в командировке у Наполеона, который, несмотря на юность мальчика, уже вовлек его в свое доверие. Согласно прямому желанию Наполеона, вся семья жила в большой простоте.

Возвращение в Париж главнокомандующего итальянской армией стало сигналом для всенародных оваций. Директория оказала ему все почести, изменив название улицы, на которой он жил, на *рю де ла Виктуари* сделав его членом Института; но, сознавая его слабость и вдохновляясь подозрительностью, которая с начала Революции погубила столько людей, она планировала избавиться от него.

Из коалиции против Франции, сформированной в 1793 году, только один участник оставался при оружии — Англия. Против нее должен был быть послан Наполеон. Сначала обсуждалось вторжение на остров, и он обследовал северное побережье. Его отчет был неблагоприятным, и он заменил его планом вторжения в Египет — старой идеей французского правительства.

Директория с радостью приняла это изменение, и Наполеон был назначен главнокомандующим Египетской армией. 4 мая он уехал из Парижа в Тулон.

Для Наполеона эта экспедиция была спасением. Однажды он сказал мадам Ремюза:

“В Париже, а Париж - это Франция, они никогда не смогут проявлять ни малейшего интереса к вещам, если не будут воспринимать это лично.... Большая трудность Справочника заключалась в том, что никто не заботился о них, и что люди начали слишком сильно заботиться обо мне. Вот почему у меня возникла счастливая идея поехать в Египет”.

Он тоже находился под влиянием своего воображения; Восток всегда соблазнял его. Несомненно, что он уехал с гигантскими планами — ни больше ни меньше, как завоевать весь Восток и стать его правителем и законодателем.

“Я мечтал о самых разных вещах и видел способ воплотить все свои проекты в жизнь. Я бы создал новую религию. Я увидел себя в Азии верхом на слоне, в тюрбане и с новым Кораном в руке, который я сам сочинил. Я объединил бы в своем предприятии опыт двух полушарий, исследуя для своей пользы и обучения всю историю, нападая на могущество Англии в Индии и возобновляя, путем их завоевания, мои отношения со старой Европой. Время, которое я провел в Египте, было самым восхитительным периодом в моей жизни, потому что оно было самым идеальным”.

Его друзья, наблюдавшие за его раздражением в дни, предшествовавшие принятию решения о кампании, сказали: “Свободный полет в космосе - вот чего требуют такие

крылья. Он умрет здесь. Он должен уйти". Он сам сказал: "Париж давит на меня, как свинцовая мантия".

Наполеон отплыл из Франции 19 мая 1798 года; 9 июня он достиг Мальты и завоевал для Франции "самое сильное место в Европе". 2 июля он вступил в Александрию. 23 июля он вступил в Каир после знаменитой битвы у Пирамид.

Французский флот остался в заливе Абукир после высадки армии и 1 августа был атакован Нельсоном. До этого сражения Наполеон не осознавал могущества англичан на море. Он ничего не знал о гении Нельсона. Уничтожение его флота и сознание того, что он и его армия оказались пленниками на Востоке, открыли ему глаза на величайшую слабость Франции.

Зима прошла в реорганизации правительства Египта и научной работе. Более ста ученых были зачислены в армию Египта, включая некоторых из самых выдающихся людей того времени: Монжа, Жоффруа-Сент-Илера, Бертолле, Фурье и Денона. С момента их прибытия им были предоставлены все возможности для продолжения их работы. Чтобы стимулировать их, Наполеон основал Институт Египта, членство в котором было предоставлено в качестве награды за заслуги.

Эти ученые работали во всех направлениях, продвигая свои исследования вверх по Нилу до Филоэ, прослеживая русло старого канала от Суэца до Нила, обнаруживая древние памятники, собирая коллекции флоры и фауны, детально исследуя искусство и промышленность людей. Все, от надписи на Розеттском камне до высиживания цыплят, привлекало их внимание. По возвращении экспедиции их исследования были опубликованы в великолепном труде под названием "Описание Египта". Информация, собранная французами в то время, дала большой импульс изучению египтологии, и их исследования на старом Суэцком канале непосредственно привели к современной работе.

Мирная научная и законодательская работа, которую Наполеон проводил в Египте, была прервана известием о том, что Порта объявила войну Франции и что две турецкие армии находятся на пути в Египет. В марте он отправился в Сирию, чтобы встретиться с первым.

НАПОЛЕОН В БИТВЕ При ПИРАМИДАХ, 21 июля 1798 года.

Выгравирован Валло в 1838 году по рисунку Гро (1810). Художник выбрал момент, когда Наполеон обращается к своим солдатам с короткой и знаменитой речью: “Солдаты, с вершины этих пирамид на вас смотрят сорок веков”. В эскорте генерала Мюрат с непокрытой головой и крепко сжатой шпагой; а за ним, по порядку, Дюрок, Сулковский, Бертье, Жюно и Эжен де Богарне, в то время младший лейтенант, все верхом. Справа изображены Рампон, Десо, Бертран и Ласаль. Эта картина была заказана для Тюильри и впервые была выставлена в 1810 году. Наполеон подарил ее одному из своих генералов, и она вновь появилась в Париже только в 1832 году. Сейчас она находится в галерее Версаля. Гро считал эту картину своей лучшей работой и сам выбрал Валло для ее гравировки.

Эта сирийская экспедиция потерпела неудачу, закончившись отступлением, которое было ужасным не только из-за врага в тылу, но и из-за эпидемий и жары.

Катастрофа стала ужасным разочарованием для Наполеона. Это положило конец его мечте о восточном государстве для него самого, о королевстве, охватывающем все Средиземноморье для Франции. “Я упустил свое счастье в Сен-Жан-д’Акре”, - сказал он позже своему брату Люсьену; и снова: “Я думаю, что мое воображение умерло в Сен-Жан-д’Акре”. Это слова человека, чье разочарование от неудачи было столь же глубоким, сколь велика была его надежда на успех.

Когда Наполеон вошел в Египет из Сирии, он узнал, что вторая турецкая армия находится недалеко от Абукирского залива. Он выступил против нее и полностью разгромил. При обмене пленными, произведенном после сражения, ему в руки попала пачка французских бумаг. Это были первые новости из Франции, которые он получил за десять месяцев, и новости печальные: Италия потеряна, угрожает вторжение австрийцев и русских, Директория дискредитирована и пошатнулась.

Если восточная империя из его воображения пала, не могло ли случиться так, что в Европе его ждало королевство? Он решил немедленно покинуть Египет и в строжайшей тайне готовился к своему отъезду. Армия была передана Клеберу, и на четырех небольших судах он отплыл во Францию в ночь на 22 августа 1799 года. 16 октября он был в Париже.

Долгое время о Наполеоне во Франции ничего не было слышно. Люди говорили, что он был изгнан ревнивой директорией. Его исчезновение на Востоке имело всю таинственность и очарование восточной сказки. В его внезапном возвращении было что-то героическое. Он пришел, как бог с Олимпа, без предупреждения, но в критический момент.

Радость людей, которые в тот день, безусловно, предпочитали героя избирательному праву, была спонтанной и искренней. Его путешествие от побережья до Парижа было триумфальным шествием. “Возвращение героев” было словом у всех на устах. Со всех сторон люди кричали: “Вы один можете спасти страну. Она гибнет без вас. Возьмите бразды правления”.

В Париже он застал правительство, ожидающее свержения. “Мозг и меч” - это все, что было нужно для осуществления *государственного переворота*, организованного, когда он еще был в Африке. Все признали в нем человека на час. Большая часть вооруженных сил Парижа была предана ему. Два его брата, Люсьен и Жозеф, занимали влиятельные должности, бывший президент Пятисот, как называлась одна из двух палат. Все наиболее выдающиеся представители политических, военных, юридических и артистических кругов Парижа сплотились вокруг него. Среди людей, которые поддерживали его, были Талейран, Сийес, Шенье, Редерер, Монж, Камбасерес, Моро, Бертье, Мюрат.

18 Брюмера (9 ноября) 1799 года заговор достиг кульминации, и Наполеон был признан временным диктатором Франции.

Личное горе, к которому вернулся Наполеон, было столь же велико, как и общественная слава. Во время кампании в Египте он, без сомнения, узнал, что кокетство

Жозефины переросло в откровенную глупость и что молодой офицер Ипполит Шарль, которого он уволил из Итальянской армии два года назад, получил назначение в Мальмезон. Связь была настолько скандальной, что Гойе, президент Директории, посоветовал Жозефине развестись с Наполеоном и выйти замуж за Шарля.

Эти слухи достигли Египта, и Наполеон в отчаянии даже обсудил их с Эженом де Богарне. Мальчик защищал свою мать, и на какое-то время ему удалось утихомирить негодование Наполеона. В конце концов, однако, из разговора с Жюно он узнал, что сплетни были правдой. Он потерял всякий контроль над собой и заявил, что хочет развестись. От этой идеи отказались, но любовь и почтение, которые он питал к Жозефине, были мертвы. С того времени у нее не было власти над его сердцем, не было власти вдохновлять его на действия или энтузиазм.

Когда он приземлился во Франции из Египта, Жозефина, предвидя шторм, отправилась встречать его в Лион. К несчастью, она поехала одной дорогой, а Наполеон - другой, и когда он в шесть часов утра добрался до Парижа, то никого не застал дома. Когда приехала Жозефина, Наполеон отказался ее видеть, и прошло три дня, прежде чем он смягчился. Тогда его прощение было вызвано заступничеством Гортензии и Эжена, к обоим из которых он был тепло привязан.

Но если он согласится на прощение, то никогда больше не сможет испытывать к ней той страстной привязанности, которую когда-то испытывал. Он перестал быть любовником и превратился в заурядного, терпимого, снисходительного *буржуазного* мужа, на которого его жена в важных вопросах не имела никакого влияния. Впоследствии Жозефина была просительницей, но она так и не вернула себе благородное королевство, которое презирала.

Домашнее горе Наполеона никоим образом не ослабило его активности и энергичности в государственных делах. Он понял, что, если он хочет сохранить свое место в сердцах и доверие людей, он должен сделать что-то, чтобы показать свою силу, и мир был подарком, который он собирался сделать нации. Когда он вернулся, то обнаружил, что в Вандее бушует гражданская война. Еще до февраля он положил ей конец. По всей Франции разбойные нападения сделали жизнь и имущество неопределенными. Это было остановлено его новым *режимом*.

Только два внешних врага оставались в состоянии войны с Францией — Австрия и Англия. Он предложил им мир. В нем было отказано. Ничего не оставалось, как заставить его. Австрийцы вступили в бой первыми. У них было две армии на поле боя: одна на Рейне, против которой был послан Моро, другая в Италии — теперь потерянной для Франции — осаждала французов, запертых в Генуе.

Автор - Огюст Кондер. Когда члены государственного совета собрались в зале, специально оборудованном для этого случая, Первый консул открыл *сеанс* и выслушал присягу председателей секций — Буле де ла Мерта (законодательство), Брюна (война), Дефермона (финансы), Гантома (морская пехота), Редерера (внутренние дела). Первый консул составил и подписал два воззвания, обращенные к французскому народу и к армии. На встрече присутствовали Второй консул Камбасерес и Третий консул Лебрен. Locré, *secrétaire-général du Conseil d'État*, conducted the *procès-verbal*. Эта картина находится в Версале.

Моро умело провел кампанию в Рейнских странах, проведя два успешных сражения и изгнав своего противника из Ульма.

Наполеон решил, что он сам продолжит итальянскую кампанию, но об этом он ничего не сказал в Париже. Его армия была тихо собрана в качестве резервных сил; затем внезапно, 6 мая 1800 года, он выехал из Парижа в Женеву. Его план сразу же стал очевиден. Оставалось только пересечь Альпы и ударить в тыл австрийцам, а затем осадить Геную.

Такое начинание было настоящим *театральным переворотом*. Его выполнение было не менее блестящим, чем его концепция. Из Швейцарии в Италию ведут три основных перевала: Мон-Сени, Большой Сен-Бернар и гора Сен-Готард. Последний уже удерживался австрийцами. Первый - самый западный, и именно на него Наполеон обратил внимание генерала Меласа, австрийского командующего. Центральный перевал, или гора Сен-Бернар, остался почти беззащитным, и здесь французскую армию переправили через проход, окруженный огромными трудностями, особенно для артиллерии, которую пришлось разбирать на части и переносить или тащить волоком.

За исключением задержки, которую враг вызвал у французов в форте Бард, где пятьсот человек остановили всю армию, Наполеон не встретил серьезного сопротивления при вступлении в Италию. Действительно, австрийцы относились к этим силам с презрением, заявляя, что ими руководил не первый консул, а авантюрист, и что армия состояла не из французов, а из итальянских беженцев.

Вскоре стало известно, что этот слух оказался ложным. 2 июня Наполеон вступил в Милан. Было очевидно, что конфликт неизбежен, и, чтобы подготовить своих солдат, Бонапарт обратился к ним:

“Солдаты, один из наших департаментов оказался во власти врага; на юге Франции царил ужас; большая часть лигурийской территории, самых верных друзей Республики, подверглась вторжению. Цизальпинская республика снова стала гротескной игрушкой феодального *режима*. Солдаты, вы маршируете — и территория Франции уже освобождена! Радость и надежда сменились в вашей стране ужасом.

“Вы возвращаете свободу и независимость народу Генуи. Вы избавили их от извечных врагов. Вы находитесь в столице Цизальпии. Напуганный враг больше ни на что не надеется, кроме как вернуть свои границы. Вы завладели его госпиталями, складами, ресурсами.

“Первый акт кампании завершен. Каждый день вы слышите, как миллионы людей благодарят вас за ваши подвиги.

“Но можно ли сказать, что на территорию Франции безнаказанно посягали? Должны ли мы позволить армии, которая вселила страх в наши семьи, вернуться к своим очагам? Будешь ли ты бегать, размахивая руками? Что ж, маршируйте на битву; запретите им отступать; лишите их лавров, которыми они завладели; и таким образом научите мир, что проклятие судьбы лежит на опрометчивых людях, которые осмеливаются оскорблять территорию Великого Народа. Результатом всех наших усилий станет незапятнанная слава и прочный мир”.

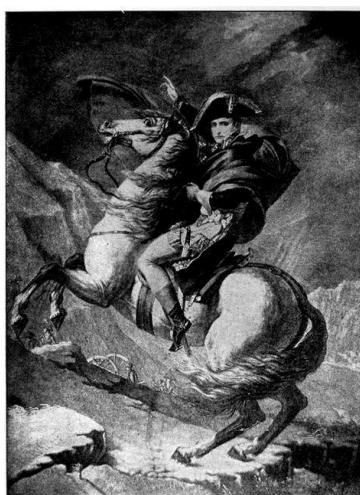
Австрийский командующий Мелас потерял много времени; но, наконец, убедившись, что это действительно Бонапарт вторгся в Италию и что он действительно достиг Милана, он продвинулся на равнину Маренго. С ним была армия численностью от пятидесяти до шестидесяти тысяч человек, хорошо снабженная артиллерией.

Бонапарт, не подозревавший, что у Маренго находятся такие большие силы, продвинулся на равнину лишь с частью своей армии. 14 июня Мелас атаковал его. Еще до полудня французы увидели, что имеют дело со всей австрийской армией. В течение нескольких часов сражение велось яростно, но с постоянными потерями на стороне французов. Несмотря на самые отважные бои, армия уступила. “В четыре часа пополудни, - рассказывает присутствовавший при этом солдат, - в радиусе двух лье оставалось не более шести тысяч пехотинцев, тысячи всадников и шести орудий. Треть нашей армии была не в состоянии сражаться. Из-за отсутствия повозок для перевозки больных потребовалась еще треть для выполнения этой болезненной задачи. Голод, жажда, усталость вынудили большое количество людей отступить. Меткие стрелки по большей части потеряли направление движения своих полков.

Тот, кто в этих ужасных обстоятельствах сказал бы: “За два часа мы выиграем сражение, возьмем в плен десять тысяч человек, возьмем в плен нескольких генералов, пятнадцать знамен, сорок пушек; враг сдаст нам одиннадцать укрепленных пунктов и всю территорию прекрасной Италии; вскоре они со стыдом предстанут перед нашими рядами; перемирие остановит эпидемию войны и вернет мир в нашу страну”, — тот, говорю я, кто сказал бы это, казалось, оскорбил бы наше отчаянное положение”.

В конце концов сражение было выиграно французами благодаря удачному прибытию Десо с подкреплениями и невозмутимому мужеству главнокомандующего. Хладнокровие Бонапарта поражало тех, кто его окружал.

“В тот момент, когда мертвые и умирающие покрывали землю, консул постоянно бросал вызов смерти. Он отдавал приказы со своим обычным хладнокровием и, видя приближение бури, казалось, не боялся ее. Те, кто видел его, забыв о грозившей им опасности, говорили: “Что, если его убьют?” Почему он не возвращается?’ Говорят, что генерал Бертье умолял его сделать это.

НАПОЛЕОН ВЕЛИКИЙ ПЕРЕСЕКАЕТ ГОРУ СЕН-БЕРНАР В мае 1800 года.

Выгравирован Антонио Гилбертом в 1809 году под руководством Лонги по портрету, написанному Дэвидом в 1805 году. Посвящается принцу Франции Евгению Наполеону, вице-королю Италии. Вскоре после своего возвращения из Маренго Наполеон выразил желание, чтобы его нарисовал Дэвид. Художник давно мечтал об этой работе и с нетерпением воспользовался случаем. Он спросил Первого консула, когда тот сможет ему позировать.

“Позируйте!” сказал Бонапарт. - Как вы думаете, великие люди древности позировали для своих портретов?

“Но я рисую тебя для твоего времени, для людей, которые тебя видели. Они хотели бы, чтобы все было как у вас”.

“Как у меня! Сходство заключается не в совершенстве черт, не в прыщике на носу. Следует изображать характер лица. Никого не волнует, похожи ли портреты великих людей на них или нет. Достаточно того, что их гений сияет на картине”.

“Я никогда не рассматривал это с такой точки зрения. Но вы правы, гражданин консул. Вам не нужно позировать: я нарисую вас и без этого”. После этого Дэвид ежедневно ходил завтракать с Наполеоном, чтобы изучить его лицо, и консул предоставил к его услугам всю одежду, которую он носил в Маренго. Рассказывают, что Дэвид посадил Наполеона на мула для этой картины, но генерал воспротивился. Он вскочил на своего коня и, заставив его встать на дыбы, сказал художнику: “Нарисуй меня таким”.

“Однажды к нему пришел генерал Бертье, чтобы сказать, что армия отступает и что отступление началось. Бонапарт сказал ему: ‘Генерал, вы говорите мне это недостаточно хладнокровно’. Это величие души, эта твердость не оставляли его в величайших опасностях. Когда Пятьдесят девятая бригада вышла на поле боя, схватка была самой жаркой. Первый консул подошел к ним и крикнул: ‘Вперед, мои храбрые солдаты, расправьте свои знамена; настал момент отличиться. Я рассчитываю на ваше мужество отомстить за своих товарищей’. В тот момент, когда он произнес эти слова, рядом с ним были убиты пятеро человек. Он со спокойным видом повернулся к врагу и сказал: “Вперед, друзья мои, атакуйте их”.

У меня хватило любопытства внимательно прислушаться к его голосу, изучить черты его лица. Самый отважный человек, герой, наиболее жаждущий славы, мог бы потерпеть поражение в своей ситуации, и никто не обвинил бы его. Но это было не так. В эти ужасные минуты, когда фортуна, казалось, покидала его, он все еще был Бонапартом Арколи и Абукира”.

Когда Десо подошел со своей дивизией, Бонапарту потребовался час, чтобы организовать последнюю атаку. В это время австрийская артиллерия обрушивалась на армию, каждый залп уносил целые шеренги. Солдаты принимали смерть, не двигаясь со своих мест, и ряды сомкнулись над телами своих товарищей. Эта смертоносная артиллерия добралась даже до кавалерии, выстроившейся позади, а также до большого количества пехотинцев, которые, ободренные прибытием Десо, поспешили обратно на поле чести. Несмотря на весь ужас этой подготовки, Бонапарт не дрогнул. Когда он был готов, он повел свою армию в стремительную атаку, которая полностью сокрушила австрийцев, хотя это стоило французам одного из их самых храбрых генералов, Дезэ. Это была ужасная борьба, но совершенство, с которым была спланирована финальная атака, позволило выиграть битву при Маренго и изгнать австрийцев из Италии.

Парижане были ослеплены этой кампанией. О переходе Альп они говорили: “Это достижение более великое, чем у Ганнибала”; и они повторяли, как “Первый консул указал пальцем на замерзшие вершины, и они склонили головы”. При известии о Маренго улицы были освещены “кострами радости”, и от стены к стене раздавались крики *Да здравствует республика! Vive le premier consul! Vive l'armée!*

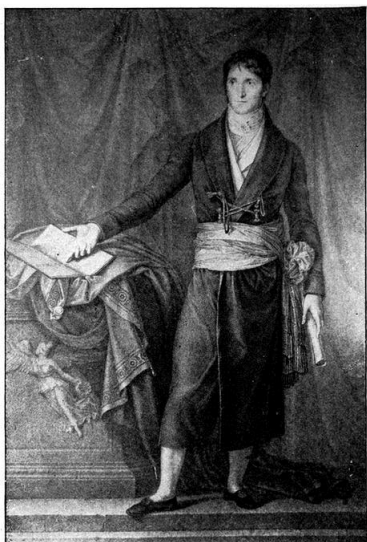
КЛЕБЕР, 1753 Или 1754-1800.

Гравюра Г. Физингера по портрету Герена.

Кампания против австрийцев завершилась 3 декабря 1800 года битвой при Гогенлиндене, выигранной Моро, а в феврале Люневильский мирный договор установил мир. Англия медлила с примирением, и только в марте 1802 года она подписала Амьенский мирный договор.

Наконец-то Франция обрела мир со всем миром. Она приветствовала Наполеона как своего спасителя и приказала отметить 18 Брюмера по всей республике как торжественный *праздник* в его честь.

Страна увидела в нем нечто большее, чем миротворца. Она обнаруживала, что ему суждено стать ее законодателем, ибо, положив конец войнам, он начал наводить порядок во внутреннем хаосе, который так долго терзал французский народ, восстанавливать финансы, законы, промышленность, восстанавливать общественные работы, поощрять искусства и науки, даже согласовывать интересы богатых и бедных, церкви и государства.

“ЛЮСЬЕН БОНАПАРТ, ПРЕЗИДЕНТ СОВЕТА ПЯТИСОТ, 18 БРЮМЕРА 1799 года”.

ГЛАВА VII

НАПОЛЕОНА КАК ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ДЕЯТЕЛЬ И ЗАКОНОДАТЕЛЬ—ФИНАНСЫ— ПРОМЫШЛЕННОСТЬ—ОБЩЕСТВЕННЫХ РАБОТ

“Теперь мы должны перестраиваться, и более того, мы должны перестраиваться прочно”, - сказал Наполеон своему брату Люсьену на следующий день после *государственного переворота*, который сверг Директорию и сделал его временным диктатором Франции.

Первой необходимостью была новая конституция. За десять лет были разработаны и приняты три конституции, и теперь третья, как и ее предшественницы, была объявлена бесполезной. Рядом с Наполеоном был человек, у которого в кармане лежал готовый проект конституции. Ему было обещано, что, если он поможет 18 Брюмера, этот документ будет принят. Этим человеком был аббат Сийес. Он был видным членом Учредительного собрания, но, как ни странно, его слава там была основана скорее на его молчании и атмосфере таинственности, которой он окутывал себя, чем на чем-либо, что он сделал. Суеверное почитание, которое он завоевал, спасло его даже во время Террора, и он привык лаконично отвечать, когда его спрашивали, что он делал в тот период: “Я жил.”

Именно он, когда Наполеон все еще находился в Египте, увидел необходимость военной диктатуры и убедил Директорию отправить Наполеона домой, чтобы помочь ему реорганизовать правительство — приказ, который так и не был получен.

Вскоре после 18 Брюмера Сийес представил свою конституцию. Более неуклюжего и причудливого инструмента для управления делами нации никогда не было изобретено. Предупрежденный опытом последних десяти лет, он отказался от идей 1789 года и заявил, что сила должна приходить сверху, а доверие - снизу. Его система голосования отняла избирательное право у народа; его законодательный орган состоял из трех секций, каждая из которых была практически бессильна. Вся сила правительства была сосредоточена в сенате, состоящем из пожилых мужчин. Великий курфюрст, как называлась фигура, венчавшая здание, ничего не делал, только жил в Версале и получал королевское жалованье.

Наполеон сразу увидел слабые места этой структуры, но он понял, как ее можно перестроить, чтобы она служила диктатору. Он потребовал, чтобы Сенат был лишен своей власти и чтобы великий курфюрст был заменен Первым консулом, которому должна быть доверена исполнительная власть. Сийес согласился, и Наполеон был назначен первым консулом.

Вся правительственная машина теперь была сосредоточена в руках одного человека. “Государство - это был я”, - сказал Наполеон на острове Святой Елены. Новая конституция была основана на принципах, прямо противоположных тем, ради которых совершалась Революция, но это была единственная надежда вытащить Францию из трясины анархии и отчаяния, в которую она погрузилась.

Наполеон взялся за работу по восстановлению, которая его ожидала, с мужеством, энергией и поразительной дерзостью. Он был вынужден заниматься сразу всеми сферами

жизни страны — финансами, промышленностью, эмигрантами, Церковью, общественным образованием, кодификацией законов.

Первым вопросом были деньги. В 1799 году страна была буквально банкротом. Казна была пуста, и правительство прибегало ко всевозможным ухищрениям, чтобы раздобыть деньги для оплаты тех счетов, которые нельзя было отложить. Однажды, когда пришлось посылать специального курьера, она была вынуждена выдать ему квитанции оперы для оплаты его расходов. И, опять же, она была в таком затруднительном положении, что чуть не отправила золотую монету из Медальонного шкафа на переплавку на монетный двор. Невозможно было договориться о займах; государственные бумаги ничего не стоили; запасы упали до минимума. Одной из худших особенностей ситуации было состояние налогов. Оценки были такими же произвольными, как и до революции, и собирались они с большим трудом.

Первым действием Наполеона было выбрать честного, способного и хорошо известного финансиста. Выбор, который он сделал, был мудрым — месье Годен, впоследствии герцог де Гете, тихий человек, пользовавшийся доверием народа. Под его руководством кредит был восстановлен, правительство смогло предоставить необходимые займы, а департамент финансов был основательно реорганизован. Благодарность Наполеона месье Годену была продолжительной. Однажды, когда его попросили заменить его на более блестящего человека, он сказал:

“Я полностью признаю ценность вашего *протеза*, но легко может случиться, что при всем его уме он не даст мне ничего, кроме пресной воды, в то время как с моим хорошим Годеном я всегда могу рассчитывать на хорошие коронные монеты”.

К этому времени относится знаменитый Банк Франции. Он был основан под личным руководством Наполеона, и он никогда не переставал ревностно следить за ним.

Наиболее важной из всех финансовых мер была реорганизация системы налогообложения. Первый консул настаивал на том, что налоги должны покрывать все расходы нации, за исключением войны, которая должна окупаться сама по себе; и он так распорядился делами, что после того, как его управление было честно начато, никогда не было известно о дефиците или о предоставлении займа. Это также было сделано без того, чтобы люди почувствовали бремя налогообложения. Действительно, при его правлении это бремя было настолько легче, чем при старом *режиме*, что крестьяне и рабочие в большинстве случаев, вероятно, не знали, что их облагают налогами.

“BUONAPARTE.”

Физингер, гравер по Герену. Опубликовал “29 Вандемьера, Лан VII” (1799). Именно об этом портрете Тэн пишет: “Посмотрите теперь на этот портрет работы Герена, это художавое тело, эти узкие плечи в униформе, сминаемой его резкими движениями, эта шея, обтянутая высоким мятым галстуком, эти виски скрыты длинными волосами, падающими прямо на них, ничего не видно, кроме лица; эти жесткие черты, выделяющиеся благодаря резким контрастам света и тени; эти щеки, такие же впалые, как внутренний угол глаза; эти выступающие скулы; этот массивный выступающий подбородок; эти изогнутые, подвижные, внимательные губы; эти большие, ясные губы”. глубоко посаженные глаза под нависшими бровями; этот неподвижный, непонятный взгляд, острый, как меч; эти две прямые морщины, пересекающие лоб от основания носа, как борозда постоянного гнева и несгибаемой воли”.

“До 1789 года, ” говорит Тэн, “ из ста франков чистого дохода рабочий отдавал четырнадцать своему сеньору, четырнадцать духовенству, пятьдесят три государству и только восемнадцать или девятнадцать оставлял себе. С 1800 года из ста франков дохода он ничего не платит сеньору или Церкви, а государству, департаменту и коммуне он платит только двадцать один франк, оставляя семьдесят девять у себя в кармане”. И таковы были методы и тщательность, с которыми управлялась эта система, что государство получало более чем в два раза больше, чем раньше. Огромные суммы, которые полиция и сборщики налогов присвоили, теперь перешли государству. Вот лишь один пример цифр, которые показывают, как тщательно Наполеон охранял эту часть финансов. Это можно найти в письме начальнику полиции Фуше:

“То, что происходит в Бордо, происходит в Турине, Спа, Марселе и т.д. Комиссары полиции извлекают огромные прибыли из игорных столов. Мое намерение состоит в том, чтобы города воспользовались преимуществами этих столов. Я потрачу двести тысяч франков, выплаченных бордосскими столами, на строительство моста или канала...”

Большим улучшением стало то, что налоги стали фиксированными и регулярными. Наполеон хотел, чтобы каждый человек знал, сколько он должен платить каждый год. “Истинная гражданская свобода зависит от сохранности собственности”, - сказал он своему Государственному совету. “В стране, где ставка налогообложения меняется каждый год, такой свободы нет. Человек, имеющий доход в три тысячи франков, не знает, на сколько ему придется жить в следующем году. Налоги могут поглотить все его состояние”.

Почти весь доход поступал от косвенных налогов, взимаемых с большого количества статей. На случай войны, которая не принесла результатов, Наполеон предложил повесить каждому из них по несколько сантимов. Нация, несомненно, предпочла бы это, а не платить их русским или австрийцам. По возможности налоги были снижены. “Лучше оставить деньги в руках граждан, чем запирать их в подвале, как это делают в Пруссии”.

Он был осторожен в том, чтобы не облагать дополнительными налогами самых бедных, если этого можно избежать. Перед ним стояло предложение взимать плату с продавцов овощей и рыбы за их прилавки. “Общественная площадь, как и вода, должна быть бесплатной. Вполне достаточно того, что мы облагаем налогом соль и вино.... Парижу гораздо больше подошло бы подумать о восстановлении рынка кукурузы”.

Важной частью его финансовой политики была жесткая экономия, на которой настаивали во всех ведомствах. Если вещь была куплена, она должна стоить того, что за нее было заплачено. Если человек занимает должность, он должен выполнять свои обязанности. Ни покупки, ни должности не могут быть сделаны, если они не разумны и не полезны. Это было прямой противоположностью старому *режиму*, главными чертами которого были расточительство, праздность и паразиты. Экономия в расходах была почти

невероятной. Поездка в Фонтенбло, которая дорого обошлась Людовику XVI. четыреста тысяч долларов Наполеон заработал бы, не меньше, за тридцать тысяч долларов.

Расходы гражданского населения, составлявшие при старом *режиме* пять миллионов долларов, теперь сократились до шестисот тысяч долларов, хотя элегантность была ничуть не меньше.

Правитель, уделявший такое пристальное внимание процветанию своего королевства, конечно, не стал бы пренебрегать его промышленностью. Фактически, это было одной из главных забот Наполеона. Его политика была политикой защиты. Он хотел, чтобы Франция производила все, что она хотела, и продавала своим соседям, но никогда не покупала у них. Чтобы стимулировать мануфактуры, которые в 1799 году были так же близки к банкротству, как и государственная казна, он сам посещал фабрики, чтобы узнать их потребности. Он отдавал либеральные приказы и призывал, даже приказывал своим коллегам делать то же самое. Одно время, стремясь помочь батистовым фабрикам Фландрии, он пытался заставить Жозефину отказаться от хлопчатобумажных изделий и установить моду в пользу батистов; но она подняла такой шум, что он был вынужден отказаться от этой идеи. По той же причине он написал своей сестре Элизе: “Я прошу вас разрешить вашему двору носить только шелка и кембрик, и исключить весь хлопок и муслин, чтобы поддержать французскую промышленность”.

Часто он брал товары на консигнацию, чтобы помочь испытывающей трудности фабрике. Вместо того чтобы допустить, чтобы мануфактура простаивала, он ссудил бы крупную сумму денег, и некоторое количество ее продукции было бы поставлено под контроль правительства. После битвы при Эйлау Наполеон отправил в Париж миллион шестисот тысяч франков, которые были использованы таким образом.

Внедрить производство хлопка в стране было одной из его главных промышленных амбиций. В начале века его печатали на всех фабриках Франции, но не более того. Он предложил Государственному совету запретить ввоз хлопчатобумажных ниток и тканых изделий. Было сильное сопротивление, но он настоял на своем.

“В результате, ” самодовольно сказал наполеон Лас Кейсу, “ мы обладаем тремя ветвями власти, к огромной выгоде нашего населения и к ущербу и печали англичан; это доказывает, что в управлении, как и на войне, нужно проявлять характер.... Не меньше я занимался поощрением производства шелка. Как император и король Италии, я насчитал сто двадцать миллионов доходов от сбора шелка”.

Подобным образом он поощрял сельское хозяйство; особенно он заботился о том, чтобы Франция увеличила все свои собственные продукты питания. Он попросил Бертолле изучить кленовый и репный сахар, и ему, наконец, удалось убедить людей использовать свекольный сахар; хотя он так и не убедил их, что швейцарский чай не уступает китайскому или что цикорий так же хорош, как кофе.

БОНАПАРТ, ПЕРВЫЙ КОНСУЛ.

Один из лучших портретов Первого консула — возможно, *самый* правдивый из всех. В отличие от Бульона, Ван Бре, Геотта, Изаби, Бойли изобразил его в его реальном облике, без какого-либо стремления к идеалу. Это действительно решительный маленький корсиканец, терзаемый честолюбием и жадной завоеваний. Этот прекрасный портрет был превосходно гравирован Дюплесси-Берто.—А. Д.

Работы, на которых он настаивал в отношении дорог и общественных зданий, имели огромное значение. Необходимо было что-то предпринять.

“Невозможно представить себе, если не был свидетелем этого до и после 18 Брюмера [сказал канцлер Паскье], какое повсеместное разорение принесла Революция.... Едва ли было две или три главные дороги [во Франции] в пригодном для движения состоянии; не было, пожалуй, ни одной, на которой не было бы какого-нибудь препятствия, которое нельзя было бы преодолеть без риска. Что касается путей внутреннего сообщения, то они были приостановлены на неопределенный срок. Судоходство по рекам и каналам стало невозможным.

“Во всех направлениях общественные здания и те памятники, которые олицетворяли величие государства, приходили в упадок. Следует признать, что если работа по разрушению была грандиозной, то работа по восстановлению была не менее грандиозной. Все было схвачено в одно и то же время, и все развивалось с такой же быстротой. Было решено не только восстановить все, что требовало восстановления, в различных частях страны, во всех сферах государственной службы, но и были намечены новые, грандиозные, красивые и полезные работы, и многие из них были доведены до счастливого завершения. Это, безусловно, составляет одну из самых блестящих сторон консульского и императорского *режима*”.

Только в Париже были сделаны огромные улучшения. Наполеон заложил улицу Риволи, построил крыло, соединяющее Тюильри и Лувр, возвел триумфальную арку Карусель, Триумфальную арку в начале Елисейских полей, Вандомскую колонну, собор Мадлен, заложил Биржу, построил мост Аустерлиц и заказал, начал или завершил ряд второстепенных работ, имеющих большое значение для города. Рынки интересовали его особенно. “Уделяйте все возможное внимание обустройству рынков и их оздоровлению, а также красоте Галле-о-бле и Галле-о-вен. У людей тоже должен быть свой Лувр”.

Работы, проведенные за пределами Парижа во Франции и в странах, находившихся под ее властью во времена правления Наполеона, были разнообразны и масштабны, что было бы невероятно, если бы у каждого путешественника в Европе до сих пор не было свидетельств о них перед глазами. Простое перечисление этих работ и промышленных достижений Наполеона, сделанных *Las Cases*, читается как сказка. “Вы хотите узнать о сокровищах Наполеона? Они огромны, это правда, но все они подвержены воздействию

света. Они благородные авиагавани Антверпен и промывки, которая способна удерживать крупнейших флотов и защиты их от льдов из моря; гидротехнические сооружения Дюнкерка, Гавра, и славный; в огромной гавани Шербур; морская работает в Венеции; красивые дороги от Антверпена до Амстердама, из Майнца в Мец из Бордо в Байонну; перевалы Симплон, Мон-Сени, горы Genève, Корниш, что открыть коммуникации через Альпы в четырех разных направлениях, и который превосходит в величии, в смелости и мастерству исполнения, все дела римлян (в этом покое вы найдете восемьсот миллионов); дороги от Пиренеев до Альп, от Пармы до специа из Савона в Пьемонт; мосты иене, Аустерлице, искусств, Севр, тур, Руан, Лион, Турин; в Изер, Дюранс, Бордо, Руан и др.; канал, который соединяет Рейн и Рона с ДУ, и таким образом объединяет в Северном море со Средиземным; канал, который соединяет реки Шельда с Сомме, и, таким образом, соединяет Париж и Амстердам; в-канал, который объединяет Ранс для Вилен; канал от Арля, что Павии, и канал Рейна, осушение болот Бургуан, из Котантена, Рошфор; восстановление большую часть церквей уничтожена революцией; здание ассортиментом: заведение многочисленных учреждений отрасли для подавления нищенство; галереи в Лувре; строительство товарных складов общего пользования, Банка, канал Урк; распределении воды в городе Париж; многочисленные водостоки, набережные, и наклейки, и памятники, что крупный капитал; работы по украшению Рима; в reestablishment производителей Лайонс; создание многих сотен мануфактур хлопок, для прядения и ткачества, в которой занято несколько миллионов работников; средства, накопленные, чтобы установить свыше четырехсот мануфактурное производство сахара из сахарной свеклы-корень, по потреблению частью Франции, и что бы обстановка сахара по той же цене, Вест-Индии, если бы они по-прежнему получают поощрение лишь на четыре года дольше; замена Вайды для индиго, который бы, наконец, доведен до состояния совершенства во Франции, и получается так хорошо и так дешево, как индиго из колоний; многочисленные мануфактуры для всех видов предметов искусства и т. д.; пятьдесят миллионов израсходовано на ремонт и украшение дворцов, принадлежащих к короне; в шестьдесят миллионов мебель для дворцов, принадлежащих короне во Франции, в Голландии, в Турине и в Риме; шестьдесят миллионов Бриллианты для Короны, все купленные с наполеоновской денег; *Регент* (единственный алмаз, который был оставлен принадлежащий экс-алмазы, короны) изъят из рук евреев в Берлине, в чьих руках он был оставлен в качестве залога для трех миллионов. Музей Наполеона, оцененный более чем в четыреста миллионов долларов, заполнен предметами, приобретенными законным путем, либо за деньги, либо по известным всему миру мирным договорам, в силу которых *шедевры*, находящиеся в нем, были переданы вместо территории или пожертвований. Несколько миллионов были накоплены для того, чтобы направить их на развитие сельского хозяйства, что является первостепенным соображением в интересах Франции; на интродукцию во Францию мериносовых овец и т.д. Они образуют сокровище в несколько тысяч миллионов долларов, которое сохранится на века”.

МЕДАЛЬОН БОНАПАРТА

Следующая надпись, сделанная по-французски Дутертре, официальным художником главных персонажей египетской экспедиции, имеется на обратной стороне этого медальона, обрамляющего одну из самых драгоценных жемчужин наполеоновской иконографии. “Я, Дутертр, сделал этот рисунок главнокомандующего с натуры на борту судна ‘Ориент’ во время перехода экспедиции в Египет в VII году. *(так в оригинале)* Республики”. Некоторое время назад рисунок перешел во владение музея Версаля.

Сам Наполеон считал эти достижения своим самым долговечным памятником. “Союзные державы впредь не смогут отнять у меня, - сказал он О'Мире, - великие общественные работы, которые я выполнил, дороги, которые я проложил через Альпы, и моря, которые я объединил. Они не могут приложить свои усилия, чтобы улучшить то, чего раньше не было моим. Они не могут отнять у меня свод законов, который я создал и который перейдет к потомкам”.

МОРО, ОКОЛО 1801 года.

Гравюра Элизабет Г. Берхан в честь Герена.

ГЛАВА VIII

ВОЗВРАЩЕНИЕ ЭМИГРАНТОВ—КОНКОРДАТ—ОРДЕН ПОЧЕТНОГО ЛЕГИОНА—КОДЕКС НАПОЛЕОНА

Вно во французской нации были раны более глубокие, чем те, которые были нанесены отсутствием кредита, пренебрежением и коррупцией. Тело, которое в 1789 году составляло Францию, за последние десять лет было жестоко и ужасающе разорвано на части. Сто пятьдесят тысяч самых богатых, культурных и наиболее способных представителей населения были лишены богатства и положения и эмигрировали в чужие страны.

Наполеон понял, что если *удастся примирить* эмигрантов, он сразу превратит могущественного врага в ревностного друга. Несмотря на противодействие тех, кто совершил Революцию и благодаря ей завоевал свое положение, он объявил амнистию *эмигрантам*, в которую вошли все сто пятьдесят тысяч человек, за исключением примерно одной тысячи, и это число, как было условлено, должно было сократиться до пятисот в течение года. Более того, он обеспечивал их потребности. Большая часть более мелкой собственности, конфискованной революцией, была продана, и Наполеон настаивал на том, чтобы те, кто купил ее у государства, были уверены в ее сохранности; но в случае, если собственность не была продана, он возвращал ее семье, хотя и редко полностью. Что касается лесных угодий, то обратно было возвращено не более трехсот семидесяти пяти акров. Многим *эмигрантам* были предоставлены подарки и должности, так что большинство из них могли жить в достатке.

Ценным результатом этой политики примирения стало количество талантов, опыта и культуры, которые он приобрел для правительства. Францией в течение десяти лет управляли деревенские юристы, врачи и памфлетисты, которые, хотя и хвастались гражданской добродетелью и красноречием и хотя знали своего Плутарха и Руссо наизусть, не обладали практическим чутьем и практически отсутствовали вовсе. Возвращение *эмигрантов* дало Франции группу подготовленных дипломатов, судей и мыслителей, многие из которых были быстро приняты в правительство.

Более серьезной, чем ампутация аристократии, была ампутация Церкви. Революция оторвала его от нации, конфисковала его собственность, превратила его соборы в казармы, монастыри и семинарии - в ратуши и тюрьмы, продала его земли, закрыла его школы и больницы. Оно потребовало от духовенства присяги, которая разделила общество и вынудила тысячи людей эмигрировать. Не удовлетворившись этим, оно попыталось вытеснить старую религию, сначала поклоняясь Богине Разума, а затем Верховному Существо.

Но люди по-прежнему любили католическую церковь. Большинство из них хранили дома распятия, перебирали четки, соблюдали посты. Независимо от того, насколько суровое наказание было наложено на соблюдение воскресенья вместо пришедшего ему на смену дня, называемого “декадой”, в глубине души люди помнили об этом. “Мы отдыхаем в декаде, - сказал однажды рабочий, - но меняем рубашки по воскресеньям”.

Наполеон понимал сердца народа и предложил восстановить католическую церковь. Революционеры, даже его самые горячие друзья среди генералов, выступили против этого. Неверность была кардинальным пунктом в кредо большинства нового *режима*. Они не только отвергли Церковь, они высмеяли ее. Вместо того, чтобы восстанавливать католицизм, они рекомендовали протестантизм. “Но, - заявил Наполеон, - Франция не протестантская, она католическая”.

В Государственном совете, где обсуждался этот вопрос, он сказал: “Моя политика заключается в том, чтобы управлять людьми так, как большинство из них желает, чтобы ими управляли.... Я продолжил Вандейскую войну, став католиком; я утвердился в Египте, став мусульманином; я завоевал расположение священников в Италии, став ультрамонтанином. Если бы я управлял евреями, я бы восстановил храм Соломона.... Я думаю, именно так следует понимать суверенитет народа”.

Очевидно, это был совершенно иной способ понимания этой знаменитой доктрины, чем тот, который был в моде раньше, заключавшийся в принуждении людей принимать то, что каждый идеалист считал лучшим, не считаясь с их предрассудками или чувствами. Несмотря на сопротивление, воля Наполеона восторжествовала, и весной 1802 года был подписан Конкордат. Этот договор между Папой Римским и Францией все еще действует во Франции. Это делает католическую церковь государственной, позволяет правительству назначать епископов, обязывает его выплачивать жалование духовенству и обставлять соборы и церкви для публичных богослужений, которые, однако, остаются национальной собственностью. Конкордат предусматривал отпущение грехов священникам, вступившим в брак во время революции, восстановил воскресенье и сделал законными некоторые *праздничные* дни. Это соглашение не было достигнуто ценой нетерпимости по отношению к другим организациям. Французское правительство защищает и способствует поддержке всех религий в пределах своих границ, католиков, протестантов, евреев или мусульман. Конкордат был высмеян многими в правительстве и армии, но, несомненно, это была одна из самых достойных государственных мер, предпринятых Наполеоном.

ПОДПИСАНИЕ КОНКОРДАТА.

“Радость подавляющего большинства Франции заставила замолчать даже самых смелых недовольных, - говорит Паскье. - Стало очевидно, что Наполеон лучше, чем те, кто его окружал, заглядывал в глубины национального сердца”.

Несомненно, что при восстановлении Церкви Наполеон не поддавался никаким религиозным предрассудкам, хотя католическая церковь была той, которую он предпочитал. Это был чисто политический вопрос. Заклучая Конкордат, он мог бы добиться более либеральных мер - мер, в которые он верил, — но он отказался от них.

“Вы хотите, чтобы я создал религию каприза для моего собственного особого использования, религию, которая не будет принадлежать никому? Я не так понимаю суть дела. Чего я хочу, так это старой католической религии, единственной, которая укоренилась в каждом сердце и от которой она никогда не была оторвана. Только эта религия может склонить сердца в мою пользу; только она может устранить все препятствия”.

Обсуждая этот вопрос на острове Святой Елены, он сказал Лас Кейсу:

“Когда я встал во главе дела, у меня уже сформировались определенные представления о великих принципах, которые скрепляют общество. Я взвесил всю важность религии; я был убежден в ней и решил восстановить ее. Вы едва ли поверите, с какими трудностями мне пришлось восстанавливать католицизм. За мной последовали бы гораздо охотнее, если бы я развернул знамя протестантизма.... Несомненно, что в том беспорядке, в котором я преуспел, в тех руинах, где я оказался, я мог бы выбрать между католицизмом и протестантизмом. И это правда, что в тот момент предрасположенность была в пользу последнего. Но помимо того факта, что я действительно цеплялся за религию, в которой родился, у меня были самые высокие мотивы принять решение. Чего бы я добился, провозгласив протестантизм? Я должен был создать во Франции две великие партии, примерно равные, хотя я хотел, чтобы их было больше, чем одной. Я должен был бы разжечь ярость религиозных распрей, когда наступила просвещенная эпоха, и моим желанием было заставить их полностью исчезнуть. Эти две партии, разрывая друг друга на куски, уничтожили бы Францию и сделали бы ее рабыней Европы, в то время как я честолюбиво намеревался сделать ее ее госпожой. С католицизмом я гораздо увереннее добился своих великих результатов. Внутри, дома, большое поглотит малое, и я пообещал себе обращаться с последним так щедро, что вскоре у него не будет причин замечать разницы.

“Снаружи католицизм спас мне папу; и с моим влиянием и нашими силами в Италии я не отчаивался рано или поздно, тем или иным способом, закончить тем, что сам буду править папой”.

Когда во Франции пала Церковь, вместе с ней пала и вся система образования. Революционные правительства пытались исправить ситуацию, но, кроме множества планов и речей, мало что было сделано. Наполеон разрешил религиозным организациям вновь открыть свои школы, и, таким образом, вскоре было восстановлено начальное обучение; и он основал ряд средних и специальных школ. Величайшим из его образовательных начинаний была организация университета. Этот институт был централизован главой государства так же полностью, как и любой другой наполеоновский институт. Он существует и по сей день, но мало изменился — наиболее эффективный орган, несмотря на жесткий государственный контроль. Этот университет ничего не сделал для женщины.

“Я не думаю, что нам нужно утруждать себя каким-либо планом обучения молодых женщин”, - сказал Наполеон Совету. “Они не могут быть воспитаны лучше, чем их матери. Государственное образование им не подходит, потому что их никогда не призывают выступать на публике. Для них главное - хорошие манеры, и они надеются только на брак. В прошлые времена монашеская жизнь была открыта для женщин; они поклонялись Богу, и, хотя общество мало что выиграло от этого союза, родители выиграли, прикарманив приданое”.

Именно образованием дочерей солдат, гражданских чиновников и кавалеров ордена Почетного легиона, которые умерли и оставили своих детей без средств к существованию,

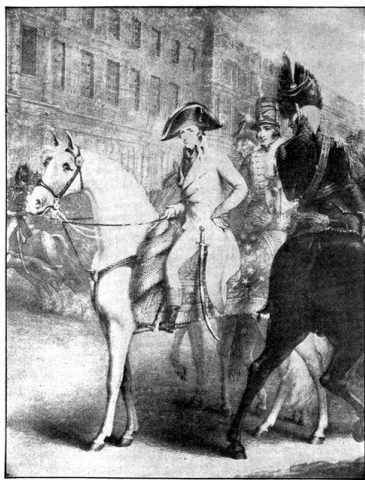
он озаботился, основав школы, образцом для которых является хорошо известная школа в Сен-Дени. Правила были подготовлены самим Наполеоном, который настаивал на том, чтобы девочек обучали всем видам домашней работы и рукоделия - фактически всему, что сделало бы их хорошими хозяйками и честными женщинами.

В это время также были реорганизованы военные училища. Вспомнив свой собственный опыт в Военной школе, Наполеон распорядился, чтобы в них практиковалась строжайшая экономия и чтобы ученики научились все делать сами. Они даже сами убрали, стелили постель и подковывали своих лошадей.

Разрушение старой системы привилегий и почестей оставило правительство без каких-либо средств вознаграждения тех, кто оказывал ему услуги. Наполеон представил закон о создании ордена Почетного легиона, находящегося под контролем государства, который должен был принимать в его состав только тех, кто сделал что-то полезное для общества. Служба могла быть военной, коммерческой, художественной, гуманитарной; ее характеру не было никаких ограничений; все, что каким-либо образом помогало Франции, должно было быть вознаграждено членством в предлагаемом ордене. Фактически, это было самое демократичное различие из всех возможных, поскольку одинаковая награда присуждалась за все виды служения и всем классам людей.

Теперь революционный дух отвергал всякое различие; и поскольку закон допускал свободное обсуждение, ему было предъявлено суровое обвинение. Тем не менее, он был принят. Это немедленно превратилось в силу в руках Первого консула, и таковой она оставалась до сегодняшнего дня в правительстве. Хотя французской "красной кнопкой" часто злоупотребляли, и, возможно, никогда так вопиюще, как в нынешней Республике, бесспорно, это украшение, которым можно гордиться.

Величайшим гражданским достижением Наполеона была кодификация законов. Вплоть до Революции законы Франции находились в туманном, бессвязном состоянии, были феодальными по своему духу и отнюдь не единообразны в своем применении. Учредительное собрание распорядилось пересмотреть их, но работа была только начата. Наполеон справедливо полагал, что наибольшая польза, которую он мог бы оказать Франции, заключалась бы в том, чтобы дать ей полный и систематизированный кодекс. Он организовал силы для выполнения этой гигантской задачи и продвигал ее с неослабевающей энергией.

НАПОЛЕОН УСТРАИВАЕТ СМОТР КОНСУЛЬСКОЙ ГВАРДИИ ВО ДВОРЕ ТЮИЛЬРИ.

Выгравирован в Лондоне К. Тернером по картине Ж. Маскерье.

Его участие в работе было интересным и важным. После того, как законы были хорошо проработаны и согласованы в предварительных органах, они были представлены в Государственный совет. Именно в дискуссии перед этим органом принимал участие Наполеон. То, что человек тридцати одного года, воспитанный как солдат и не имеющий юридического образования, мог следить за дискуссиями в таком образованном и серьезном органе, каким всегда был Государственный совет Наполеона, кажется невероятным. На самом деле, он готовился к каждой сессии так же тщательно, как и сами законодатели. У него была привычка заранее обсуждать, как правило, с Камбасересом и Порталисом, двумя законодателями большой учености и ясности суждений, все вопросы, которые предстояло обсудить.

“Он рассматривал каждый вопрос отдельно,” говорит Редерер, “расспрашивая обо всех авторитетах, временах, опыте; требуя знать, как обстояло дело при древней юриспруденции, при Людовике XIV или Фридрихе Великом. Когда Первому консулу представляли законопроект, он редко упускал возможность задать следующие вопросы: является ли этот законопроект полным? Охватывает ли он каждый случай? Почему вы об этом не подумали? Это необходимо? Правильно ли это или полезно? Что делается сегодня и в других местах?”

Ночью, после того как он ложился спать, он читал или кто-то читал ему авторитетные источники по этому вопросу. Его способность схватывать любую идею была такова, что он приходил на Совет с совершенно ясным представлением о предмете, который нужно было рассматривать, и хорошим представлением о его историческом развитии. Таким образом, он мог следить за самыми эрудированными и философскими аргументами и мог принимать в них участие. Он сразу же избавил их от всех общепринятых фраз и заученных терминов и четко изложил, что они означают. Ему не нужно было ничего, кроме простого значения. Переходя таким образом непосредственно к практическому смыслу той или иной вещи, он часто прояснял идеи самих редакторов.

Разрабатывая законы, он позаботился о том, чтобы они были сформулированы так, чтобы каждый мог их понять. Таким образом, когда готовился закон, касающийся спиртных напитков, он настаивал на том, что *оптовая* и *розничная* торговля должны быть определены таким образом, чтобы у людей были определенные представления о них. “*Кофейник* и *пинта* должны быть вставлены”, - сказал он. “Против этих слов возражений нет. Закон об акцизах - это не эпическая поэма”.

Наполеон настаивал на максимальной свободе слова при обсуждении законов, точно так же, как он настаивал на том, чтобы “переходить прямо к делу и не тратить время на пустые разговоры”. Эта ясность ума, энергия и понимание предмета, проявленные группой действительно замечательных людей, способствовали развитию Совета до тех пор, пока его дискуссии не стали известны по всей Европе. Один из его мудрейших членов, канцлер Паскье, говорит о руководстве Наполеона, что “оно было такого рода, чтобы расширить сферу идей человека и дать его способностям все развитие, на которое они были способны. В нем (Совете) решались высшие законодательные, административные, а иногда даже политические вопросы. Разве мы не видели, как в течение двух зим подряд сыновья иностранных государей приезжали и завершали свое образование в его среде?”

Однако самой впечатляющей чертой Государственного совета был гений главы государства. Де Моллеви́ль, бывший министр Людовика XVI, сказал однажды Лас Кейсу:

“Следует признать, что ваш Бонапарт, ваш Наполеон был очень необычным человеком. Мы были далеки от понимания его по ту сторону океана. Мы не могли отрицать свидетельства его побед и вторжений, это правда; но Гензерихх, Атила, Аларих сделали то же самое; так что он произвел на меня скорее впечатление ужаса, чем восхищения. Но когда я пришел сюда и следил за обсуждениями гражданского кодекса, с того момента у меня не было к нему ничего, кроме глубокого почтения. Но где, черт возьми, он всему этому научился? И с тех пор каждый день я открывал в нем что-то новое. Ах, сэръ, что за человек у вас был! Поистине, он был вундеркиндом”.

Современный читатель, который смотрит на Францию и видит, что ее университет, ее специальные школы, ее больницы, ее великий почетный легион, ее договор с католической церковью, ее свод законов, ее Банк — короче говоря, жизненно важные элементы ее жизни — возникли в мозгу Наполеона, должен спросить, как и Де Моллеви́ль, как ему это удалось — иностранцу, родившемуся на полуцивилизованном острове, воспитанному в военном училище, без дипломатической или юридической подготовки, без престижа имени или богатства? Как он мог создать нацию? Как он мог быть иным, чем варвар-завоеватель, которым англичане и *эмигранты* сначала считали его.

Те, кто смотрит на достижения Наполеона и либо ослеплен, либо в ужасе от них, обычно считают его силу сверхчеловеческой. Они называют это божественным или дьявольским, в зависимости от чувства, которое он в них внушает; но на самом деле качества, которые он проявил в своей карьере государственного деятеля и законодателя, очень человеческие. Его твердая хватка в предметах; его талант к тяжелой работе; его способность видеть все, что должно быть сделано, и делать это самому; его беспримерная смелость объясняют его гражданские достижения.

Понимание им вопросов управления на самом деле было результатом серьезных размышлений. Он размышлял с первых дней своего пребывания в Бриенне, а активный интерес, который он проявил к революции 1789 года, познакомил его со многими социальными и политическими вопросами. Его карьера в Италии, которая была почти в такой же степени дипломатической, как и военная, дала ему опыт, на котором он основал многие представления. В своих мечтах стать восточным законодателем он планировал систему правления, центром которой должен был стать сам. Таким образом, до того, как 18 Брюмера сделало его диктатором Франции, у него были полностью сформированы представления о централизованном управлении, точно так же, как до того, как он пересек Великий Сен-Бернар, он снова и снова участвовал в битве при Маренго, втыкая черно-красные булавки в огромную карту Италии, расстеленную на полу его кабинета.

BONAPARTE, 1ER CONSUL DE LA RÉP. FRANÇ.

НАПОЛЕОН В ТО ВРЕМЯ БЫЛ ПЕРВЫМ КОНСУЛОМ ФРАНЦИИ.

Выгравирована в 1801 году Одуэном по эскизу Буйона.

Его привычка заниматься всем самостоятельно во многом объясняет его успех. Ни одна деталь не была для него слишком незначительной, ни одна задача - слишком черной. Если какая-то вещь требовала внимания, независимо от того, чье это было дело, он заботился о ней. Однажды, читая письма в присутствии мадам Жюно, она сказала ему, что такая работа, должно быть, утомительна, и посоветовала поручить ее секретарю.

“Возможно, позже, - сказал он, - сейчас это невозможно; я должен ответить за всех. В начале возвращения к порядку я не могу позволить себе игнорировать потребность, требование”.

Он проводил эту политику буквально. Отправляясь в путешествие, он лично следил за каждой дорогой, мостом, общественным зданием, мимо которых проезжал, и его письма изобиловали приказами о ремонте здесь, реставрации там. Он точно так же заботился о людях: назначал пенсию одному, должность другому, даже диктовал, как следует сообщать о подарке, чтобы как можно меньше оскорбить гордость получателя.

Когда дело касалось внешней политики, он указывал своим дипломатам, как они должны выглядеть, должно ли это быть серьезно или весело, должны ли они обсуждать оперу или политическую ситуацию.

Стоимость солдатской обуви, вид ложи, которую Жозефина взяла в опере, архитектурный стиль "Мадлен", количество запасов, оставшихся на шелковых фабриках, формулировки законов - все это было его делом.

Он подумал о цветах, которые ежедневно будут разбрасываться на могиле генерала Ренье, предложил идею боевого гимна Руже де л'Илю, подсказал художникам, какое выражение придать ему на своих портретах, какие аксессуары использовать в боевых образах, все заказал, все выверил. “Рядом с ним, - говорили те, кто с изумлением наблюдал за происходящим, - самый педантичный клерк был бы растяпой”.

Без исключительной трудоспособности ни один человек не смог бы этого сделать. Наполеон работал до одиннадцати часов вечера и снова вставал в три часа ночи. Часто он спал всего час и возвращался таким же свежим, как всегда. Ни один секретарь не мог поспеть за ним, и его министры иногда засыпали в Совете, измученные продолжительностью заседания. “Ну же, граждане министры, - кричал он, - мы должны

заработать деньги, которые дает нам французская нация”. Министры редко возвращались домой после совещаний без того, чтобы не найти на своих столах полдюжины писем от него, на которые нужно было ответить, и ответом должен быть ясный, точный, исчерпывающий документ. “Располагайте информацией так, чтобы, когда вы мне ответите, не было никаких ”но”, никаких ”если” и никаких ”потому что””, - таково было правило, которое Наполеон изложил своим корреспондентам.

У него была смелость. Он осмеливался делать то, что хотел. У него не было общепринятых представлений, которые связывали бы его, не было мастера, который диктовал бы ему. Революция смела с его пути накопленный веками опыт — все привычки, предрассудки, способы ведения дел. Он начал с самого низа, чего никогда не делал ни один человек в истории цивилизованного мира, работал с имперской уверенностью в себе, с убеждением, что он “не такой, как другие люди”; что моральные законы, вероучения, условности, которые применялись к ним, были не для него. Он мог слушать других, но в конце концов осмелился поступить так, как хотел.

ГЛАВА IX

ПРОТИВОДЕЙСТВИЕ ЦЕНТРАЛИЗАЦИИ ПРАВИТЕЛЬСТВА—ВСЕОБЩЕЕ ПРОЦВЕТЕНИЕ

Т Нельзя было допустить, чтобы централизация Франции в руках наполеона продолжалась без вмешательства извне. Якобинство, республиканизм, роялизм были глубоко укоренившимися чувствами, и прошло совсем немного времени, прежде чем они начали бороться за самовыражение.

В начале консульства были обнаружены сюжеты с множеством описаний. Самым серьезным до 1803 года был так называемый “Оперный заговор”, или “Заговор 3-го Нивоза” (24 декабря 1800 года), когда на улице была заложена бомба, которая должна была взорваться при проезде кареты Первого консула. Благодаря несчастному случаю он был спасен и, несмотря на шок, отправился в оперу.

Мадам Жюно, которая была там, дает наглядное описание того, как эта новость была воспринята домом:

Едва были сыграны первые тридцать тактов оратории, как раздался сильный взрыв, похожий на пушечный.

“Что это значит?” - взволнованно воскликнул Жюно. Он открыл дверь *ложи* и выглянул в коридор.... ‘Странно, как они могут стрелять из пушек в такой час? И затем: “Я должен был догадаться. Отдай мне мою шляпу; я собираюсь выяснить, что это такое....”

В этот момент открылась *ложь* Первого консула, и появился он сам в сопровождении генералов Ланна, Лористона, Бертье и Дюрока. Улыбаясь, он приветствовал огромную толпу, которая смешала крики любви со своими аплодисментами. Мадам Бонапарт последовала за ним через несколько секунд

Жюно собирался войти в *ложу*, чтобы лично убедиться в безмятежности Первого консула, которую я только что заметил, когда к нам подошел Дюрок с озабоченным лицом.

“Первый консул только что избежал смерти”, - быстро сказал он Жюно. ‘Спустись и повидайся с ним; он хочет поговорить с тобой’. ... Но глухой звук начал распространяться от партера к оркестру, от оркестра к амфитеатру, а оттуда к *лоджиям*.

“На первого консула только что напали на улице Сен-Никез”, - прошептали. Вскоре правда распространилась по *залу*; в то же мгновение, как от удара электрическим током, раздалась одна и та же возгласы, один и тот же взгляд окутал Наполеона, словно защищая любовью.

“Какое возбуждение предшествовало взрыву народного гнева, который был представлен в те первые четверть часа этой толпой, ярость которой по поводу столь черной атаки невозможно было выразить словами! Женщины громко рыдали, мужчины дрожали от негодования. Какому бы знамени они ни следовали, в данном случае они были едины сердцем и рукой, чтобы показать, что различия во мнениях не привели к различиям в понимании чести”.

Именно такие попытки и подозрения в подобных привели к расширению полицейской службы. Один из самых способных и хитроумных людей Революции стал начальником полиции наполеоновского консульства Фуше. Непревзойденный актер и искусный льстец, которому не мешала никакая совесть, кроме долга оставаться на месте, он сыграл любопытную и занимательную роль. Детективная работа была для него игрой, в которую

он играл с огромным удовольствием. Он был настоящим любителем сюжетов и никогда не был веселее, чем когда их прослеживал.

Наполеон восхищался Фуше, но не доверял ему и, чтобы компенсировать это, создал частную полицию для слежки за его работой. Ему так и не удалось найти никого, кто мог бы сравниться с шефом, который несколько раз оказывался достаточно злобным, чтобы самому придумывать заговоры, возбуждать и вводить в заблуждение частных агентов.

Система шпионажа зашла так далеко, что письма регулярно вскрывались. Обычно говорили, что те, кто не хотел, чтобы их письма читали, не отправляли их по почте; и хотя вряд ли было необходимо, как во время Революции, посылать их в пирожках, подкладках для пальто или тульях для шляп, все же при обращении со всеми политическими письмами следовало проявлять осторожность и осмотрительность.

На почту было трудно нанять чиновников, на которых можно было положиться в перехвате соответствующих писем; и в 1802 году генеральный почтмейстер месье Бернар, отец прекрасной мадам Рекамье, был уличен в сокрытии активной роялистской переписки и в разрешении распространения ряда подстрекательских брошюр. Его арест и заключение в тюрьму произвели большой переполох в кругу его дочери, что имело большое социальное и интеллектуальное значение. Благодаря заступничеству Бернадотта месье Бернар был помилован Наполеоном. *Кабинет нуар*, как назывался отдел почты, выполнявший эту работу, существовал, когда Наполеон пришел в консульство, и он скорее ограничил, чем расширил его деятельность. От этого никогда полностью не отказывались, о чем могут свидетельствовать многие безобидные иностранцы во Франции.

Театр и пресса также подвергались строгой цензуре. В 1800 году количество газет в Париже сократилось до двенадцати, а через три года их осталось всего восемь, при общем подписном листе в восемнадцать тысяч шестьсот тридцать. Презрение Наполеона к журналистам и редакторам равнялось тому, которое он испытывал к юристам, которых он называл “кучкой болтунов и революционеров”. Ни одному из классов, по его мнению, нельзя было позволить выйти на свободу.

“ГЕНЕРАЛ ВЕЛИКОЙ АРМИИ”.

Этот карандашный портрет Дэвида - не что иное, как быстрый набросок, но его иконографический интерес неоспорим. Дэвид, несомненно, выполнил этот проект в конце 1797 года, после возвращения Бонапарта из Италии. Он принадлежит месье Шерами, парижскому адвокату.—А. Д.

За *salons* наблюдали, и наверняка сообщалось о тех, чьи *завсегдатаи* открыто критиковали Наполеона. Один серьезный разрыв произошел в результате надзора за *салонами*, который был связан с мадам де Сталь. Она была горячей поклонницей Наполеона в начале консульства, и Бурьен рассказывает несколько забавных историй о том, с каким отвращением Наполеон относился к письмам с восхищением и чувствами, которые она писала ему еще во время итальянской кампании. Если верить секретарю, мадам де Сталь в одном из этих писем сказала Наполеону, что они определенно созданы друг для друга, что то, что мягкая и спокойная Жозефина была связана с его судьбой, было ошибкой человеческих институтов, что природа, очевидно, предназначила для такого героя, как он, ее собственную огненную душу. Наполеон разорвал письмо на мелкие клочки и с тех пор прилагал все усилия, чтобы при каждой встрече с мадам де Сталь с предельной прямоотой излагать ей свои представления о женщинах, которые, безусловно, были какими угодно, только не “современными”.

По мере усиления централизации правительства мадам де Сталь и ее друзья критиковали Наполеона более свободно и резко, чем, без сомнения, сделали бы, если бы она не была возмущена его личным отношением к ней. Эта враждебность росла до тех пор, пока в 1803 году Первый консул не приказал ей покинуть Францию. “Появление этой женщины, как и появление птицы предзнаменования, всегда было сигналом к каким-то неприятностям”, - сказал он, отдавая приказ. “В мои намерения не входит позволять ей оставаться во Франции”.

В 1807 году этот приказ был повторен, и многие друзья мадам де Сталь были включены в запрет:

“Я написал министру полиции, чтобы он отправил мадам де Сталь в Женеву. Эта женщина продолжает свое ремесло интриганки. Она отправилась под Париж вопреки моему приказу. Она настоящая чума. Поговорите серьезно с министром, потому что я буду вынужден отдать ее в *жандармерию*. Не спускайте глаз с Бенджамина Константа; если он во что-нибудь вмешается, я отправлю его к жене в Брауншвейг. Я не потерплю этой шайки.

Но если сравнить политику ограничений во время консульства с тем, какой она была при старом *режиме* и во время Революции, то, безусловно, она была намного впереди в плане свободы, осмотристельности и гуманности. Сегодняшнее республиканское правительство, подавляя анархию и социализм, действовало с меньшей мудростью и меньшим уважением к свободе мысли, чем Наполеон в этот период своей карьеры; и это тоже в обстоятельствах менее сложных и критических. Если до сих пор ходили скучные слухи о недовольстве, о *кабинете нуар*, ограниченной прессе, театральной цензуре, запретах, даже тюремных заключениях и казнях, в целом Франция была счастлива.

“Не только внутренние колеса машины заработали без сбоев, - говорит герцогиня д'Абрантес, - но и само искусство, эта самая мирная часть внутреннего управления, стало ярким доказательством возвращающегося процветания Франции. Экспозиция на *Салоне* в том году (1800) была на редкость прекрасной. Герен, Давид, Жерар, Жироде - толпа великих талантов, подстегиваемых соперничеством, которое всегда пробуждает огонь гениальности, - создали работы, которые со временем должны поставить нашу школу на высокий уровень”.

Художественные сокровища Европы хлынули во Францию. Под руководством Денона, этого неумолимого *дилетанта* и студента, который собрал во время экспедиции в Египет больше занимательного материала, чем весь Институт, и написал о нем отчет, который всегда будет предпочтительнее “Великой работы”, парижские галереи были реорганизованы и открыты для посетителей два дня в неделю. Наполеон сам положил начало этой практике. Не только Париж был снабжен галереями; те департаментские музеи, которые сегодня удивляют и восхищают туриста во Франции, были созданы в Анже, Антверпене, Отене, Бордо, Брюсселе, Кане, Дижоне, Женеве, Гренобле, Ле-Мане, Лилле, Лионе, Майнсе, Марселе, Монпелье, Нанси, Нанте, Ренне, Руане, Страсбурге, Тулузе и Туре. *Римская премия*, на которую в казне некоторое время не было денег, была восстановлена.

Были приложены все усилия для стимулирования научных исследований. Случай с Вольтой - как раз то, что нужно. В 1801 году Бонапарт вызвал выдающегося физика в Париж, чтобы повторить его эксперименты перед Институтом. Он предложил наградить его медалью с денежной суммой и в его честь учредил премию в шестьдесят тысяч франков, которая присуждалась любому, кто совершит открытие, аналогичное по ценности открытию Вольты.^[4] Американец - Роберт Фултон — был примерно в то же время поощрен Первым консулом. Фултон экспериментировал со своей подводной торпедой и водолазным катером и в течение четырех лет жил в Париже, осаждая Директорию с просьбой уделить ему внимание и выделить средства. Наполеон занялся этим вопросом, как только Фултон представил его ему, приказал назначить комиссию для изучения изобретения и выделить грант в размере десяти тысяч франков на необходимые эксперименты.

Институт был реорганизован, и для поощрения науки и искусства он учредил в 1804 году двадцать две премии, девять из которых были по десять тысяч франков каждая и тринадцать по пять тысяч франков каждая. Они должны были вручаться каждые десять лет самим императором 18 Брюмера. Первое распределение этих премий должно было состояться в 1809 году, но судьи не смогли прийти к единому мнению относительно лауреатов; и прежде чем было принято решение, империя пала.

БОНАПАРТ КАК ГЕНЕРАЛ, КОНСУЛ, ЧЛЕН ИНСТИТУТА.

Эти бюсты выполнены в севрском бисквите. Первый, который намного превосходит два других, приписывается Буазо. Севрская мануфактура изготовила много таких бюстов, особенно в консульский период, и Бонапарт, стремившийся повсюду видеть свое лицо, поощрял их производство и распространение. Передо мной официальный документ, который показывает, что с начала VI года. до конца IX года. фабрика изготовила более четырехсот бюстов и тысячу триста медальонов Бонапарта. —А. Д.

В литературе и музыке, как и в искусстве и науке, произошло возобновление деятельности. Вокруг Первого консула собрался кружок поэтов и писателей. Паизиелло был вызван в Париж, чтобы руководить оперой и консерваторией. Произошло возрождение достоинства и вкуса, резко контрастировавших с распущенностью и беспечностью революции. *Неподражаемый* скончался. Греческий костюм исчез с улиц. Мужчины и женщины снова начали одеваться, действовать, разговаривать в соответствии с общепринятыми формами. Общество восстановило свои систематические методы ведения дел, и вскоре стало видно мало признаков общего разложения, которое царило в течение десяти лет.

Путешественник снова спокойно пересек Францию; крестьянин и рабочий спокойно занимались своей работой и спали без страха. Снова люди танцевали в полях и “пели свои песни, как в дни до революции”. “Франции нечего просить у Небес, - сказал Реньо де Сен-Жан д'Анжели, - кроме того, чтобы солнце продолжало светить, дождь лил на наши поля, а земля давала всходы семенам”.

НАПОЛЕОН В 1803 ГОДУ.

Нарисован А. Жераром в 1803 году. Выгравирован Ришомом в 1835 году.

1. Премия Volta присуждалась всего три или четыре раза. Особый интерес для американцев вызвала награда, присужденная в 1880 году доктору Александру Грэму Беллу, изобретателю телефона. Сумма премии составляла чуть меньше десяти тысяч долларов. Доктор Белл, уже будучи в достатке, получив эту премию, выделил ее для использования в интересах глухих, к благополучию которых он в течение многих лет проявлял большой интерес. Он вложил их в другое свое изобретение, которое оказалось очень прибыльным, так что фонд достиг ста тысяч долларов. Это он назвал Фондом Вольта. Часть этого фонда была направлена доктором Беллом на организацию Бюро Вольта, которое собирает всю ценную информацию, которую можно получить, касающуюся не только глухонемых в целом, но и глухонемых в отдельности. Двадцать пять тысяч долларов было выделено Ассоциации содействия обучению речи глухих. Таким образом, Наполеон косвенно является основателем одного из самых интересных и ценных начинаний страны в настоящее время.

ГЛАВА X

ПОДГОТОВКА К ВОЙНЕ С АНГЛИЕЙ—ФЛОТИЛИЯ В БУЛОНИ—ПРОДАЖА ЛУИЗИАНЫ

Весной 1803 года был разорван Амьенский мирный договор, который годом ранее положил конец длительной войне с Англией. У обеих стран было много причин для недовольства. Наполеон был разгневан тем, что Мальта не была эвакуирована. Полная свобода прессы в Англии дала памфлетистам и карикатуристам страны возможность критиковать и высмеивать его. Он горько жаловался английским послам на эту свободную прессу, институт, по его мнению, непрактичный и идеалистический. Он также жаловался на враждебных *эмигрантов*, которым разрешалось собираться на Джерси; на присутствие в Англии такого известного его врага, как Жорж Кадудаль; и на сочувствие и деньги, которые принцы Бурбонов и многие дворяне старого *режима* получали в лондонском обществе. Тогда же он рассматривал страну как своего естественного и неизбежного врага. Англия для Наполеона была всего лишь маленьким островом, который, подобно Корсике и Эльбе, естественно, принадлежал Франции, и он считал частью своей работы завладеть ею.

Англия, с другой стороны, с недоверием смотрела на расширение влияния Наполеона на Континенте. Северная Италия, Швейцария, Голландия, Парма, Эльба находились под его протекторатом. Она была глубоко оскорблена опубликованным в Париже отчетом о положении на Востоке, в котором автор заявлял, что с шестью тысячами человек французы могут отвоевать Египет; ее возмущали яростные статьи в официальной прессе Парижа в ответ на статьи свободной прессы Англии; ее аристократический дух был раздражен успехами Наполеона; она презирала этого *парвеню*, этого “корсиканского негодяя”, как называл его Нельсон, у которого хватило смелости подняться так высоко, используя не общепринятые методы продвижения в мире, который она санкционировала.

Реальная и воображаемая агрессия продолжалась в течение всего мирного года; и когда, наконец, наступил перелом, хотя обе страны упорно заявляли, что не хотят войны, обе были в совершенно воинственном настроении.

Приготовления Наполеона против Англии представляют собой одно из самых ярких военных действий в его карьере. Не имея возможности справиться со своим врагом на море, он задумал дерзкую идею вторгнуться на остров и осадить сам Лондон. План вкратце сводился к следующему — собрать большую армию на северном побережье Франции и в каком-нибудь порту флотилию, достаточную для транспортировки ее в Великобританию. Чтобы предотвратить вмешательство в эту экспедицию, он будет удерживать флот противника занятым в Средиземном море или в Атлантике до критического момента. Затем, хитростью уведя английского военно-морского командующего в ложном направлении, он вызвал бы свой собственный флот в Ла-Манш для защиты своего прохода. Он рассчитывал оказаться в Лондоне и принудить англичан к миру до того, как Нельсон сможет вернуться из погони, которую он собирался вести за ним.

Приготовления начались немедленно. Портом, выбранным для флотилии, была Булонь; но все побережье от Антверпена до устья Сены оцетинилось железом и бронзой. Между Кале и Булонью, у мыса Гри-Нез, где навигация была наиболее опасной, батареи буквально соприкасались друг с другом. Пятьдесят тысяч человек были привлечены к колоссальным раскопкам, необходимым для того, чтобы сделать порты достаточно большими, чтобы принимать флотилию. Большое количество войск было быстро переброшено в окрестности: пятьдесят тысяч человек в Булонь под командованием Сульта; тридцать тысяч в Этабль под командованием Нея; тридцать тысяч в Остенде под командованием Даву; резервы в Аррас, Амьен, Сент-Омер.

Работы по подготовке плоскодонных лодок, или скорлупок от грецких орехов, как называли их англичане, которые должны были перевозить армию, велись во всех портах Голландии и Франции, а также во внутренних городах, расположенных на реках, ведущих к морю. Войска учили грести, каждый солдат был обязан упражняться по два часа в день, так что реки всего севера Франции были усеяны сухопутными людьми, берущимися за весло, большинство из них - впервые.

Летом 1803 года Наполеон отправился на север, чтобы присмотреть за ходом работ. Его поездка была одной продолжительной охотой. *Le Chemin d'Angleterre* - такую надпись жители Амьена нанесли на триумфальную арку, воздвигнутую в его честь, и город наперебой выражал свою радость по поводу предполагаемого разгрома давнего врага.

Интерес людей был таков, что были предложены тысячи проектов, чтобы помочь во время вторжения, некоторые из них были самыми забавными. В ученом и совершенно серьезном памятнике один гений предложил, чтобы на время подготовки флотилии матросы занимались ловлей дельфинов, которых следует запереть в портах, приручить и научить носить упряжь, чтобы ими можно было управлять в воде, как лошадьми на суше. Эта новая сила должна была переправить французов на противоположный берег Ла-Манша.

Наполеон был занят не только приготовлениями в Булони и тем, что отвлекал Нельсона от других дел. Он обдумывал каждый проект, который мог облегчить его предприятие или привести в замешательство его врагов. Водолазная лодка Фултона "Наутилус" и его подводные торпеды в то время привлекали внимание военных ведомств цивилизованных стран. Наполеон уже выделил десять тысяч франков на помощь изобретателю. Из лагеря в Булони он снова приказал изучить этот вопрос. Фултон пообещал ему машину, которая "избавит Францию и весь мир от британского гнета".

СЕРЫЙ РЕДИНГОТ И МАЛЕНЬКУЮ ШАПОЧКУ НОСИЛ НАПОЛЕОН.

“Я только что прочитал проект гражданина Фултона, инженера, который вы прислали мне слишком поздно, - писал он, - поскольку он может изменить облик мира. Как бы то ни было, я желаю, чтобы вы немедленно доверили его изучение комиссии, состоящей из членов, выбранных вами из различных классов Института. Вот почему образованная Европа стала бы искать судей для решения рассматриваемого вопроса. Великая правда, физическая, осязаемая правда находится перед моими глазами. Этим джентльменам предстоит попытаться захватить его и увидеть. Как только они составят отчет, он будет отправлен вам, а вы перешлете его мне. Постарайся, чтобы все было решено в течение восьми дней, поскольку я нетерпелив”.

Он следил за каждой точкой земли, где он мог быть слаб или где он мог ослабить своего врага. Он овладел Ганновером. Ирландцам была обещана помощь в их борьбе за свободу. “При условии, что двадцать тысяч объединенных ирландцев присоединятся к французской армии при ее высадке”, Франция должна предоставить им взамен двадцать пять тысяч человек, сорок тысяч мушкетов, артиллерию и боеприпасы, а также обещание, что французское правительство не заключит мира с Англией, пока не будет провозглашена независимость Ирландии.

Планировалось нападение на Индию, он надеялся, что индийские принцы будут рады захватчику, который поможет им сбросить английское иго. Чтобы укрепиться на Востоке, он пытался с помощью писем и посланников завоевать доверие, а также внушить благоговейный трепет правителям Турции и Персии.

Продажа Луизианы Соединенным Штатам относится к этому времени. Эта передача, имеющая для нас такое огромное значение, была произведена Наполеоном исключительно ради нанесения вреда Англии. Франция владела Луизианой всего три года. Она получила его из Испании только при условии, что он “ни в коем случае, ни под каким предлогом и никоим образом не будет отчужден или передан какой-либо другой державе”. Формальное положение международных договоров запрещало его продажу. Но Наполеон был не из тех, кто обращает внимание на международный договор, если сиюминутные интересы требуют его нарушения. Продать Луизиану сейчас означало бы устранить слабое место Франции, на которое Англия наверняка напала бы в войне. Более того, это передало бы огромную территорию, которую он не мог контролировать, в руки страны, которая, по его мнению, когда-нибудь станет серьезным препятствием для английских амбиций. Он продал колонию по той же причине, по которой бывшие французские правительства помогали Соединенным Штатам в их борьбе за независимость — нанести ущерб Англии. Это помогло бы Соединенным Штатам, но повредило бы Англии. Этого было достаточно, и со свойственным ему рвением он поспешил завершить переговоры.

“Я только что дал Англии морского соперника, который рано или поздно смирит ее гордость”, - ликуя, сказал он, когда конвенция была подписана. Продажа принесла ему двенадцать миллионов долларов, и Соединенные Штаты приняли на себя претензии Франции по грабежу.

Эта продажа Луизианы вызвала одну из первых ожесточенных ссор между Люсьеном Бонапартом и Наполеоном. Люсьен вел переговоры о возвращении американской территории Франции в 1800 году. Он сколотил огромное состояние на этом договоре и очень гордился этой сделкой; и когда однажды вечером его брат Жозеф в спешке пришел к нему с сообщением, что генерал хочет продать Луизиану, он утром поспешил в Тюильри, чтобы выразить протест.

Наполеон принимал ванну, но, по тогдашнему обычаю, принял своих братьев. Он сам затронул эту тему и спросил Люсьена, что тот думает.

“Я льщу себя надеждой, что Палата представителей не даст своего согласия”.

“Вы льстите себе?” - спросил Наполеон. “Это хорошо, я заявляю”.

- Я уже говорил то же самое первому консулу! - воскликнул Джозеф.

“И что я ответил?” - спросил Наполеон, возмущенно плескаясь в непрозрачной воде.

- Что ты сделаешь это вопреки Чамберсу.

“ Совершенно верно. Я сделаю это без чьего-либо согласия. Ты понимаешь?

Жозеф, вне себя, бросился в ванну и заявил, что если Наполеон посмеет сделать такое, он встанет во главе оппозиции и сокрушит его, несмотря на их братские отношения. Спор разгорелся настолько жарко, что Первый консул вскочил с криком: “Вы наглец! Я должен...” но в этот момент он поскользнулся и с силой упал назад. Огромная масса ароматизированной воды промокла Джозефу до нитки, и конференция закончилась.

Час спустя Люсьен встретился со своим братом в его библиотеке, и дискуссия возобновилась, но закончилась другой сценой: Наполеон швырнул на пол красивую табакерку и разбил ее вдребезги, при этом он сказал Люсьену, что если тот не прекратит свое сопротивление, он раздавит его таким же образом. Эти сцены насилия повторялись, но безрезультатно. Луизиана была продана.

НАПОЛЕОН ВЕЛИКИЙ (“NAPOLEON LE GRAND”) В КОРОНАЦИОННОЙ МАНТИИ. 1805.

Нарисован и выгравирован по заказу императора. Выгравирован Деснойером по портрету, написанному Жераром в 1805 году.

ГЛАВА XI

ПРОТИВОСТОЯНИЕ НАПОЛЕОНУ—СОЗДАНИЕ ИМПЕРИИ—КОРОЛЬ ИТАЛИИ

ВПока шла подготовка к вторжению, враждебные настроения против Англии усилились после раскрытия заговора против жизни Первого консула. Жорж Кадудаль, фанатичный роялист, которого обвинили в причастности к заговору 3-го Нивоза (24 декабря) и который с тех пор находился в Англии, организовал гигантский заговор, имевший своей целью не что иное, как убийство Наполеона среди бела дня на улицах Парижа.

Он заручился мощной помощью для осуществления своего плана. Принцы Бурбонов поддерживали его, и один из них должен был высадиться на северном побережье и встать во главе сторонников роялистов, как только будет убит Первый консул. В этом заговоре был замешан Пишегру, который был связан с 18-м Фруктидором. Генерала Моро, героя Гогенлиндена, подозревали в том, что он что-то знал об этом.

Это вовремя всплыло наружу, и были произведены массовые аресты тех, кого подозревали в причастности к этому. Первым, кого судили и наказали, был герцог Энгийенский, который был схвачен в Эттенхайме, в Бадене, недалеко от французской границы, по подозрению в том, что он тайно приезжал в Париж, чтобы присутствовать на собраниях заговорщиков. Суд над ним в Венсенне был коротким, казнь - немедленной. Есть веские основания полагать, что Наполеон не подозревал, что герцог Энгийенский будет казнен так скоро, как он был казнен, и даже предположить, что он смягчил бы приговор, если бы наказание не было применено с неправильностью и бесчеловечностью, которые напоминают дни Террора.

Казнь нанесла серьезный удар по популярности Наполеона, как внутри страны, так и за рубежом. Циничное замечание Фуше было справедливым: "Смерть герцога Энгийенского хуже, чем преступление; это грубая ошибка". Шатобриан, принявший иностранное посольство, сразу же подал в отставку, и ряд представителей старой аристократии, таких как Паскье и Моле, которые говорили между собой, что их долг - поддержать великолепную работу Наполеона по реорганизации, вернулись в безвестность. В обществе это произвело удручающее впечатление. Домочадцы самого Наполеона встретили его с опечаленными лицами, а Жозефина плакала до тех пор, пока он не назвал ее ребенком, ничего не понимающим в политике. За границей наблюдалось отвращение к сочувствию, особенно в кабинетах министров России, Пруссии и Австрии.

Последовал суд над Кадудалем и Моро. Первый вместе с несколькими своими сообщниками был казнен. Моро был сослан на два года. Пишегру покончил с собой в Храме.

Этот заговор показал Наполеону и его друзьям, что фанатик-якобинец или роялист в любой день может оборвать жизнь, от которой зависит план реорганизации. Это правда, что он уже был назначен пожизненным первым консулом практически единогласным голосованием, но необходимо было укрепить его положение и обеспечить преемственность. В марте, через шесть дней после смерти герцога Энгийенского, Сенат

предложил ему завершить свою работу и занять трон. В апреле Государственный совет и трибунал приступили к обсуждению. Мнение большинства выразил Реньо де Сен-Жан д'Анжели: "Прошло много времени с тех пор, как все разумные люди, все истинные друзья своей страны желали, чтобы Первый консул провозгласил себя императором и восстановил в пользу своей семьи старые принципы наследования. Это единственное средство обеспечить постоянство для его собственного состояния и для людей, которых заслуги возвели на высокие посты. Республика, которую я страстно любил, в то время как я ненавидел преступления Революции, теперь в моих глазах просто Утопия. Первый консул убедил меня, что он желает обладать верховной властью только для того, чтобы сделать Францию великой, свободной и счастливой и защитить ее от ярости фракций".

Вскоре после этого Сенат в полном составе направился в Тюильри. "Вы вытащили нас из хаоса прошлого, - сказал оратор. - вы позволяете нам наслаждаться благами настоящего; гарантируете нам будущее". 18 мая 1804 года, когда Наполеону исполнилось тридцать пять лет, к нему впервые обратились "сир" и поздравили с восхождением на трон французского народа.

Его домашнее хозяйство сразу же приняло формы королевской семьи. Его матерью была мадам Мера; Жозеф, великий курфюрст, носил титул императорского высочества; Луи, коннетабль, носил тот же титул; его сестры были императорскими высочествами. Титулы были присвоены всем должностным лицам; министрами стали их превосходительства; Камбасерес и Лебрен, Второй и Третий консулы, стали архиканцлером и архи-казначеем Империи. Из его генералов Бертье, Мюрат, Монси, Журден, Массена, Ожеро, Бернадотт, Сульт, Брюн, Ланн, Мортье, Ней, Даву и Бессьер были произведены в маршалы. Красные пуговицы ордена Почетного легиона были разбросаны в изобилии. Титул *гражданина*, который был освящен революцией, был упразднен, и с тех пор всех называли *месье*.

Два брата Наполеона, к несчастью, не участвовали в этих почестях. Джером, служивший лейтенантом военно-морского флота, в 1803 году, находясь в Соединенных Штатах, женился на мисс Элизабет Паттерсон из Балтимора. Наполеон запретил регистрировать брак и объявил его недействительным. Поскольку Жером еще не отказался от своей жены, он не имел доли в императорских наградах. Люсьен тоже был опущен, и по той же причине. Его первая жена умерла в 1801 году, и во многом вопреки желанию Наполеона он женился на мадам Жубертон, к которой был глубоко привязан; ничто не могло заставить его отказаться от своей жены и жениться на королеве Этрурии, как того желал Наполеон. Результатом его отказа стала жестокая ссора между братьями, и Люсьен покинул Францию.

Этот разрыв, безусловно, огорчил Наполеона. Мадам де Ремюза рисует трогательную маленькую картину того, какое впечатление произвела на него последняя встреча с Люсьеном:

Было около полуночи, когда Бонапарт вошел в комнату; он был глубоко удручен и, бросившись в кресло, воскликнул взволнованным голосом: 'Все кончено! Я порвала с Люсьеном и приказала ему удалиться от меня. Мадам Бонапарт начала возражать. 'Вы добрая женщина, - сказал он, - раз вступились за него'. Затем он поднялся со стула, обнял жену и нежно положил ее голову себе на плечо, и, все еще держа руку на красивой головке, которая так контрастировала с печальным, осунувшимся лицом, он рассказал нам, что Люсьен не поддался на все его уговоры и что он одинаково тщетно прибегал как к угрозам, так и к уговорам. 'Однако трудно, - добавил он, 'обнаружить в собственной семье такое упорное противодействие интересам такого масштаба. Должен ли я тогда изолировать себя от всех? Должен ли я полагаться только на себя? Что ж! Мне будет достаточно самого себя; а ты, Джозефина, всегда будешь моим утешением".

Лихорадка этикета охватила всех обитателей императорского дворца Сен-Клу. Громоздкие правила Людовика XIV. были сняты с полок в библиотеке, и из них начал компилироваться код. Мадам Кампан, которая была первой камеристкой Марии-Антуанетты, была вызвана, чтобы растолковать торжественный закон и описать костюмы и обычаи. Месье де Талейран, ставший великим камергером, был авторитетом, с которым советовались по любому вопросу.

“Мы все чувствовали себя более или менее возвышенными”, - говорит мадам де Ремюза. “Тщеславие изобретательно в своих ожиданиях, и наши ожидания были безграничны. Иногда на мгновение разочаровывало наблюдать за почти нелепым эффектом, который эта агитация производила на определенные классы общества. Те, кто не имел никакого отношения к нашим совершенно новым достоинствам, говорили вместе с Монтенем: “Давайте отомстим за себя, понося их”. Шутки, более или менее остроумные, и каламбуры, более или менее остроумные, были щедро расточены в адрес этих новоиспеченных принцев и несколько нарушили наши блестящие видения; но число тех, кто осмеливается осуждать успех, невелико, и лесть была гораздо более распространенным явлением, чем критика”.

Никто не был более строг в вопросах этикета, чем сам Наполеон. Он изучал этот предмет с тем же вниманием, что и гражданский кодекс, и во многом таким же образом. “Совместно с месье де Сегюром,” писал он де Шампаньи, - вы должны написать мне отчет о том, как следует принимать министров и послов.... Будет полезно, если вы просветите меня относительно того, какова была практика в Версале и что делается в Вене и Санкт-Петербурге. Как только мои правила будут приняты, все должны им соответствовать. Я хозяин, чтобы устанавливать во Франции те правила, которые мне нравятся”.

У него были некоторые трудности со своими старыми товарищами по оружию, которые привыкли обращаться к нему во втором единственном числе и называть его Бонапартом, и которые иногда продолжали, даже после того, как он обращался к ним “сир”, использовать язык непринужденной близости. Ланн даже был на некоторое время отстранен от своего места рядом с императором за неосмотрительность подобного рода.

В августе 1804 года новый император посетил Булонь, чтобы принять поздравления от своей армии и раздать награды. Его визит был отмечен великолепным *праздником*. Те, кто знает местность Булонь, помнят, что к северу от города находится равнина, похожая на амфитеатр, в центре которой находится холм. На этой равнине разбили лагерь шестьдесят тысяч человек. На возвышении был воздвигнут трон. Здесь стояло кресло Дагоберта; за ним - доспехи Франциска I. А вокруг возвышались десятки окровавленных, простреленных пулями флагов - трофеев Италии и Египта. Рядом с императором лежал шлем Баярда, наполненный наградами, которые предстояло раздать. Вдоль берега стояли французские батареи; в порту стояла флотилия; справа и слева простиралась великолепная армия.

Как только церемонии были закончены, флотилия из более чем тысячи лодок вошла в гавань, чтобы присоединиться к тем, кто уже был там, в то время как в проливе Ла-Манш английские офицеры и матросы в подзорные трубы наблюдали со своих кораблей за великолепным вооружением, которое праздновало свое приближение к их берегам.

1 декабря Сенат представил императору результаты народного голосования по вопросу о том, следует ли утвердить наследование по наследству. Было подано две тысячи пятьсот семьдесят девять голосов “против”; три миллиона пятьсот семьдесят пять тысяч —за” - голосование более единодушное, чем за пожизненное консульство, тогда против него было что-то около девяти тысяч.

На следующий день Наполеон был коронован в Соборе Парижской Богоматери. Церемония готовилась с величайшей тщательностью. Великий церемониймейстер де

Сегюр с помощью художника Давида составил план и с особой строгостью обучил придворных этикету этого мероприятия. У него была широчайшая свобода действий, даже при условии, что “если это будет необходимо для того, чтобы *кортеж* прибыл в Нотр-Дам с большей легкостью, снести несколько домов”, это должно быть сделано. Искусным дипломатическим ходом Наполеон убедил папу Пия VII. пересечь Альпы, чтобы совершить для него торжественную и древнюю церемонию коронации.

У нас нет лучшего описания этой церемонии, чем у мадам Жюно:

“Тот, кто видел Собор Парижской Богоматери в тот памятный день, сможет когда-нибудь забыть это? Я был свидетелем того, как в этом почтенном здании проводились пышные и торжественные празднества; но никогда я не видел ничего, хотя бы отдаленно напоминающего по великолепию зрелище, представшее на коронации Наполеона. Сводчатая крыша вторила священному пению священников, которые призывали благословение Всевышнего на предстоящую церемонию, ожидая прибытия Наместника Христа, чей трон был приготовлен рядом с алтарем. Вдоль старинных стен, покрытых великолепными гобеленами, были расставлены в соответствии со своим рангом различные государственные органы, депутаты от каждого города; короче говоря, представители всей Франции собрались, чтобы молить Небеса о благословении монарха, избранного народом. Развевающиеся перья, украшавшие шляпы сенаторов, государственных советников и трибунов; великолепные мундиры военных; духовенство во всей их церковной пышности; и множество молодых и красивых женщин, сверкающих драгоценностями и одетых с тем изяществом и элегантностью, которые можно увидеть только в Париже, — все это представляло картину, равной которой, возможно, редко кто мог сравниться и уж точно никогда не превосходил.

“Папа прибыл первым, и в момент его входа в собор зазвучал гимн *Tu es Petrus*. Его Святейшество вышел из дверей с видом одновременно величественным и смиренным. Вскоре пушечный залп возвестил об отправлении процессии из Тюильри. С раннего утра погода была крайне неблагоприятной. Было холодно и дождливо, и внешний вид, казалось, указывал на то, что процессия не понравится тем, кто к ней присоединится. Но, словно по особой милости Провидения, примеров которой так много в карьере Наполеона, тучи внезапно рассеялись, небо прояснилось, и толпы людей, выстроившиеся вдоль улиц от Тюильри до собора, наслаждались зрелищем процессии, не промокнув, как они ожидали, под декабрьским дождем. Наполеона, когда он проходил мимо, приветствовали искренними выражениями восторженной любви и привязанности.

НАПОЛЕОН С ЖЕЛЕЗНОЙ КОРОНОЙ ЛОМБАРДИИ.

Разработан и выгравирован Лонги в 1812 году для “*Vite e Ritratti di illustri Italiani*”.

“По прибытии в Нотр-Дам Наполеон взойшел на трон, который был установлен перед главным алтарем. Жозефина заняла свое место рядом с ним, окруженная собравшимися монархами Европы. Наполеон казался на редкость спокойным. Я внимательно наблюдал за ним, желая определить, сильнее ли бьется его сердце под императорскими атрибутами, чем под мундиром гвардейцев; но я не мог заметить никакой разницы, и все же я был от него всего в

десяти шагах. Однако продолжительность церемонии, казалось, утомила его; и я видел, как он несколько раз подавлял зевоту. Тем не менее, он сделал все, что от него требовалось, и сделал это с соблюдением приличий. Когда папа совершил тройное помазание его головы и обеих рук, по направлению его глаз мне показалось, что он думал о том, чтобы стереть масло, а не о чем-либо другом; и я был настолько хорошо знаком с выражением его лица, что без колебаний могу сказать, что именно эта мысль пришла ему в голову в тот момент. Во время церемонии помазания Святой Отец произнес впечатляющую молитву, которая завершилась такими словами: "Пролей, о Господь, моими руками сокровища твоей милости и благословения на твоего слугу Наполеона, которого, несмотря на наше личное недостойство, *мы сегодня помазываем императором во имя твое*". Наполеон выслушал эту молитву с видом благочестивой преданности; но как раз в тот момент, когда папа собирался взять с алтаря корону, *называемую* Короной Карла Великого, Наполеон схватил ее и возложил себе на голову. В этот момент он был по-настоящему красив, и его лицо озарилось выражением, о котором невозможно передать никакими словами.

“Он снял лавровый венок, который был на нем при входе в церковь и который обрамляет его лоб на прекрасном портрете Жерара. Корона, возможно, сама по себе была ему менее к лицу, но выражение лица, вызванное актом ее надевания, делало его безупречно красивым.

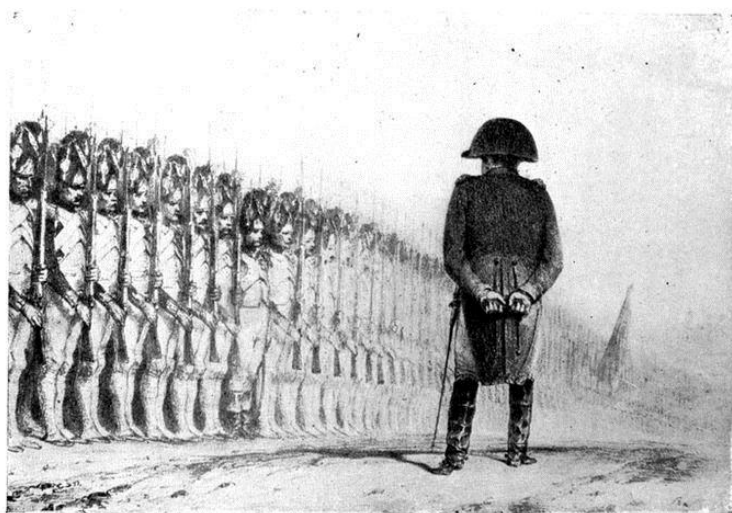
“Когда настал момент Жозефине принять активное участие в грандиозной драме, она спустилась с трона и направилась к алтарю, где ее ожидал император в сопровождении свиты придворных дам, а ее шлейф несли принцессы Каролина, Жюли, Элиза и Людовик. Одной из главных красот императрицы Жозефины была не только ее стройная фигура, но и изящный изгиб шеи и манера держать голову; более того, в целом ее поведение отличалось достоинством и грацией. Я имел честь быть представленным многим *настоящим принцессам*, если воспользоваться выражением Сен-Жерменского предместья, но я никогда не видел ни одной, которая, на мой взгляд, являла бы собой столь совершенное олицетворение элегантности и величия. На лице Наполеона я мог прочесть убежденность во всем, что я только что сказал. Он с самодовольным видом смотрел на императрицу, когда она приближалась к нему; и когда она опустилась на колени, когда слезы, которые она не могла сдерживать, упали на ее сложенные руки, воздетые к Небу или, скорее, к Наполеону, оба, казалось, наслаждались одним из тех мимолетных мгновений чистого счастья, которые уникальны в жизни и служат наполнением блеска прожитых лет. Император с особым изяществом выполнил все действия, которые от него требовались во время церемонии; но его манера коронования Жозефины была самой замечательной: получив маленькую корону, увенчанную крестом, он должен был сначала возложить ее на свою голову, а затем передать императрице. Когда настал момент возложить корону на голову женщины, которую народное суеверие считало его добрым гением, его манеры были почти игривыми. Он приложил немало усилий, чтобы поправить эту маленькую корону, которая была надета поверх бриллиантовой тиары Жозефины; он надел ее, затем снял и, наконец, надел снова, как бы обещая ей, что она будет носить ее изящно и легко”.

Не успела судьба Франции быть решена, как, по мнению Наполеона, возникла необходимость решить, что делать с Италией. Корону предложили Жозефу, который отказался от нее. Он не хотел отказываться от своих притязаний на территорию Франции, и в конце концов Наполеон решил захватить ее сам. Сенат Франции подготовил для страны новую конституцию, и, когда все было улажено, 1 апреля Наполеон отправился в Италию. Его сопровождал большой поезд, и поездка представляла особый интерес. Отряд пересек Альпы у горы Сени, и дорога была настолько плохой, что экипажи пришлось разбирать на части и переносить, пока путешественники шли пешком. Это путешествие действительно привело к прекрасным дорогам, которые сейчас пересекают Мон-Сени. В Алессандрии Наполеон сделал привал, а на поле Маренго приказал произвести смотр маневров знаменитой битвы. На этом смотре он даже надел пальто и шляпу, которые были на нем в тот знаменитый день четыре года назад.

К тому времени, когда императорская свита была готова вступить в Милан 13 мая, она превратилась в триумфальное шествие, и въезд сопровождался самыми восторженными демонстрациями. 26 мая состоялась коронация. По этому случаю была выставлена железная корона, которая так долго использовалась для коронации королей Ломбардии. Когда церемония достигла того момента, когда корона должна была быть возложена на голову Наполеона, он схватил ее и собственными руками надел себе на голову, громко

повторяя слова, начертанные на короне: “Бог дает ее мне; берегитесь, кто прикоснется к ней”. Жозефина не была коронована королевой Италии, но наблюдала за сценой с галереи над алтарем.

Наполеон оставался в Италии еще месяц, занимаясь улаживанием дел страны. Был создан орден Железной короны, утверждена конституция, принц Евгений стал вице-королем, а Генуя была присоединена к империи.

НАПОЛЕОН УСТРАИВАЕТ СМОТР СВОЕЙ ГВАРДИИ.

Литография Раффета.

ГЛАВА XII

КАМПАНИЯ 1805 ГОДА—КАМПАНИЯ 1806-1807 ГОДОВ—ТИЛЬЗИТСКИЙ МИР

Австрия с завистью смотрела на это усиление власти, и особенно на изменение институтов своих соседей. Взяв под свой контроль итальянское и германское государства, Наполеон дал народу свой кодекс и свои методы; личная свобода, равенство перед законом, религиозная терпимость заняли место несправедливых и узких феодальных институтов. Эти новые идеи были столь же ненавистны Австрии, как и нарушение баланса сил, и более опасны для ее системы. Россия и Пруссия испытывали те же подозрения по отношению к Наполеону, что и Австрия. Англия постоянно подстрекала все три державы к действиям против Франции, предлагая неограниченное количество золота, если они только объединятся с ней. Летом 1805 года Австрия присоединилась к Англии и России в коалиции против Франции. Пруссия еще не была готова взять на себя обязательства.

Великая армия, которая в течение стольких месяцев собиралась вокруг Булони, готовясь к нападению на Англию, с тревогой ожидала прибытия французского флота, чтобы прикрыть ее переход. Но флот не прибыл; и, хотя Наполеон до последнего надеялся, что его план все же будет осуществлен, он спокойно и быстро подготовился к преобразованию армии Англии в Великую армию и обращению ее движения против своих континентальных врагов.

Никогда его великое военное правило “Время - это все” не выполнялось так тщательно. “Австрия будет использовать красивые фразы, чтобы выиграть время,” писал он Талейрану, - и помешать мне добиться чего-либо в этом году; ... и в апреле я найду сто тысяч русских в Польше, которых кормит Англия, двадцать тысяч англичан на Мальте и пятнадцать тысяч русских на Корфу. Тогда я окажусь в критическом положении. Мое решение принято”. Его приказы полетели из Булони в Париж, в германские государства, в Италию, к его генералам, к его военно-морским командирам. К 28 августа вся армия пришла в движение. Месяц спустя она перешла Рейн, и во главе ее стоял Наполеон.

Силы, которыми он командовал, были во всех отношениях экстраординарными. Восторженное описание Мармона ни в коей мере не было преувеличением:

“Эта армия, самая красивая из когда-либо виденных, была менее устрашающей из-за количества ее солдат, чем из-за их характера. Почти все они вели войну и одерживали победы. Среди них все еще сохранялось что-то от энтузиазма и экзальтации революционных кампаний; но этот энтузиазм был систематизирован. Начиная с верховного главнокомандующего — начальников армейских корпусов, командиров дивизий, рядовых офицеров и солдат — все были закалены в войне. Восемнадцать месяцев в великолепных лагерях дали подготовку, ансамбль, который с тех пор никогда не существовал в такой степени, и безграничную уверенность в себе. Эта армия была, вероятно, лучшей и наиболее грозной из всех, которые когда-либо видели современные времена”.

Армия отреагировала на властный гений своего командира с прекрасной точностью, которая поражает и ослепляет того, кто следит за ее ходом. Все было организовано так безупречно, так точно отреагировал каждый корпус и офицер, что через девять дней

после форсирования Рейна армия была в Баварии, совершив несколько переходов в тыл врага. Погода была ужасная, но ничто их не остановило. Пример подавал сам император. День и ночь он был верхом среди своих войск; однажды целую неделю он не снимал сапог. Когда они отставали или враг преследовал их, он собирал каждый полк в круг, объяснял ему позицию врага, неизбежность большого сражения и свою уверенность в своих войсках. Эти разглагольствования иногда происходили во время сильных снежных бурь, когда солдаты стояли по колено в ледяной слякоти. К 13 октября, когда они совершили такой экстраординарный марш, император смог обратиться к армии с таким обращением:

“Солдаты, месяц назад мы стояли лагерем на берегу океана, напротив Англии, когда нечестивый союз вынудил нас бежать к Рейну. Не прошло и двух недель, как эта река была пройдена; и Альпы, Неккар, Дунай и Лех, знаменитые преграды Германии, ни на минуту не задержали нашего продвижения.... Враг, введенный в заблуждение нашими маневрами и быстротой наших передвижений, полностью обращен в бегство.... Если бы не армия, стоящая перед вами, мы были бы сегодня в Лондоне, отомстили за шесть веков оскорблений и освободили море.

- Помните завтра, что вы сражаетесь против союзников Англии.

“НАПОЛЕОН.”

Через четыре дня после этого обращения произошла капитуляция Ульма “новой развилки Кордин”, как назвал это Мармон. Это была, как сказал Наполеон, победа, одержанная ногами, а не руками. Огромное утомление и форсированные марши, которым подверглась армия, привели к тому, что она получила шестьдесят тысяч пленных, сто двадцать орудий, девяносто знамен, более тридцати генералов, потеряв всего полторы тысячи человек, две трети из которых были лишь легко ранены.

Но отдыха для армии не было. К середине ноября она настолько окружила Вену, что император и его двор бежали в Брюнн, в семидесяти или восьмидесяти милях к северу от Вены, чтобы встретить русских, которые под предводительством Александра I наступали из Берлина. Туда за ними последовал Наполеон, но австрийцы отступили на восток, присоединившись к русским в Ольмюце. Объединенные силы союзников составляли теперь около девяноста тысяч человек. У них был сильный резерв, и казалось, что прусская армия вот-вот присоединится к ним. У Наполеона в Брюнне было всего около семидесяти или восьмидесяти тысяч человек, и он находился в самом сердце вражеской страны. Александр, польщенный своими помощниками и уверенный, что он способен победить французов, решил оставить свою сильную позицию в Ольмюце и искать сражения с Наполеоном.

НАПОЛЕОН, 1805 год.

Гравюра Массара 1812 года по мотивам Бульона.

Положение, которое занимали французы, можно понять, если нарисовать грубую схему прямоугольного треугольника, при этом Брунн находится под прямым углом, образованным двумя дорогами, одна из которых ведет на юг к Вене, по которой пришел Наполеон, а другая - на восток, к Ольмюцу. Гипотенуза этого угла, идущая с северо-востока на юго-запад, образована армией Наполеона.

Когда союзники решили оставить Ольмюц, их план состоял в том, чтобы двинуться на юго-запад, перед лицом линии Наполеона, встать между ним и Веной и таким образом отрезать то, что, как они предполагали, было его базой снабжения (в этом они ошиблись, поскольку Наполеон, без их ведома, перенес свою базу из Вены в Богемию), отделить его от итальянской армии и загнать его, разгромленного, в Богемию.

27 ноября союзники продвинулись вперед, и их первое столкновение с небольшим французским авангардом было успешным. Это придало им уверенности, и они продолжили свой марш 28, 29 и 30-го числа, постепенно растягивая длинную линию, обращенную на запад и параллельную линии Наполеона. Французский император, пока продолжалось это движение, быстро подтягивал резервы и укреплял свои позиции. К первому дню декабря Наполеон ясно увидел, что намеревались сделать союзники, и разработал свой план. События того дня подтвердили его идеи. К девяти часам вечера он был настолько уверен в плане предстоящего сражения, что объехал всю свою линию фронта, объясняя своим войскам тактику союзников и то, что он сам предлагал делать.

Появление Наполеона перед войсками, его уверенная уверенность в победе вызвали блестящую демонстрацию со стороны армии. Пехотные подразделения поднимали пучки пылающей соломы на концах длинных шестов, создавая ему освещение, столь же впечатляющее, сколь и необычное. Это была счастливая мысль, потому что в тот день была годовщина его коронации.

Император оставался на бивуаке всю ночь. В четыре часа утра 2 декабря он был в седле. Когда серый туман рассеялся, он увидел, что дивизии противника расположены точно так, как он и предполагал. Справа от него стояли три корпуса — юго-западная часть гипотенузы. Эти корпуса заняли великолепную позицию напротив его центра, высот Працена.

Это наступление противника оставило их центр слабым и незащищенным и отделило основные силы армии от правого фланга, оказавшись лицом к лицу с левым флангом Наполеона. Противник находился именно в том положении, которого желал Наполеон для запланированной им атаки.

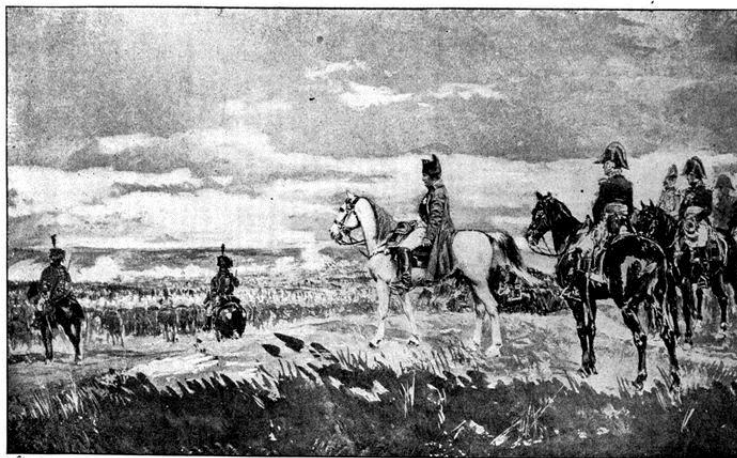
Было восемь часов утра, когда император галопом проскакал вдоль своего строя, объявив армии, что враг разоблачен, и выкрикнув: “Завершите кампанию раскатом грома”. Генералы выехали на свои позиции, и сразу же завязалось сражение. Сульт, командовавший французским центром, атаковал центр союзников так неожиданно, что тот был вынужден отступить. Император Александр и его штаб находились в этой части армии, и хотя молодой царь сделал все возможное, чтобы поднять свои силы, это была безнадежная задача. Центр русских был разбит, а фланги разделены. В то же время левый фланг союзников, где основная часть их армии была сосредоточена в болотистой местности, о которой они мало что знали, был занят и сдерживался Даву, а их правый фланг был побежден Ланном, Мюратом и Бернадоттом. Как только центр и правый фланг союзников были вынуждены отступить, Наполеон сосредоточил свои силы слева от них, в самой сильной части своего противника. За очень короткое время союзники были отброшены к каналам и озерам страны, потеряв много людей и почти всю артиллерию. Еще до наступления ночи разбитый враг отступил к Аустерлицу.

Из всех сражений Наполеона Аустерлиц был тем, которым он гордился больше всего. Именно здесь он лучше всего показал “божественную сторону войны”.

Знакомая заметка, в которой Наполеон объявляет своему брату Жозефу результат сражения, представляет собой любопытный контраст с ораторскими бюллетенями, которые в течение нескольких дней стекались в Париж. Его письмо датировано Аустерлицем, 3 декабря 1805 года:

“После нескольких дней маневров вчера я провел решающее сражение. Я разгромил объединенные армии под командованием императоров России и Германии. Их силы состояли из восьмидесяти тысяч русских и тридцати тысяч австрийцев. Я взял в плен сорок тысяч человек, захватил сорок знамен, сто орудий и все штандарты Русской императорской гвардии.... Хотя я целую неделю разбил лагерь на открытом воздухе, мое здоровье в порядке. Этим вечером я лежу в постели в прекрасном замке месье де Кауница и впервые за восемь дней сменил рубашку”.

Битва при Аустерлице вынудила Австрию заключить мир (договор был подписан в Пресбурге 26 декабря 1805 г.), вынудила Россию покинуть поле боя инвалидом, обратила надменный прусский *ультиматум*, который только что был предъявлен, в смиренную покорность и превратила ликование Англии по поводу великолепной морской победы при Трафальгаре (21 октября) в отчаяние. Это даже убило Питта. Наполеону это позволило добиться огромных успехов в создании западного королевства. Неаполь был отдан Иосифу, Баварская республика стала королевством Людовика, а государства между Ланом, Рейном и Верхним Дунаем были объединены в лигу, названную Рейнской конфедерацией, и Наполеон был назначен Протектором.

1806. БИТВА При ЙЕНЕ.

В честь картины Мейссонье из коллекции месть Эдмона Симона.

В начале 1806 года Наполеон снова был в Париже. Он отсутствовал всего три месяца. Восемь месяцев этого года были потрачены на бесплодные переговоры с Англией и в раздражающей переписке с Пруссией. У последней страны было много претензий к Наполеону, и все они сводились к тому, что “французская политика была бичом человечества в течение последних пятнадцати лет” и что “ненасытные амбиции все еще были господствующей страстью Франции”. К концу сентября война была объявлена, и Наполеон, приготовления к которой велись тайно, поскольку было объявлено, что он направляется в Компьень на охоту, внезапно присоединился к своей армии.

В первую неделю октября Великая армия продвигалась из южной Германии к долине Заале. Это движение привело их на фланги пруссаков, которые были рассеяны вдоль верхнего Заале. Неожиданное появление французской армии, которая была многочисленнее и гораздо лучше организована, чем пруссаки, заставило последних отступить к Эльбе. Отступающая армия состояла из двух дивизий: первая переправилась через Заале к Йене, вторая отступала к Унструту. Как только Наполеон понял эти передвижения, он направил часть своих сил под командованием Даву и Бернадотта, чтобы отрезать отступление второй прусской дивизии, в то время как сам поспешил к Йене, чтобы навязать сражение первой. Пруссаки расположились лагерем у подножия высоты, известной как Ландграфенберг. Овладеть этой высотой означало командовать прусскими войсками. Путем ряда решительных и повторяющихся усилий Наполеон достиг желаемой позиции, и к утру 14 октября враги были в его власти. Наступая от

Ландграфенберга тремя дивизиями, он обошел прусские фланги в тот же момент, когда атаковал их центр. Пруссак, пожалуй, никогда не сражались лучше, чем при Йене. Движения их кавалерии вызвали восхищение даже у Наполеона, но они были окружены численным превосходством, и армия была быстро разбита на части и вынуждена отступить.

В то время как Наполеон сражался при Йене, справа от Ауэрштадта, Даву сражался с Брауншвейгом и его семьюдесятью тысячами человек силами в двадцать семь тысяч. Несмотря на большую разницу в численности, пруссаки не смогли произвести никакого впечатления на французов; и, когда Брауншвейг пал, они начали отступать к Йене, ожидая присоединиться к другой дивизии армии, о маршруте которой они ничего не знали. Результат был ужасающим. Две летучие армии внезапно столкнулись друг с другом и, преследуемые французами с обеих сторон, были в замешательстве отброшены к Эльбе.

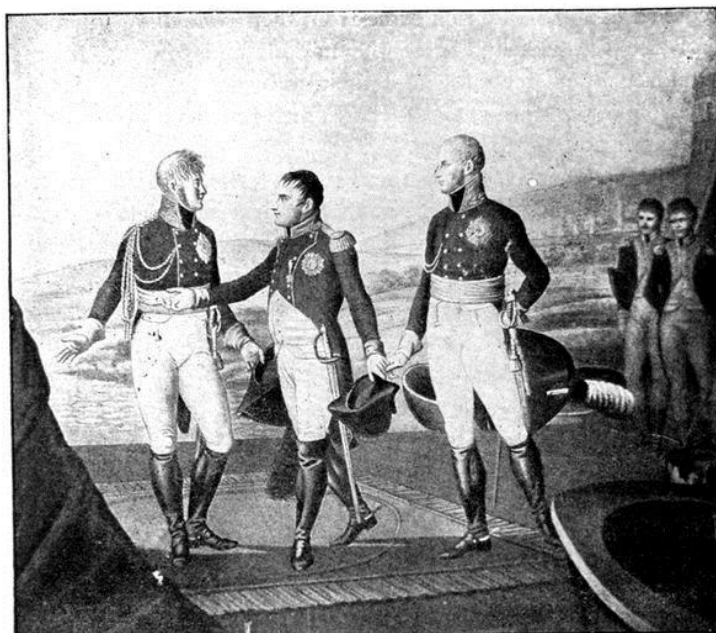
25 октября французы были в Берлине. Их вступление стало одним из величайших зрелищ кампании. Особенно интересным инцидентом был визит к Наполеону французского протестантского и кальвинистского духовенства. В то время в Берлине находилось двенадцать тысяч французских беженцев, ставших жертвами отмены Нантского эдикта. Наполеон принял их с добротой, сказав им, что они имеют полное право на защиту и что их привилегии и культ следует уважать.

Йена принесла Наполеону что-то около ста шестидесяти миллионов франков деньгами, огромное количество пленных, ружей и штандартов, славу при взятии Берлина и множество интересных экспонатов для Музея Наполеона в Париже, среди которых колонна с поля Росбаха, шпага, лента с черным орлом, генеральская лента Фридриха Великого и флаги, которые несли его гвардейцы во время Семилетней войны. Но это не обеспечило ему мира. Король Пруссии бросился в объятия России, а Наполеон смело двинулся в Польшу навстречу своему врагу.

Поляки с радостью приветствовали французов. Они надеялись найти в Наполеоне освободителя своей страны и выделяли деньги и солдат, чтобы вернуть ему силу. "Наше вступление в Варшаву, - писал Наполеон, - было триумфом, и чувства, которые проявляют поляки всех классов с момента нашего прибытия, не поддаются выражению. Любовь к родине и национальное чувство не только полностью сохранились в сердцах людей, но и усилились из-за несчастья. Их первая страсть, их первое желание - снова стать нацией. Богатые выходят из своих замков, молятся о восстановлении нации и предлагают своих детей, свое состояние и свое влияние". За те месяцы, что французы оставались в Польше, было сделано все, чтобы польстить армии и помочь ей.

Кампания против русских велась в Старой Пруссии, к юго-востоку от Данцигского залива. Первым крупным сражением была битва при Эйлау 8 февраля 1807 года. Это было самое близкое к завершению сражение, в котором когда-либо участвовал Наполеон. Его потери были огромны, и его спасла лишь волосок от того, чтобы отдать врагу поле боя. После Эйлау основная армия отошла на зимние квартиры, чтобы восполнить свои потери, в то время как маршал Лефевр осадил Данцик, осаду, которую военные критики называют, после Севастополя, самой знаменитой в новейшее время. Данцик капитулировал в мае. 14 июня состоялась битва при Фридланде. Это сражение, приуроченное к годовщине Маренго, было выиграно во многом благодаря тому, что Наполеон воспользовался грубой ошибкой своего противника. Французская и русская армии находились на противоположных берегах Алле. Русский командующий Беннингсен двигался к Кенигсбергу по восточному берегу. Наполеон преследовал его по западному берегу. Французские силы, однако, были рассеяны; и Беннингсен, думая, что он сможет вступить в бой и легко разгромить часть армии, переправившись через реку у

Фридланда, внезапно повел свою армию на западный берег. Наполеон использовал это неразумное движение с великолепным мастерством. Собрав свои подкрепления, он решительно атаковал врага. Как только центр русских был прорван, поражение стало неизбежным, поскольку отступающая армия была сброшена в реку и тысячи человек погибли. Французы преследовали многих по улицам Фридланда и там убили. Битва едва закончилась, когда Наполеон написал Жозефине:

ВСТРЕЧА ФРИДРИХА Вильгельма III, КОРОЛЯ ПРУССИИ, НАПОЛЕОНА И АЛЕКСАНДРА I., ИМПЕРАТОРА РОССИИ, В ТИЛЬЗИТЕ. ФИГУРА СЛЕВА - ФРИДРИХ ВИЛЬГЕЛЬМ; ФИГУРА СПРАВА - АЛЕКСАНДР.

Гравюра Гюгеля по рисунку Вольфа. Встреча произошла 26 июня 1807 года в павильоне, который был возведен специально для этой цели на реке Неман.

“ФРИДЛАНД, 15 июня 1807 года.

“Моя дорогая, я пишу тебе всего несколько слов, потому что я очень устала. Я стою бивуаком уже несколько дней. Мои дети достойно отметили годовщину Маренго. Битва при Фридланде будет столь же знаменательной для моего народа. Вся русская армия разбита, захвачено восемьдесят орудий, тридцать тысяч человек взяты в плен или убиты, двадцать пять генералов; русская гвардия уничтожена; это достойная сестра Маренго, Аустерлица и Йены. Остальное вы узнаете из бюллетеня. Мои потери невелики. Я успешно перехитрил врага.

“НАПОЛЕОН.”

Фридланд положил конец войне. Сразу после битвы Наполеон отправился в Тильзит, который на то время был нейтральной территорией, и здесь он встретился с императором России и королем Пруссии, и карта Европы была составлена заново.

Отношения между королевскими партиями, по-видимому, были по большей части дружелюбными. Наполеон очень полюбил Александра I. в Тильзите. “Будь он женщиной, я, наверное, занялся бы с ним любовью”, - написал он однажды Жозефине. Александр, молодой и полный энтузиазма, глубоко восхищался гением Наполеона, и они стали хорошими товарищами. Король Пруссии, подавленный своими потерями, был печальной

фигурой в их компании. В Тильзите у них вошло в привычку каждый день выезжать верхом, но король был неуклюж, всегда теснился к Наполеону, рядом с которым ехал, и заставлял двух своих спутников ждать, пока он слезет с седла, когда вернется. Их совместные обеды были скучными, и императоры, очень похожие на двух беспечных, любящих веселье молодых людей, которым наскучил серьезный пожилой родственник, имели обыкновение после обеда под предлогом уйти домой пораньше, но позже встречаться в апартаментах одного или другого и беседовать до полуночи.

НАПОЛЕОН ПРИНИМАЕТ КОРОЛЕВУ ЛУИЗУ ПРУССКУЮ, 6 июля 1807 года.

Госсе. Галерея "Версаль".

Незадолго до завершения переговоров прибыла королева Луиза и попыталась использовать свое влияние на Наполеона, чтобы получить хотя бы Магдебург. Наполеон обвинил королеву в том, что она сначала пыталась завоевать его расположение с помощью сцены высокой трагедии. Но когда они встретились за ужином, ее политика была совсем другой. “Королева Пруссии обедала со мной сегодня”, - писал Наполеон императрице 7 июля. “Мне пришлось защищаться от необходимости идти на дальнейшие уступки ее мужу...” а на следующий день: “Королева Пруссии действительно очаровательна; она полна *кокетства* по отношению ко мне. Но не ревнуй; я - клеенка, с которой все стекает. Мне слишком дорого обошлось бы разыгрывание *галанта*”.

Заступничество королевы действительно ускорило заключение договора. Когда она узнала, что документ подписан, а ее желания не удовлетворены, она возмутилась, горько заплакала и отказалась пойти на второй обед, на который ее пригласил Наполеон. Александру пришлось пойти самому, чтобы решить ее. После обеда, когда она удалилась, Наполеон проводил ее. На лестнице она остановилась.

“Неужели, - сказала она, - после того, как я имела счастье видеть так близко от себя человека эпохи и истории, у меня не будет свободы и удовлетворения заверить его, что он привязан ко мне на всю жизнь?..”

“Мадам, я достоин жалости”, - серьезно сказал император. “Это моя злая звезда”.

По Тильзитскому мирному договору карта континента была изменена. Пруссия потеряла половину своей территории. Данциг стал вольным городом. Магдебург отошел Франции. Гессен-Кассель и прусские владения к западу от Эльбы отошли к

Вестфальскому королевству. Король Саксонии получил великое герцогство Варшавское. Финляндия и Дунайские княжества должны были отойти Александру в обмен на некоторые Ионические острова и залив Каттаро в Далмации.

Гораздо важнее, чем это изменение границ, было частное соглашение, к которому императоры пришли в Тильзите. Они согласились, что Османская империя должна оставаться такой, какой она была, если они не сочтут нужным изменить ее границы. Россия могла бы оккупировать княжества до Дуная. Необходимо было заключить мир, если это возможно, с Англией, и обе державы должны были работать вместе, чтобы добиться этого. Если они потерпят неудачу, Россия должна была заставить Швецию закрыть свои порты для Великобритании, а Наполеон должен был сделать то же самое в Дании, Португалии и государствах Папы римского. Наполеон ничего не мог поделать с Польшей.

Согласно распространенному мнению, тайный Тильзитский мирный договор включал планы гораздо более поразительные: два императора обязались изгнать бурбонов из Испании и Браганса из Португалии и заменить их Бонапартами; отдать России Турцию в Европе и столько Азии, сколько она пожелает; положить конец светской власти папы; разместить Францию в Египте; закрыть доступ англичан к Средиземноморью; и предпринять несколько других не менее амбициозных предприятий.

ГЛАВА XIII

РАСШИРЕНИЕ ИМПЕРИИ НАПОЛЕОНА—СЕМЕЙНЫЕ ДЕЛА

Влияние аполеона в Европе сейчас находилось в зените. Он был буквально “королем королей”, как его называли в народе, и семья Бонапартов быстро вытесняла Бурбонов. Жозеф стал королем Неаполя в 1806 году. Элиза была принцессой Лукки и Пьомбино. Людовик, женатый на Гортензии, был королем Голландии с 1806 года. Полина была принцессой Боргезе с 1803 года; Каролина, жена Мюрата, была великой герцогиней Клеве и Берга; Жером был королем Вестфалии; Эжен де Богарне, вице-король Италии, был женат на принцессе Баварии.

Члены семьи Наполеона были возвышены только при условии, что они будут действовать строго в соответствии с его планами. Они должны вступить в брак, чтобы укрепить связи, необходимые для его королевства. Они должны распределять свое время, заводить дружеские отношения, тратить свои деньги так, как это наилучшим образом отвечало интересам его великого завоевательного плана. Внутренние дела их королевств на самом деле были централизованы в его руках так же безупречно, как и дела Франции. Он наблюдал за частным и общественным поведением своих королей и знати и критиковал их с абсолютной откровенностью и необычайным здравым смыслом. Причины, по которым он защищал их, хорошо объяснены в следующем письме, написанном в январе 1806 года графу Мио де Мелито:

ЖОЗЕФ БОНАПАРТ В СВОЕМ КОРОНАЦИОННОМ ОБЛАЧЕНИИ. 1808 ГОД.

Гравюра К. С. Прадье в 1813 году, в честь Жерара.

“ Ты собираешься воссоединиться с моим братом. Вы скажете ему, что я сделал его королем Неаполя, что он по-прежнему будет великим курфюрстом и что ничего не изменится в его отношениях с Францией. Но внушите ему, что малейшее колебание окончательно погубит его. У меня на уме есть другой человек, который заменит его, если он откажется.... В настоящее время все чувства привязанности уступают место государственным соображениям. Я признаю только тех, кто служит мне родственниками. Мое состояние связано не с именем Бонапарта, а с именем Наполеона. Моими пальцами и пером я создаю детей. Сегодня я могу любить только тех, кого уважаю. Джозеф должен забыть все наши детские узы. Пусть он сделает так, чтобы его уважали. Пусть он приобретет славу. Пусть ему сломают ногу в битве. Тогда я буду уважать его. Пусть он откажется от своих старых идей. Пусть он не боится усталости. Посмотрите на меня: кампания, которую я только что завершил, движение, волнение сделали меня полнее. Я верю, что если бы все короли Европы объединились против меня, у меня было бы нелепое брюшко”.

Жозеф, стремившийся стать великим королем, время от времени хвастался Наполеону своим положением в Неаполе. Его брату никогда не удавалось заставить его замолчать, говоря правду, если она была грубой и ее было трудно переварить.

“ Когда ты говоришь о пятидесяти тысячах врагов королевы, ты заставляешь меня смеяться.... Вы преувеличиваете степень ненависти, которую королева оставила после себя в Неаполе: вы не знаете человечества. Нет двадцати человек, которые ненавидят ее, как вы предполагаете, и нет двадцати человек, которые не поддались бы одной из ее улыбок. Самое сильное чувство ненависти со стороны нации - это ненависть, вызванная другой нацией. Ваши пятьдесят тысяч человек - враги французов.

В отношении Жерома Наполеон был особенно разгневан из-за его брака с мисс Паттерсон. В 1804 году он писал об этом романе:

“... Джером ошибается, думая, что сможет рассчитывать на какую-либо слабость с моей стороны, ибо, не имея отцовских прав, я не могу испытывать к нему отцовских чувств; отец позволяет ослепить себя, и ему нравится быть ослепленным, потому что он отождествляет своего сына с самим собой.... Но кто я для Джерома? Единственный инструмент своей судьбы, я ничего не должен своим братьям. Они собрали обильный урожай из того, чего я достиг на пути славы; но, несмотря на все это, они не должны покидать поле и лишать меня помощи, которую я имею право ожидать от них. Они перестанут быть чем-либо для меня, как только встанут на путь, противоположный моему. Если я так много требую от своих братьев, которые уже оказали мне много услуг, если я бросил того, кто в зрелом возрасте [Люсьена] отказался последовать моему совету, чего не должен ожидать Жером, который все еще молод и известен только своим пренебрежением долгом? Если он ничего не сделает для меня, я увижу в этом предначертание судьбы, которая решила, что я ничего не буду делать для него....”

“Выгравировано И. Г. Мюллером, рыцарем, и Фредериком Мюллером, сыном, граверами для его величества короля Вюртемберга. По эскизу, сделанному в Касселе мадам Кинсон.

Позже Джером уступил желанию своего брата и в 1807 году был награжден новым королевством Вестфалия. Однако Наполеон внимательно следил за ним, и его письма полны замечательных советов. Следующее особенно ценно, поскольку показывает, что Наполеон верил, что правительство будет популярным и долговечным только пропорционально свободе и процветанию, которые оно даст гражданам.

“Чего немецкие народы желают с нетерпением [сказал он Джерому], так это того, чтобы лица не благородного происхождения, но обладающие талантами, имели равное право на ваше внимание и государственную службу (с теми, кто благородного происхождения); чтобы все виды рабства и промежуточных обязанностей между сувереном и низшим классом народа были полностью упразднены. Преимущества Кодекса Наполеона, гласность судебных процедур, установление системы присяжных будут отличительными чертами вашей монархии.... Я больше рассчитываю на эффект этих благ для расширения и укрепления вашего королевства, чем на результат величайших побед. Ваш народ должен наслаждаться свободой, равенством, благополучием, неизвестными немецким народам.... Какой народ пожелал бы вернуться к произвольному правительству Пруссии, когда он вкусил все преимущества мудрого и либерального управления? Народы Германии, Франции, Италии, Испании желают равенства и требуют, чтобы преобладали либеральные идеи.... Будьте конституционным королем”.

Голландский Людовик, по мнению Наполеона, никогда не был королем. Особенно ему не нравились его ссоры с женой. В 1807 году Наполеон написал Людовику по поводу своих семейных отношений письмо, которое является хорошим примером множества других, которые он посылал тем или иным своим королям и принцам по поводу их личных дел.

МАРИЯ ПОЛИН БОНАПАРТ, принцесса БОРГЕЗЕ.

Этот изящный портрет самой красивой из сестер Наполеона принадлежит кисти мадам Бенуа и находится в коллекции Версаля.

“Ты управляешь этой страной слишком по-капуцински. Доброта короля должна быть полна величия.... Король приказывает и ни от кого ничего не требует.... Когда люди говорят о короле, что он хороший, его правление - неудачное.... Ваши ссоры с королевой известны общественности. Вам следует проявлять дома тот отеческий и женственный характер, который вы проявляете в своей манере управления.... Вы обращаетесь с молодой женой так, как если бы командовали полком. Не доверяй людям, которые тебя окружают; они благородны.... У тебя лучшая и добродетельнейшая из жен, и ты делаешь ее несчастной. Позвольте ей танцевать столько, сколько ей нравится; это соответствует ее возрасту. У меня есть жена, которой сорок лет; с поля боя я пишу ей, чтобы она ходила на балы, а вы хотите, чтобы двадцатилетняя молодая женщина жила в монастыре или, подобно кормилице, постоянно мыла своих детей.... Сделайте мать ваших детей счастливой. У вас есть только один способ сделать это - показать ей уважение и уверенность. К сожалению, у вас слишком добродетельная жена: если бы у вас была кокетка, она бы водила вас за нос. Но у вас гордая жена, которая оскорблена и огорчена одной только мыслью, что вы можете быть о ней плохого мнения. Вам следовало бы иметь жену, похожую на некоторых из тех, кого я знаю в Париже. Она бы обманула тебя, и ты был бы у ее ног....

“НАПОЛЕОН.”

Со своими сестрами он был столь же уверен в себе. В то время как Жозефина с изяществом и тактом приспособлялась к своему высокому положению, сестры Бонапарт, особенно Полина, постоянно раздражали кого-нибудь своим тщеславием и ревностью. Следующее письмо Полине показывает, как мало Наполеон пощадил их, когда до его ушей дошли их выступления:

“Мадам и дорогая сестра, Я с болью узнал, что у вас не хватает здравого смысла соответствовать манерам и обычаям города Рима; что вы проявляете презрение к жителям и что ваши взоры постоянно обращены к Парижу. Хотя я занят обширными делами, я, тем не менее, желаю высказать свои пожелания и надеюсь, что вы им соответствуете.

“Я люблю твоего мужа и его семью, будь любезен, привыкай к римским обычаям и запомни вот что: если ты последуешь плохому совету, ты больше не сможешь на меня рассчитывать. Вы можете быть уверены, что в Париже вы не найдете поддержки и что я никогда не приму вас там без вашего мужа. Если вы с ним поссоритесь, это будет ваша вина, и Франция будет закрыта для вас. Ты пожертвуешь своим счастьем и моим уважением.

“БОНАПАРТ.”

ЭЛИЗА БАЧЧИОЧИ, ВЕЛИКАЯ ГЕРЦОГИНЯ ТОСКАНСКАЯ, СТАРШАЯ СЕСТРА НАПОЛЕОНА (1777-1820).

Выгравировано Моргеном в 1814 году, в честь графа.

Этот надзор за политикой, отношениями и поведением распространялся и на его генералов. Случай с генералом Бертье - один из тех, что относятся к делу. Начальник штаба Наполеона в Италии, он влюбился в Милане в некую мадам Висконти и так и не смог побороть свою страсть. В Египте Наполеон называл его “главой фракции влюбленных”, той части армии, которая из-за своего желания увидеть жен или возлюбленных постоянно бунтовала против кампании и угрожала дезертировать.

В 1804 году Бертье был произведен в маршалы, а в 1806 году Наполеон пожелал подарить ему княжество Нефшатель; но это было только при условии, что он откажется от мадам де Висконти и женится.

“Я требую только одного условия - чтобы вы поженились. Ваша страсть длилась достаточно долго. Это стало нелепым; и я имею право надеяться, что человек, которого я называл своим товарищем по оружию, которого потомки поставят рядом со мной, больше не будет предаваться слабости, не имея примера.... Ты знаешь, что никто не любит тебя больше, чем я, но ты также знаешь, что первое условие моей дружбы - подчинить ее моему уважению.

Бертье бросился за помощью к Жозефине, рыдая, как ребенок; но она ничего не могла поделать, и он женился на выбранной для него женщине. Через три месяца после церемонии умер муж мадам де Висконти, и Бертье с разбитым сердцем написал принцу Боргезе:

“ Вы знаете, как часто император настаивал на том, чтобы я добился развода для мадам де Висконти. Но развод всегда противоречил чувствам, в которых я был воспитан, и поэтому я ждал. Сегодня мадам де Висконти свободна, и я мог бы быть счастливейшим из людей. Но император принудил меня к браку, который мешает мне соединиться с единственной женщиной, которую я когда-либо любил. Ах, мой дорогой принц, все, что император сделал и еще может сделать для меня, не будет компенсацией за вечные несчастья, на которые он меня обрек”.

Никогда еще Наполеон не был так могуществен, как в конце периода, который мы так быстро прослеживаем, никогда еще он не выглядел таким императором. Наблюдатель, который наблюдал за ним во время исполнения “Те Деум” в Соборе Парижской Богоматери в его честь по возвращении из Тильзита, говорит: “Черты его лица, всегда спокойные и серьезные, напоминали камеи, изображающие римских императоров. Он был маленького роста, и все же вся его фигура на этой внушительной церемонии находилась в гармонии с той ролью, которую он играл. На боку у него висел меч, сверкающий драгоценными камнями, а навершие украшал сверкающий бриллиант под названием “Регент”. Его блеск не позволял нам забывать, что этот меч был самым острым и победоносным из всех, которые видел мир со времен Александра и Цезаря”.

Конечно, он никогда не работал с таким усердием. Кампании 1805-1807 годов были для него, несмотря на их быстрое течение, — более того, именно из-за этого, - ужасно утомительными; то, что они вообще были возможны, объяснялось главным образом тем фактом, что они столько раз делались на бумаге в его кабинете. Когда он был консулом, единственная комната, выходящая из его кабинета, была заполнена огромными картами всех стран мира. Этой комнатой руководил компетентный картограф. Часто эти карты приносили в кабинет и расстилали на полу. Наполеон опускался перед ними на четвереньки и ползал с компасом и красным карандашом в руках, сравнивая и измеряя расстояния и изучая конфигурацию местности. Если он в чем-то сомневался, то

обращался к своему библиотекарю, который должен был предоставить ему самые подробные сведения.

При его кабинете работали искусные переводчики, в обязанности которых входил не только перевод дипломатической корреспонденции, но и сбор из иностранных источников полной информации об армиях его врагов. Меневаль заявляет, что император знал состояние иностранных армий так же хорошо, как и своей собственной.

Количество информации, которой он располагал о других землях, во многом было связано с его способностью задавать вопросы. Когда он посылал к агенту за отчетом, то обрушивал на него шквал вопросов, всегда по существу; и агент знал, что никогда не следует оставлять один из них без ответа.

Во время австрийской и прусской кампаний 1805-1807 годов Наполеон, как никогда прежде, продемонстрировал свою необычайную способность уделять внимание всему. Количество отправленных им депеш было невероятным. За первые три месяца 1807 года, пока он был в Польше, он написал более тысячи семисот писем и депеш.

Это была не просто война, создание королевств, распоряжения его новоиспеченных королей; его занимали самые разнообразные мелкие дела. Находясь в Булони, измученный провалом английского вторжения и войной против Австрии, он приказал организовать скачки “в тех частях империи, которые наиболее примечательны своими лошадьми, которых они разводят; призы будут присуждаться самым резвым лошадям”. На следующий же день после битвы при Фридланде он отправил в Париж приказы о форме и месте установки статуи в память о ваннском епископе. Он критиковал из Польши ссоры парижских актрис, заказывал каналы, планировал там строительство Биржи и театра Одеон. Газеты, за которыми он следил так же, как и в Париже, сделал выговор этому редактору, приостановил работу тому, запретил публиковать новости о катастрофах французского военно-морского флота, порицал каждую заметку, достойную его врагов. Читая бюллетени, отправляемые из Йены во Фридланд, можно было бы подумать, что у автора не было никаких других дел, кроме как регулировать внутренние дела Франции. Такая забота о деталях доходила, как говорит Паскье, “до мелочей, или, проще говоря, до шарлатанства”; но это, несомненно, произвело глубокое впечатление на Францию. То, что он мог обосноваться в пятистах лье от Парижа, в разгар зимы, в стране, окруженной его врагами, и все же быть в ежедневной связи со своей столицей, мог руководить даже ее наименее важными делами, как если бы присутствовал при этом, мог знать, что делает каждый влиятельный человек, от государственного секретаря до самого скромного газетчика, вызвало во Франции и во всей Европе суеверное чувство, что император французского народа не только всемогущ, но и вездесущ.

ГЛАВА XIV

БЕРЛИНСКИЙ ДЕКРЕТ—ВОЙНА на ПОЛУОСТРОВЕ—БОНАПАРТЫ НА ИСПАНСКОМ ТРОНЕ

Когда наполеон в 1805 году был вынужден отказаться от нападения на Англию и повернуть великолепную армию, собранную в Булони, против Австрии, он ни в коем случае не отказался от идеи однажды смирить своего врага. На протяжении кампаний 1805-1807 годов его депеши и обращения настойчиво напоминали французам, что возмездие только откладывается.

Он всячески стремится пробудить возмущение и ненависть к Англии. Союз, который вынудил его повернуть свои армии против соседей на Континенте, он характеризует как “несправедливую лигу, разжигаемую ненавистью и золотом Англии”. Он говорит солдатам Великой армии, что именно английское золото доставило русскую армию с окраин вселенной, чтобы сражаться с ними. Он возлагает вину за ужасы Аустерлица на англичан. “Пусть вся пролитая кровь, пусть все эти несчастья падут на вероломных островитян, которые их вызвали! Пусть трусливые олигархии Лондона компенсируют последствия стольких бед!” Отныне все договоры, которые он заключает, составляются с целью смирения “извечных врагов Континента”.

КОРОЛЕВА НЕАПОЛЯ И МАРИЯ МЮРАТ.

Мадам Виже-Лебрэн. Это полотно, выполненное в 1807 году, находится в музее Версаля. Каролина Неаполитанская представлена со своим старшим ребенком, Марией Летицией Жозеф Мюрат, впоследствии графиней Пеполи.

Правда, в 1806 году между двумя странами продолжались переговоры о мире. Наполеон предложил вернуть Ганновер и Мальту. Он предложил несколько вещей, принадлежавших другим народам, но Англия отвергла все его комбинации; и когда через несколько дней после Йены он обратился к своей армии, то сказал ей: “Мы не сложим оружия, пока не вынудим англичан, этих извечных врагов нашей нации, отказаться от их плана беспокоить Континент и от их тирании на морях”.

Месяц спустя — 21 ноября 1806 года — он провозгласил знаменитый Берлинский декрет о своей будущей политике в отношении Великобритании. Как она отгородила своих врагов от моря, так и он отгородит ее от суши. “Континентальная блокада”, как называлась эта борьба суши с морем, использовала лишь собственное военное оружие Англии; но она использовала его с оглушительной дерзостью, совершенно наполеоновской по замыслу и предлагаемому исполнению. Отныне всякое сообщение между Британскими островами и Францией и ее союзниками было запрещено. Каждый англичанин, оказавшийся под властью Франции — а это, по оценке императора, было практически на всем Континенте, — был военнопленным. Английская собственность стоимостью в каждый доллар, найденная в пределах границ Наполеона, принадлежала ли она богатому торговцу или безобидному туристу, была военным призом. Если вспомнить протяженность морского побережья, которым в тот момент командовал Наполеон, становится очевидной вся опасность этой угрозы для английской торговли. От Санкт-Петербурга до Триеста не было ни одного порта, за исключением портов Дании и Португалии, который не закрылся бы по его приказу. В Тильзите он и Александр заключили соглашение достроить это побережье, закрыть для англичан Балтику, Ла-Манш, Европейскую Атлантику и Средиземное море. Это было не что иное, как просьба к Континентальной Европе разрушить ее торговлю ради них самих.

JOACHIM MURAT (1771–1815).

Гравировка Руотта в честь Гро.

В схеме было несколько серьезных неопределенностей. Какой ответный удар предпримет Англия? Могли ли Наполеон и Александр договариваться достаточно долго, чтобы преуспеть в разделе ценных частей континентов Европы, Азии и Африки? Откажутся ли страны с радостью от английского хлопка и твида, которые они покупали, от ботинок, которые они носили, от столовых приборов и посуды, которыми они

пользовались? Будут ли они радостно смотреть на то, что их собственные товары лежат невостребованными на их складах, ради того, чтобы помочь иностранному монарху — хотя и самому блестящему и могущественному на земле — осуществить грандиозный план по сокрушению врага, который не был их врагом? Это еще предстоит выяснить.

Тем временем небольшая часть береговой линии оставалась независимой и должна была быть присоединена к той части, которая уже была блокирована англичанами. Действия Наполеона не терпели отлагательств. Дании было приказано выбирать между войной с Англией и войной с Францией. Португалия была уведомлена, что, если ее порты не будут закрыты в течение сорока дней, французская и испанская армии вторгнутся в нее. Англия дала решительный ответ на меры Наполеона. В августе она появилась у Копенгагена, захватила датский флот и в течение трех дней бомбардировала город. Это неоправданное нападение на страну, с которой она жила в мире, привело Европу в ужас, и это поддержало императора в доведении до конца Берлинского указа. Он не скрывал своей решимости. На дипломатической аудиенции в Фонтенбло 14 октября 1807 года он заявил:

“Великобритания будет уничтожена. У меня есть средства для этого, и они будут использованы. У меня есть триста тысяч человек, преданных этой цели, и союзник, у которого есть триста тысяч, чтобы поддержать их. Я не позволю ни одной нации принимать министра из Великобритании, пока она не откажется от своих морских обычаев и тирании; и я хочу, чтобы вы, джентльмены, передали это решение вашим соответствующим суверенам”.

Блокада грозила принять такие угрожающие масштабы, что даже наш посол во Франции мистер Армстронг начал нервничать. Его знакомые дипломаты цинично говорили ему: “Вы пользуетесь большим расположением, но это ненадолго”; и действительно, вскоре стало очевидно, что Соединенным Штатам нельзя позволять сохранять нейтралитет. Замечание Наполеона мистеру Армстронгу было ясным и решительным:

“Поскольку Америка допускает досмотр своих судов, она придерживается принципа, согласно которому флаг не покрывает товары. Поскольку она признает абсурдные блокады, установленные Англией, соглашается на то, чтобы ее суда постоянно останавливались, направлялись в Англию и таким образом отклонялись от их курса, почему американцы не должны страдать от блокады, установленной Францией? Конечно, Франция не более блокирована Англией, чем Англия Францией. Почему американцы не должны в равной степени допускать, чтобы их суда досматривали французские корабли? Конечно, Франция признает, что эти меры несправедливы, незаконны и подрывают национальный суверенитет; но долг наций - прибегать к силе и выступать против того, что позорит их самих и их независимость”.

Попытка заставить Португалию закрыть свои порты привела к войне. Во всем, кроме одного, она подчинилась приказам Наполеона: она закрыла свои порты, задержала всех англичан на своих границах, объявила войну; но ее король отказался конфисковать имущество британских подданных в Португалии. Эта уклончивость послужила Наполеону предлогом для отказа поверить в искренность ее притязаний. “Продолжайте свой марш”, - написал он Жюно, которому за несколько дней до этого (12 октября 1807 г.) было приказано отправиться в деревню. “У меня есть основания полагать, что с Англией достигнута договоренность, чтобы дать британским войскам время прибыть из Копенгагена”.

Не дожидаясь результатов вторжения, он и король Испании разделили Португалию между собой. Если их действия были преждевременными, Португалия не сделала ничего, чтобы опровергнуть их; ибо, когда Жюно прибыл в Лиссабон в декабре, он обнаружил, что в стране нет правительства, а королевская семья в испуге бежала в Бразилию. Теперь

оставалось сделать только одно: Жюно должен утвердиться таким образом, чтобы удержать страну от англичан, которые, естественно, были бы возмущены оскорблением, нанесенным их союзнику. Теперь Наполеон владел морским побережьем от Санкт-Петербурга до Триеста.

Но он не был удовлетворен. Испания стояла между ним и Португалией. Если он собирался править Западной Европой, он должен был обладать ею. Здесь нет места для того, чтобы проследить интриги со слабыми и порочными группировками испанского двора, которые закончились тем, что Наполеон убедил Карла IV. уступить свои права на испанский престол и стать его пенсионером, а Фердинанд, предполагаемый наследник, отречься от престола; и это привело к тому, что Жозеф Бонапарт, король Неаполя, взошел на испанский престол, а Мюрат, муж Шарлотты Бонапарт, занял место Жозефа.

От начала и до конца передача испанской короны от Бурбонов к Бонапарту была бесчестной и неоправданной. Это правда, что правительство Испании было коррумпированным. Невозможно представить себе более бесхозяйственного управления, более скандального суда. Несомненно, стране жилось бы гораздо лучше при наполеоновских институтах. Но разорить Испанию означало предать союзника, который долгие годы верно служил ему и заплатил ужасную цену для себя. Это правда, что она служила из страха, а не из любви. Это правда, что в один критический момент (когда Наполеон был в Польше в 1807 году) она попыталась сбежать; но, тем не менее, фактом оставалось то, что ради Франции Испания потеряла колонии, пожертвовала людьми и деньгами и стала свидетелем гибели своего флота при Трафальгаре. Заняв ее трон, Наполеон не имел ни одного из тех оправданий, которые оправдывали его вмешательство в дела Италии, Германии, Голландии, Швейцарии. Это было не завоевание в войне, не конфискация из-за вероломства союзника, не попытка ответить на молитвы народа о более либеральном правительстве.

Если бы Испания подчинилась изменениям, она бы приобрела хорошее правительство ценой национальной чести. Но Испания не подчинилась. Она, как и все незаинтересованные зрители в Европе, была возмущена низостью этого поступка. Никто никогда лучше самого Наполеона не объяснял чувства, которые вызывали интриги вокруг испанского трона:

“Признаюсь, я неудачно взялся за это дело [он рассказал Las Cases на острове Святой Елены]. Безнравственность этого была слишком очевидной, несправедливость - слишком циничной, а все происходящее - слишком злодейским; поэтому я потерпел неудачу. Эта попытка видна сейчас только в своей отвратительной наготе, лишенная всего грандиозного, всех многочисленных преимуществ, на которые я рассчитывал. Однако потомки превозносили бы это, если бы я преуспел, и, возможно, справедливо, из-за его великих и счастливых результатов”.

Переход от Бурбонов к Бонапарту возмутил сам испанский народ, а не правящий дом.

Как только по Испании разнесся слух о том, что Бурбоны действительно отреклись от престола, а Жозеф Бонапарт был провозглашен королем, по всей стране одновременно вспыхнуло восстание. Около восьмидесяти четырех тысяч французских солдат были разбросаны по полуострову, но они были бессильны перед тем видом войны, который сейчас начался. Каждое ущелье превратилось в поле битвы, за каждым камнем прятался вооруженный крестьянин, поджидавший отставших французов, гонцов, отряды снабжения. Остатки французского флота бежали из Трафальгара и теперь в Кадисе были вынуждены капитулировать. Двадцать пять тысяч французских солдат сложили оружие при Байлене, но испанцы отказались выполнять свои договоры о капитуляции. Крестьяне пытали заключенных самым варварским образом, распинали, сжигали, распиливали на части. Те, кто избежал народной мести, были отправлены на остров Кабрера, где они жили самым жалким образом. Только в 1814 году остатки этой армии были освобождены.

Королю Иосифу пришлось бежать в Витторию через неделю после того, как он достиг своей столицы.

За несчастьями Испании последовали более серьезные в Португалии. Жюно потерпел поражение от английской армии при Вимейро в августе 1808 года и капитулировал при условии, что его армия будет отведена обратно во Францию без разоружения.

ГЛАВА XV

КАТАСТРОФА В ИСПАНИИ —АЛЕКСАНДР И НАПОЛЕОН НА СОВЕТЕ—НАПОЛЕОН В МАДРИДЕ

Наполеон, пораженный этим неожиданным народным восстанием в Испании и разгневанный тем, что чары непобедимости, под которыми сражались его армии, были разрушены, решил сам начать войну на полуострове. Но прежде чем начать кампанию в Испании, необходимо было знать, что все внутренние и внешние колеса великой машины, которую он изобрел для раздела мира и сокрушения Англии, вращаются идеально.

Со времени заключения Тильзитского мирного договора он многое сделал дома для этой машины. Финансы были в прекрасном состоянии. Общественные работы огромной важности проводились по всему королевству; двор был роскошным и блестящим, а деньги, которые он рассеивал, поощряли коммерческий и мануфактурный классы. Никогда еще *праздники* не были такими блестящими, как в честь возвращения Наполеона в Париж в 1807 году; никогда сезон в Фонтенбло не был веселее и великолепнее, чем в тот год.

Все те, кто сыграл важную роль в обеспечении процветания и порядка во Франции, были вознаграждены в 1807 году великолепными подарками из контрибуций, взимаемых с врагов. Маршалы Великой армии получили от восьмидесяти тысяч до двухсот тысяч долларов каждый; двадцать пять генералов получили по сорок тысяч долларов каждому; не были забыты и гражданские чиновники; так, г-н де Сегюр получил сорок тысяч долларов в знак удовлетворения императора тем, как он соблюдал этикет при молодом дворе.

Именно в этот период Наполеон основал новое дворянство как еще одно средство поощрения тех, кто оказал блестящие услуги Франции. Этот институт также был задуман как средство примирения старой и новой Франции. Он ввел титулы принца, герцога, графа, барона и рыцаря; и те, кто получал эти титулы, в то же время получали владения в завоеванных провинциях, достаточные для того, чтобы позволить им утвердиться в хорошем стиле.

Разработкой правил, которые должны были регулировать этот новый порядок, занимались самые серьезные люди страны: Камбасерес, Сен-Мартен, Отерив, Порталис, Паскье. Среди прочих обязанностей они должны были подготовить гербы. Наполеон отказался позволить разместить корону на новых гербовых доспехах. Он хотел, чтобы никто, кроме него самого, не имел права использовать этот символ. Замена была найдена в щегольстве, количество перьев указывало на ранг.

Наполеон свободно пользовался новыми милостями, оказавшимися в его распоряжении, создав в общей сложности после 1807 года сорок восемь тысяч рыцарей, тысячу девяносто баронов, триста восемьдесят восемь графов, тридцать одного герцога и трех принцев. Всем представителям старой знати, поддерживавшим его правительство, были даны титулы, но не те, которые они носили раньше. Естественно, это часто приводило к большому недовольству, поскольку носители древних имен предпочитали более низкий ранг, который веками принадлежал их семье, более высокому, но не

освященному временем и традициями. Таким образом, мадам де Монморанси упрямо сопротивлялась тому, чтобы ее сделали графиней, — она была баронессой при старом режиме, — и, поскольку Монморанси претендовали на честь называться первыми христианскими баронами, она справедливо считала, что старый титул был гораздо большей гордостью, чем любой Наполеон мог ей дать. Но графиней она должна была остаться.

Стремясь привлечь к себе на службу всех тех, кого кровь и удача сделали его естественными сторонниками, император снова попытался примирить Люсьена. В ноябре 1807 года Наполеон посетил Италию, и в Мантуе между братьями состоялась тайная беседа. Люсьен в своих “Мемуарах” дает драматическое описание того, как Наполеон раскинул перед собой королевства полмира и предложил ему сделать выбор.

Он нанес сильный удар рукой по середине огромной карты Европы, которая была разложена на столе, рядом с которым мы стояли. ‘Да, выбирай, - сказал он. - Ты видишь, я говорю не в воздухе. Все это мое или скоро будет принадлежать мне; я уже могу им распорядиться. Ты хочешь Неаполь? Я приму это от Жозефа, которому, кстати, это безразлично; он предпочитает Мортefonтен, Италия — самую прекрасную жемчужину в моей императорской короне.? Эжен всего лишь вице-король, и он далек от того, чтобы презирать это, он надеется только на то, что я отдам это ему или, по крайней мере, оставлю это ему, если он переживет меня; он, вероятно, будет разочарован в ожидании, потому что я проживу девяносто лет. Я должна, для совершенного укрепления моей империи. Кроме того, Эжен не подойдет мне в Италии после развода с его матерью. Испания? Разве вы не видите, что она попадает в мои руки благодаря промахам моих дорогих Бурбонов и безумствам вашего друга, Принца Мира? Разве тебе не было бы приятно править там, где ты был всего лишь послом? Раз и навсегда, чего ты хочешь? Говори! Все, чего ты пожелаешь или можешь пожелать, будет твоим, если твой развод предшествует моему”.

До полуночи оба брата бились над этим вопросом. Ни один из них не хотел отказываться от своей позиции; и когда Люсьен наконец ушел, лицо его было мокрым от слез. Меневалю, который проводил его в городскую гостиницу, он сказал, прощаясь с императором: “Возможно, это навсегда”. Это было не так. Семь лет спустя братья встретились снова, но карта Европы для Наполеона была навсегда перевернута.

Существенным моментом в осуществлении Тильзитского плана была верность Александра, и Наполеон решил, прежде чем вступить в испанскую войну, встретиться с императором России. Это было тем более необходимо, что Австрия начала проявлять признаки враждебности.

Встреча состоялась в сентябре 1807 года в Эрфурте, в Саксонии, и продолжалась месяц. Наполеон выступил в роли хозяина и подготовил великолепное угощение для своих гостей. Компания, которую он собрал, была самой блестящей. Помимо русского и французского императоров, с послами и свитой присутствовали короли Саксонии, Баварии и Вюртемберга, принц-примас, великий герцог и великая герцогиня Баденские, герцоги Саксонии и принцы Рейнской конфедерации.

Дворцы, где принимали императоров, были обставлены изделиями из *Гард-Мебле* Франции. Ведущие актеры *Французского театра* ставили лучшие французские трагедии в доме, где, как обещал Наполеон Тальме, был “партер, полный королей”. На поле битвы при Йене была устроена охота на зайца, на которую был приглашен даже принц Вильгельм Прусский, и где вся компания позавтракала на том месте, где Наполеон разбил бивуак в 1806 году, в ночь перед битвой. Были балы, на которых танцевал Александр, “но не я”, - писал император Жозефине. “Сорок лет - это сорок лет”. Гете и Виланд были представлены Наполеону в Эрфурте, и император имел с ними долгие беседы.

Несмотря на все эти веселья, Наполеон и Александр нашли время возобновить свое Тильзитское соглашение. Они должны были вместе вести войну и мир. Александр должен был поддержать Наполеона, передав Иосифу трон Испании, и сохранить спокойствие на континенте во время войны на полуострове. Наполеон должен был поддержать Александра в получении Финляндии, Молдавии и Валахии. Два императора должны были написать и подписать письмо, приглашающее Англию присоединиться к ним в мирных переговорах.

МАРШАЛ ЛЕФЕВР. ОКОЛО 1796 года.

Выгравирована в 1798 году Физингером в честь Менгельберга.

Это было сделано быстро; но когда Англия настояла, чтобы представители правительства, действовавшего в Испании от имени Фердинанда VII. если бы его допустили на предложенную встречу, мирные переговоры внезапно прекратились. При сложившихся обстоятельствах Наполеон не мог признать это правительство.

Император был готов вести войну в Испании. Его первым шагом было направить в страну большое количество ветеранов из Германии. До этого времени армия состояла из молодых рекрутов, на которых испанцы смотрели с презрением. Мужчины, неопытные и деморализованные партизанской войной, которая велась против них, впали в уныние. Худшей чертой их положения было то, что они не верили в войну. Этот отважный рассказчик Марбо откровенно рассказывает о своих чувствах:

“Как солдат, я был обязан сражаться с любым, кто нападет на французскую армию, но в глубине души я не мог не признать, что наше дело было плохим, и что испанцы были совершенно правы, пытаясь изгнать чужаков, которые, появившись среди них под видом друзей, хотели свергнуть их суверена и насильно завладеть королевством. Поэтому эта война казалась мне порочной; но я был солдатом и должен был идти, иначе меня обвинят в трусости. Большая часть армии думала так же, как я, и, как и я, все равно подчинялась приказам”.

Появление ветеранов и присутствие императора сразу придали войне новое лицо; боевой дух армии был поднят, а уважение испанцев внушено.

Император быстро добрался до Мадрида, хотя ему пришлось провести три сражения, чтобы добраться туда, и сразу же приступил к реорганизации. Указ следовал за указом. Феодалные права были отменены, инквизиция прекращена, количество монастырей сокращено, таможи между различными провинциями упразднены, для короля Иосифа была разработана политическая и военная программа. Испанскому народу было разослано множество бюллетеней. Во всех них им говорилось, что именно англичане были их врагами, а не союзниками; что они прибыли на полуостров не для того, чтобы помогать, а для того, чтобы внушить ложную уверенность и сбить их с пути истинного. План и цель Наполеона не могли быть ошибочными.

“Испанцы [провозгласил он в Мадриде], ваши судьбы в моих руках. Отвергните яд, который распространили среди вас англичане; пусть ваш король будет уверен в вашей любви и вашем доверии, и вы будете могущественнее и счастливее, чем когда-либо. Я уничтожил все, что препятствовало вашему процветанию и величию; я разорвал оковы, которые давили на народ; либеральная конституция дает вам вместо абсолютной умеренную конституционную монархию. От вас зависит, станет ли эта конституция законом. Но если все мои усилия окажутся бесполезными, и если вы не ответите на мое доверие, мне останется только обращаться с вами как с завоеванными провинциями и найти моему брату другой трон. Тогда я возложу корону Испании на свою голову и буду знать, как заставить трепетать нечестивых, ибо Бог дал мне силу и волю, необходимые для преодоления всех препятствий”.

Но в Испании разгорелось пламя, которое не могли погасить никакие наполеоновские бюллетени, — фанатичное неистовство, вдохновляемое священниками, слепая страсть патриотизма. Испанцы хотели иметь свое собственное, даже если оно было феодальным и деспотичным. Конституция, которую они были вынуждены принять, казалась им одиозной и постыдной, хотя и либеральной.

Нигде упорство и ужас их сопротивления не были столь трагичными и героическими, как при осаде Сарагосы, продолжавшейся в то время, когда Наполеон издавал в Мадриде свои декреты и прокламации. Сарагоса была укреплена, когда вспыхнуло восстание против короля Иосифа. Город был окружен монастырями, которые были превращены в крепости. Мужчины, женщины и дети взяли за оружие, и священники с крестом в руках и кинжалом на поясе повели их за собой. В стенах крепости не допускалось ни слова о капитуляции. Вначале Наполеон рассматривал оборону Сарагосы как незначительное дело и хотел попробовать убедить народ. В Париже был хорошо известный арагонский дворянин, которого он убедил отправиться в Сарагосу и утихомирить народное волнение. Этот человек принял миссию. Когда он прибыл в город, люди поспешили ему навстречу,

полагая, что он пришел помочь сопротивлению. При первых же словах покорности, которые он произнес, на него напала толпа, и он почти год пролежал в темнице.

Крестьян окрестностей Сарагосы расквартировали в городе, каждой семье выделили дом для обороны. Ничто не могло заставить их покинуть свои посты. Они дали клятву сопротивляться до самой смерти и относились к возможному уничтожению себя и своих семей со стоическим безразличием. Священники настолько возбудили в них религиозное ликование и смогли поддерживать его на таком уровне, что они никогда не колебались перед ежедневными ужасами, которым подвергались.

Французы сначала попытались прогнать их с их постов вылазками в город, но жители обрушили на них такой убийственный огонь с башен, крыш, окон и даже из подвалов, что они были вынуждены отступить. Выведенные из себя этим упорным сопротивлением, они решили взорвать город дюйм за дюймом. Осада была начата самым ужасным и разрушительным образом, но людей не смутила опасность. “Пока минировали дом, и глухой звук тарана предупреждал их о том, что смерть близка, никто не покидал дом, который он поклялся защищать, и мы слышали, как они пели литании. Затем, в тот момент, когда стены взлетали в воздух и с грохотом падали обратно, сокрушая большую их часть, те, кому удалось спастись, собирались вокруг руин и, укрываясь за малейшим укрытием, возобновляли свою меткую стрельбу”.

Маршал Ланн командовал войсками перед Сарагосой. Тронутый преданностью и героизмом защитников, он предложил почетную капитуляцию. Осажденные отвергли это предложение, и ужасный процесс подрыва продолжался до тех пор, пока город не был практически разнесен на куски.

БЕРНАДОТТ. ОКОЛО 1798 года.

Гравюра Физингера в честь Герена.

Для такого сопротивления не было иного конца, кроме уничтожения. Впервые в своей карьере Наполеон столкнулся с возвышенным народным патриотизмом, страстью, перед которой дипломатия, лесть, любовь к наживе, силе теряют свою силу.

Лишь на короткое время император смог уделить свое личное внимание войне в Испании. Некоторые колесики в его огромной машине вращались не так гладко. В его собственной столице, Париже, возникли трения между некоторыми влиятельными

лицами. Мир на Континенте, необходимый для войны на полуострове и гарантированный Александром, оказался под угрозой. При таких обстоятельствах оставаться в Испании было невозможно.

ГЛАЗ МАСТЕРА.

В честь Раффета.

ГЛАВА XVI

Два беспринципных и хитрых человека, оба с исключительными способностями, вызвали внутренние беспорядки, которые вызвали наполеона из Испании. Этими людьми были Талейран и Фуше. Последнего мы видели во время консульства на посту министра полиции. С тех пор его однажды уволили из-за его плутовства и восстановили, в основном за те же качества. Его хитрость была слишком ценна, чтобы без нее обойтись. Первый, Талейран, ставший министром иностранных дел в 1799 году, вел свои переговоры с необычайным мастерством, которым он был знаменит, пока в 1807 году недоверие Наполеона к его двуличию и собственная неприязнь Талейрана к деталям его положения не привели к тому, что у него отобрали портфель и сделали вице-великим курфюрстом. Он, очевидно, ожидал, что, приняв это изменение, останется таким же влиятельным человеком при Наполеоне, как и прежде. Осознание того, что император отказывается от его услуг, вызвало у него негодование, и его преданность делу империи менялась в зависимости от внимания, которое он получал.

Итак, курс Наполеона в Испании был предпринят в основном по совету Талейрана, и на ранних переговорах он постоянно повторял, что Франция не должна позволять бурбонам оставаться на троне у ее границ. Тем не менее, по мере того как дело продолжалось, он начал лукаво высказываться против этого предприятия. В Эрфурте, куда Наполеон был достаточно невежлив, чтобы взять его с собой, он снискал расположение Александра и предотвратил проведение политики Наполеона в отношении Австрии. Когда Наполеон вернулся в Испанию, Талейран и Фуше, которые до этого времени были врагами, подружились и даже появлялись на публике рука об руку. Если Талейран и Фуше помирились, говорили парижане, назревала беда.

Наполеон вскоре узнал об их примирении. Он узнал больше, что два коварных заговорщика написали Мюрату, что в случае “чего-то происходящего”, то есть смерти или свержения Наполеона, они должны организовать движение, чтобы поставить его во главе дел; что, соответственно, он должен быть наготове.

Наполеон немедленно вернулся в Париж, отстранил Талейрана от должности при дворе и на собрании высокопоставленных чиновников произнес одну из тех яростных речей, которыми он обычно обрушивался на тех, кого хотел опозорить и уволить.

“Ты вор, трус, человек без чести; ты не веришь в Бога; ты всю свою жизнь был изменником своим обязанностям; ты обманул и предал всех; для тебя нет ничего святого; ты продал бы собственного отца. Я осыпал тебя подарками, и нет ничего, чего бы ты не предпринял против меня. В течение последних десяти месяцев вы были достаточно бесстыдны, поскольку справедливо или ошибочно полагали, что мои дела в Испании идут наперекосяк, чтобы говорить всем, кто хотел вас слушать, что вы всегда обвиняли мои предприятия там; тогда как именно вы сами первыми вбили мне это в голову и настойчиво настаивали на этом. И этот человек, *этот несчастный* [он имел в виду герцога Энгиенского], от которого я получил информацию о месте его жительства? Кто заставил меня жестоко поступить с ним? К чему же тогда ты стремишься? Чего ты желаешь? На что ты надеешься? Ты осмеливаешься сказать? Ты заслуживаешь, чтобы я разбил тебя, как бокал для вина. Я могу это сделать, но слишком сильно презираю тебя, чтобы утруждать себя.

Все это, несомненно, было правдой, но после того, как Наполеон публично заявил об этом, у него был только один безопасный путь — отправить Талейрана туда, где он больше не мог продолжать свой заговор. Однако он совершил ошибку, оставив его на свободе.

Нарушение континентального мира произошло из Австрии. Воодушевленная отсутствием Наполеона в Испании и выводом войск из Германии, а также побуждаемая Англией попытаться снова возместить свои потери, Австрия спешно вооружалась, надеясь достичь Рейна до того, как Наполеон соберет свои силы и встретит ее. В этот момент Наполеон мог командовать примерно таким же количеством войск, как и австрийцы, но они были разбросаны по всем направлениям, в то время как силы противника уже были консолидированы. Тогда встал вопрос, сможет ли он собрать свои войска до нападения австрийцев. Со всех сторон он гнал их через Францию и Германию к Ратисбону. 12 апреля он услышал в Париже, что австрийцы перешли Инн. 17-го император находился в своей ставке в Донауверте, его армия была в полном распоряжении. “Ни в древние, ни в современные времена, - говорит Жомини, - нельзя найти ничего, что могло бы сравниться по скорости и восхитительной точности с началом этой кампании”.

В следующие десять дней серия сражений разбила австрийскую армию, отбросила эрцгерцога Карла с его главными силами к северу от Дуная и открыла французам дорогу на Вену. 12 мая, через месяц со дня своего отъезда из Парижа, Наполеон написал из Шенбрунна: “Мы хозяева Вены”. Город был эвакуирован.

Наполеон находился на правом берегу Дуная; австрийская армия под командованием эрцгерцога Карла приближалась к городу левым берегом; это должна была быть рукопашная схватка под стенами Вены. Император не был уверен в планах эрцгерцога, но он был полон решимости не допустить, чтобы у того было шанса восстановить свою армию. Сражение должно было начаться немедленно, и он приготовился перейти реку, чтобы напасть на него. Место переправы он выбрал к югу от Вены, где большой остров Лобау разделяет реку. Для переправы пришлось навести мосты, и эта работа была выполнена с величайшим трудом, так как река была высокой, а течение быстрым, а якорей и лодок было мало. Снова и снова лодки разваливались на части. Тем не менее, около тридцати тысяч французов перешли границу и овладели деревнями Асперн и Эсслинг, где 21 мая на них напали около восьмидесяти тысяч австрийцев.

БИТВА При ВАГРАМЕ.

Эта картина Горация Верне впервые была выставлена в *Салоне* 1836 года. Сейчас он висит в Зале сражений в Версале.

Последовавшее за этим сражение продолжалось весь день, и французы держались героически. В ту ночь были переброшены подкрепления, так что на следующий день на французской стороне было около пятидесяти пяти тысяч человек. Наполеон сражался с величайшим упорством, надеясь, что другой дивизии вскоре удастся прорваться и она позволит ему одолеть численно превосходящих австрийцев. Битва уже переходила в рукопашную, когда пришло ужасное известие о том, что мост через Дунай обрушился. Австрийцы пустили по течению разлившейся реки огромные мельницы, брандеры и груды бревен, скрепленных вместе таким образом, что, когда их несло быстрым потоком, они становились таранами устрашающей мощности. Всякая надежда на помощь исчезла, и, когда новость распространилась, армия смирилась с гибелью с мечом в руке. Последовавшая за этим резня была ужасной. Ближе к вечеру один из храбрейших французских маршалов, Ланн, был смертельно ранен. Казалось, что судьба определила поражение французов, и Наполеон решил отступить на остров Лобау, где он был уверен, что сможет удержать свои позиции и обеспечить снабжение армии на правом берегу, пока у него не будет времени навести мосты и объединить свои силы.

Вскоре было установлено сообщение с правым берегом, но остров Лобау не был пустынным; фактически он использовался как лагерь в течение следующих нескольких недель, пока Наполеон отправлял в Италию, Францию и Германию новые войска. Тяжелое подкрепление пришло к нему из Италии с новостями, которые во многом ободрили его. Когда началась война, австрийская армия вторглась в Италию и поначалу добилась успеха в боях против французов под командованием вице-короля Италии Эжена де Богарне. Известия о неудаче австрийцев дома и о походе на Вену обескуражили лидера, эрцгерцога Иоанна, брата эрцгерцога Карла, и он отступил, Эжен последовал за ним. Успехи французов в этом отступлении были таковы, что австрийцы в конце концов отступили с их пути, оставив им свободный путь к Вене, и Эжен вскоре объединил свою армию с армией императора.

Теперь французы с величайшей быстротой обеспечили и укрепили свои коммуникации с Италией и с Францией и собрали войска вокруг Вены. Весь июнь прошел таким образом, враждебная Европа повторяла, что Наполеон был заперт австрийцами и не мог двигаться, и что он проводил время в роскоши в замке Шенбрунн, где он устроил свою штаб-квартиру. Но этот месяц кажущегося бездействия был всего лишь уловкой. К 1 июля численность французской армии достигла ста пятидесяти тысяч человек. Они были в замечательной форме, хорошо вымуштрованы, свежи и уверены в себе. Их коммуникации были надежными, лагерь хорошими, и они рвались в бой.

Австрийцы расположились лагерем в Ваграме, к северу от Дуная. Они укрепили берега напротив острова Лобау таким образом, который, по их мнению, помешал бы французам предпринять попытку прохода; но при устройстве своих укреплений они полностью пренебрегли определенной частью берега, на которую Наполеон, по-видимому, не имел никаких планов. Но именно этот пункт, естественно, выбрал Наполеон для своего перехода, и в ночь на 4 июля он его осуществил. Утром 5-го вся его армия в сто пятьдесят тысяч человек при четырехстах батареях была на левом берегу. В разгар ужасного шторма эта огромная масса людей со всем своим снаряжением пересекла главный Дунай, несколько островов и проток, построила шесть мостов и к рассвету привела себя в порядок. Это был неслыханный подвиг.

Продвигая свой корпус вперед и легко сметая со своего пути передовые посты, Наполеон вскоре оказался лицом к лицу с линией австрийцев, которая простиралась от берегов Дуная до точки к востоку от Ваграма. В семь часов вечера 5 июля французы атаковали левый фланг и центр противника, но не вытеснили их с занимаемых позиций.

На следующее утро эрцгерцог Карл перешел в наступление, совершив движение, которое изменило ход всего сражения. Он атаковал левый фланг французов, ближайший к реке, с пятьюдесятью тысячами человек, намереваясь выйти на их линию коммуникаций и разрушить мосты через Дунай. Войскам в центре Франции пришлось поспешно отступить, чтобы предотвратить это, и армия была ослаблена на мгновение, но ненадолго. Наполеон решил заставить эрцгерцога Карла, который лично командовал этой атакой на левом фланге Франции, вернуться, не следуя за ним, а прорвав его центр; и он направил свои тяжелые батареи против этой части армии, а вслед за ними предпринял кавалерийскую атаку, которая обратила противника в бегство. В то же время их левый фланг был прорван, и войска, вступающие в бой, могли беспрепятственно выступить против австрийского правого фланга, который пытался достичь мостов и который с трудом сдерживался у Эсслинга. Как только эрцгерцог увидел, что произошло слева и в центре от него, он отступил, предпочитая, насколько это было возможно, сохранить свою армию в хорошем порядке. Французы не преследовали его. Битва обошлась им слишком дорого. Но если австрийцы бежали из Ваграма со своей армией и если их противники добились немногим большего, чем просто название победы, они были слишком обескуражены, чтобы продолжать войну, и император запросил мира.

МАЛЕНЬКИЙ КАПРАЛ.

Эта статуя Наполеона в костюме *Малого Капорала* работы Серра была установлена на колонне Вандомской площади 28 июля 1835 года. Он сменил на пьедестале белый флаг Бурбонов, который, в свою очередь, заменил оригинальную статую “Наполеон и Сезар Ромен” работы Шодэ. Интересная деталь, неизвестная большинству парижан, заключается в том, что конная статуя Генриха IV. на Новом мосту была отлита из бронзы работы Шодэ “Наполеон”. Когда Наполеон III взошел на трон, он заменил “Малый капораль” Серра (декоративный вид которого он не считал “ассезским”) копией “Сезара” Шодэ, выполненной скульптором Дрюмоном. Эта фигура до сих пор венчает вершину колонны, которая была восстановлена после осквернения коммуной. -А. Д.

Этот мир был заключен в октябре. Австрия была вынуждена отказаться от Триеста и всех своих адриатических владений, уступить территорию Баварии и Великому герцогству Варшавскому и дать свое согласие на континентальную систему.

МАРИЯ ЛУИЗА В КОРОЛЕВСКИХ ОДЕЖДАХ. 1810.

“Marie Louise, Archduchess d’Autriche, Impératrice, Reine, et Régente.” Гравировка выполнена Меку в честь Изаби.

ГЛАВА XVII

РАЗВОД—НОВАЯ ЖЕНА—НАСЛЕДНИК КОРОНЫ

Для достижения всеобщего мира, которого он желал, для предотвращения заговоров среди своих подчиненных, которые могли бы претендовать на его корону в случае его внезапной смерти, и для обеспечения престолонаследия, Наполеон теперь решил предпринять давно обдуманый шаг — развестись с Жозефиной, от которой он больше не надеялся иметь наследников.

Рассматривая развод Наполеона с Жозефиной, следует помнить, что стабильность правительства была жизненно необходима для постоянства наполеоновских институтов. Наполеон воплотил в практическую реальность большинство реформ, требуемых в 1789 году. Правда, он сделал это, проявив деспотизм, но ничто, кроме мужества, воли, дерзости деспота, не могло пробудить нацию в 1799 году. Наполеон чувствовал, что эти институты действовали так недолго, что в случае его смерти они легко рухнут, и его королевство развалится на куски, как это было с королевством Александра. Он верил, что если бы он мог оставить наследника, то этой катастрофы удалось бы избежать.

Тогда разве брак с иностранной принцессой не успокоил бы страхи его континентальных врагов? Разве они не увидели бы в таком союзе попытку новой, либеральной Франции гармонично приспособиться к системе правления, господствовавшей на Континенте?

Таким образом, новым браком он надеялся предотвратить после своей смерти серию новых революций, сохранить созданную им великолепную организацию и привести Францию в большую гармонию с ее окружением. Неправильно понимать план Наполеона, приписывать этот развод просто гигантскому эгоизму. Сохранить его династию означало обеспечить Франции либеральные институты. Его прославление было делом его страны. На самом деле для развода с Жозефиной были те же причины, что и для принятия короны в 1804 году.

Жозефина долго боялась разлуки. Бонапарты никогда не заботились о ней, и даже во время египетской кампании убеждали Наполеона добиваться развода. В начале своей супружеской жизни она поступила неразумно, стремясь завоевать их любовь не больше, чем сохранить любовь Наполеона; и когда император был коронован, они сделали все возможное, чтобы предотвратить ее коронацию. Когда по государственным причинам развод казался необходимым, у Жозефины не было сторонников там, где их могло бы быть много.

Ее горе было еще более острым, потому что она полюбила своего мужа по-настоящему пылко. Ревность, от которой он когда-то страдал, теперь испытывала и она, и Наполеон, несомненно, дал ей для этого достаточно оснований. Ее беспокойство было хорошо известно всему двору, секретари Буррьен и Меневаль, а также мадам де Ремюза были ее особыми доверенными лицами. С 1807 года отношения были напряженными, поскольку именно в тот год Фуше, вероятно, по наущению Наполеона, пытался убедить императрицу предложить развод самой в качестве жертвы стране.

После Ваграма ей стало очевидно, что наконец-то ее судьба решена; но хотя она обратилась к Меневалю и всем домочадцам за информацией, только за две недели до публичного развода она узнала о своей участи. Именно собственные сын и дочь Жозефины, Эжен и Гортензия, сообщили ей эту новость; и именно на первого легла тяжелая задача утвердить развод в Сенате от своего имени и от имени своей сестры.

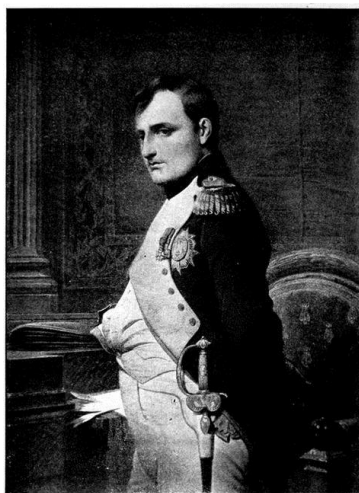
Жозефина была ужасно сломлена своим позором, но она перенесла его с мягкостью и достоинством, которые во многом помогают потомкам забыть ее прежнее легкомыслие и неискренность.

“Я никогда не забуду [говорит Паскье] вечер, когда отвергнутая императрица в последний раз оказала почести своему двору. Это было за день до официального роспуска. Присутствовала большая толпа, и ужин, согласно обычаю, был накрыт в галерее Дианы на нескольких маленьких столиках. Джозефина села в центре, а мужчины обступили ее, ожидая того особенно грациозного кивка, которым она обычно награждала тех, с кем была знакома. Я постоял несколько минут на небольшом расстоянии от нее и не мог не быть поражен совершенством ее позы в присутствии всех этих людей, которые все еще оказывали ей почтение, прекрасно зная при этом, что это в последний раз; что через час она сойдет с трона и покинет дворец, чтобы никогда больше в него не возвращаться. Только женщины могут превзойти себя в такой ситуации, но у меня есть сомнения относительно того, можно ли было найти вторую женщину, которая сделала бы это с такой совершенной грацией и хладнокровием. Наполеон не проявлял такой смелости, как его жертва”.

Нет никаких сомнений в том, что Наполеон глубоко страдал из-за этой разлуки. Если его любовь утратила свою иллюзорность, он был искренне привязан к Джозефине, и в каком-то смысле она была необходима для его счастья. После церемонии расставания он должен был отправиться в Сен-Клу, она - в Мальмезон. Ожидая карету, он вернулся в свой кабинет во дворце. Долгое время он сидел молчаливый и подавленный, подперев голову рукой. Когда его позвали, он поднялся с искаженным от боли лицом и прошел в апартаменты императрицы. Джозефина была одна.

Увидев императора, она бросилась ему на шею, громко рыдая. Он прижал ее к своей груди, целовал снова и снова, пока она, переполненная эмоциями, не упала в обморок. Оставив ее наедине с ее служанками, он поспешил к своему экипажу.

Меневаль, видевший это печальное расставание, оставался с Жозефиной до тех пор, пока она не пришла в сознание. Когда он уезжал, она умоляла его не позволять императору забывать ее и следить за тем, чтобы он часто писал ей.

НАПОЛЕОН.

Выгравирована в 1841 году Луи по картине, написанной в 1837 году Деларошем, ныне находящейся в коллекции Стэндиша и называемой “Табакерка”. Вероятно, лучшая гравюра, когда-либо сделанная с портрета Наполеона.

“Я оставил ее, ” продолжает этот наивный поклонник и апологет наполеона, “опечаленный таким глубоким горем и такой искренней привязанностью. Я чувствовал себя очень несчастным на протяжении всего своего пути и не мог не сожалеть о том, что суровые требования политики жестоко разорвали узы привязанности, выдержавшей испытание временем, и навязали другой союз, полный неопределенности”.

Жозефина вернулась жить в Мальмезон, но Наполеон позаботился о том, чтобы у нее был, кроме того, еще один дом, подарив ей Наварру, замок близ Эвре, примерно в пятидесяти милях от Парижа. Ее доход составлял около четырехсот тысяч долларов в год, и император проявил редкую заботливость, обеспечив ее всем, что она могла пожелать. Она не должна была ни в чем себе отказывать, заботиться о своем здоровье, не обращать внимания на сплетни, которые слышала, и никогда не сомневаться в его любви. Таковы были рекомендации в его частых письмах, которые он ей писал. Иногда он навещал ее и рассказывал все подробности своей жизни. Несомненно, что он не упускал возможности утешить ее, и что она, со своей стороны, в конце концов смирилась со своей участью со смирением и добротой.

Более чем за два года до развода для Наполеона был составлен список принцесс Европы на выданье. Всего в этот список вошло восемнадцать имен, двумя наиболее известными из которых были Мария Луиза Австрийская и Анна Павловна, сестра Александра Российского. На Эрфуртской конференции обсуждался проект брака с русской принцессой, и Александр одобрил его; но теперь, когда была предпринята попытка обсудить это дело, последовали многочисленные задержки и общая вялость, которая разозлила Наполеона. Не дожидаясь завершения переговоров с Россией, он остановил свой выбор на Марии Луизе.

БРАКОСОЧЕТАНИЕ ИМПЕРАТОРА НАПОЛЕОНА И МАРИИ ЛУИЗЫ, ЭРЦГЕРЦОГИНИ АВСТРИЙСКОЙ, ВО ДВОРЦЕ ЛУВР, 2 апреля 1810 ГОДА.

Написан Руже в 1836 году. По правую руку от императора, в нижнем конце помоста, стояли король Голландии; король Вестфалии; принц Боргезе; Мюрат, король Неаполя; принц Эжен Наполеон, вице-король Италии; наследственный великий герцог Баденский; принц эрц-канцлер; принц эрц-казначей; принц вице-констебль; принц вице-великий курфюрст. Слева от императрицы мадам *мама*; королева Испании; королева Голландии; королева Вестфалии; великая герцогиня Тосканская; принцесса Полина; королева Неаполя; великий герцог Вюрцбургский; вице-королева Италии; великая герцогиня Баденская. Благословение на свадьбу дал кардинал Феш. Эта картина была выставлена в *Салоне* 1832 года.

Церемония бракосочетания состоялась в Вене 12 марта 1810 года, эрцгерцог Карл действовал от имени Наполеона. Император впервые увидел свою молодую жену несколько дней спустя на дороге между Суассоном и Компьенем, куда он отправился, чтобы встретиться с ней в самой неподобающей императорской спешке и вопреки помпезной и сложной церемонии, которая была устроена для их первого свидания. С самого начала он был искренне восхищен Марией Луизой. На самом деле, новая императрица была в высшей степени привлекательной девушкой, молодой, свежей, скромной, хорошо воспитанной и невинной. Она полностью соответствовала идеалу жены Наполеона, и он, безусловно, был счастлив с ней.

Мария Луиза, выходя замуж за Наполеона, чувствовала себя своего рода жертвоприношением, поскольку, естественно, испытывала глубокий ужас перед человеком, который причинил ее стране столько горя; но вскоре ее страх рассеялся, и она очень полюбила своего мужа. За пределами двора эти двое вели забавно простую жизнь, ранним утром в неформальной обстановке выезжая вместе верхом, в веселой божественной манере; сидя вдвоем в маленьком *салоне* императрицы, она за своим рукоделием, он с книгой. Время от времени они даже позволяли себе тихие забавы, как однажды, когда Мария-Луиза попыталась приготовить омлет в своих апартаментах. Как раз в тот момент, когда она была полностью поглощена своей работой, вошел император. Императрица пыталась скрыть свои кулинарные операции, но Наполеон почувствовал запах.

“Что здесь происходит? Стоит странный запах, как будто что-то жарится. Что, ты готовишь омлет! Бах! ты не знаешь, как это делается. Я покажу тебе, как это делается”.

И он принялся за работу, чтобы проинструктировать ее. Они очень хорошо ладили, пока не дошло до подбрасывания мяча - операции, на проведении которой Наполеон настоял сам, в результате чего мяч упал на пол.

20 марта 1811 года родился долгожданный наследник французского престола. Было условлено, что о рождении ребенка будет объявлено народу пушечным выстрелом; двадцать один, если это будет принцесса, сто один, если принц. Люди, заплотнившие набережные и улицы вокруг Тюильри, с невыразимой тревогой ждали, когда прогремит выстрел пушки: раз—два—три. Когда замер двадцать первый, город затаил дыхание; затем наступил двадцать второй. Последовавшие за ним оглушительные раскаты потонули в диком энтузиазме людей. В течение нескольких дней после этого, обессиленные радостью и бесконечными *празднествами*, которые им устраивали, французы пили и пели в честь римского короля.

Ни одно из этих торжеств не было таким трогательным, как в Наварре, где Жозефина, услышав пушечный гром, созвала своих друзей и сказала: “У нас тоже должен быть *праздник*. Я дам тебе бал, и весь город Эвре должен прийти и порадоваться вместе с нами”.

Наполеон был счастливейшим из людей и с гордостью посвятил себя своему сыну. Сообщения о состоянии мальчика часто появляются в его письмах; он даже позволил отвести его без ведома императрицы к Жозефине, которая умоляла о встрече с ним.

ГЛАВА XVIII

ПРОБЛЕМЫ С ПАПОЙ—ПРИЗЫВ НА ВОЕННУЮ СЛУЖБУ—УВЕРТКИ БЛОКАДЫ—ТИЛЬЗИТСКИЙ ДОГОВОР НАРУШЕН

“Его ребенок от нашего Эжена составит наше счастье и счастье Франции”, - так Наполеон написал Жозефине после рождения римского короля, но вскоре стало очевидно, что он ошибался. Во Франции существовали причины беспокойства и недовольства, которые действовали в течение длительного времени и которые только усугублялись кажущейся солидностью, которую наследник придавал наполеоновской династии.

Первым среди них было религиозное недовольство. Ближе к концу 1808 года, сомневаясь в лояльности папы, Наполеон послал французские войска в Рим; весной следующего года без какого-либо благовидного предложения он присоединил четыре папских государства к королевству Италия; а в 1809 году папа был взят в плен в Савоне. Когда было подано прошение о разводе, его дал не папа римский, а парижское духовенство. Когда состоялось празднование религиозного брака Марии Луизы и Наполеона, тринадцать кардиналов отказались явиться; впоследствии их стали называть “черными кардиналами”, одним из наказаний за неявку на свадьбу было то, что они больше не могли носить свои красные мантии. Для благочестивых все эти трения с отцами Церкви были прискорбным раздражением. Невозможно было проявить презрение к авторитету папы и кардиналов и не задеть одно из самых глубоких чувств Франции, которое десять лет назад Наполеон осмелился удовлетворить больше всего.

НАПОЛЕОН И папа ПИЙ VII. НА КОНФЕРЕНЦИИ В ФОНТЕНБЛО.

Гравюра Робинсона по картине Уилки, написанной в 1836 году.

К раздражению против церковной политики императора добавилось горькое негодование против воинской повинности, этого налога кровью и мускулами, которого требовала от страны. Наполеон сформулировал и попытался сделать терпимым принцип, рожденный революцией, который гласил, что каждый гражданин мужского пола совершеннолетнего возраста обязан государству кровной службой на случай, если оно в ней нуждается. Мудрость его руководства воинской повинностью предотвращала недовольство до 1807 года; затем пожизненный призыв стал носить произвольный и тяжкий характер. Законы об освобождении от призыва игнорировались. “Единственный сын своей матери” больше не оставался рядом с ней. Отец, чьи маленькие дети остались без матери, должен оставить их; престарелые и беспомощные родители больше не давали иммунитета. Те, кто ценой тяжелых жертв купил свое освобождение, были вынуждены уйти. Лица, которых закон обязал к воинской повинности в 1807 году, были призваны в 1806 году; лица 1808 года - в 1807 году. Этот преждевременный призыв был доведен до того, что армии, как говорили, состояли из “мальчиков-солдат”, слабых, несформировавшихся юношей, только что окончивших школу, которые увяли под таким солнцем, как в Испании, и выбыли из строя на марше.

Однако при той скорости, с которой гибли люди, другого способа содержать армию не было. Между 1804 и 1811 годами в сражениях погибло миллион семьсот тысяч человек. Что удивительного, что теперь мальчиков Франции призывали на службу! В то же время страна была наводнена хромыми, слепыми, сломленными, которые вернулись с войны, чтобы жить за счет своих друзей или благотворительности. Французы ненавидели воинскую повинность не только из-за траурного крепа почти на каждой двери, но и из-за калек, которых они встречали на каждом углу.

КОРОЛЬ РИМА. 1811.

Гравировка Деснойе в честь Жерара. “Его Величество король Рима. Посвящается ее Величеству Императорской и королевской крови Марии Луизе”.

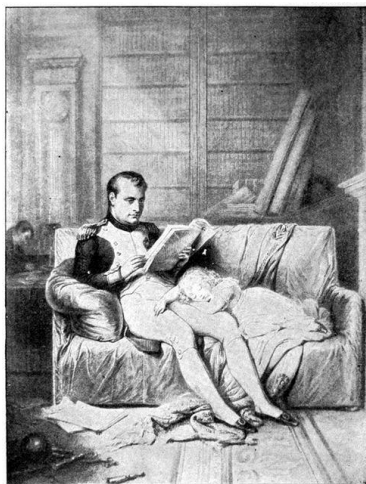
В то время как внутри люди беспокоились о религиозных беспорядках и злоупотреблениях воинской повинностью, снаружи континентальная блокада вызывала серьезные разногласия между Наполеоном и королями, которыми он правил. Несмотря на все его усилия, английские товары проникали повсюду. Ярмарка в Роттердаме в 1807 году была заполнена английскими товарами. Они переправлялись в Италию под фальшивыми печатями. Они прибыли во Францию под предлогом поддержки императрицы. Наполеон протестовал и угрожал, но он не мог остановить движение. Самые серьезные неприятности, вызванные этим нарушением Берлинского декрета, были у Людовика, короля Голландии. В 1808 году Наполеон пожаловался своему брату, что между его королевством и Англией ежемесячно проходит более сотни кораблей, а год спустя он в отчаянии написал: “Голландия - английская провинция”.

Отношения братьев становились все более и более ожесточенными. Наполеона возмутила половинчатая поддержка, которую оказывал ему Людовик, и в наказание он отобрал у него провинции, наполнил его форты французскими войсками, пригрозил ему войной, если он не прекратит торговлю. Эти военные действия зашли так далеко, что летом 1810 года король Людовик отрекся от престола в пользу своего сына и удалился в Австрию. Наполеон изо всех сил пытался убедить его хотя бы вернуться на территорию Франции, но он отказался. Этот разрыв был тем печальнее, что Людовик был братом, для которого Наполеон действительно сделал больше всего.

Жозеф был не счастливее Людовика. Испанская война все еще продолжалась, и ничуть не лучше, чем в 1808 году. Жозеф, униженный и несчастный, даже молился об освобождении его от трона.

Отношения со Швецией были серьезно натянутыми. С 1810 года Бернадотт по усыновлению был наследным принцем этой страны. Хотя, принимая эту должность, он решительно отказался согласиться никогда не поднимать оружие против Франции, как того хотел от него Наполеон, позже он согласился на континентальную блокаду и объявил войну Англии; но это заявление и Англия, и Швеция рассматривали просто как *фасад*

переговоров. Наполеон, сознавая, что Бернадотт не осуществляет блокаду, и раздраженный его упорным отказом вступать во французские союзы и платить дань за ведение французских войн, урезал свои доходы как французский принц — Бернадот был назначен принцем Понте—Корво в 1806 году - отказался общаться с ним, а когда родился король Рима, отправил обратно предложенную шведскую награду. Наконец, в январе 1812 года французские войска вторглись в некоторые шведские владения, и страна заключила союз с Англией и Россией.

“НАПОЛЕОН В СВОЕМ КАБИНЕТЕ”. РЕБЕНОК РЯДОМ С НИМ - ЕГО СЫН, КОРОЛЬ РИМА.

На рукописи, лежащей на полу кабинета, стоит дата “1811”, выгравированная Вебером в честь Штойбена.

В отношении России, “другой половины” механизма, союзника, от которого зависел великий план Тильзита и Эрфурта, царило такое плохое настроение, что в 1811 году стало ясно, что результатом будет война. Со времени эрфуртской встречи у каждой из сторон накопились свои причины.

Континентальная система сильно влияла на интересы России. Народ постоянно восставал против нее и всячески уклонялся от нее. Экономический спад, от которого они страдали, они возложили на Наполеона, и в империи возникла сильная партия, которая использовала все методы, чтобы показать царю, что “противоестественный союз”, как они называли соглашение между Александром и Наполеоном, был непопулярен. Царь не мог не прислушаться к этой партии. Более того, он опасался, что Наполеон готовится восстановить Польшу. Он был оскорблен поспешностью, с которой его союзник отверг идею брака с его сестрой и занялся Марией Луизой. Он жаловался на изменение границ в Германии. Наполеон, со своей стороны, с раздражением наблюдал, как английские товары ввозятся в Россию. Его возмущала неспособность Александра искренне присоединиться к широкому применению Берлинского и Миланского указов, которые он предпринял, и преследовать нейтральные флаги всех наций, даже таких далеких от Континента, как Соединенные Штаты. Он вспомнил, что Россия не оказала ему верной поддержки в 1809 году. Он также с подозрением относился к хорошему взаимопониманию, которое, казалось, росло между Швецией, Россией и Англией.

ГЕРЦОГ РЕЙХШТАДТСКИЙ.

Гравюра У. Бромли в честь сэра Томаса Лоуренса.

В течение многих месяцев два императора оставались наполовину враждебными, но в конце концов напряжение стало слишком велико. Война была неизбежна, и Наполеон начал готовиться к борьбе. В последние месяцы 1811 года и в начале 1812 года его внимание было почти полностью сосредоточено на военных и дипломатических приготовлениях, необходимых перед началом русской кампании. К 1 мая 1812 года он был готов присоединиться к своей армии, которую сосредоточил в Дрездене. В сопровождении Марии Луизы он прибыл в Дрезден 16 мая 1812 года, где его приветствовали император Австрии, король Пруссии и другие монархи, с которыми он заключил союз.

Силы, которые Наполеон ввел в бой, наглядно демонстрировали протяженность и характер Франции 1812 года. “Армией двадцати наций” русские называли войско, которое готовилось встретить их, и это выражение было справедливым, поскольку в рядах были испанцы, неаполитанцы, пьемонтцы, славяне, кроаты, баварцы, голландцы, поляки, римляне и представители дюжины других национальностей, бок о бок с французами. Действительно, почти половина вооруженных сил, как говорили, были иностранцами. Великая армия, как назывался действующий корпус, насчитывала, по популярным данным, шестьсот семьдесят восемь тысяч человек. Несомненно, что это преувеличенная цифра, хотя, безусловно, в Россию вошло более полумиллиона человек. С учетом резервов, все вооруженные силы насчитывали миллион сто тысяч. Необходимость в таком большом количестве резервов объясняется протяженностью линии коммуникаций, которую Наполеону приходилось поддерживать. Путь от Немана до Парижа должен быть открыт, пункты снабжения охраняться, укрепленные города оборудованы. Для обеспечения тыла Великой армии требовалось почти столько же людей, сколько и для формирования самой армии.

ПОРТРЕТ РИМСКОГО КОРОЛЯ.

Картина Лоуренса. Коллекция герцога де Бассано. Это портрет Наполеона II. изысканное произведение искусства, яркая и свежая цветовая гармония. Лоуренс, должно быть, написал этот портрет во время путешествия по Европе, куда он был послан своим сувереном Георгом IV, и платил двадцать пять тысяч франков в год за то, чтобы писать для большой Виндзорской галереи портреты всех героев *“великого Хазара Ватерлоо”*. -А. Д.

Имея под своим командованием такую внушительную силу, Наполеон верил, что сможет заставить Александра поддержать континентальную блокаду, ибо, во что бы то ни стало, эта система должна увенчаться успехом. Из-за этого царствующий дом был изгнан из Португалии, папа ограблен и заключен в тюрьму, Людовик отправлен в изгнание, Бернадот был вынужден заключить новый союз. Из-за этого Великая армия была введена в Россию. Он стал, как провозгласил его изобретатель, *основным законом империи*.

Пока Наполеон не переправился через Неман, он сохранял надежду избежать войны. Существуют многочисленные письма российскому императору, почти патетические по своим увертюрам. Но Александр так и не ответил. Он просто позволил своему врагу наступать. Великая армия была обречена на русскую кампанию.

ЧТЕНИЕ НАПОЛЕОНА.

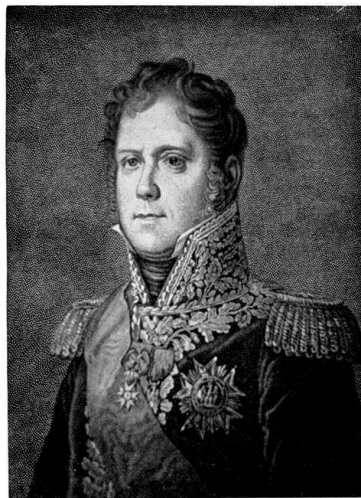
Работы Жироде. Из коллекции месье Шерами из Парижа.

ГЛАВА XIX

РУССКАЯ КАМПАНИЯ—СОЖЖЕНИЕ МОСКВЫ—НОВАЯ АРМИЯ

Если нарисовать треугольник, основание которого тянется вдоль Немана от тильзита до Гродно, а вершина - на Эльбе, у него получится приблизительный план "армии двадцати наций" в том виде, в каком она находилась в июне 1812 года. Наполеон, окруженный примерно двумястами двадцатью пятью тысячами человек, находился в Ковно, не решаясь наступать, не желая верить, что Александр не заключит мир.

Когда он, наконец, начал действовать, это было не с той точностью и стремительностью, которые были характерны для его прежних кампаний. Когда он начал сражаться, это было против новых сил. Он обнаружил, что его враги изучали испанские кампании и что они переняли тактику, которая едва не погубила его армии на полуострове: они отказались дать ему генеральное сражение, постоянно отступая перед ним; они изводили его отдельные корпуса нерешительными боями; они опустошали страну по ходу дела. Народ помогал своим солдатам, как это делали испанцы. "Назовите нам только момент, и мы подожжем наши здания", - сказали крестьяне.

МАРШАЛ Ней ("МАРШАЛ Ней, герцог Эльхингенский, ПРИНЦ МОСКОВСКИЙ, ПАРА ФРАНЦИИ").

Гравировка Тардые в честь Жерара.

К 12 августа Наполеон был под Смоленском, ключом к Москве. Ценой двенадцати тысяч человек убитыми и ранеными он взял город только для того, чтобы найти вместо хорошо обеспеченного укрытия, на которое он надеялся, дымящиеся руины. Французская армия ужасно страдала от болезней, нехватки припасов и бесполезных боев на марше от Немана до Смоленска. У них не было стимула в виде великой победы; они начали чувствовать, что это неуклонное отступление врага было всего лишь роковой ловушкой, в которую они попадали. Все соображения запрещали им вторгаться в Россию так поздно в

этом году, и все же они продолжали двигаться к Москве по разоренным полям и пустым деревням. Это ужасное преследование продолжалось до 7 сентября, когда русские, чтобы успокоить своих солдат, которые громко жаловались на то, что им не разрешают вступать в бой с французами, дали сражение при Бородино, Московскую битву, как называют ее французы.

В два часа ночи в день этого сражения Наполеон опубликовал один из своих волнующих бюллетеней:

“ Солдаты! Вот битва, которой вы так долго желали! Отныне победа зависит от вас; она необходима нам. Это даст вам изобилие, хорошие зимние квартиры и скорейшее возвращение в вашу страну! Ведите себя так, как вы вели себя при Аустерлице, при Фридланде, под Витебском, под Смоленском, и самые отдаленные потомки будут с гордостью цитировать ваше поведение в этот день; пусть о вас скажут: *он был в великой битве под стенами Москвы*”.

Французы выиграли Бородинское сражение, потеряв около тридцати тысяч человек, но они не уничтожили русскую армию. Хотя русские потеряли пятьдесят тысяч человек, они отступили в хорошем порядке. В сложившихся обстоятельствах от победы, позволившей врагу отступить в полном порядке, было мало толку. Критики говорили, что это вина Наполеона; он бездействовал. Но не медлительность беспокоила Наполеона при Бородино. У него появился новый враг — головная боль. В день битвы он так страдал, что был вынужден укрыться в овраге, спасаясь от ледяного ветра. В этом защищенном месте он весь день расхаживал взад-вперед, отдавая распоряжения на основании принесенных ему отчетов.

ВНИМАНИЕ! ИМПЕРАТОР НЕ СПУСКАЕТ С НАС ГЛАЗ.

Автор Раффет.

В Москву вошли 15 сентября. Здесь французы нашли, наконец, пищу и кров, но только на несколько часов. Той ночью Москва загорелась, подожженная властями, которые ее покинули. Прошло три дня, прежде чем пожар был локализован. "России потребовалось бы двести лет времени, двести миллионов денег, чтобы возместить понесенные ею потери", - писал Наполеон Франции.

За катастрофой последовали страдания, дезорганизация, грабежи. Но Наполеон не отступал. Он надеялся заключить мир. Москва все еще дымилась, когда он написал Александру длинное описание пожара. Заключительный абзац гласил:

“Я веду войну против вашего величества без враждебности; записка от вас до или после последнего сражения остановила бы мой поход, и я даже был бы рад пожертвовать преимуществом вступления в Москву. Если ваше величество сохранит какие-то остатки ваших прежних чувств, вы отнесетесь к этому письму благосклонно. Во всяком случае, вы должны поблагодарить меня за то, что я дал вам отчет о том, что происходит в Москве”.

“Я никогда не подпишу мир, пока на русской земле остается хоть один враг”, - сказал император Александр, услышав, что Наполеон переправился через Неман. Он сдержал свое слово, несмотря на все попытки Наполеона. Положение франции ухудшалось день ото дня. Ни еды, ни свежих припасов, холод усиливался, армия падала духом, число русских вокруг Москвы росло. Ничто, кроме отступления, не могло спасти остатки французов. Это началось 19 октября, когда сто пятнадцать тысяч человек покинули Москву. За ними последовали сорок тысяч повозок, нагруженных больными и теми припасами, которые они смогли раздобыть. Маршрут пролегал через поля, опустошенные месяц назад. Казаки преследовали их днем и ночью, и жестокий русский холод, обрушившийся с небес, косил их, как ураган кос. Прежде чем мы достигли Смоленска, тысячи отступавших были убиты.

НАПОЛЕОН ПОСЛЕ РУССКОЙ КАМПАНИИ.

Наполеон приказал собрать провизию и одежду в Смоленске. Добравшись до города, он обнаружил, что его указания не были выполнены. Армия, доведенная до предела этим разочарованием, впала в полную и ужасающую дезорганизацию, и остальная часть отступления была похожа на отступление побежденной толпы.

Здесь нет места для подробностей этого ужасного марша и страшного перехода Березины. Ужас перед холодом и голодной смертью вырвал крики у самого Наполеона.

“Провиант, провиант, провиант”, - писал он 29 ноября с правого берега Березины. “Без них неизвестно, до каких ужасов доведет эта недисциплинированная масса”.

И еще: “Армия на пределе своих возможностей. Для него невозможно что-либо предпринять, даже если бы речь шла о защите Парижа”.

Армия, наконец, достигла Немана. Последним перешел маршал Ней. “Кто вы?” - спросили его. “Арьергард Великой армии”, - последовал мрачный ответ благородного старого солдата.

Около сорока тысяч человек переправились через реку, но многие из них ничего не могли поделать, кроме как ползти по больницам, прося “комнаты, где люди умирают”. Как сказал Дёпре, Великая армия была мертва.

Именно во время этого ужасного отступления Наполеон получил известие о том, что в Париже произошла любопытная вещь. Генерал и аббат, оба политические заключенные, сбежали и фактически преуспели в подготовке *государственного переворота*, свергнувшего империю и заменившего временное правительство.

Они осуществили свой план, просто объявив, что Наполеон мертв, и зачитав поддельную прокламацию сената о том, что императорскому правительству пришел конец и началось новое. Власти, к которым обратились эти заговорщики, без особых колебаний приняли их приказы. Они собрали тысячу двести солдат, заперли префекта полиции и захватили Ратушу.

Правда, это безрассудное предприятие продвинулось совсем немного, но достаточно далеко, чтобы показать Парижу, что время легкой революции еще не миновало и что сообщение о смерти Наполеона не вызвало немедленного крика “Да здравствует король Рима!”. Известие о заговоре Мале стало для самого Наполеона удивительным откровением о нестабильности настроений французского общества. Он увидел, что поддержка, от которой он больше всего зависел в обеспечении безопасности своих институтов, то есть наследник его трона, была отвергнута по слову никчемного агитатора. Это известие произвело на его генералов впечатление ужаса и отчаяния. Император прочел на их лицах, что они верят в то, что его удача идет на убыль. Он решил как можно скорее отправиться в Париж.

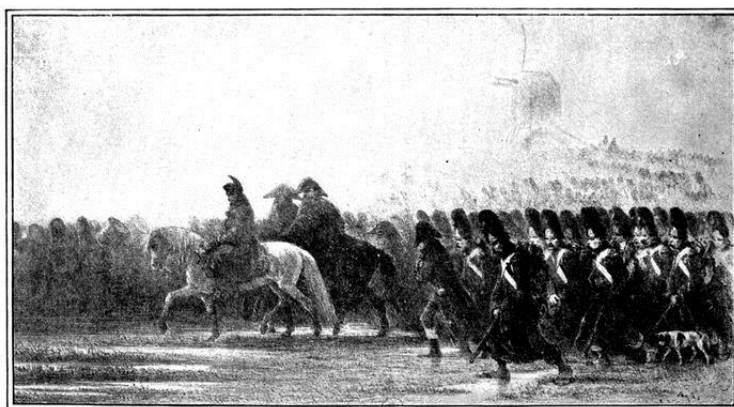
5 декабря он покинул армию и после опасного двенадцатидневного путешествия добрался до столицы Франции. Требовалось такое же мужество, чтобы встретиться лицом к лицу с Францией сейчас, как и смелость, чтобы попытаться вторгнуться в Россию. Самая великая армия, которую когда-либо посылала нация, лежала позади него мертвой. Его трон на мгновение пошатнулся на глазах у всей Франции. С тех пор он не мог считать себя непобедимым. Его враги уже высказывали предположение, что, поскольку его добрый гений подвел его однажды, это может случиться и снова.

Никто так не осознавал серьезность положения, как сам Наполеон, но он встретил свою семью, своих министров, Государственный совет, Сенат с имперской уверенностью в себе и *хладнокровием*, которые внушают благоговейный трепет в данных обстоятельствах. К моменту его прибытия в Париж ужасное положение армии не было известно, но сообщения поступали ежедневно, пока правда не стала ясна всем. Но Наполеон никогда не терял самообладания. Объяснения, которые он должен был дать Сенату, своим союзникам и друзьям, были полны спокойствия и правдоподобия победителя — победителя, который, конечно, пострадал, но не из-за собственной опрометчивости или неправильного управления. Следующая цитата из письма королю Дании хорошо иллюстрирует его общественное отношение к вторжению и отступлению из Москвы:

“Враг всегда терпел поражение и не захватил у моей армии ни орла, ни пушки. 7 ноября холод стал невыносимым; все дороги оказались непригодными для движения; между 7 и 16 ноября погибло тридцать тысяч лошадей. Часть нашего багажа и артиллерийских повозок была сломана и брошена; наши солдаты, мало привыкшие к такой погоде, не могли выносить холода. Они покинули строй в поисках укрытия на ночь, и, не имея кавалерии для защиты, несколько тысяч попали в руки легких войск противника. Генерал Сансон, начальник топографического корпуса, был схвачен несколькими казаками, когда он был занят зарисовкой позиции. Та же участь постигла других изолированных офицеров. Мои потери серьезны, но враг не может приписать себе честь нанести их. Моя армия сильно пострадала и страдает до сих пор, но это бедствие прекратится с наступлением холодов”.

Каждому он заявлял, что пострадали русские, а не он. Был сожжен их великий город, а не его; их поля, а не его, были опустошены. Они не взяли орла, не выиграли битву. Это были холода, казаки, которые причинили вред Великой армии; и что это за вред? Да ведь его скоро отремонтируют. “Весной я вернусь на Неман”.

Но тот самый человек, который публично и в частном порядке успокаивал нацию, иногда сам был настолько ошеломлен мыслью о катастрофе, свидетелем которой он только что стал, что у него вырвался крик, который показывал, что только его неукротимая воля помогла ему выстоять; что его сердце обливалось кровью. Выступая перед законодательным органом с блестящим отчетом о своем успехе во время вторжения, он внезапно остановился. “За несколько ночей все изменилось. Я понес большие потери. Они разбили бы мне сердце, если бы я был доступен каким-либо другим чувствам, кроме интереса, славы и будущего моего народа”.

ОНИ ВОРЧАЛИ, НО ВСЕГДА СЛЕДОВАЛИ За МНОЙ.

Раффет показывает нам Наполеона, измученного катастрофическим избытком даже своих побед, марширующего под печальным дождливым небом во главе своей маленькой армии, которая, несмотря на надежду, с каждым днем уменьшалась в численности после неоднократных сражений — и все они были победоносными. Выбранная художником легенда отражает душевное состояние этих старых *грозняров*- всегда недовольных и в то же время всегда готовых, несмотря на изнуряющую усталость и растущее уныние, бежать даже до смерти по знаку своего императора. Мейссонье долго и серьезно размышлял перед этой прекрасной картиной, вдохновленной французской кампанией, прежде чем написать свое бессмертное полотно “1814 год”. —А. Д.

Несмотря на ужасные новости, ежедневно поступающие в Париж, Наполеон начал подготовку к новой кампании. Каждому он говорил о победе как об несомненной. Тех, кто выступал против этого предприятия, он временно заставил замолчать. “Вы должны сказать, ” писал он Эжену, “ и сами поверить, что в следующей кампании я отброшу русских обратно за Неман”. Когда первые известия о прохождении Березины повергли их в ужас, Сенат проголосовал за создание армии численностью в триста пятьдесят тысяч человек; были призваны союзники; даже морская пехота была вынуждена передать людей сухопутным войскам.

Но было необходимо что-то помимо мужчин. Армия - это мушкетеры, порох и сабли, одежда, сапоги и головные уборы, повозки, пушки и кессоны; и все это необходимо было производить заново. Задача была гигантской, но еще до середины апреля она была выполнена, и император был готов присоединиться к своей армии.

Силы, против которых Наполеон выступил в 1813 году, были самыми грозными во многих отношениях, с которыми он когда-либо сталкивался. Их сила была больше. В нее входили Россия, Англия, Испания, Пруссия и Швеция, и союзники верили, что Австрия вскоре присоединится к ним. Элементом этих сил, более могущественным, чем их численность, был их дух. Армии союзников сражались с Наполеоном в 1813 году так, как

они сражались бы с врагом свободы. Центральная Европа пришла к выводу, что дальнейшее вмешательство Франции недопустимо. Война превратилась в крестовый поход. Степень выраженности этого чувства иллюстрируется инцидентом в прусской армии. В войне 1812 года Пруссия была союзником Франции, но в конце года генерал Йорк, командовавший прусской дивизией, перешел на сторону врага. Это был бесчестный поступок с военной точки зрения, но его объяснение, что он дезертировал как “патриот, действующий на благо своей страны”, тронуло Пруссию; и хотя король дезавуировал этот поступок, народ аплодировал ему.

Во всех германских государствах отношение к Наполеону было ожесточенным. Такие люди, как Штайн, предприняли против него настоящий крестовый поход, и большая часть молодежи страны объединилась в *Тагендбунд*, или Лигу добродетели, которая поклялась взяться за оружие во имя свободы Германии.

Когда Александр переправился через Неман вслед за французами, объявив, что он пришел принести “избавление Европе”, и призвав народ объединиться против “общего врага”, он обнаружил, что они быстро поняли и откликнулись.

Таким образом, в 1813 году Наполеон пошел не против королей и армий, а против *народов*. Никто не понимал этого лучше, чем он сам, и он советовал своим союзникам, что они должны защищаться не только от внешнего врага. “Есть еще одна опасность, которой следует опасаться, — дух бунта и анархии”.

ГЛАВА XX

КАМПАНИЯ 1813 ГОДА—КАМПАНИЯ 1814 ГОДА—ОТРЕЧЕНИЕ ОТ ПРЕСТОЛА

Т Кампания началась 2 мая 1813 года к юго-западу от лейпцига битвой при Лютцене. Это была победа Наполеона, хотя он не мог продолжить ее, поскольку у него не было кавалерии. Моральный эффект Лютцена был превосходным во французской армии. Среди союзников произошел возврат к старому страху перед "чудовищем". К 8 мая французы заняли Дрезден; оттуда они переправились через Эльбу, а 21-го числа одержали битву при Баутцене, еще одну незавершенную победу Наполеона. На следующий день в бою с русским арьергардом был убит маршал Дюрок, один из самых близких и давних друзей Наполеона. Это была вторая потеря маршала с начала кампании: Бессьер был убит при Лютцене.

Французы захватили Бреслау 1 июня, а три дня спустя было подписано перемирие, продлившееся до 10 августа. Была надежда, что во время этого перемирия может быть заключен мир. В тот момент Австрия владела ключом к ситуации. Союзники поняли, что потерпят поражение, если не смогут убедить ее присоединиться к ним. Наполеон, восстановивший свою былую уверенность после серии побед, надеялся успокоить своего австрийского тестя до тех пор, пока тот не разгромит пруссаков и не прогонит русских за Неман. Австрия увидела свою мощь и решила использовать ее для возвращения территорий, утраченных в 1805 и 1809 годах, и Меттерних приехал в Дрезден, чтобы повидаться с Наполеоном. Австрия сохранит мир с Францией, сказал он, если Наполеон вернет Иллирию и польские провинции, отправит папу обратно в Рим, откажется от протектората Рейнской конфедерации, восстановит Неаполь и Испанию. Изумлению и негодованию Наполеона не было предела.

ГЕРЦОГ РЕЙХШТАДТСКИЙ.

- Сколько Англия дала вам за то, что вы сыграли эту роль против меня, Меттерних? - спросил он.

Вскоре после этого в Праге состоялось подобие конгресса, но это была всего лишь насмешка. Отчаяние и страдания Центральной Европы были таковы, что мир мог быть достигнут только путем больших жертв со стороны Наполеона. На них он пойти отказался. Нет сомнений, что Франция и его союзники умоляли его пойти на компромисс; что его самые мудрые советники советовали ему сделать это. Но он с раздражением отвергал все подобные предложения. "Вы постоянно надоедаете мне разговорами о необходимости мира", - писал он Савари. "Я знаю положение моей империи лучше, чем вы; никто так не заинтересован в заключении мира, как я, но я не заключу бесчестный мир или такой, при котором через шесть месяцев мы снова окажемся в состоянии войны.... Эти вещи тебя не касаются".

К середине августа кампания началась. У французов на поле боя было около трехсот шестидесяти тысяч человек. Эти силы были окружены кольцом армий - шведской, русской, прусской и австрийской, общей численностью около восьмисот тысяч человек. В число лидеров этой враждебной силы входили, помимо естественных врагов Франции, Бернарот, наследный принц Швеции, сражавшийся вместе с Наполеоном в Италии, и генерал Моро, герой Гогенлиндена. Моро был в штате Александра. Он прибыл в армию в ночь истечения срока перемирия, отплыв из Соединенных Штатов 21 июня по приглашению российского императора, чтобы помочь в кампании против Франции. Союзники встретили его со всеми знаками отличия. Другим дезертиром в штабе союзников был выдающийся военный критик Жомини. В рядах были отставшие от всего французского корпуса, и саксонцы угрожали оставить французов в полном составе и перейти к союзникам.

Вторая кампания 1813 года открылась для Наполеона блестяще, ибо под Дрезденом он взял двадцать тысяч пленных и захватил шестьдесят пушек. Победа превратила тревогу Парижа в надежду, и их вера в звезду Наполеона еще больше возродилась после сообщения о том, что Моро пал, ему французской пулей оторвало обе ноги. Сам Моро чувствовал, что судьба благосклонна к императору. "Этому негодяю Бонапарту всегда везет", - писал он своей жене сразу после ампутации ног.

Но здесь действовало нечто более сильное, чем удача; союзники были воодушевлены духом национальности, неукротимой в своей силе, и они следовали плану, который, несомненно, сокрушит Наполеона в долгосрочной перспективе. Это был план Моро; не следовало рисковать генеральным сражением, но французские корпуса должны были вступать в бой один за другим, пока части армии не будут выведены из строя. В свою очередь, Вандам, Удино, Макдональд, Ней потерпели поражение, и в октябре остатки французов отступили к Лейпцигу. Здесь окружавшая их орда внезапно увеличилась. Баварцы перешли на сторону союзников.

Трехдневное сражение под Лейпцигом истощило французов, и они были вынуждены совершить катастрофическое отступление к Рейну, который они форсировали 1 ноября. Десять дней спустя император был в Париже.

Положение Франции в конце 1813 года было плачевным. Союзники находились на правом берегу Рейна. Битва при Виттории отдала испанскую границу Веллингтону, и английская и испанская армии были на границе. Союзникам, которые остались с французами, нельзя было доверять. "Год назад вся Европа маршировала с нами, - сказал Наполеон. - сегодня вся Европа марширует против нас". Его генералы были в отчаянии, в

Париже царил тревога. Кроме того, казалось, не было человеческих средств собрать новую армию. Откуда было взять людей? Франция была обескровлена. Она не могла дать больше. Ее вены были пусты.

“Это правда, абсолютная правда, и таков секрет и объяснение всего, что произошло с тех пор”, - говорит Паскье. “С этими последовательными призывами в армию, прошлыми, настоящими и грядущими; с Почетным караулом; с бравею младшего лейтенанта, навязанным молодым людям из лучших семей после того, как они сбежали от призыва или предоставили замену в соответствии с положениями закона, не осталось ни одной семьи, которая не была бы в тревоге или трауре”.

Несмотря на то, что он был окружен врагами, ему угрожала анархия, его поддерживал слабеющий народ, Наполеон медлил с миром, предложенным союзниками. Условия не были позорными. Франция должна была удалиться, как и другие нации, в пределах своих естественных границ, которые они обозначили как Рейн, Альпы и Пиренеи. Но император не мог поверить, что Европа, которую он так часто побеждал, имела силу ограничить его в таких пределах. Он не мог поверить, что такой мир будет стабильным, и начал подготовку к сопротивлению. Был произведен новый набор войск. Испанскую границу он попытался обезопасить, заключив мир с Фердинандом, признав его королем Испании. Он пытался уладить свои проблемы с папой римским.

Пока он пытался упростить ситуацию, пробудить национальный дух и собрать подкрепления, враждебные силы множились и окружали его. Союзники переправились через Рейн. *Легислатурный корпус* воспользовался его необходимостью потребовать восстановления определенных прав, которые он у них отнял. Разгневанный их дерзостью, император оттолкнул общественное сочувствие, распустив тело. “Я нуждался в чем-нибудь, что могло бы меня утешить, “ сказал он им, - а вы пытались обесчестить меня. Я ожидал, что вы объединитесь умом и делом, чтобы изгнать иностранца; вы пригласили его приехать. Действительно, если бы я проиграл два сражения, это не принесло бы Франции большего зла”. В довершение всего Мюрат, муж Каролины, ныне король Неаполя, бросил его. Это предательство было тем более горьким, что причиной его была сама его сестра. Опасаясь потерять свою маленькую славу королевы Неаполя, Каролина наблюдала за ходом событий до тех пор, пока не убедилась, что ее брат погиб, а затем убедила Мюрата заключить мир с Англией и Австрией.

Это накопление неудач, обрушившихся на него, когда он пытался подготовиться к битве, вынудило Наполеона обратиться к союзникам с предложениями мира. Было слишком поздно. Укоренилась идея, что Франция с Наполеоном во главе никогда не останется в своих естественных пределах; что единственная надежда для Европы - полностью сокрушить его. Эта ненависть к Наполеону стала почти фанатичной и делала невозможными любые условия мира с ним.

К концу января 1814 года император был готов возобновить борьбу. За день до отъезда из Парижа он привел императрицу и короля Рима ко двору Тюильри и представил их Национальной гвардии. Он сказал им, что оставляет им то, что ему дороже всего на свете. Враг приближается; они могут дойти до Парижа; они могут даже разрушить город. Пока он сражался снаружи, чтобы защитить Францию от этого бедствия, он молился, чтобы они сохранили бесценное доверие, оставшееся внутри. Благородство и искренность чувства, волновавшего императора, были несомненны; слезы текли по щекам людей, к которым он обращался, и на мгновение каждое сердце оживилось прежним чувством, и они с готовностью приняли клятву, о которой он просил.

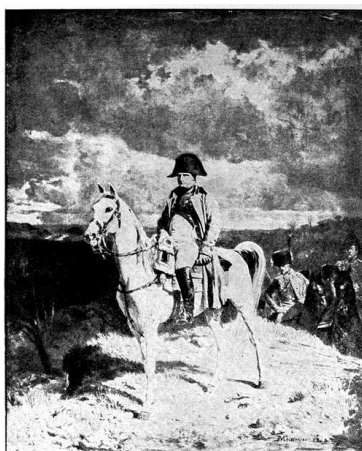
На следующий день он покинул Париж. Армия, которой он командовал, насчитывала не более шестидесяти тысяч человек. Он повел ее против войска, которое, если считать только тех, кто переправился через Рейн, насчитывало почти шестьсот тысяч человек.

В ходе последовавшей двухмесячной кампании Наполеон несколько раз наносил поражения союзникам. Несмотря на ужасные условия, в которых он сражался, он почти изгнал их из страны. Во всех отношениях кампания была достойна его гения. Но шансы против него были слишком велики. Самым печальным в его ситуации было то, что его не откомандировали. Народ, генералы, законодательные органы, все, кто не находился под его личным влиянием, казались парализованными. Ожеро, находившийся в Лионе, абсолютно ничего не сделал, и следующее письмо к нему показывает, с какой энергией и негодованием Наполеон пытался пробудить своих ошеломленных сторонников.

“Ноган, 21 февраля 1814 года.

“... Что? через шесть часов после того, как вы приняли первые войска, прибывшие из Испании, вас не было на поле боя! Шести часов отдыха было достаточно. Я выиграл битву при Нангисе с бригадой драгун, прибывшей из Испании, которая с тех пор, как покинула Байонну, не распрягала своих лошадей. Шесть батальонов Низмийской дивизии нуждаются в одежде, снаряжении и обучении, говорите вы. Какие жалкие доводы вы мне приводите, Ожеро! Я уничтожил восемьдесят тысяч врагов, а у призывников не было ничего, кроме ранцев! Национальная гвардия, скажете вы, достойна сожаления. У меня здесь четыре тысячи человек, в круглых шляпах, без ранцев, в деревянных башмаках, но с хорошими мушкетами, и я получаю от них много пользы. Денег нет, продолжаете вы; и откуда вы надеетесь взять деньги? Вам нужны вагоны; везите их куда только сможете. У вас нет журналов; это слишком нелепо. Я приказываю вам через двенадцать часов после получения этого письма выйти на поле боя. Если ты все еще Ожеро из Кастильоне, сохраняй за собой командование; но если твои шестьдесят лет тяготят тебя, передай командование своему старшему генералу. Страна в опасности, и ее можно спасти только смелостью и доброй волей....

“Наполеон.”

1814.

Гравюра Руэ по Мейссонье. Оригинал в галерее Уолтерса, Балтимор. Мейссонье любил короткие названия и очень часто в своих исторических работах выбирал только простую дату. Среди таких названий – 1806, 1807, 1814, которые вполне могли бы быть заменены на "Битву при Йене", "Фридланд" и "Кампанию во Франции". Эту последнюю тему он рассматривал дважды в разных аспектах. Во-первых, на знаменитом полотне, его великом шедевре, где мы видим мрачного, молчаливого Наполеона с лицом, искаженным страданием, медленно едущего во главе своего обескураженного штаба по заснеженным равнинам Шампани. Это важное произведение является частью коллекции месть Шощара из Парижа, который купил его за восемьсот тысяч франков. Вторая картина – та, что воспроизведена здесь, на которой Наполеон изображен в тот же период, но только в начале этой ужасной кампании — предпоследнего акта наполеоновской трагедии. На тщательно изученном лице пока нет выражения уныния, скорее, решительная надежда на успех. Наполеон носит традиционное серое пальто поверх костюма *гвардейских егерей* и едет верхом на своей верной маленькой кобыле *Мари*, нарисованной с живым, нервным эффектом, которым невозможно слишком восхищаться. Мейссонье, недоступный поэтическим соблазнам символизма, тем не менее превосходно указал здесь на мрачное будущее героя, окружив его сияющую фигуру тьмой и отбросив на его чело тень грозного, угрожающего неба. — А. Д.

Ужас и апатия Парижа вывели его из себя сверх всякой меры. К его великому отвращению, двор и некоторые советники начали публично молиться за его безопасность. “Я вижу, что вместо того, чтобы поддерживать императрицу,” писал он Камбасересу, “вы

обескураживаете ее. Почему вы так теряете голову? Что это за *мизереры* и эти сорокачасовые молитвы в часовне? Неужели люди в Париже сошли с ума?”

Самой серьезной заботой Наполеона в этой кампании было то, чтобы императрица и король Рима не попали в плен. Он понимал, что союзники могут добраться до Парижа в любой момент, и неоднократно инструктировал Жозефа, который был назначен генерал-лейтенантом в его отсутствие, что делать, если городу будет угрожать опасность.

“Никогда не позволяйте императрице или королю Рима попасть в руки врага.... Что касается меня, то я предпочел бы видеть, как моего сына убьют, чем воспитывать в Вене как австрийского принца; и я достаточно хорошего мнения об императрице, чтобы быть убежденным, что она думает так же, насколько это возможно для женщины и матери. Я никогда не видел, чтобы Андромака изображали без сожаления о том, что Астианакс пережил свою семью, и без того, чтобы не считать удачей то, что он не пережил своего отца”.

В течение двух месяцев велись переговоры о мире. Они менялись в зависимости от успеха или неудачи императора или союзников. Наполеон достиг той точки, когда он с радостью принял бы условия, предложенные в конце 1813 года. Но они были отозваны. Франция должна была вернуться к своим границам в 1789 году. “Как!” воскликнул Наполеон. - Оставить Францию такой, какой я ее нашел? Никогда”.

Ужасающее сочетание сил сомкнулось вокруг него неуклонно, со смертоносной точностью камеры пыток, чьи регулируемые стены незаметно, но верно сближаются день ото дня, пока жертва не будет раздавлена. 30 марта Париж капитулировал. За день до этого регентша Мария Луиза вместе с королем Рима и ее свитой выехала из города в Блуа. Союзные монархи вошли в Париж 1 апреля. Проходя по улицам, они видели, как множатся по мере их продвижения белые кокарды, которые *великие дамы* Сен-Жерменского предместья изготавляли в ожидании въезда иностранца, и единственными криками, которые приветствовали их, когда они проходили по бульварам, были: “*Да здравствуют бурбоны! Да здравствуют государи! Да здравствует император Александр.*”

Союзники были в Париже, но Наполеон не был разгромлен. Стоя лагерем в Фонтенбло, окруженный своей армией, повсюду верные ему солдаты, он все еще имел большие шансы на победу, и союзники с беспокойством ждали, какой ход он предпримет. Во многом благодаря остроумию Талейрана устои, которые оставались у императора, были подорваны. Этот хитрый дипломат, которому надлежало отправиться с императрицей в Блуа, сумел запереться в Париже и при вступлении союзников присоединился к Александру, которого он убедил объявить, что союзные державы не будут вести никаких переговоров ни с Наполеоном, ни с кем-либо из членов его семьи. Это устраняло самый сложный фактор в проблеме. Благодаря своему тонкому такту Талейран привлек законодательные органы к этой точке зрения.

Со стороны населения Александр и Талейран ничего не боялись; оно было слишком измотано, чтобы просить чего-либо, кроме мира. Их самой серьезной проблемой была армия. По всей стране раздавался крик простых солдат: “Пойдем к императору”. “Армия,” заявил Александр, “ всегда остается армией; пока ее нет с вами, господа, вы не можете похвастаться ничем. Армия представляет французскую нацию; если ее не завоевать, что вы можете сделать такого, что выдержит испытание временем?”

В отношении солдат и генералов использовались все средства убеждения, подкупа, запугивания. Им были сказаны фразы, которые не могли не польстить им: “Вы самые благородные из детей страны, и вы не можете принадлежать человеку, который опустошил ее.... Вы больше не солдаты Наполеона; Сенат и вся Франция освобождают вас от ваших клятв”.

Старшие офицеры штаба Наполеона в Фонтенбло были выбиты из колеи ловкими сообщениями, присланными из Парижа. Их заставили поверить, что они сражаются против воли нации и своих товарищей. Когда это недовольство стало серьезным, один из старейших и наиболее доверенных соратников Наполеона, Мармон, внезапно дезертировал. Он возглавлял авангард армии. Это предательство лишило императора последней надежды, и 11 апреля 1814 года Наполеон подписал акт об отречении в Фонтенбло. Акт гласил:

“Союзные державы провозгласили, что император Наполеон Бонапарт является единственным препятствием к восстановлению мира в Европе, император Наполеон, верный своей присяге, заявляет, что он отказывается ради себя и своих наследников от тронов Франции и Италии и что нет такой личной жертвы, даже ценой своей жизни, на которую он не готов пойти в интересах Франции”.

Лишь на мгновение гигантская воля дрогнула под ударом поражения, предательства и покинутости. Неуверенный в судьбе своей жены и ребенка, осужденный союзниками сам и его семья, его армия рассеяна, он храбрился до тех пор, пока Мармон не бросил его и он не увидел, как один за другим его доверенные офицеры присоединяются к его врагам; тогда на мгновение он отказался от борьбы и попытался покончить с собой. Яд, который он принял, полностью утратил свою силу, и он оправился от его воздействия. Даже смерть не смогла бы справиться с ним, простонал он.

Но это уныние было недолгим. Как только было решено, что его будущим домом должен стать остров Эльба и что его дела должны находиться под его контролем, он начал готовиться к путешествию в свое маленькое королевство с той же энергией и рвением, которые характеризовали его как императора. 20 апреля он покинул дворец Фонтенбло.

НАПОЛЕОН В ФОНТЕНБЛО ВЕЧЕРОМ ПОСЛЕ СВОЕГО ОТРЕЧЕНИЯ, 11 апреля 1814 г.

Франсуа, по произведению Делароша, 1845 год.

ГЛАВА XXI

ПРАВИТЕЛЬ ОСТРОВА ЭЛЬБА—ВОЗВРАЩЕНИЕ В ПАРИЖ—СТО ДНЕЙ—ВТОРОЕ ОТРЕЧЕНИЕ

Через неделю после прощания со своей гвардией Наполеон отправил из Фрежюса свое первое обращение к жителям Эльбы:

“Обстоятельства побудили меня отказаться от французского престола, пожертвовав своими правами ради интересов страны, я сохранил за собой суверенитет над островом Эльба, который получил согласие всех держав. Поэтому я посылаю к вам генерала Друо, чтобы вы могли передать ему упомянутый остров вместе с военными складами и провизией, а также имущество, принадлежащее моим имперским владениям. Будьте добры сообщить жителям об этом новом положении дел и о выборе, который я сделал в отношении их острова для своего пребывания, принимая во внимание мягкость их нравов и превосходный климат. Я буду проявлять величайший интерес к их благополучию.

“НАПОЛЕОН.”

Эльбаны приняли своего нового правителя со всей помпой, какую позволяли их средства и опыт. Все население отметило его прибытие как *праздник*. Новый флаг, выбранный императором, — белый с красной полосой и тремя желтыми пчелами — был развернут, и форты страны и иностранные суда, стоявшие в порту, приветствовали его. Ему были вручены ключи от главного города острова, была спета *песня "Te Deum"*. Если Наполеону эти почести и казались жалкими и презренными по сравнению с великолепием *праздников*, к которым он привык, он не подал виду и играл свою роль с той же серьезностью, с какой принимал корону.

Его жизнь на Эльбе сразу же стала методичной, и он работал так же усердно и, по-видимому, с таким же интересом, как и в Париже. Дела его нового государства были его главной заботой, и он сразу же приступил к ознакомлению со всеми их деталями. Он объехал остров во всех направлениях, чтобы ознакомиться с его ресурсами и потребностями. Одно время он объезжал свои владения, заходя в каждый порт и осматривая его состояние и укрепления. Везде, куда бы он ни приезжал, он планировал и начинал работы, которые проводил с энергией. Были проложены прекрасные дороги; выровнены камни; начато строительство дворца и казарм. С момента его прибытия его влияние стало благотворным. По словам островитян, на Эльбе царила новая атмосфера.

Бюджет на Эльбе управлялся так же жестко, как и во Франции, и маленькая армия была обучена с такой же тщательностью, как и сами гвардейцы. После ежедневного смотра своих войск он выезжал верхом, и этот променад превратился в своеобразный прием, когда островитяне, желавшие посоветоваться с ним, останавливали его на пути следования. Говорят, что он неизменно прислушивался к их призывам.

Эльба постоянно оживлялась во время пребывания Наполеона туристами, которые из кожи вон лезли, чтобы увидеть его. Большинство этих любопытных были англичанами; со многими из них он свободно беседовал, принимая их в своем доме и позволяя им унести из дома кусочки камня или кирпича в качестве сувениров.

Его пребывание стало более сносным благодаря приезду мадам *матери* и принцессы Полины, а также двадцати шести военнослужащих Национальной гвардии, которые

пересекли Францию, чтобы присоединиться к нему. Но его великое желание, чтобы Мария-Луиза и король Рима приехали к нему, так и не было удовлетворено. Один из его спутников на острове рассказал, что на протяжении всего своего пребывания он бережно хранил попавший в его распоряжение запас фейерверков, планируя использовать их, когда прибудут его жена и сын, но, к сожалению, у него так и не было возможности отпраздновать это событие.

Хотя Наполеон, судя по всему, был поглощен мелкими делами на Эльбе, на самом деле он планировал самый драматичный поступок в своей жизни. 26 февраля 1815 года гвардия получила приказ покинуть остров. С отрядом в тысячу сто человек император миновал иностранные корабли, охранявшие Эльбу, и во второй половине дня 1 марта высадился в Каннах на берегу залива Жуан. В одиннадцать часов той ночи он двинулся в сторону Парижа. Он доверял себя народу и армии. Если никогда не было примера такой дерзкой уверенности, то, конечно, никогда не было и такой реакции. Жители Юга встретили его радостно, предложив бить в набат и всем скопом *следовать за ним*. Но Наполеон отказался; он взывал к солдатам.

“Мы не были побеждены [сказал он армии]. Приходите и встаньте под знамена своего вождя; его существование зависит от вас; его интересы, его честь и его слава принадлежат вам. Победа наступит вдвое быстрее. Орел с национальными цветами будет перелетать со шпилья на шпиль к башням Собора Парижской Богоматери. Тогда вы сможете с честью показать свои шрамы; тогда вы сможете похвастаться тем, что вы сделали; вы будете освободителями страны....”

В Гренобле было оказано демонстративное сопротивление. Наполеон направился прямо к солдатам, сопровождаемый своей гвардией.

“Вот я, вы меня знаете. Если среди вас есть солдат, который хочет убить своего императора, позвольте ему это сделать.”

“Да здравствует император!” - последовал ответ, и в мгновение ока шесть тысяч человек сорвали свои белые кокарды и заменили их старыми грязными трехцветными флагами. Они достали их с внутренней стороны своих фуражек, где прятали со времени изгнания своего героя. “Это то же самое, что я носил при Аустерлице”, - сказал один из них, проходя мимо императора. “Это, - сказал другой, - у меня было в Маренго”.

ВОЗВРАЩЕНИЕ НАПОЛЕОНА С ОСТРОВА ЭЛЬБА, МАРТ 1815 ГОДА.

Из Гренобля император двинулся маршем в Лион, где солдаты и офицеры перешли на его сторону целыми полками. Лидеры роялистов, соблаговолившие отправиться в Лион, чтобы увещевать армию, оказались проигнорированными; и Ней, которому из Безансона было приказано остановить наступление императора и который вначале обещал “вернуть Наполеона в железной клетке”, сдал всю свою дивизию. По его словам, сопротивляться силе общественного мнения было невозможно. Из Лиона император во главе того, что теперь было французской армией, прошел через Дижон, Отен, Аваллон и Осер в Фонтенбло, которого он достиг 19 марта. В тот же день Людовик XVIII. бежал из Парижа.

Изменение настроений за эти несколько дней было хорошо проиллюстрировано французской газетой, которая после возвращения Наполеона опубликовала следующий календарь, почерпнутый из роялистской прессы.

25 февраля.— *“Истребитель* подписал договор о наступлении и обороне. Неизвестно, с кем”.

26 февраля. — *“Корсиканец* покинул остров Эльба”.

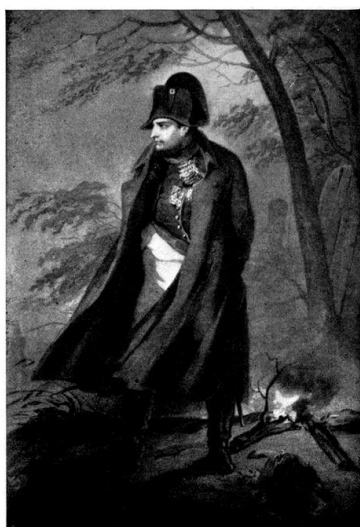
1 марта. — *“Бонапарт* высадился в Каннах с тысячью сотнями человек”.

7 марта. — *“Генерал Бонапарт* овладел Греноблем”.

10 марта. — *“Наполеон* вступил в Лион”.

19 марта. — *“Император* сегодня прибыл в Фонтенбло”.

19 марта. — *“Его Императорское Величество* ожидается завтра в Тюильри, в годовщину рождения короля Рима”.

ПЕРЕД ВАТЕРЛОО.

По литографии Шарле.

За два дня до бегства Бурбонов на дверях Тюильри появилось следующее объявление:

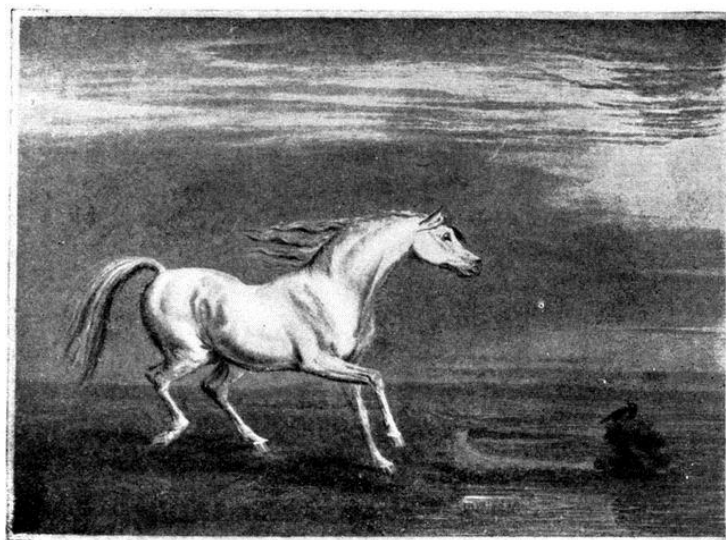
“Император умоляет короля больше не посылать ему солдат; у него и так достаточно.”

“Какой период вашей императорской жизни был самым счастливым?” Однажды О'Мира спросила Наполеона на острове Святой Елены.

“Марш из Канн в Париж”, - немедленно ответил он.

Его счастье было недолгим. Всепоглощающий энтузиазм, который сделал возможным этот марш, не мог продолжаться вечно. Сбитые с толку фракции, которые были вынуждены замолчать или изгнаны новым появлением Наполеона, вышли из оцепенения. Роялисты, раздраженные собственным бегством, реорганизовались. Среди либералов возникла сильная оппозиция. Прошло совсем немного времени, прежде чем за безумием, которое вызвало возвращение Наполеона в стране, последовала реакция. Недовольство, холодность и заговоры увенчались успехом. Перед лицом этого отвращения к чувствам изменился и сам император. Жизнерадостное мужество, поразительная дерзость, которые побудили его вернуться с Эльбы, казалось, покинули его. Он стал печальным и озабоченным. Без сомнения, большая часть этой печали была вызвана отказом Австрии вернуть его жену и ребенка, а также горьким осознанием того, что Мария Луиза поддавалась иностранному влиянию и пообещала никогда больше не видеть своего мужа.

Если бы союзники позволили французам вести свои дела по-своему, вполне вероятно, что Наполеон справился бы с ситуацией, какой бы сложной она ни была. Но они этого не сделали. Несмотря на его обещание соблюдать договоры, заключенные после его отречения, принять установленные границы, подчиняться Венскому конгрессу, коалиция относилась к нему с презрением, делая вид, что не доверяет ему. Он был нарушителем спокойствия во всем мире, врагом общества; его нужно было вывести за пределы общества, и они взялись за оружие не против Франции, а против Наполеона. Франции, как оказалось, нельзя было позволить самой выбирать себе правителей.

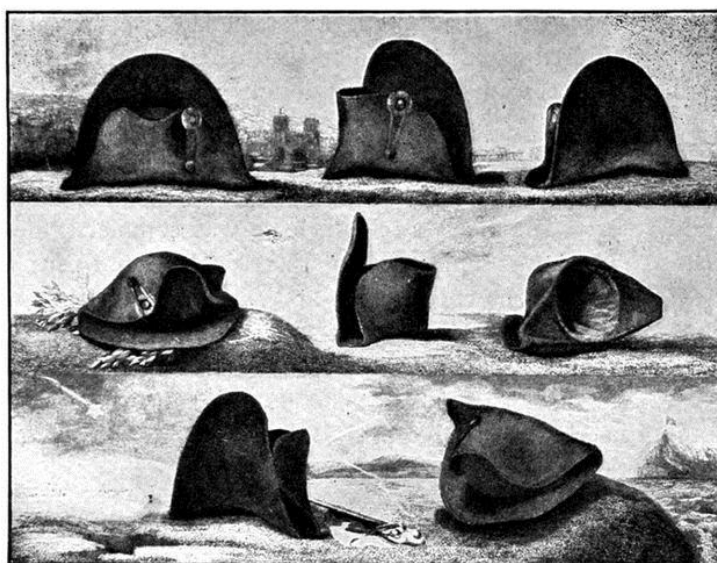
“МАРЕНГО”, БОЕВОЙ КОНЬ НАПОЛЕОНА, НА КОТОРОМ ОН В ПОСЛЕДНИЙ РАЗ ЕЗДИЛ В БИТВЕ ПРИ ВАТЕРЛОО, А ВПОСЛЕДСТВИИ СТАЛ СОБСТВЕННОСТЬЮ КАПИТАНА ГОВАРДА.

Нарисованный и выгравированный Джеймсом Уордом, Р.А. Скелет “Маренго” сейчас хранится в музее Королевского института объединенных служб в Лондоне и стоит под картиной, написанной Уордом, с которой взята эта гравюра. “Копытце маренго, сделанное из табакерки, совершает свой ежевечерний обход после ужина в королевской гвардии в

Сент-Джеймском дворце. На крышке надпись: 'Копыто Маренго, боевого коня Наполеона, на котором он сражался при Маренго, Аустерлице, Йене, Ваграме, в русской кампании и, наконец, при Ватерлоо'. Легенда о копыте продолжается: 'Маренго был ранен в ближнюю часть бедра при Ватерлоо, когда его хозяин напал на него на холлоу-роуд перед позицией французов. Он и раньше часто бывал ранен во многих сражениях'.

Положение, в котором оказался Наполеон после объявления войны, было чрезвычайно трудным, но он справился с сопротивлением со всем своим прежним гением и ресурсами. Через три месяца после высадки в Каннах у него была армия в двести тысяч человек, готовая выступить в поход. Он повел ее против по меньшей мере пятисот тысяч человек.

15 июня армия Наполеона встретила часть войск противника в Бельгии, недалеко от Брюсселя, а 16, 17 и 18 июля состоялись сражения при Линьи, Катр-Бра и Ватерлоо, в последнем из которых он потерпел полное поражение. Пределы и характер этого очерка не позволяют описать сражение при Ватерлоо. Литература по этому вопросу, возможно, богаче, чем по любому другому военному предмету. Тысячи книг обсуждают эту битву, и каждое последующее поколение воспринимает ее так, как будто о ней ничего не было написано. Но хотя Ватерлоо здесь обсуждать нельзя, нелишне заметить, что среди причин его поражения есть определенные, которые интересуют нас, поскольку они касаются лично Наполеона. Тот, чьим великим правилом в войнах было "Время - это все", потерял время при Ватерлоо. Тот, кто заботился о том, чтобы все, что он хотел, было сделано хорошо, забыл удостовериться в таком важном вопросе, как точное расположение своего врага. Тот, кто когда-то мог неделю не спать, был болен. Опять же, если внимательно сравнить Бонапарта Герена (страница [108](#)) с Наполеоном Жироде (страница [240](#)), он поймет, по крайней мере частично, почему битва при Ватерлоо была проиграна.

ВОСЕМЬ ЭПОХ ИЗ ЖИЗНИ НАПОЛЕОНА.

Эта оригинальная серия шляп, представленных в различных значимых положениях, создана карандашом Штойбена, одного из самых талантливых художников Первой империи, и символизирует восемь основных эпох в карьере Наполеона.

1. Vendémiaire.
2. Консульство.

3. Империя.
4. Аустерлиц.
5. Ваграм.
6. Москва.
7. Ватерлоо.
8. Остров Святой Елены.

Поражение было полным; и когда император увидел это, он бросился в бой в поисках смерти. Так же страстно, как он стремился к победе при Арколе, Маренго, Аустерлице, он искал смерти при Ватерлоо. “Я должен был погибнуть при Ватерлоо, - сказал он впоследствии, - но несчастье в том, что, когда человек больше всего ищет смерти, он не может ее найти. Люди были убиты вокруг меня, впереди, позади — везде. Но для меня там не было пули”.

Он немедленно вернулся в Париж. Во Франции все еще оставались силы сопротивления. Многие призывали его вернуться к борьбе, но общественное настроение было таково, что он отказался. Страна была разделена из-за своей преданности ему; законодательный орган был напуган и враждовал; Талейран и Фуше плели заговор. Кроме того, союзники объявили нации, что они вели войну только против Наполеона. В этих обстоятельствах Наполеон почувствовал, что верность наилучшим интересам Франции требует его отречения; и он подписал акт заново, провозгласив своего сына императором под титулом Наполеона II.

Покинув Париж, павший император отправился в Мальмезон, где всего тринадцать месяцев назад умерла Жозефина. К нему присоединились несколько друзей — королева Гортензия, герцог де Ровиго, Бертран, Лас Касес и Меневаль. Он пробыл там всего несколько дней. Союзники приближались к Парижу, и окрестности были в опасности. Наполеон предложил свои услуги временному правительству, занявшему его место, в качестве лидера кампании против захватчика, пообещав уйти в отставку, как только враг будет отброшен, но получил отказ. На самом деле правительство боялось его больше, чем союзников, и настоятельно призывало его как можно быстрее покинуть Францию. Потерпев бедствие, он обратился к Америке как к убежищу и назначил там свидание своей семье.

Были предложены различные планы по переезду в Соединенные Штаты. Среди предложений помощи в исполнении его желания, которые были сделаны Наполеону, Лас Касес упоминает одно, исходящее от американца из Парижа, который написал:

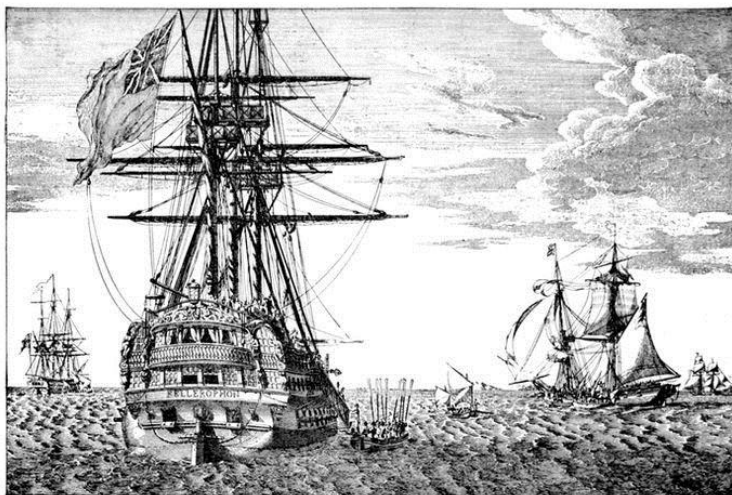
“Пока вы были во главе нации, вы могли совершить любое чудо, вы могли питать любые надежды; но теперь вы больше ничего не можете сделать в Европе. Летите в Соединенные Штаты! Я знаю сердца ведущих людей и чувства народа Америки. Вы найдете там вторую страну и все источники утешения”.

Мистер С. В. С. Уайлдер, американский торговец морскими перевозками, живший во Франции во времена правления Наполеона и находившийся под большим впечатлением от изменений, произошедших в обществе и политике при его правлении, предложил помочь ему бежать. Он предложил императору переодеться камердинером, для которого у него был паспорт. На борту корабля император должен был прятаться в бочке, пока не будет пересечена опасная черта. В этой бочке должно было быть фальшивое отделение. С торца, видимого сверху, должна была непрерывно капать вода. Мистер Уайлдер предложил отвезти Наполеона в его собственный дом в Болтоне, штат Массачусетс, когда они прибудут в Америку. Говорят, что император серьезно рассматривал этот план, но в конце концов отказался, потому что он оставил бы своих друзей позади, а обеспечить их мистер Уайлдер никак не мог. Однажды Наполеон объяснил Лас Кейсу на острове Святой

Елены, что он намеревался сделать, если бы добрался до Америки. Он собрал бы вокруг себя всех своих родственников и таким образом сформировал бы ядро национального союза, вторую Францию. Он дал им такие суммы денег, что, по его мнению, они могли бы выручить по меньшей мере сорок миллионов франков. Еще до конца года события в Европе привлекли бы к нему сто миллионов франков и шестьдесят тысяч человек, большинство из которых обладали богатством, талантом и информацией.

“Америка [сказал он] была во всех отношениях нашим настоящим убежищем: это огромный континент, обладающий преимуществом особой системы свободы. Если человека мучает меланхолия, он может сесть в карету и проехать тысячу лье, всю дорогу наслаждаясь удовольствиями обычного путешественника. В Америке вы можете быть на равных со всеми; вы можете, если вам угодно, смешиваться с толпой без неудобств, сохраняя свои собственные манеры, свой собственный язык, свою собственную религию”.

29 июня, через неделю после своего возвращения в Париж после Ватерлоо, Наполеон выехал из Мальмезона в Рошфор, надеясь добраться до судна, которое доставило бы его в Соединенные Штаты; но побережье так охранялось англичанами, что спастись было невозможно.

НАПОЛЕОН САДИТСЯ НА “БЕЛЛЕРОФОНТ”.

Разработан и выгравирован Боджо.

ГЛАВА XXII

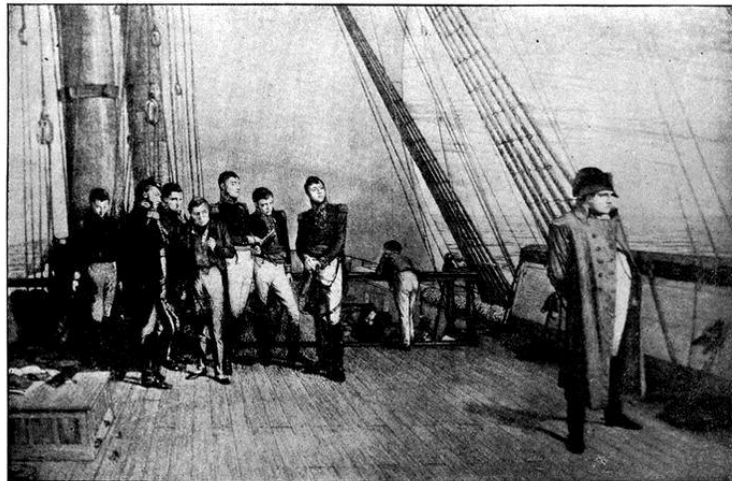
КАПИТУЛЯЦИЯ НАПОЛЕОНА Перед АНГЛИЕЙ —ОТПРАВЛЕН НА ОСТРОВ СВЯТОЙ. ЕЛЕНА—ЖИЗНЬ В ИЗГНАНИИ—СМЕРТЬ НАПОЛЕОНА

Когда стало очевидно, что бежать в Соединенные Штаты невозможно, наполеон рассмотрел два варианта действий — обратиться к стране и возобновить конфликт или искать убежища в Англии. Первое заключалось не только в том, чтобы увековечить внешнюю войну, но и в том, чтобы ввергнуть Францию в гражданскую войну, поскольку большая часть страны пришла к заключению союзников, что пока Наполеон на свободе, мир невозможен. Вместо того чтобы втягивать Францию в такое бедствие, император решил, наконец, сдаться англичанам и послал регенту следующую ноту:

“Королевское высочество: Столкнувшись с группировками, разделяющими мою страну, и враждебностью величайших держав Европы, я завершил свою политическую карьеру. Я пришел, подобно Фемистоклу, просить гостеприимства у британской нации. Я отдаю себя под защиту их законов, которых я требую от вашего королевского высочества как самого могущественного, самого постоянного и самого великодушного из моих врагов.

“НАПОЛЕОН.”

15 июля он сел на английский корабль “Беллерофонт” и неделю спустя был в Плимуте.

НАПОЛЕОН НА БОРТУ “НОРТУМБЕРЛЕНДА”.

Выгравировано Стилом в честь Орчардсона.

Капитуляция Наполеона перед англичанами была совершена, как он говорит, с полной уверенностью в их гостеприимстве. Конечно, *гостеприимство* было последним, чего можно было ожидать от Англии в данных обстоятельствах, и в требовании этого было

что-то театральное. Не успел “Беллерофонт” войти в гавань Плимута, как стало очевидно, что на него смотрят не как на гостя, а как на пленника. Вооруженные суда окружили корабль, на котором он находился; туда-сюда спешили чрезвычайные сообщения; среди команды ходили зловещие слухи. Лондонский тауэр, необитаемый остров, край света - все это обсуждалось по мере того, как Англия готовила гостеприимство.

Но если в идее ожидать дружеского приема от Англии было что-то театральное, даже юмористическое, то были все основания полагать, что она примет его с достоинством и вниманием. Наполеон был врагом, достойным английского металла. Он был побежден только после долгих лет борьбы. Теперь, когда он был у ее ног, ее собственное самоуважение требовало, чтобы она относилась к нему так, как подобает его гению и его положению. О том, чтобы оставить его на свободе, конечно, не могло быть и речи; но, конечно, его могли сделать королевским пленником и заставить почувствовать, что если его задержали, то только из-за его могущества.

Едва британское правительство осознало, что в его руках оказался Наполеон, как его охватила своего рода паника. Всякое чувство собственного достоинства, все представления о том, что причитается сдавшемуся врагу, утонули в истерическом негодовании. Английский народ в целом не разделял террора правительства. Общее чувство, по-видимому, было похоже на то, которое Чарльз Лэмб выразил Саути: “В конце концов, Бонапарт прекрасный парень, как говорит мой парикмахер, и я был бы не прочь постоять с непокрытой головой за его столом, чтобы оказать ему услугу во время его падения. Они должны были дать ему Хэмптон-Корт или Кенсингтон с привязью, протянувшейся на сорок миль вокруг Лондона”.

ЛОНГВУД, ДОМ НАПОЛЕОНА НА ОСТРОВЕ СВЯТОЙ ЕЛЕНЫ.

Гравюра Къенона.

Но правительство не видело ничего, кроме опасности, в том, чтобы держать в своих пределах такую силу, как Наполеон. Очевидно, причудливое предположение Лэмба о том, что, если бы Наполеон был в Хэмптоне, народ мог бы когда-нибудь отказаться от “Брауншвейга” в его пользу, было воспринято с глубокой серьезностью. 30 июля оно направило сообщение *генералу Бонапарту* — англичане отныне отказывали ему в титуле

императора, хотя и разрешали ему титул генерала, не размышляя, вероятно, о том, что если один из них был фальшивым, то другой был фальшивым, поскольку оба были предоставлены одними и теми же полномочиями — уведомляя его, что, поскольку необходимо, чтобы ему больше не разрешалось нарушать покой Англии, британское правительство выбрало остров Святой Елены в качестве его будущей резиденции и что трем лицам с хирургом будет разрешено сопровождать его. Неделью спустя его перевели с “Беллерофонта” на “Нортумберленд”, и он был *в пути* на остров Святой Елены, куда прибыл в октябре 1815 года.

Манера, с которой британцы выполнили свое решение, была раздражающей и недостойной. Они, казалось, считали, что охрана пленного означала унижение его, и были введены оскорбительные и ненужные ограничения, которые ранили и привели в ярость Наполеона.

Влияние такого обращения на его характер - одно из самых интересных исследований, связанных с этим человеком, и, в целом, оно вызывает у человека все большее уважение и восхищение им. Он с негодованием воспринял объявление о своем изгнании. По его словам, он не был заключенным, он был гостем Англии. Отправить его в изгнание было нарушением законов гостеприимства, и он никогда не подчинился бы добровольно. Когда он убедился, что британцы непреклонны в своем решении, он подумал о самоубийстве и даже обсуждал это с Лас Кейсом. Это было самое удобное решение его дилеммы. Это никому не причинило бы вреда, и его друзьям не пришлось бы тогда покидать свои семьи. Это было легче, потому что у него не было угрызений совести, которые противились этому. От идеи в конце концов отказались. Человек должен жить в соответствии со своим предназначением, сказал он, и решил, что его предназначение должно быть выполнено.

НАПОЛЕОН НА ОСТРОВЕ СВЯТОЙ ЕЛЕНЫ.

Автор: Деларош.

Самым серьезным беспокойством, которое испытывал Наполеон перед лицом своей новой жизни, было то, что у него не будет занятий. Он сразу понял, что остров Святой Елены не будет Эльбой. Но он решительно занялся занятиями. Он искал общения, изучал английский, играл в игры, начал диктовать свои мемуары. Именно этой замечательной

решимости найти себе занятие мы обязаны его ясным, логичным комментариям, его эссе о Цезаре, Тюренне и Фредерике, его очерку Республики и огромному количеству информации в дневниках его преданных товарищей - О'Мира, Лас Касеса, Монтолона.

Но никакая насильственная оккупация не могла скрыть запустения его положения. Остров Святой Елены представляет собой нагромождение зазубренных мрачных скал; ближайшая земля находится в шестистах милях отсюда. Каким бы изолированным и недоступным он ни был, англичане поместили Наполеона в его самой мрачной и отдаленной части — местечке под названием Лонгвуд, на вершине горы, с наветренной стороны. Дома в Лонгвуде были сырыми и вредными для здоровья. Тени не было. Воду приходилось носить около трех миль.

Губернатор, сэр Хадсон Лоу, был бестактным человеком, склонным запугивать тех, кем он правил. Его преследовала мысль, что Наполеон пытается сбежать, и он принял политику, которая больше походила на политику тюремщика, чем на политику офицера. В своей первой беседе с императором он настолько настроил его против себя, что Наполеон вскоре отказался его видеть. Антипатия Наполеона была почти суеверной. “Я никогда не видел такой ужасной физиономии”, - сказал он О'Мире. “Он сидел на стуле напротив моего дивана, а на маленьком столике между нами стояла чашка кофе. Его физиономия произвела на меня такое неблагоприятное впечатление, что я подумал, что его дурной глаз отравил кофе, и приказал Маршану выбросить его в окно. Я ни за что на свете не смог бы это проглотить”.

Раздраженный отказом Наполеона встретиться с ним, сэр Хадсон Лоу стал еще более раздражающим и мелочным в своих предписаниях. Всякая свободная связь между Лонгвудом и жителями острова была прервана. Газеты, которые присылали Наполеону, были изуродованы; от некоторых книг отказались; его письма вскрывали. Бюст его сына, привезенный на остров моряком, хранился несколько недель. Шел непрерывный торг по поводу расходов на его заведение. Его друзья подвергались постоянному раздражению. От него скрывали все новости о Марии Луизе и его сыне.

Едва ли стоит удивляться, что Наполеон часто бывал раздражительным и упрямым при таком обращении или что часто, когда он позволял себе обсуждать политику губернатора с членами своей свиты, его гнев поднимался, как сказал Монтолон, “до тридцати шести градусов ярости”. Его положение становилось еще более плачевным из-за плохого состояния здоровья. Его прогулки так охранялись часовыми и были ограничены до таких пределов, что в конце концов он отказался от физических упражнений, и после этого его болезнь перешла в быстрые переходы.

Его раздражительность, его неразумная решимость уединиться, его детское негодование по поводу поведения сэра Хадсона Лоу навели на мысль, что Наполеон проводил время на острове Святой Елены в ярости и жалобах. Но если кто-то примет во внимание работу, сделанную падшим императором в своем изгнании, у него сложится совершенно иное впечатление об этом периоде его жизни. Он жил на острове Святой Елены с октября 1815 по май 1821 года. За этот период в пять с половиной лет он написал или продиктовал достаточно материала, чтобы заполнить четыре тома хорошего формата, дополняющие объемистую переписку, опубликованную по приказу Наполеона III., и он составил большое собрание бесед, воплощенных в мемуарах, опубликованных его товарищами.

Это означает большое количество размышлений и планирования; ибо если кто-то изучит эти диктанты и записи, чтобы увидеть, как они были сделаны, он обнаружит, что они не неряшливы по расположению или небрежны по стилю. Напротив, они лаконичны, логичны и часто ярки. Они полны ошибок, это правда, но это связано с тем, что у Наполеона не было под рукой никаких официальных документов для создания истории.

Он почти полностью полагался на свою память. Он усердно пользовался имевшимися у него книгами и картами, но их запасы были ограниченными и неудовлетворительными.

Следует также помнить, что эта работа выполнялась с большими физическими трудностями. Он остро страдал большую часть времени после того, как добрался до острова. Даже для состоятельного человека, работающего при благоприятных обстоятельствах, литературный выход "Наполеона на острове Святой Елены" был бы похвальным. Для человека в его обстоятельствах это было экстраординарно. Один взгляд на это - лучшее из возможных опровержений распространенного представления о том, что он проводил время на острове Святой Елены, злясь на сэра Хадсона Лоу и "тушась в горячей воде", по выражению губернатора.

К концу 1820 года стало ясно, что он долго не проживет. В декабре того же года ему было объявлено о смерти его сестры Элизы. "Видишь ли, Элиза только что показала мне путь. Смерть, забывшая о моей семье, начала приближаться. Моя очередь не за горами". Да и не было ее. 5 мая 1821 года он скончался.

Его приготовления к смерти были методичными и тщательными. В течение последних двух недель апреля все его силы были потрачены на то, чтобы продиктовать Монтолону свои последние пожелания. Он даже продиктовал за десять дней до конца записку, которую хотел отправить сэру Хадсону Лоу, чтобы сообщить о его смерти. Вещи, которые были у него в Лонгвуде, он завернул и прикрепил к билетам имена людей, которым хотел их оставить. В его завещании были указаны номера тех, кого он любил или кто служил ему. Вспомнили даже китайских рабочих, нанятых тогда в этом месте. "Не позволяйте им быть забытыми. Дайте им несколько десятков наполеонов".

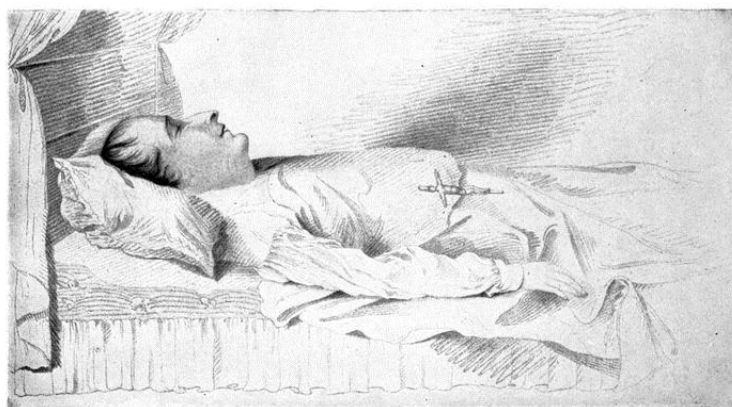
ПОСЛЕДНИЙ ДЕНЬ НАПОЛЕОНА.

Со скульптуры Веллы. Эта превосходная статуя была выставлена в Париже на Всемирной выставке 1867 года (итальянская секция) и получила золотую медаль. Он был приобретен французским правительством и сейчас находится в Версале.

В завещании содержалось последнее слово по некоторым вопросам, по которым, по его мнению, потомки должны отчетливо понимать его позицию. Он сказал, что умер в апостольской римской религии. Он заявил, что всегда был доволен Марией Луизой,

которую умолял присмотреть за его сыном. Этому сыну, чье имя неоднократно упоминается в завещании, он дал девиз — *Все для французского народа*. По его словам, он умер преждевременно, убитый английской олигархией. Печальные результаты вторжения во Францию он приписывал измене Мармона, Ожеро, Талейрана и Лафайета. Он защищал смерть герцога Энгиенского. “При подобных обстоятельствах я действовал бы точно так же”. Это завещание является достаточным доказательством того, что он умер так же, как жил, мужественно и гордо, вдохновленный глубокой убежденностью в справедливости своего собственного дела. В 1822 году французские суды признали завещание недействительным.

Они похоронили его в долине у родника, который он любил, и хотя на этом месте не было никакого памятника, кроме ивы, возможно, ни одна другая могила в истории не известна так хорошо. Конечно, великолепный мавзолей, который отмечает его нынешнее место упокоения в Париже, никогда не трогал воображение и сердца так, как скромный холмик в тени ивы на острове Святой Елены.

НАПОЛЕОН ЛЕЖИТ МЕРТВЫЙ.

“С оригинального рисунка капитана Крокатта, сделанного на следующее утро после кончины Наполеона”.

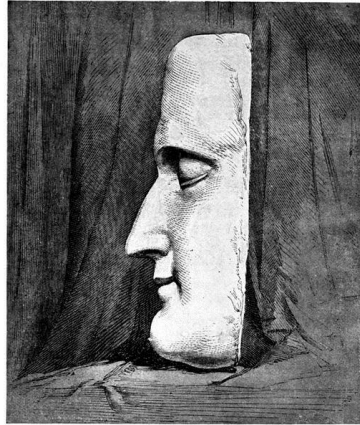
Опубликовано 18 июля 1821 года в Лондоне.

Мир во всем мире был обеспечен. Наполеон был мертв. Но хотя он был мертв, эхо его деяний было настолько громким в ушах Франции и Англии, что они испробовали все средства, чтобы превратить его в диссонанс или заглушить другим, более новым звуком. Постыдная попытка так и не увенчалась полным успехом, и настанет день, когда личные и пристрастные соображения перестанут влиять на суждения об этом могущественном человеке. Ибо он был могущественным человеком. Можно быть убежденным, что фундаментальные принципы его жизни были деспотическими; что он использовал благородные идеи личной свободы, равенства и братства как тиран; что вся тенденция его гражданской и военной системы заключалась в том, чтобы сосредоточить власть в одной паре рук, никогда не распределять ее там, где ей место, среди людей; можно почувствовать, что он часто приносил личное достоинство в жертву театральному желанию предстать перед толпой героем классических пропорций, богом с Олимпа; можно стонать над пролитой им кровью. Но он не может не признать, что ни один человек никогда так ясно не постигал великолепную науку войны; он не может не преклониться перед гением, который задумал и осуществил итальянскую кампанию, который участвовал в классических битвах при Аустерлице, Йене и Ваграме. Эти деяния -

великие эпосы. Они движутся благородными, размеренными линиями и волнуют нас своей мощью и совершенством. Только гений самого великолепного порядка мог обращаться с людьми и материалами так, как это делал Наполеон.

Он еще более внушителен как государственный деятель. Когда кто-то сталкивается с Францией 1799 года, коррумпированной, раздавленной, безнадежной, неверной великим идеалам, ради которых она растратила себя впустую, и наблюдает, как Наполеон твердо и неуклонно наводит порядок в этом хаосе, дает стране работу и хлеб, отстраивает ее разрушенные стены и дома, кладет деньги ей в карман и восстанавливает ее кредит, перевязывает ее раны и призывает обратно ее разлученных детей, заставляет ее снова писать картины и читать книги, улыбаться и петь, перед ним Наполеон, более великий, чем генерал.

И эти гражданские дела не были преходящими. Франция сегодня во многом такая, какой ее сделал Наполеон, и самые либеральные институты континентальной Европы несут на себе его отпечаток. Только разум благородных пропорций может уловить потребности народа и рука могучей силы, которая может удовлетворить их.

ВОСКОВОЙ СЛЕПОК ЛИЦА НАПОЛЕОНА, СДЕЛАННЫЙ НА ОСТРОВЕ СВЯТОЙ ЕЛЕНЫ В 1821 ГОДУ ДОКТОРОМ АРНОТТОМ.

Но он был более великим человеком, чем воин или государственный деятель; более великим в том редком и тонком личном качестве, которое заставляло людей любить его. Люди падали на колени и плакали при виде него, когда он возвращался домой с Эльбы, — грубые люди, чьи сердца были нетренированы и которые естественно и спонтанно любили то, что достойно любви. Только эгоистичные, извращенные, ненормальные натуры, которые были подавлены этикетом, дипломатией и своекорыстием, покинули его. Там, где природа жила в сердце, власть Наполеона была абсолютной. В этом не было ничего странного. Он был естественным человеком во всем; его воображение, его воля, его интеллект, его сердце были естественными, нетренированными. Они привлекали неземных мужчин всей своей грубой, часто брутальной силой и мягкостью. Если они внушали им благоговейный трепет, то завоевывали их.

Эта врожденная сила Наполеона объясняет, по крайней мере частично, его влияние на людей; она же объясняет и контрасты его характера. Никогда еще жизнь не была так полна огней и теней, главных и второстепенных. Это был калейдоскоп, меняющийся каждое мгновение. Помимо самых практичных и банальных качеств, есть самые идеалистичные. Ни один человек никогда не выполнял более тяжелой работы, никогда не следовал деталям более рабски; но кто когда-либо осмеливался так божественно, когда-либо играл в такие рискованные азартные игры? Ни один человек никогда не планировал большего для своих братьев, но кто когда-либо разбивал так много сердец? Ни один человек никогда не воплощал в жизнь столь многие мечты о свободе, и все же именно благодаря деспотизму он дал либеральные и благотворные законы. Ни один человек не был ни более мягким, ни более жестоким. Никогда не было более рыцарского любовника, пока он не разочаровался; более любящего мужа, даже когда вера покинула его; и все же ни один мужчина никогда так грубо не попирали женскую деликатность и сдержанность.

Он был доблестен, как бог в опасности, любил это, играл с этим; и все же он бледнел при виде разбитого зеркала, крестился, если спотыкался, воображал отравленный кофе, на который смотрел враг.

Он был величайшим гением своего времени, возможно, всех времен, но ему не хватало венца величия — той высокой мудрости, рожденной размышлениями и самоанализом, которая знает свои собственные силы и ограничения и никогда ими не злоупотребляет; того тонкого чувства меры, которое относится к правам других с таким же торжественным почтением, какого требует к своим собственным.

ГЛАВА XXIII

ВТОРЫЕ ПОХОРОНЫ НАПОЛЕОНА—ПЕРЕНОС ОСТАНКОВ НАПОЛЕОНА С ОСТРОВА СВЯТОЙ ЕЛЕНЫ На БЕРЕГА Сены В 1840 ГОДУ

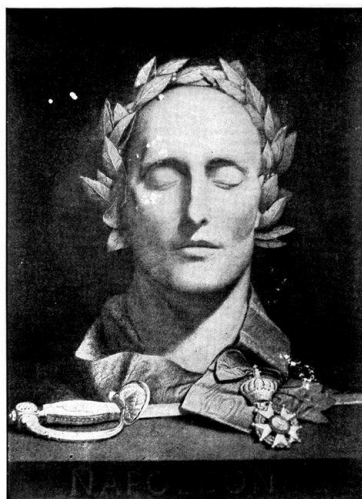
Я желаю, чтобы мой прах покоился на берегах Сены, среди французского народа, которого я так сильно любил.—ЗАВЕЩАНИЕ НАПОЛЕОНА, 2—й пункт.

Он не хочет этого, но Франция почувствует нужду
Об этом последнем утешении думал так скудно;
Ее честь, слава и вера требуют его костей,
Возвышаться над пирамидой тронов;
Или перенесенный вперед, в боевом авангарде,
Чтобы сформировать, подобно пыли Геклина, свой талисман.
Но как бы то ни было, время может прийти,
Его имя будет бить в набат, как барабан Зиски.
—БАЙРОН, в *бронзовом веке*.

О 12 мая 1840 года, когда Луи Филипп был королем французского народа, Палата депутатов была занята обсуждением тарифов на сахар. Это несколько затягивалось, и участники проявляли признаки беспокойства. Внезапно появился граф де Ремюза, тогдашний министр внутренних дел, и попросил заслушать сообщение правительства.

“Джентльмены, - сказал он, - король приказал его королевскому высочеству монсеньору принцу де Жуанвиллю [и](#) отправиться на своем фрегате на остров Святой Елены, чтобы забрать там останки императора Наполеона”.

Дрожь пробежала по дому. Объявление было совершенно неожиданным. Наполеон возвращается! Все присутствующие, казалось, были наэлектризованы, а голос министра на мгновение потонул в аплодисментах. Когда он продолжил, то сказал:

ПОСМЕРТНАЯ МАСКА НАПОЛЕОНА, ИЗГОТОВЛЕННАЯ ДОКТОРОМ АНТОММАРЧИ НА ОСТРОВЕ СВЯТОЙ
ЕЛЕНЫ, 1821 ГОД.

Каламатта, 1834 год. Каламатта изготовил маску по слепку, сделанному доктором Антоммарчи, врачом Наполеона на острове Святой Елены в 1834 году, сгруппировав вокруг нее портреты (в основном по рисункам Энгра) мадам Дюдеван и других.

“Мы пришли просить о выделении средств, которые позволят нам принять останки надлежащим образом и воздвигнуть прочную могилу Наполеону”.

“Très bien! Настоящее дело!”- закричал Дом.

“Правительство, стремясь выполнить великий национальный долг, обратилось к Англии с просьбой вернуть драгоценное сокровище, которое судьба вложила в ее руки.

“Мысль Франции была одобрена сразу же, как только она была высказана. Послушайте ответ нашего великодушного союзника:

“Правительство ее величества надеется, что быстрота ее ответа будет рассмотрена во Франции как доказательство ее желания стереть последние следы той национальной вражды, которая вооружала Францию и Англию друг против друга при жизни императора. Правительство ее Величества осмеливается надеяться, что, если подобные настроения все еще существуют в определенных кругах, они будут похоронены в гробнице, где должны быть захоронены останки Наполеона”.

Чтение этого щедрого и достойного послания вызвало глубокую сенсацию и крики *“Браво! браво!”* - эхом прокатилось по залу. Министр, которого так хорошо приняли, стал красноречив.

“Англия права, джентльмены; благородный способ возмещения ущерба укрепит узы, которые нас объединяют. Это сотрет все следы печального прошлого. Пришло время, когда двум нациям следует помнить только о своей славе. Фрегат с останками Наполеона вернется в устье Сены. Их поместят в палату инвалидов. Торжественное празднование и грандиозные религиозные и военные церемонии освятят гробницу, которая должна охранять их вечно.

“Важно, джентльмены, чтобы эта величественная гробница не оставалась выставленной напоказ в общественном месте, среди шумной и неблагодарной публики. Он должен находиться в тихом и священном месте, где все те, кто чтит славу и гениальность, величие и несчастье, могут посетить его и помедитировать.

“Он был императором и королем. Он был законным сувереном нашей страны. Он имеет право быть похороненным в Сен-Дени. Но для Наполеона обычной королевской гробницы недостаточно. Он должен вечно царствовать и командовать в том месте, где покоятся солдаты страны, и где те, кто призван защищать ее, будут искать свое вдохновение. Его меч будет положен на его могилу.

“Искусство воздвигнет под куполом храма, посвященного богу сражений, гробницу, достойную, если это возможно, имени, которое будет выгравировано на ней. Этот памятник должен обладать простой красотой, величественными очертаниями и тем видом вечной силы, который бросает вызов действию времени. Памятник Наполеону должен быть долговечным, как память о нем

“Отныне Франция, и только Франция, будет владеть всем, что осталось от Наполеона. Его могила, как и его слава, не будут принадлежать никому, кроме его страны. Монархия 1830 года - единственная и законная наследница прошлого, которым Франция так гордится. Долг этой монархии, которая первой сплотила все силы и согласовала все

чаяния Французской революции, бесстрашно воздвигнуть и почтить статую и могилу народного героя. Есть одна-единственная вещь, которая не боится сравнения со славой, — это свобода”.

На протяжении всей этой речи, каждое слово которой вызывало изумление у Зала, царили искренние и глубокие эмоции. Время от времени раздавались восторженные аплодисменты. На мгновение были забыты все партийные различия. Весь Дом находился во власти того странного и сильного чувства, которое Наполеон, как ни один другой когда-либо живший лидер, был способен внушить.

Когда министр вслед за своей речью представил проект закона о специальном кредите в один миллион франков, один из депутатов, вне себя от волнения, предложил отменить правила и проголосовать за закон без юридических предварительных условий. Президент отказался внести столь необычное предложение, но Палата представителей не успокоилась. Депутаты покинули свои места, образовали группы в полукруге, окружили министра, горячо поздравляя его. Они ходили взад и вперед, жестикулируя и крича. Прошло добрых полчаса, прежде чем президент смог призвать их к порядку, и тогда у них было совсем не рабочее настроение.

“Президент должен закрыть это заседание”, - воскликнул взволнованный депутат. “Закон, который только что был предложен, вызвал слишком сильные эмоции, чтобы мы могли сейчас вернуться к обсуждению сахара”. Но президент ответил очень корректно и немного назидательно, что Палата обязана уделить свое время делам страны и что она должна его уделить. И, несмотря на свое волнение, участникам пришлось вернуться к своему сахару.

Но как случилось, что французское правительство осмелилось обрушиться на страну с таким поразительным сообщением. Было предложено множество объяснений. Любопытная история, разошедшаяся по миру, получила признание от короля и передала его ирландскому агитатору О'Коннеллу. По ходу дела, О'Коннелл предупредил лорда Пальмерстона, что собирается внести в Палату общин законопроект о возвращении останков Наполеона во Францию.

“Будьте осторожны”, - сказал лорд Пальмерстон. “Вместо того, чтобы угодить французскому правительству, вы можете серьезно его расстроить”.

“Вопрос не в этом”, - ответил О'Коннелл. “Вопрос для меня в том, что я должен делать. Теперь мой долг - предложить Палате общин вернуть кости императора. Долг Англии - приветствовать это предложение. Тогда я выскажу свои предложения, не беспокоясь о том, кому они польстят или обидят”.

“Да будет так”, - сказал лорд Пальмерстон. “Дайте мне только пятнадцать дней”.

“Очень хорошо”, - ответил О'Коннелл.

Немедленно лорд Пальмерстон написал месье Тьеру, в то время возглавлявшему французское министерство, что он вот-вот будет вынужден сообщить стране, что Англия никогда не отказывалась возвращать останки Наполеона Франции, потому что Франция никогда не просила об их возвращении. Как гласит история, месье Тьер посоветовал Луи Филиппу опередить О'Коннелла, и таким образом получилось, что останки Наполеона были возвращены во Францию.

The Grande pensée, как сразу же была названа идея, по-видимому, возникла у месье Тьера, который увидел в этом средство пробудить интерес к Луи Филиппу. Он верил, что сама дерзость этого поступка вызовет восхищение и аплодисменты. Кроме того, это соответствовало притязаниям *режима*, а именно тому, что правительство 1830 года объединило все лучшее, что было во всех прошлых правительствах Франции, и поэтому было сильнее любого из них. Мания коллекционирования и реставрации, присущая как

королю, так и министру, заставила их благосклонно отнестись к этой идее. Луи Филипп уже открыл галереи в Версале и увешал их километрами холстов, прославляя победы всех своих предшественников. В галерее портретов он поместил Марию-Антуанетту и Людовика XVI рядом с мадам Ролан, Шарлоттой Корде, Робеспьером и Наполеоном с его маршалами.

Он уже заменил статую Наполеона на вершине Вандомской колонны. Он реставрировал соборы, церкви и замки, устанавливал статуи и монументы, и все это он делал с нарочитым безразличием к политике почитаемых личностей.

И все же, в то время как возвышалось так много мелких важных личностей, останки величайшего лидера, которого когда-либо знала Франция, покоились на далеком острове. Луи Филипп считал, что ни один памятник героям прошлого, который он мог бы воздвигнуть, не сравнится с восстановлением останков Наполеона.

Дело обстояло проще, потому что было почти наверняка, что Англия не преградит нам путь. *Сердечное соглашение*, фундамент которого был заложен Талейраном почти десятью годами ранее, превратилось в сравнительно прочный мир, и обе страны были готовы, при необходимости, сделать все возможное, чтобы оказать друг другу добрососедскую услугу. Франция была настолько полна доброй воли, что даже была готова попросить об одолжении. Ее доверие было обоснованным. Через два дня после того, как Гизо, в то время французский посланник в Англии, объяснил проект лорду Пальмерстону и высказал свою просьбу, он получил ответ.

Останки “императора” были в распоряжении французов. О “императоре”, обратите внимание! Спустя двадцать пять лет Англия вспомнила о действиях своих министров в 1815 году и признала, что Франция сделала Наполеона не только генералом, но и императором.

Объявление о том, что останки Наполеона будут доставлены обратно, произвело на страну в целом тот же эффект, что и на Зал Заседаний — момент острого волнения, всепоглощающего энтузиазма. Но в Палате представителей и в стране это чувство длилось недолго. Политические аспекты движения “Смелый” были слишком заметны. Раздался хор критических замечаний и дурных предчувствий. Это была скорее уловка месье Тьера, говорили те, кто выступал против английской политики правительства. Что особенно возмутило эту партию, так это слова “великодушный союзник” в обращении министра.

Бонапарты притворились, что презирают предложенную церемонию. Этого было недостаточно для величия их героя. Миллион франков никак не мог обеспечить зрелища, которого требовал объект. Другой их пункт был более серьезным. Император был законным сувереном страны, сказали они, цитируя речь министра перед Палатой, и добавили: “Его титул был основан на *консультативном совете* сената от 12 года, который равным количеством голосов обеспечил наследование его брату Джозефу. Тогда министр внутренних дел, несомненно, провозгласил императором Франции Жозефа Бонапарта под аплодисменты депутатов”.

Насмешники говорили, что Луи Филипп, должно быть, обнаружил, что его мягкая мантия популярности почти поизносилась, если он собирался надеть старый серый редингот на человека, которого он назвал чудовищем. Легитимисты отрицали, что Наполеон был законным сувереном, имеющим право ночевать в Сен-Дени, как Бурбоны или Валуа. Орлеанисты были уязвлены надеждами, которые, как они видели, внушила бонапартистам эта декларация. Республиканцев возмутила честь, оказанная человеку, которого они считали величайшим из всех деспотов.

Многие были убеждены, что реставрация преждевременна и, вероятно, вызовет в стране волнения, которые поставят под угрозу стабильность трона. Претензии Бонапарта, безусловно, вызывали искушение и, возможно, вызывали огромное народное чувство в их поддержку.

Пока пресса и правительство, клубы и *кафе* обсуждали политическую сторону вопроса, население потихоньку возрождало легенду о Наполеоне. В течение двух дней после того, как правительство объявило о своих намерениях, коммерция начала использовать финансовые возможности приближающейся церемонии. Рекламировались новые издания “Жизни” Наполеона, которые иллюстрировали Верне и Раффе. Были анонсированы “Жизнь” Дюма и “Консульство и империя” Тьера. Мемуары того периода, такие как мемуары герцогини д'Абрантес и Мармона, были возрождены.

Как и при объявлении о смерти Наполеона в 1821 году, был наводнен памфлетами в стихах и прозе; портретами и военными композициями, литографиями, гравюрами и вырезками из дерева; тысячами маленьких предметов, которые французы так хорошо умеют делать. Магазины и уличные тележки были завалены всевозможными товарами *в стиле Наполеона*. Легенда росла на глазах у людей.

7 июля “Бель Пуль”, судно, которое должно было доставить принца де Жуанвиля, командующего экспедицией, на остров Святой Елены, отплыло из Тулона в сопровождении “Фаворита”. В свите принца было несколько старых друзей Наполеона: барон лас Касес, генерал Гурго, граф Бертран и четверо его бывших слуг. Все эти люди были с ним на острове Святой Елены.

Принц де Жуанвиль не получил приказа отправиться в экспедицию с большим удовольствием. Двух его братьев только что отправили воевать в Африку, и он завидовал их возможностям обрести приключения и славу; и, кроме того, он был болен самой плебейской болезнью - корью. “Однажды, когда я лежал в сильной лихорадке, - рассказывает он в своих “Мемуарах”, - я увидел, как появился мой отец в сопровождении месье де Ремюза, тогдашнего министра внутренних дел. Этот необычный визит поверг меня в изумление, и мое удивление возросло, когда мой отец сказал: ‘Жуанвиль, ты должен отправиться на остров Святой Елены и привезти гроб Наполеона’. Если бы я уже не был в постели, я бы упал ничком, и на первый взгляд я не почувствовал себя польщенным, когда сравнил воинственную кампанию, в которой участвовали мои братья, с работой гробовщика, которую меня послали выполнять в другом полушарии. Но я служил своей стране и не имел права обсуждать свои приказы.

Если в глубине души молодой принц немного стыдился своей задачи, то публично он превосходно приспособился к обстоятельствам.

МОГИЛА НАПОЛЕОНА На ОСТРОВЕ СВЯТОЙ ЕЛЕНЫ.

С недавней фотографии.

Путешествие длилось шестьдесят шесть дней, и 8 октября "Бель Пуль" прибыла на остров Святой Елены, где англичане встретили ее со всеми почестями. Действительно, на протяжении всего дела англичане вели себя достойно и великодушно. Они явно демонстрировали свое желание удовлетворить и польстить гордости и чувствам французов.

Было решено, что эксгумация тела и передача его французам должны состояться в двадцать пятую годовщину прибытия Наполеона на остров. Вскрытие было начато в полночь 15 октября, работу проводили англичане и присутствовало несколько французов, включая тех, кто был с Наполеоном в момент его смерти. Работа была необычайно сложной, поскольку после смерти Наполеона были приняты те же замечательные меры предосторожности против побега, что и при его жизни.

Могила в Долине Наполеона, как стали называть это место, была окружена железной оградой, вделанной в тяжелый каменный бордюр. Над могилой было перекрытие из шестидюймового камня, которое вело в склеп глубиной одиннадцать футов, длиной восемь футов и шириной четыре фута восемь дюймов. Склеп, по-видимому, был засыпан землей, но при раскопках примерно на семь футов был обнаружен слой римского цемента; он сломался, обнажив слой грубо отесанного камня толщиной в десять дюймов, скрепленного вместе железными скобами. На удаление этого слоя ушло четыре с половиной часа. Камнем вверх была обнажена плита, образующая крышку внутреннего саркофага, заключенная в бордюр из римского цемента, прочно прикрепленный к стенам склепа. Все эти разнообразные покрытия были так прочно скреплены цементом и скреплены железными полосами, что большой группе рабочих потребовалось десять часов, чтобы добраться до гроба.

Как только гроб был открыт, его очистили, окропили святой водой, освятили *De Profundis*, а затем с величайшей осторожностью подняли и перенесли в палатку, которая была приготовлена для этого. После религиозных церемоний внутренние гробы были открыты. "Крайний гроб был слегка поврежден, — говорит очевидец. - Затем появился один из свинцовых гробов, который был в хорошем состоянии, и в него были вложены два других - один из жести, другой из дерева. Последний гроб был изнутри обит белым

атласом, который, отслаиваясь под действием времени, упал на тело и окутал его, как простыня, и слегка приклеился к нему.

“Трудно описать, с каким беспокойством и волнением присутствовавшие ждали момента, который должен был показать им все, что осталось от императора Наполеона. Несмотря на исключительное состояние сохранности гробницы и саркофагов, мы едва ли могли надеяться найти что-либо, кроме каких-нибудь бесформенных остатков наименее подверженной порче части костюма, свидетельствующих о личности тела. Но когда доктор Гийар приподнял атласную простыню, зрители испытали неопишное чувство удивления и умиления, многие из которых расплакались. Перед их глазами был сам император! Черты лица, хотя и изменившиеся, были совершенно узнаваемы; руки чрезвычайно красивы; его хорошо знакомый костюм пострадал незначительно, и цвета были легко различимы. Сама поза была полна непринужденности, и, если бы не обрывки атласной подкладки, которые прикрывали, как тонкая кисея, некоторые части мундира, мы могли бы подумать, что все еще видим Наполеона, лежащего на своем парадном ложе”.

Теперь образовалась торжественная процессия, и гроб понесли по скалистым холмам Святой Елены к причалу. “На всех нас произвело глубокое впечатление, - говорит принц де Жуанвиль, - когда под пушечную пальбу гроб медленно спускался по склону горы в сопровождении британской пехоты с оружием наперевес, оркестр играл под глухой раскатистый аккомпанемент барабанов тот великолепный похоронный марш, который англичане называют *Маршем мертвых в Соле*”.

В начале причала принц де Жуанвиль в сопровождении офицеров французских судов ожидал, когда ему доставят останки императора. В разгар самых торжественных военных похорон французы поднялись на борт со своим драгоценным подопечным. “Сцена в тот момент была очень красивой”, - продолжает принц. “Великолепный закат сменился сумерками глубочайшего штиля. Британские власти и войска неподвижно стояли на берегу, в то время как орудия нашего корабля произвели королевский салют. Я стоял на корме своего баркаса, над которым развевался великолепный трехцветный флаг, сработанный дамами острова Святой Елены. Рядом со мной были генералы и высшие офицеры. Лучшие из моих матросов, все в белом, с крепом на руках и с непокрытыми головами, как и мы, гребли в лодке молча и с самой восхитительной точностью. Мы продвигались величественно медленно в сопровождении лодок с посохом. Это было очень трогательно, и глубокое национальное чувство, казалось, витало во всей этой сцене”.

Но как только гроб прибыл к французскому закройщику, траур сменился торжеством. Были развернуты флаги, мачты подняты, забили барабаны, и из портов и судов посыпались *залпы*. Император вернулся к своим!

Три дня спустя “Бель Пуль” была *в пути* во Францию. Только один инцидент ознаменовал ее возвращение. Проходившее мимо судно принесло известие об объявлении войны между Францией и Англией. Принцу де Жуанвилю было всего двадцать два, он был вспыльчивым юношей, и известие о войне немедленно убедило его, что английский флот наблюдает за ним, готовый снова уничтожить Наполеона. Он поднялся на вершину своих страхов. Элегантная обстановка салонов его судна была сорвана и выброшена за борт, чтобы освободить место для батарей; люди были приведены в боевую готовность, и всех на борту заставили дать клятву потопить судно, прежде чем позволить забрать останки. Сделав это, “Бель Пуль” мирно направилась в Шербур, куда прибыла 30 ноября, через сорок три дня после отплытия с острова Святой Елены.

Город Шербур многим обязан Наполеону — своими великолепными гаванями и обширными участками суши, освобожденными от моря, — и она почтила возвращение его останков со всей помпезностью. Даже бедняки города радовались щедрым подаркам в честь императора, и одна из главных площадей — та, которую он отвоевал у моря, — стала площадью Наполеона.

Корабли простояли в Шербуре восемь дней, поскольку прибытие произошло на две недели раньше, чем ожидалось, и в Париже еще ничего не было готово к празднованию; но время не было слишком долгим для тысяч людей, которые нескончаемыми процессиями направлялись к кораблям. Когда корабли отправились в Гавр, Шербур была так взволнована, что совершила то, что, должно быть, показалось нервным жителям экстравагантностью, даже в честь Наполеона, она произвела *тысячу* выстрелов из ружей!

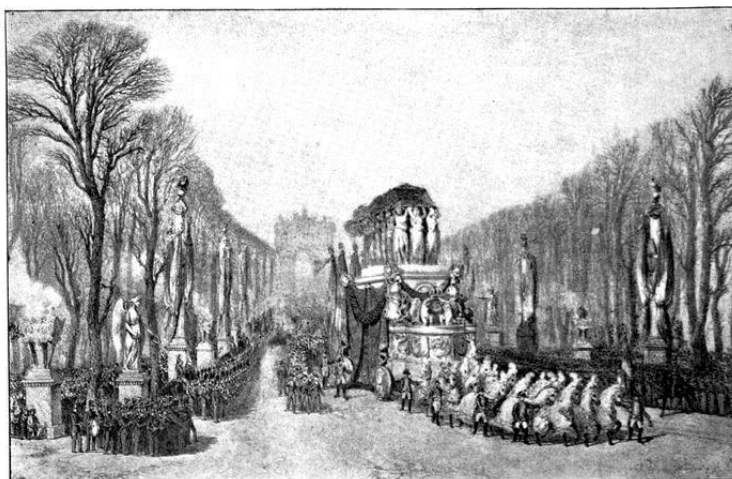
Переход флотилии из Шербура в Париж занял семь дней. Почти в каждом городе и деревушке проводились тщательно продуманные демонстрации. В Гавре и Руане они были особенно великолепны.

Отличительной чертой речного *кортежа* были церемонии у различных мостов, под которыми проходили суда. Самый сложный из них был в Руане, где центральная арка подвесного моста была преобразована в огромную триумфальную арку. Украшения были эксклюзивной работой раненых офицеров-легионеров и солдат Империи. Когда судно с гробом проходило под водой, ветераны осыпали его венками из цветов и лавровыми ветвями.

Однако эти сложные и грандиозные церемонии не были по-настоящему трогательной особенностью этого отрывка. Склоны холмов и берега реки были запружены людьми со всей окрестной местности, которые иногда даже втискивались в реку, чтобы лучше разглядеть суда. Те, кто был на флотилии, видели пожилых крестьян, отдающих честь из старинных мушкетов, стариков, стоявших на коленях с непокрытыми головами на дерне, и других, обхвативших голову руками и плачущих — эти люди были ветеранами Империи, отдающими дань уважения кончине своего героя.

Днем 14 декабря, как раз когда солнце лучезарно садилось за гору Валериан, флотилия достигла Курбеуа, в нескольких милях от Парижа, где тело Наполеона впервые коснулось французской земли. Мост в Курбеуа, острова Нейи, холмы, поднимающиеся над Сеной, были запружены, насколько хватало глаз, толпой, съехавшейся со всей окрестной местности.

Приближающаяся флотилия представляла собой великолепное зрелище. Впереди шла “Дорада”, на носу - крест, а позади - гроб. Он был задрапирован пурпурным бархатом, окружен флагами и гирляндами из дуба и кипариса и увенчан балдахином из черного бархата, украшенным серебром и множеством развевающихся черных перьев. Между крестом и гробом стоял принц де Жуанвиль в парадной форме, а за ним генералы Бертран и Гурго и аббат Кокеро, раздававший милостыню экспедиции. На судах, следовавших за “Dorade”, были экипажи “Belle Poule” и “Favorite”, а также военные оркестры. Завершала официальную процессию великолепная погребальная ладья, на палубе которой находился храм из бронзового дерева, увешанный великолепными пурпурными и золотыми драпировками. Позади следовали бесчисленные суда всех видов. Наступление сопровождалось величественными похоронными маршами и *залпами* артиллерии.

ПОХОРОННАЯ ПРОЦЕССИЯ В ПАРИЖЕ. ПОХОРОННЫЙ АВТОМОБИЛЬ ПРОЕЗЖАЕТ ПО ЕЛИСЕЙСКИМ ПОЛЯМ.

Флотилия бросила якорь в Курбеуа. Несмотря на сильный холод, тысячи людей всю ночь разбивали лагерь на склонах холмов и побережьях, их бивуачные костры освещали пейзаж.

Только те, кто видел Париж в день великого праздника, могут представить себе 15 декабря 1840 года. День был очень холодный, на восемь градусов ниже точки замерзания, но в пять часов утра, когда начали бить барабаны и греметь пушки, толпа хлынула вперед, занимая свои позиции вдоль линии ожидаемой процессии. Эта линия была длиной целых три мили и тянулась от Курбеуа до Триумфальной арки через Нейи, оттуда вниз по Елисейским полям, через площадь и мост Согласия и вдоль набережной до Эспланады инвалидов. К девяти часам от одного конца до другого он был забит с обеих сторон по сотне человек. "Дневники того времени" подсчитали, что в Париже ожидается около полумиллиона посетителей. Только внутри и за пределами Отеля инвалидов министру внутренних дел было предоставлено тридцать шесть тысяч мест, и это не покрывало и десятой части полученных им просьб. Несомненно, что почти миллион человек видели, как вносили останки Наполеона. Люди свисали с деревьев, толпились на крышах, стояли на всевозможных лестницах, заполняли окна и буквально кишели на дорожках и лужайках. На возвышенностях кипел бизнес. Перекладина лестницы стоила пять франков (1,00 доллара); человек, у которого была тележка, поперек которой он укладывал доски, арендовал стоячее место за пять-десять франков. Что касается окон и балконов — они продавались по баснословным ценам, несмотря на то, что табличка "*окна и балконы с видом на море*" появилась почти в каждом доме от Нейи до дома инвалидов, даже во многих великолепных отелях на Елисейских полях. Пятьдесят франков (10,00 долларов) были ценой самого низкого окна; хорошее окно стоило сто франков (20,00 долларов); три тысячи франков (600,00 долларов) были заплачены за хорошие балконы. Один спекулянт снял на день пустой дом за пять тысяч франков (1000,00 долларов) и заработал деньги на своих инвестициях.

Толпа сделала все возможное, чтобы согреться; некоторые из них несли ножные печки, наполненные тлеющими углями, другие — маленькие грелки для рук. Через определенные промежутки времени вдоль процессии огромные массы зрителей танцевали, чтобы поддержать их хождение. Торговцы всевозможными товарами вели процветающий бизнес. Каждая вещь, конечно, была украшена наполеонами; кто-то даже купил *гофретки* и *мадлен*, вырезанные в форме наполеонов. Там были значки всех видов — имперские орлы, пчелы, короны, даже *маленькая шапочка*. Многие брошюры в прозе и

стихах пользовались большим спросом, особенно книги Казимира Делавиня, Виктора Гюго и Бартеlemi; хотя все эти величественные оды были намного превзойдены одной песней, тысячи и тысячи экземпляров которой были проданы. В нем говорилось:

“Premier capitaine du monde

Depuis le siège de Toulon,

Tant sur la terre que sur l’onde

Попробуйте приготовить наполеон.

“Du Nil au nord de la Tamise!

Devant lui l’ennemi fuyait,

Avant de combattre, il tremblait

Voyant sa redingote grise.”

The *Кортеж*, собравший эту толпу, был до крайности великолепен. Блестящая военная демонстрация составила первую часть: *жандармерия*, муниципальная гвардия, офицеры пехоты, кавалерии, артиллерии, курсанты важных учебных заведений, национальная гвардия. Но это мало подействовало на толпу. Неподдельный интерес возник, когда появился Маренго, знаменитый боевой конь Наполеона — это был не Маренго, но он был похож на него, что для зрелищности было к лучшему; а седло и уздечка были подлинными. Теперь дефиле стало захватывающим. Комиссия Святой Елены появилась в экипажах, затем маршалы Франции, принц де Жуанвиль, экипажи судов, побывавших на острове Святой Елены, и, наконец, похоронная машина - великолепное творение высотой более тридцати футов, с символическим дизайном и орнаментами. Шестнадцать вороных лошадей в великолепной сбруе тянули колесницу, похоронный покров которой держали маршал и адмирал Франции, герцог де Реджо и генерал Бертран.

Проезд автомобиля повсюду встречали с искренним волнением, глубоким почтением. Даже оппозиция признала искренность этого чувства; многие из них признались, что разделили его на мгновение самозабвения, и они начали спрашивать себя, как Ламартин спросил Палату шесть месяцев назад, о чем они думали, позволив французскому сердцу и воображению так разгореться? Даже циничные англичане, смотревшие на происходящее с суровыми или презрительными лицами, в тот вечер, отдыхая у костра, задумчиво говорили себе: “Должно быть, в этом человеке было что-то хорошее, что-то любящее и незлобивое, что сохранило его имя в народной памяти и снискало ему такое длительное почтение и привязанность”.

Вслед за автомобилем ехали те, кто был тесно связан с императором при его жизни — его адъютанты, гражданские и военные офицеры. Многие из них участвовали вместе с ним в знаменитых сражениях; некоторые были при Фонтенбло в 1814 году, другие - при Мальмезоне в 1815 году. За ними следовали ветераны императорской гвардии, за ними - депутация из Аяччо.

От Курбеуа до Дворца инвалидов можно было пройти сквозь изгородь из искусно украшенных фигур — пчел, орлов, корон, букв "Н"; щитов, знамен и венков с названиями знаменитых побед; урн, пылающих благовониями; ростральных колонн; мачт с гербовыми трофеями и связками флагов; пылающих треножников; аллегорических статуй; триумфальных арок; огромных рядов сидений, задрапированных императорским пурпуром и заполненных зрителями и фалангами солдат.

На вершине Триумфальной арки находился внушительный апофеоз Наполеона. Каждая сторона моста Согласия была украшена огромными статуями. На Эспланаде Инвалидов машина проехала между аллеей из тридцати двух статуй великих французских королей, героев и героинь — Шарля Мартеля, Карла Великого, Хлодвига,

Байяра, Жанны д'Арк, Латур д'Овернь, Нея. Рыцарство и доблесть Франции приветствовали Наполеона дома. Как ни странно, эта изгородь из статуй заканчивалась статуей самого Наполеона; неуместность расположения поразила даже *гаминов*. “Тьенс, - крикнул один мальчишка, -вуаля, время свершилось, очередь за любовью.” (“Здравствуйте, посмотрите, как император возглавляет свою собственную процессию”).

Процессия спокойно прошла из одного конца маршрута в другой, к великому облегчению властей. Трудности ожидались из нескольких источников: со стороны англофобов, революционеров, легитимистов, бонапартистов и огромной массы недовольных, которые, независимо от того, при какой форме правления они находятся, всегда против правительства. Самый большой страх, по-видимому, был со стороны англичан. Теккерей, который в то время был в городе, описывает забавную картину своей нервозности утром 15-го.

Намеревался ли французский народ принести в жертву кого-то из нас, англичан, над могилой императора или нет? И должны ли были игры завершиться резней? В газетах писали, что лорд Грэнвилл разослал циркуляры всем англичанам, проживающим в Париже, с просьбой сохранить свои дома. Французские газеты сообщили эту новость и милосердно предупредили нас об уготованной нам участи. Писал ли лорд Гранвилл? Конечно, не мне. Или он написал всем, *кроме меня*? И был ли я *жертвой* — обреченным? — чтобы меня схватили, как только я появлюсь на Елисейских полях, и разорвали на куски французским патриотизмом под неистовый хор “Марсельезы”? Можете быть уверены, мадам, что высшие и низшие слои общества в этом городе во вторник чувствовали себя не совсем в своей тарелке и что самые храбрые испытывали немалую дрожь. И будьте уверены, что, снимая в то утро ночной колпак со своей королевской головы, его величество Луи Филипп от всего сердца молился о том, чтобы ночью надеть его в безопасности”.

К счастью, храбрость Теккерей победила, и поэтому у нас есть занимательные “Вторые похороны Наполеона” Майкла Анджело Титмарша.

Несмотря на все дурные предчувствия, враждебные демонстрации были не более чем случайными выкриками “*За англию*”, несколькими попытками пройти с трехцветным флагом и утопить *премьер-капитана мира* под “Марсельезу” и сильным возмущением, когда стало известно, что представители союзников отказались присутствовать на заключительной церемонии.

Большинство наблюдателей на похоронах объяснили хороший порядок в толпе холодом. Корреспондент “Национальной разведки” той даты говорит:

“Если бы это дело произошло в июне или июле месяце, со всеми его волнениями, спонтанными и тщательно продуманными, я бы счел неизбежной или весьма вероятной кровавую борьбу между правительством и толпой. Нынешнее военное расположение могло бы послужить ответом на приближающуюся армию казаков. Сорок или пятьдесят тысяч военнслужащих остаются в казармах внутри страны и лагерях снаружи, помимо регулярных войск и национальной гвардии на местах, готовых действовать против внутреннего врага.

“По воле providения холод усилился до предельной остроты; сердечные токи мятежной и революционной души были заморожены”.

Кульминация представления состоялась в храме Инвалидов. Просторная церковь была задрапирована самым великолепным и роскошным образом и украшена совершенным беспорядком императорских эмблем. Свет был скрыт занавесями из фиолетового бархата; треноги пылали разноцветным пламенем, и тысячи и тысячи восковых свечей в сверкающих канделябрах освещали храм. Под куполом, на месте алтаря, стоял катафалк, на котором должен был находиться гроб.

ЗАУПОКОЙНАЯ МЕССА В ЦЕРКВИ ОТЕЛЯ ИНВАЛИДОВ. ВДАЛЕКЕ ВИДЕН КАТАФАЛК, НА КОТОРОМ
ПОКОИТСЯ ГРОБ.

С раннего утра галереи, хоры и трибуны дома инвалидов были забиты знатной компанией. Здесь были депутаты и сенаторы, ни один из которых не был представлен в *кортеже*, судебные органы и органы образования, офицеры армии и флота, послы и представители иностранных правительств, король и двор.

Но ни один из этих высокопоставленных лиц в тот день не представлял более чем мимолетного интереса. В центре внимания, пока гроб не внесли, были несколько старых солдат Империи, которых можно было увидеть в компании; самым выдающимся из них был маршал Монси, дряхлый губернатор инвалидов.

Было два часа пополудни, когда архиепископ Парижский в сопровождении великолепного крестноносца, шестнадцати мальчиков, курящих благовония, и длинных рядов облаченных в белое священников вышел из церкви навстречу процессии. Вскоре они вернулись. За ними следовали принц де Жуанвиль и несколько избранных из большого *кортежа*, сопровождавших гроб Наполеона.

По мере того, как это происходило, великое собрание было охвачено необычайным волнением. Среди тех, кто описывал этот день, нет ни одного, кто не говорил бы о внезапном сильном волнении, охватившем компанию, относится ли он к этому полущутливо, как Теккерей, который сказал, что “сердце каждого билось изо всех сил”, или восклицает вместе с Виктором Гюго:

“Sire: En ce moment-là, vous aurez pour royaume.

Tous les fronts, tous les cœurs qui battront sous le ciel,

Les nations feront asseoir votre fantôme,

Au trône universel.”

Король спустился со своего трона и двинулся навстречу *кортежу*. “Сир, - сказал принц де Жуанвиль, - я представляю вам тело Наполеона, которое по вашему приказанию я доставил обратно во Францию”.

“Я принимаю это от имени Франции”, - ответил Луи Филипп.

По крайней мере, так утверждает “Монитор”, но “Монитор” - официальный журнал, в обязанности которого входит рассказывать не о том, что происходит на самом деле, а о том, что правительство предпочло бы, чтобы произошло. Принц де Жуанвиль приводит иную версию: “Король принял тело у входа в неф, и там разыгралась довольно комичная сцена. Оказывается, небольшая речь, которую я должен был произнести при встрече со

своим отцом, а также ответ, который он должен был мне дать, были составлены в совете, только власти не сообщили мне об этом. Поэтому, когда я прибыл, я просто отсалютовал мечом, а затем отошел в сторону. Я действительно видел, что это молчаливое приветствие, за которым последовало отступление, что-то прояснило; но мой отец после минутного колебания сымпровизировал какую-то подходящую фразу, и дело было помещено в "Монитор".

Рядом с королем стоял офицер с подушкой в руках; на ней лежала шпага Аустерлица. Маршал Сульт передал его королю, который, повернувшись к Бертрону, сказал:

- Генерал, я поручаю вам возложить славный меч императора на носилки.

И Бертран, дрожа от волнения, благоговейно возложил меч на гроб своего кумира. Большая компания наблюдала за происходящим в глубочайшем молчании. Единственным звуком, нарушавшим тишину, были полузадушенные рыдания седовласых солдат-инвалидов, стоявших на почетных местах возле катафалка.

Король и процессия вернулись на свои места, а затем последовала величественная заупокойная месса. *Реквием* Моцарта, исполненный в тот день всеми великими певцами Парижа, является одним из исторических музыкальных представлений Франции. Затем архиепископ окропил гроб святой водой, и король взял у него кисточку для выполнения той же священной обязанности.

Похороны закончились. Наполеон наконец-то лег "на берегу Сены, среди людей, которых он так любил". В течение восьми дней после церемонии церковь оставалась открытой для публики, и, несмотря на ужасный холод, тысячи людей стояли с утра до ночи, терпеливо ожидая своей очереди войти. После нескольких часов ожидания их часто отправляли восвояси только для того, чтобы вернуться раньше на следующий день. В этой компании было много ветеранов императорской армии, которые совершили путешествие в Париж из отдаленных уголков королевства. В составе делегации из Бельгии было много тех, кто прошел часть пути пешком, не имея возможности полностью оплатить проезд в автобусе.

За похоронами последовали банкеты и ужины. На одном из них был поднят "священный тост за бессмертную память", *стоя на коленях*. В дюжине театров Парижа был инсценирован перевод "останков". В "Порт Сен-Мартен" актер, сыгравший сэра Хадсона Лоу, пережил сезон ужаса, поскольку ему постоянно угрожала расправа со стороны взволнованной публики.

Рекламные колонки тогдашних газет неделями пестрели объявлениями о наполеонизированных статьях; праздничные подарки, приготовленные для киосков на бульварах и площадях, а также для великолепных магазинов Пале—Рояля и фешенебельных улиц, независимо от их характера — поесть, надеть, посмотреть - были составлены как памятные подарки. Париж, казалось, сошел с ума от Наполеона.

В феврале, следовавшем за похоронами, гроб с телом Наполеона был перенесен с катафалка в центре церкви в *часовню арденте* в подвале с одной стороны. Часовня была богато задрапирована шелком и золотом и увешана трофеями. На гробу лежали императорская корона, императорский меч и шляпа, которую он носил в Эйлау и которую он подарил Гро, когда тот приказал нарисовать картину "Битва при Эйлау". Над гробом развевались знамена, взятые при Аустерлице.

Здесь тело Наполеона пролежало до завершения строительства мавзолея. Это великолепное сооружение было спроектировано Висконти, выдающимся архитектором, который спланировал все украшения к 15 декабря. Висконти полностью проигнорировал ассигнования на создание памятника, заказав то, что хотел, независимо от его стоимости. Мрамор, из которого Прадье изготовил двенадцать колоссальных фигур вокруг

гробницы, он отправил в Каррару; порфир, которым был облицован гроб, он приобрел в Финляндии.

В этой великолепной гробнице до сих пор спит Наполеон. Дюрок и Бертран лежат по обе стороны от входа в камеру, охраняя его как при жизни, так и после смерти; а справа и слева от входа в церковь находятся могилы его братьев Джерома и Джозефа. На камнях вокруг него начертаны имена, которые он прославил! над ним развешаны десятки трофеев; его сопровождают ветераны-инвалиды.

“Qu’il dorme en paix sous cette voute!
C’est un casque bien fait, sans doute,
Pour cette tête de géant.”

2. Принц Жуанвильский был третьим сыном Луи Филиппа.

ЖОЗЕФИНА, ИМПЕРАТРИЦА ФРАНЦИИ.

Репродукция модели мраморной статуи, выставленной в *Салоне* 1857 года и выполненной для города Сен-Пьер (Мартиника), родной страны Жозефины. Эта статуя работы скульптора Виталья-Дюбрея. Гипсовый слепок находится в музее Версаля.

ЖИЗНЬ ЖОЗЕФИНЫ

ГЛАВА I

СЕМЬЯ—РАННЕЕ ОКРУЖЕНИЕ—ЭЖЕН ДЕ БОГАРНЕ—БРАК—РАЗЛУКА С МУЖЕМ

Т самым гордым памятником на острове мартиника во Французской Вест-Индии, как скажет вам любой житель, является статуя женщины в городе Сен-Пьер. Женщина, удостоенная такой чести, - Жозефина, некогда императрица французского народа, которая, согласно легенде на пьедестале статуи, родилась в деревушке Труа-Илец на Мартинике 23 июня 1763 года.

Если кто-нибудь поищет в легендах острова объяснение положения, в котором оказалось дитя этого скромного местечка, он не найдет ничего более серьезного, чем пророчество старой негритянки, сделанное самой маленькой девочке, о том, что однажды она станет королевой Франции. Если он заглянет в хроники острова в поисках объяснения, он не найдет ничего, что указывало бы на то, что она могла когда-либо подняться выше, чем жизнь ленивой креолки, жизнь, ограниченную нищетой и ставшую сносной главным образом благодаря красоте окружающей ее природы и ее собственному счастливому безразличию к темпераменту.

Жозеф Ташер де ла Пажери, отец ребенка, был старшим сыном дворянина из Блуа, Франция, который отправился на Мартинику в первой четверти XVIII века главным образом потому, что ни в чем не мог преуспеть в своей собственной стране. На Мартинике он преуспел не лучше, чем во Франции, и смог ввести своих детей в жизнь только благодаря тому, что добился расположения для них своих состоятельных родственников на родине. Для Джозефа он получил небольшую военную должность, но юноша умел использовать свои возможности ничуть не лучше, чем его отец, и через несколько лет вернулся на Мартинику лейтенантом морской пехоты — без места.

Когда домогательства терпели неудачу, в те дни дворянину, которому нравилась не работа, а женитьба, ничего не оставалось, и Жозефу с помощью своих друзей удалось очень удачно подружиться с мадемуазель. Роза-Клер де Верже де Саннуа, чей отец был благородного происхождения и, что более важно, имел достаток и хорошее положение на Мартинике. Джозеф переехал жить на очаровательную плантацию, принадлежащую его тестю, недалеко от моря, недалеко от деревни Труа-Илец. Вскоре после этого война с англичанами призвала его на службу в качестве защитника Французской Вест-Индии. Война была недолгой, и за свои заслуги он получил пенсию в размере 450 ливров (около девяноста долларов). Это произошло не слишком скоро, потому что в 1766 году пронесшийся ураган опустошил плантацию в Труа-Иле и загнал семью на жительство в одну из сахарных мастерских. Месье де ла Пажери так и не смог возместить ущерб, нанесенный его плантации штормом, или построить другой дом для своей семьи. На самом деле он никогда не стремился к какой-либо постоянной работе, но проводил свою жизнь в азартных играх, интригах и вымогательстве — всегда в долгах, всегда дурно пахнущий среди честных людей - его единственное достояние - его рождение.

Но к счастью маленькой Жозефины, в те дни очень мало имело значения, был ли ее дом сахарной лавкой или дворцом, ее отец честным человеком или подхалимом. Ее дни проходили под сияющим небом, в лесах или открытых полях, в погоне за птицами и

бабочками и сборе великолепных тропических цветов, которые она страстно любила до конца своей жизни. Почти единственными ее спутниками были негры с плантаций, которые охотно восхищались ею и повиновались. Необученная, необузданная, боготворимая рабами, не знающая о себе ничего, кроме тропической роскоши и красоты природы, она развивалась подобно птицам и неграм, став, это правда, грациозным, красивым маленьким животным, но с едва ли большим моральным чувством, чем у них, и с еще меньшим чувством ответственности.

Джозефине было десять лет, прежде чем кому-либо пришло в голову отправить ее в школу. До сих пор ее единственным наставлением было то небольшое, что она узнала от матери, занятой с младшими детьми; от священника из Труа-Иле, который, справедливо предположить, должен был по крайней мере попытаться обучить ее катехизису, и от любопытных знаний и сплетен негров. Однако в десять лет ее отправили в монастырь в Форт-Рояле, где она оставалась около четырех лет. Здесь ее обучили таким элементарным знаниям, которые позволили ей читать, — если не понимать, — написать вежливую записку, танцевать, — не очень хорошо, — петь и немного играть на гитаре. Это было небольшое оборудование, но, без сомнения, не хуже, чем было у большинства молодых девушек Мартиники в то время. Действительно, многие девушки благородного происхождения во Франции в восемнадцатом веке начинали с меньшего, и это было ровно столько, сколько можно было предположить по ее положению, в чем она нуждалась, — даже больше, чем она использовала, ибо маленькая Йейетт, как звали Жозефину, хотя и была дружелюбной и послушной, когда покинула монастырь, была ленивой и тщеславной, ей гораздо больше нравились ее детские игры с украшением себя яркими цветами и созерцанием собственного отражения в чистой воде прудов на плантации, чем книги и музыка; и любящая лести ее старой няни была ей дороже, чем любое развлечение, которое она находила в скудном обществе острова, где ей теперь предстояло занять свое место и, как надеялись ее родители, помочь исправить невзгоды семьи удачным браком.

Такая возможность представилась быстро. Прошло всего несколько месяцев после того, как Жозефина покинула монастырь, когда однажды отец сделал ей, должно быть, ошеломляющее и, можно было бы предположить, ужасающее предложение — не хотела бы она покинуть Мартинику и отправиться во Францию, чтобы там выйти замуж за Александра де Богарне. Этот мальчик не был ей неизвестен. Как и она сама, он родился на Мартинике, и хотя он уехал оттуда, когда ей было всего семь лет, а ему десять, не исключено, что она иногда видела его в доме своей бабушки, которая заботилась о нем в отсутствие его отца и матери во Франции.

Влияние, побудившее отца Александра де Богарне просить руки дочери г-на де ла Пажери для своего сына, было не совсем похвальным. Эти две семьи никогда не знали друг друга до 1757 года, когда г-н де Богарне приехал на Мартинику в качестве ее губернатора. Старший г-н де ла Пажери не замедлил заручиться знакомством с новым губернатором и поддержкой своей семьи, поскольку последний был богат и пользовался благосклонностью короля в Версале. Родственники процветали настолько, что г-н де ла Пажери обеспечил место в доме губернатора для одной из своих дочерей. Он не мог бы сделать ничего лучшего для своей семьи. Этой дочери не потребовалось много времени, чтобы приобрести значительное влияние как на М., так и на мадам де Богарне, и заполучить в мужья М. Ренодена, превосходного и преуспевающего человека. Это для нее самой. Что касается ее семьи, то она заручилась столькими благосклонностями губернатора, что это стало предметом серьезной критики и в конце концов, в дополнение к другим неблагоприятным поступкам, привело к разводу между ней и месье Реноденом. Однако весь этот скандал не повлиял на губернатора, и когда в 1761 году он покинул

Мартинику из-за недовольства своей тамошней администрацией и поспешил со своей женой во Францию, чтобы заключить мир в Версале, мадам Дж. Реноден тоже уехал. Там она преуспела, купив дом и откладывая деньги. Люди говорили, что это были деньги месье де Богарне. Как бы то ни было, несомненно, что она оказывала на него большое влияние, что ради нее он пренебрегал своей женой и что после смерти последней дружба или связь продолжалась до самой его смерти.

Из всего этого будет видно, что мадам Дж. Реноден была умной женщиной, стремившейся извлечь максимум пользы из единственного по-настоящему крепкого отношения, которое ей удалось завести в своей жизни. Она была достаточно умна, чтобы понять, когда Александра привезли во Францию после смерти его матери, что его любовь и благодарность станут одним из ее самых сильных козырей в отношениях с отцом в будущем. Она принялась за дело, чтобы завоевать сердце мальчика, и ей это превосходно удалось. В его глазах она заняла место его матери, и ее влияние на него было почти безграничным.

К семнадцати годам Александр де Богарне был очень привлекательным юношей. Он получил хорошее образование в манере своего времени, проведя вместе со своим старшим братом несколько лет под присмотром превосходного наставника, по крайней мере, два из которых прошли в Германии. После того, как его брат ушел в армию, Александр и его наставник перешли в дом герцога де Ларошфуко и там учились у племянников последнего. В этой аристократической атмосфере он впитал все новые либеральные идеи того времени; в то же время он познал изящество самого изысканного французского общества и философию Руссо. Александру было семнадцать лет, когда его образование было объявлено законченным, и начались поиски места для него, соответствующего его рождению, его родственникам и его амбициям. Во многом благодаря герцогу де Ларошфуко он был произведен в армейские лейтенанты.

Не успел его позиции в мире зафиксировать, чем мадам. Renaudin приняла решение, что он должен жениться на одной из ее племянниц в Мартинику. То, что Александр еще не думал о женитьбе, вовсе не имело значения. Мме. Реноден убедил его, что это было бы хорошо — для нее это было нетрудно, поскольку после женитьбы юноша должен был получить гораздо больший доход, чем он имел тогда. Удовлетворенная Александром, она вскоре убедила его отца написать месье де ла Пажери. Письмо показывает всю ситуацию в целом: “Мои дети, ” писал г-н де Богарне, - каждый из них имеет годовой доход в размере 40 000 ливров (около 8000 долларов). Вы можете дать мне свою дочь, чтобы разделить судьбу моего кавалера. С уважением и любовью он к Мадам. Renaudin сделать его желанием жениться на одной из ее племянниц. Вы видите, что я добровольно соглашаюсь с его желаниями, прося руки вашей второй дочери, возраст которой больше подходит ему. Если бы ваша старшая дочь (Жозефина) была на несколько лет моложе, я, конечно, предпочел бы ее, поскольку она представляется мне такой же привлекательной, как и другая; но мой сын, которому всего семнадцать с половиной, считает, что пятнадцатилетняя девушка слишком близка к его возрасту”.

Незадолго до того, как это письмо достигло Мартиники, вторая дочь господина де ла Пажери умерла от лихорадки. Однако упускать шанс было нельзя, и отец поспешил написать г-ну де Богарне, что у него может остаться любая из двух дочерей: Жозефина или Мари, последней тогда было от одиннадцати до двенадцати лет. Из долгой переписки, которая последовала за этим, можно сделать вывод, что на самом деле значение имеют старшие участники сделки. Александр смирился, маленькая Мари наотрез отказывается покидать свою мать, а Жозефина, о которой мало что говорят, кажется, готова, даже жаждет этого приключения. В результате в октябре 1779 года г-н де ла Пажери отплыл во Францию вместе с Жозефиной. Он прибыл в Брест в ноябре,

изношены на проход, а там его сестра, мадам. Renaudin, пришли с Александром, чтобы встретиться с ними. Если первое впечатление о своей невесте не вызвало у Александра никакого энтузиазма, то, по крайней мере, это не послужило поводом для разрыва помолвки. “Она не так хороша собой, как я ожидал, - писал он своему отцу, - но я могу заверить вас, что искренность и мягкость ее характера превосходят все, что нам рассказывали”.

Из Бреста маленькая компания вместе отправилась в Париж, где 12 декабря состоялось бракосочетание. Молодая пара сразу же переехала жить к маркизу де Богарне, и той же зимой Жозефина была введена в блестящее столичное общество. Она, по-видимому, произвела лишь слабое впечатление, потому что, несмотря на 20 000 ливров, которые мадам Дж. Реноден потратился на ее приданое, в конце концов, у нее был провинциальный вид, который раздражал ее мужа, привыкшего к непринужденности и элегантности аристократического Парижа. Что было хуже всего в его глазах, у нее, казалось, не было никакого желания совершенствоваться по тем моделям, которые он предлагал. Бедная маленькая Жозефина не понимала преувеличенных чувств, изящных рассуждений и болтовни о свободе, природе и общественном договоре, которые в те дни так бойко лились со всех французских языков. Она любила красивые платья, драгоценности и детские забавы; но больше всего она требовала, чтобы ее красивый молодой муж любил ее исключительно и страстно. Когда он бранил ее, она плакала, а когда он посвящал себя более ярким женщинам, она ревновала; и вот, прежде чем закончились первые шесть месяцев их супружеской жизни, Джозефина пережила много несчастливых часов, и виконт с радостью оставил ее, когда его призвали в свой полк. Тем не менее, в его отсутствие он писал ей длинные письма, в основном с советами о том, что ей следует изучать, и прилагал все усилия, чтобы посмеяться над ее ревностью и жалобами. Рождение их первенца в сентябре 1781 года, мальчика, получившего имя Эжен, мало что изменило в восстановлении мира между ними. Виконт продолжал проводить много времени вдали от Парижа, либо со своим полком, либо в путешествиях, и, бывая дома, он не всегда делился своими удовольствиями с женой. Тактика, с которой Джозефина встречала его беспокойство и безразличие, была наихудшей из возможных по отношению к человеку, страстно любящему идеи, возвышенные чувства, смелые и блестящие поступки — она была любезной и ленивой, как котенок, пока не наступало новое пренебрежение, а затем она раздражалась непрерывными рыданиями.

Без сомнения, одной из причин беспокойства Богарне была его неспособность продвигаться в своей профессии так быстро, как ему хотелось. Его произвели в капитаны, но он мечтал о полке; и когда в конце 1782 года возникла угроза вторжения англичан на Мартинику, он записался туда на службу. Мир был заключен между Францией и Англией еще до того, как у него появилась возможность отличиться, но некоторое время он оставался на Мартинике. Там он влюбился; и, к несчастью, его новая любовница убедила его, что у Жозефины были собственные любовные похождения до того, как она покинула Мартинику и вышла за него замуж. Никогда не было никаких доказательств правдивости ни одной из историй, которые она ему рассказала; но Богарне был рад, что у него появилась причина бросить свою жену, и он написал ей жестокое письмо, в котором обосновывал свое требование о разводе праведным негодованием, охватившим его, когда он услышал о ее безумствах. Письмо дошло до Жозефины летом 1783 года. В апреле прошлого года она родила дочь, которую при крещении называли Гортензией-Эжени. Это было первое слово, которое она получила от мужа после родов.

Богарне прибыл в Париж в октябре (его любовница приехала раньше него); и, несмотря на усилия его семьи и друзей, все из которых встали на сторону Жозефины, он добился развода. Она, однако, получила от суда максимально возможное возмещение ущерба,

учитывая средства виконта, — пенсию для себя и детей; опеку над Эженом, пока ему не исполнится пять лет, и постоянное владение Гортензией.

Теперь Жозефина переехала жить в аббатство Пантемон, убежище для женщин из французской знати, которые так или иначе пострадали. Здесь ее молодость, красота, мягкий нрав и несчастье сделали ее любимицей многих знатных дам; и вскоре в этой атмосфере она узнала о нравах аристократического общества больше, чем за всю свою предыдущую замужнюю жизнь.

Проведя почти год в аббатстве, Жозефина вернулась к своему свекру, который жил в Фонтенбло. Жизнь, которую она здесь вела, ей очень понравилась. Ее доход для себя и детей составлял что-то около 2000 долларов в год, она была свободна, она знала много интересных людей, у нее были поклонники, многие говорят, любовники, — мы были бы удивлены больше, если бы у нее их не было, чем если бы они у нее были, таков был ее мир. Она была предана своим детям, ухаживала за маркизом де Богарне и мадам. Реноден во время их болезней и регулярно переписывалась со своим мужем, которого никогда не видела, по поводу их детей. В 1788 году она нарушила монотонность своей жизни поездкой на Мартинику, взяв с собой Гортензию. Она пробыла на острове около двух лет — печальные два года, поскольку и ее отец, и сестра в то время были очень больны, и оба умерли вскоре после ее возвращения в Париж, осенью 1790 года.

ГЛАВА II

ЖОЗЕФИНА ВО ВРЕМЯ РЕВОЛЮЦИИ —ЗАКЛЮЧЕННАЯ В ТЮРЬМУ ЛЕ КАРМ—БОРЬБА ЗА СУЩЕСТВОВАНИЕ—БРАК С БОНАПАРТОМ

Когда Жозефина вернулась в Париж в 1790 году, она застала город в полном расцвете сил. За те два года, что ее не было, собрались генеральные штаты, Бастилия пала, Национальное собрание начало править Францией. Во главе всей этой деятельности стоял ее муж, виконт де Богарне. Как и его покровитель, герцог де ла Рушфуко, Богарне был ярким сторонником свободы и равенства. Отправленный своими друзьями в Блуа в Генеральные штаты, он присоединился к немногочисленным тамошним дворянам, которые в 1789 году встали на сторону Революции, и вскоре стал одним из лидеров этой фракции. Позже его направили в Национальное собрание, где он принимал активное участие в разработке конституции. Он пользовался властью даже в якобинском обществе.

В то время революция все еще была в моде среди элегантных парижан, и виконт действительно был одним из самых популярных и влиятельных молодых дворян в городе. Его успех, пыл, с которым он проповедовал прекрасные теории того времени, возможно, растущее осознание того, что его обращение с женой слишком явно не соответствовало его профессии, смягчили сердце виконта по отношению к Джозефине, и когда она вернулась, он отправился навестить ее. Последовало своего рода примирение. Они продолжали жить порознь, но постоянно виделись в обществе. Виконт, без сомнения, был еще более готов поддерживать отношения хорошего друга и советчика со своей женой, когда увидел, что за годы, прошедшие после их разлуки, она превратилась в самую очаровательную женщину в мире и что ее красота, грация, такт и готовность услужить завоевали ей широкий круг друзей, в том числе многих из того аристократического круга, членом которого он сам хвалился тем, что является. Это хорошее взаимопонимание с Богарне во многом способствовало душевному спокойствию Жозефины. В некотором смысле это была победа, и друзья поздравили ее. В то же время любые почести, оказанные виконту, отражались на ней, и она неуклонно становилась все более заметной.

В июне 1791 года Богарне был избран президентом Учредительного собрания. Несколько дней спустя король и королева бежали в Варенн. Как глава Ассамблеи, виконт в то время был лидером Франции. Именно он просидел сто двадцать шесть с половиной часов подряд на скамье подсудимых во время бурного заседания, последовавшего за бегством короля; именно он допрашивал плененного короля, когда тот был возвращен, и руководил последовавшим беспорядочным разбирательством. Действительно, до роспуска организации в сентябре он был одним из самых выдающихся людей Франции.

Жозефина получила свою долю его славы и за эти месяцы значительно пополнила круг своих знакомых из разношерстной толпы, которую уравнивало положение во французском обществе. Она познакомилась со многими аристократами, неизвестными ей до тех пор; но что было гораздо важнее, она завела знакомства среди “истинных патриотов”, тех, кто родился в третьем сословии и кто уже начинал считать себя единственной частью населения, пригодной для общего возрождения Франции. В 1792 году, когда началась война, Богарне отправился на фронт, где составил респектабельный послужной список, о

котором он сам часто докладывал Ассамблее яркими письмами, наполненными добрыми советами для этого органа. Он неуклонно продвигался вперед, пока в мае 1793 года не был назначен главнокомандующим Северной армией. Все это время Жозефина находилась в Париже или его окрестностях, и там было мало более активных женщин, чем она. Советовал ей муж или нет, но у нее хватало ума знакомиться с представителями каждой новой партии сразу же, как только она приходила к власти. Таким образом, когда в 1792 году у руля стояли жирондисты, она поспешила взять интервью у них одного за другим, продемонстрировать им свою преданность новому гражданству, превознести патриотизм своего мужа, генерала де Богарне. Познакомившись, она сразу же захотела попросить об одолжении — этот друг сидел в тюрьме, тот хотел получить паспорт. Всю беспокойную зиму 1792-1793 годов Жозефина была занята тем, что вытаскивала своих друзей из тюрьмы и из Франции. Похоже, она за себя не боялась. На самом деле мужчины, которые помогали ей, были настолько убеждены в ее простой доброте сердца, что предоставляли ей многое, в чем было бы отказано более умной женщине, и они не подвергали сомнению ее лояльность. Разве она не была также женой генерала де Богарне? Однако этот факт не имел значения в течение многих месяцев. Поведение Богарне было поставлено под сомнение перед Ассамблеей; он подал в отставку, предложив перейти в строй. В этой привилегии ему было отказано, и он был уволен из армии. Он сразу же отправился в свой семейный дом близ Блуа и активно включился в работу муниципалитета и якобинцев. Жозефина, предупрежденная о возможной опасности, связанной с падением ее мужа, и опасаясь нового закона против подозреваемых, решила уехать из Парижа. На зиму она снимала маленький домик в Круасси, недалеко от города, рядом со многими своими друзьями, и жила там так тихо, как только могла. Одним из способов, которым она продемонстрировала свою преданность демократическим принципам, было отдать Эжена, который несколько лет учился в школе, в подмастерья к плотнику; говорят, что Гортензию отдали к портнихе учиться этому ремеслу.

Виконт избегал ареста до весны 1794 года; затем комитет общественного спасения вспомнил о нем. Похоже, для его ареста не было никакой другой причины, кроме того, что он был дворянином — конечно, ни один человек во Франции не превзошел его в яростном республиканстве и не был более изобретательным в планах спасения страны. Его немедленно доставили в Париж и заключили в тюрьму ле-Карм. Месяц спустя Жозефина последовала за ним. Ее деятельность для своих друзей продолжалась и после ухода на пенсию ее мужа, и усилия, которые она сразу же начала предпринимать для его спасения, когда он был арестован, побудили добродетельную патриотку анонимно предложить властям, чтобы о ней тоже позаботились. Она была немедленно арестована.

В течение трех месяцев муж и жена жили бок о бок в этой ужасной тюрьме, на стенах которой все еще виднелись красные следы сентябрьской резни, и в саду, из которого все еще сочились кровь, как полагали, из корней дерева, где были сложены десятки убитых людей. С ними были заключенные мужчины всех слоев общества, принцы, купцы, моряки, трубочисты, а также женщины и дети. Почти ежедневно группу призывали на смерть, но их места быстро заполнялись. Ужасная трагедия их судьбы ничуть не сблизила Джозефину и ее мужа. Ужасный комментарий в "Таймс" о том, что никому не показалось странным, что Богарне ухаживал здесь, у врат смерти, за красивой женщиной, такой же заключенной, как и он сам, или что Жозефина была настолько близка с генералом Гошем, тоже заключенным, что история зафиксировала этот факт.

Было предпринято много усилий, чтобы спасти виконта и его жену, главным образом под их руководством, поскольку им разрешили увидеться со своими друзьями, а также с детьми. Вполне возможно, что некоторые петиции в их пользу, найденные во

французских архивах, на имена Эжена и Гортензии, были продиктованы самим виконтом. Но все усилия были бесполезны, и 21 июля Богарне был доставлен в консьержери; на следующий день его судили; на следующий гильотинировали. До конца он был храбр и владел собой. В своих последних словах, обращенных к Жозефине, он даже обвинил свою смерть в заговорах аристократов, поддерживавших республику, несмотря на то, что это поразило его.

Жозефина в своем заточении не разделяла мужества виконта де Богарне. Это правда, что большинство женщин, переживших смерть во время Французской революции, мужественно встретили ее. Жозефина была не их крови. С самого начала своего заключения она постоянно плакала на глазах у всех, и ее любимым занятием было гадание на картах; и все же, какой бы трусливой она ни была, никого так не любили, как ее. Для этого было достаточно причин. Никто не был добрее, никто не был более готов оказать услугу, никто не был более активен для других, чем она, когда была на свободе. Вся добрая воля тюремного руководства проявилась в полной мере, когда 6 августа, менее чем через две недели после смерти ее мужа, она была выпущена на свободу. Всеобщее ликование было таким, какое было бы при освобождении ребенка.

Неизвестно, под чьим влиянием Джозефина получила свою свободу. Mme. Тальену обычно приписывают его охрану, но Массон в своих исследованиях нашел даты, которые делают маловероятным, что существующая легенда может быть правдой. Согласно этому, мадам Дж. Тальен (в то время мадам де Фонтенэ) и Жозефина были товарищами по заключению, и именно в ле-Карме зародилась их дружба. Однако тюремные записи показывают, что мадам де Фонтенэ была заключенной в тюрьме. Тальен был заключен не в les Carmes, а в la Petite Force; так что, по крайней мере, часть легенды невозможна. То, что она могла быть заинтересована в защите Жозефины, вполне возможно, даже правдоподобно. Возможно, она была знакома с мадам де Богарне до ее заключения. Хорошо известно, что, как только она получила свободу, она стала яркой сторонницей того милосердия, которое стало возможным после падения Робеспьера девятого Термидора, и что она спасла многих людей. Вполне возможно, что она включила Джозефину в число первых, кого пыталась спасти. Ее задача в этом случае не была бы сложной, поскольку Джозефина была известна большинству членов Террористического правительства и, вероятно, находилась в близких отношениях с некоторыми из них. Как бы то ни было, Жозефину освободили 6 августа, и она сразу же отправилась в Круасси, чтобы скоротать осень.

Проблемы, с которыми теперь столкнулась Джозефина, были достаточно серьезными для самой практичной и находчивой из женщин. Хаос, царивший во французском бизнесе, очень затруднял ей доступ к поступающим к ней деньгам. Имущество ее мужа было ограничено после его смерти, так что она ничего не могла получить от него, и стоимость того, что она получала из своего дохода, должно быть, была прискорбно снижена общим обесцениванием, вызванным господством террора и войной, а также непомерными ценами даже на самые элементарные предметы первой необходимости — хлеб в то время стоил более двадцати франков за фунт. Ее положение было еще более тяжелым, потому что все личное имущество ее самой, ее детей и мужа находилось в руках властей. У нее не было белья, мебели, серебра, одежды, ничего необходимого в повседневной жизни. Чтобы вести хозяйство самым простым способом, ей приходилось выпрашивать милостыню и занимать займы, и прошло много месяцев, прежде чем она смогла самостоятельно обзавестись одеждой и домашней мебелью.

С двумя детьми, о которых нужно было заботиться, с городской квартирой и загородным коттеджем на руках она оказалась в очень трудном положении.

То, что Жозефина смогла сохранить свой дом, заботиться о детях и сохранить свое положение в обществе Директории, было благодаря дружбе и защите двух мужчин, Гоша и Барраса. Гоша освободили из les Carmes раньше Жозефины и поставили во главе армии, и он сразу же взял Эжена в свой штаб, тем самым освободив разум Жозефины от этой заботы. В течение нескольких месяцев она старательно занимала деньги в долг и закладывала их, чтобы поддерживать дела в порядке. Во всех своих попытках восстановить свое состояние и передать своим детям поместье Богарне она привлекала своих друзей, особенно мадам Тальен. Тальен, которая как раз тогда была на пике своего могущества. Эти двое очень сблизились, и вскоре виконтесса де Богарне стала одной из женщин, которых чаще всего видели на приемах, устраиваемых членами Директории, а также на всех более интимных собраниях этого общества. Она стала такой же любимицей среди распущенной и расточительной компании, какой была среди аристократичных дам из аббатства Пантемон или в пестрой компании в ле Карм. Следовало ожидать, что она не могла долго оставаться близкой подругой мадам. Салон Тальена, не найдя покровителя. Она нашла его в Баррасе, члене Директории, фактически самом влиятельном ее члене, принце коррупции, но при этом элегантном и способном человеке.

Вероятно, что связь с Баррасом началась в 1795 году, поскольку в августе того же года Жозефина сняла небольшой дом в Париже, обставив его в основном мебелью из городской квартиры, которую она так долго снимала. Она положила гортензия в Мадам. Школа Кампан, и принимая Эжен из Ош послал его в колледж. Она постоянно принимала гостей в своем новом доме и по крайней мере раз в неделю принимала Барраса и его друзей в своем загородном доме в Круасси. Ни для кого не было секретом, что деньги на все это давал Баррас.

Хотя сам Баррас был известен своей коррумпированностью, он был человеком элегантного и высокообразованного вкуса и всегда прилагал неустанные усилия, чтобы сохранить эксклюзивность своего ближайшего окружения. Он желал видеть рядом с собой только остроумных, элегантных и непринужденных людей, когда у него было свободное время, и, как правило, никого другого не допускал. Однако время от времени политические нужды приводили в его дом человека, непривычного ни к ее вежливым изыскам, ни к элегантным расточительствам. Такой человек был принят осенью 1795 года — молодой корсиканец, военный служащий армии, отличившийся при осаде Тулона и недавно фактически наложивший обязательства на Барраса и все правительство. Этого человека звали Бонапарт — Наполеон Бонапарт. Он прибыл в Париж весной 1795 года по приказу вступить в Западную армию, но попал в опалу, потому что отказался повиноваться. Однако через Барраса, который знал его по Тулону, ему удалось произвести впечатление на Военное министерство. Власти, которые слушали его выступление и изучали планы кампании, сказали, что он был больше, чем обычный человек. В октябре представился шанс попробовать себя в качестве командира. Секции Парижа, недовольные Конвентом, запланировали нападение на определенную ночь. Комитет обороны попросил Бонапарта принять командование гвардией, которая должна была защищать Тюильри, где заседал Конвент. Результатом стало быстрое и эффективное отражение атаки частей, и на следующий день Бонапарт был вознагражден званием дивизионного генерала.

Одним из первых актов, последовавших за нападением на Конвенцию, был закон, предписывающий разоружать всех граждан. Теперь у Жозефины в квартире была шпага генерала де Богарне, и, повинаясь новому закону, она немедленно отнесла ее в соответствующие инстанции. Эжен, зная о ее намерении, тоже поспешил туда и страстно запротестовал против того, чтобы отдать шпагу его отца. Он умрет первым, заявил он с мальчишеской горячностью. Его молодость (ему было всего четырнадцать), его

неподдельное волнение тронули комиссара, который поколебался и в конце концов сказал, что Эжен может пойти к генералу, возглавляющему секцию, новоиспеченному генералу Бонапарту, и представить свое прошение. Мальчик поспешил к генералу и с сияющими глазами и дрожащими губами умолял вернуть шпагу его отца. Бонапарт, тронутый серьезностью и волнением юноши, приказал удовлетворить его просьбу. Мадам де Богарне, услышав историю от Эжена, отправилась в кабинет генерала, чтобы поблагодарить его. Беседа закончилась тем, что она пригласила его зайти к ней. Вероятно, примерно в это время Баррас счел разумным ввести Бонапарта в свой ближний круг, и вскоре молодой генерал был в хороших отношениях со всем обществом.

В то время, когда Бонапарт начал часто бывать в домах Барраса и Жозефины, он был образцом добродетели по сравнению с большинством мужчин и женщин, которых он там встречал, — конечно, по сравнению с Баррасом и Жозефиной. Они были учениками удовольствий; он — напряженной жизни. До этого времени мирские удовольствия никогда не привлекали его. Он смотрел на них так, как мог бы смотреть молодой философ, стремящийся увидеть и понять все, но он никогда не искал их, никогда не соблазнялся ими. Создать себе место и имя — это было все, чего до сих пор желал Наполеон Бонапарт.

Здесь он не только впервые попал в круг, который культивировал удовольствие как цель; но и здесь он впервые увидел утонченность, роскошь, прелести высокоразвитого общества. Красивые, изящные и остроумные женщины он никогда не знал раньше; он никогда не бывала прежде в таких помещениях, как эти, в которых он нашел Жозефина, мадам. "Постель и завтрак", а Баррас. Ужины, подобные этим, которые они предлагали ему просто поражали. Он был не только поражен окружающей обстановкой, но и опьянен оказанным ему вниманием. То, что Жозефина, которая казалась ему идеальным образцом *великой дамы*, приглашала его к себе домой, писала ему лестные записочки, когда его визиты затягивались, восхищалась его мужеством, слушала его пылкие речи, предсказывала ему великое будущее, будоражило его воображение и надежду, как ничто прежде. Не прошло и месяца, как он уже страстно ухаживал за ней. То, что она была на шесть лет старше его и вдова с двумя детьми; что у нее не было определенного дохода и она была другого ранга; что у него не было ничего, кроме "плаща и шпаги", и он едва начал свою карьеру, хотя мать и несколько братьев и сестер надеялись, что он поможет им в жизни, — эти и все другие практические соображения, похоже, были отброшены в сторону. Он любил Жозефину и собирался жениться на ней. Всю осень и зиму 1795 и 1796 годов он был рядом с ней, добиваясь своего.

Но Жозефина, хотя и была довольна преданностью Наполеона и, безусловно, поощряла его, колебалась. Конечно, брак с молодым корсиканцем был предприятием, на которое более отважная женщина, чем она, могла бы решиться, а у нее, бедняжки, было достаточно приключений. До сих пор все заканчивалось катастрофой — ее брак закончился разлукой, ее примирение с мужем — его смертью, ее имущество было потеряно во время революции. Все, чего она просила от жизни, — это возможности свести Эжена и Гортензию, а также свободы и денег, достаточных, чтобы стать лесбиянкой. Могла ли она ожидать этого от брака с Бонапартом? Она сама превосходно проанализировала свои чувства в письме к подруге:

Я вынужден, моя дорогая, снова жениться по совету всех моих друзей (можно даже сказать, по совету моей тети) и молитвам моих детей. Почему вы не здесь, чтобы помочь мне своим советом в этом важном случае и сказать, должен я или не должен соглашаться на союз, который, несомненно, кажется рассчитанным на то, чтобы избавить меня от дискомфорта моего нынешнего положения? Ваша дружба помогла бы вам ясно видеть мои интересы, и одного вашего слова было бы достаточно, чтобы я принял решение.

Среди моих посетителей вы видели генерала Бонапарта; это человек, который хочет стать отцом сиротам Александра де Богарне и мужем его вдове.

“Ты любишь его?” - естественно, это твой первый вопрос.

Мой ответ таков: “Возможно, нет”.

- Он тебе не нравится?

Снова “Нет”; но чувства, которые я питаю к нему, относятся к тому тепловатому типу, который истинные преданные считают худшим из всех в вопросах религии. Так вот, поскольку любовь - это своего рода религия, мои чувства должны сильно отличаться от того, чем они являются на самом деле. Это тот пункт, по которому мне нужен ваш совет, который уладил бы колебания моего нерешительного характера. Принять решение всегда было слишком сложно для моей креольской инертности, и мне легче подчиняться желаниям других.

Я восхищаюсь мужеством генерала; обширностью его информации по каждому предмету, на который он ведет беседу; его проницательным умом, который позволяет ему понимать мысли других до того, как они будут высказаны; но, признаюсь, я несколько опасаясь того контроля, который он, кажется, стремится осуществлять над всеми окружающими. В его пристальном взгляде есть что-то такое, что невозможно описать; он внушает благоговейный трепет даже нашим режиссерам, поэтому вполне можно предположить, что он пугает женщину. Он говорит о своей страсти ко мне с такой серьезностью, что невозможно усомниться в его искренности; и все же именно это обстоятельство, которое, как вы могли бы предположить, должно было бы мне понравиться, как раз и удержало меня от согласия, которое я часто была готова произнести.

Весна моей жизни миновала. Могу ли я, в таком случае, надеяться сохранить на какое-то время тот пыл привязанности, который обычно доходит почти до безумия? Если его любовь остынет, а это, несомненно, произойдет после нашей женитьбы, не упрекнет ли он меня в том, что я помешала ему установить более выгодную связь? Что же тогда мне сказать? Что мне делать? Я могу запереться и разрыдаться. Прекрасное утешение, воистину! мне кажется, я слышу, что ты говоришь. Но я знаю, что слезы бесполезны, уверяю вас, это мое единственное утешение всякий раз, когда мое бедное сердце получает рану. Напишите мне скорее и, пожалуйста, отругайте меня, если сочтете неправым. Ты знаешь, что приветствуется все, что исходит от тебя.

Баррас уверяет меня, что, если я выйду замуж за генерала, он добьется назначения его главнокомандующим армией Италии. Эта милость, хотя и еще не оказанная, вызывает некоторый ропот среди братьев-офицеров Бонапарта. Разговаривая со мной вчера на эту тему, генерал сказал.—

Неужели они думают, что я не смогу продвинуться вперед без их покровительства. В один день они все будут слишком счастливы, если я предоставлю им свое. У меня на боку хороший меч, который поможет мне продолжать в том же духе.

Что вы думаете об этой самоуверенности? Не отдает ли она чрезмерным тщеславием? Бригадный генерал говорит о покровительстве руководителям правительства? Это очень нелепо! И все же я не знаю, как это происходит, его амбициозный дух иногда покоряет меня настолько, что я почти поддаюсь искушению поверить в осуществимость любого проекта, который ему приходит в голову, — и кто может предвидеть, что он может предпринять?

Вполне вероятно, что, если бы не Баррас, Жозефина не согласилась бы, поскольку многие ее друзья отговаривали ее от этого брака. Однако Баррас настаивал на этом. В качестве объяснения он говорит с жестокой откровенностью, которой отличаются его мемуары, что он “устал и наскучил” ей. Она, без сомнения, чувствовала, что защита Барраса ненадежна и что для нее было бы лучше не обижать его.

Наконец Баррас и Бонапарт преодолели нерешительность Жозефины, и 8 марта 1796 года был подписан брачный контракт. Баррас и Тальен были двумя главными свидетелями на гражданской церемонии, которая состоялась на следующий день. От религиозного брака отказались.

ГЛАВА III

БОНАПАРТ ОТПРАВЛЯЕТСЯ В ИТАЛИЮ—ЖОЗЕФИНА В МИЛАНЕ—ТРИУМФАЛЬНОЕ ТУРНЕ По ИТАЛИИ—БОНАПАРТ ОТПРАВЛЯЕТСЯ В ЕГИПЕТ

Только за неделю до женитьбы наполеона на жозефине он был назначен главнокомандующим итальянской армией, а через два дня после женитьбы отбыл к своему командованию. Жозефина осталась в Париже, в своем доме на улице Шантерен, вероятно, испытав некоторое облегчение от отъезда своего пылкого возлюбленного. Конечно, она была недостаточно влюблена, чтобы успевать за пылкими письмами, которые он посылал ей со всех почтовых отправок на своем пути. Конечно, она читала их; даже показывала своим друзьям, произнося их *drôle*; но ее ответы не сравнивались с ними ни по количеству, ни по теплоте. Страдания, упреки и молитвы Наполеона нарушали ее покой. Она не могла так любить. Вскоре он начал умолять ее приехать в Италию. Кампания началась хорошо; он одерживал победы. Не было никаких причин, по которым она не могла бы присоединиться к нему; или приехать хотя бы в Ниццу — в Милан. “Ты приедешь, - умоляет он, - и поскорее. Если ты будешь колебаться, если будешь медлить, я заболею. Усталость и твое отсутствие слишком тяжелы для меня.... Обрети крылья, лети —лети!”

Но Жозефина не хотела уезжать из Парижа. Особенно сейчас, когда она пожинала первые плоды славы своего молодого мужа, оказывая ему такое почтение, какого она никогда не знала, но о котором, без сомнения, мечтала с детства. Победы Наполеона сводили парижан с ума от радости, и они не желали ничего лучшего, как обожать жену героя кампании. На самом деле не прошло и двух месяцев после отъезда из Парижа, как Наполеон отправил обратно через своего брата Жозефа и своего адъютанта Жюно двадцать одно знамя, захваченное у врага. Они были приняты на открытом заседании Директории. Жозефина присутствовала вместе с мадам. Тальен, и когда две прекрасные женщины в сопровождении Жюно покинули Люксембург, где проходило представление, произошла такая демонстрация, какой Париж не видел из-за женщины уже много дней. “Смотрите, ” кричали они, “ это его жена! Разве она не прекрасна! Да здравствует генерал Бонапарт! Да здравствует гражданка Бонапарт! Да здравствует Собор Парижской Богоматери!”

Последовали новые триумфы, и в честь них 29 мая был устроен грандиозный праздник. В Люксембурге были балы, гала-вечера в театрах. И повсюду Жозефина, жена генерала-завоевателя, была королевой. И все же почти каждый вечер, когда она возвращалась из оперы или с бала, ее ждал страстный призыв Бонапарта приехать в Италию. Несколько недель она отталкивала его, ссылаясь на трудности поездки, на опасности и неудобства, которым ей, возможно, придется там подвергнуться, приводила сотни оправданий; а Бонапарт в ответ только еще яростнее умолял ее приехать.

Наконец она больше не могла сопротивляться, но и не прилагала усилий, чтобы скрыть свое сожаление по поводу отъезда. “Ее огорчение было крайним, когда она увидела, что больше нет никакого способа сбежать, - говорит Арно. - Она больше думала о том, что собиралась оставить, чем о том, что собиралась найти. Она отдала бы дворец в Милане,

который был приготовлен для нее, она отдала бы все дворцы мира за свой дом на улице Шантерен.... Она отправилась в Италию из Люксембурга, где ужинала с несколькими друзьями. Бедная женщина, она разрыдалась и рыдала так, словно собиралась понести наказание — та, кто собиралась царствовать”.

Был конец июня, когда Жозефина прибыла в Милан. Дворец, который ожидал ее, был королевским домом герцога де Сербеллони; общество было самым изысканным в Италии. Она сразу же обнаружила, что живет в буквальном смысле как принцесса. К несчастью для нее, однако, не было возможности подолгу оставаться в Милане и наслаждаться доступными ей удовольствиями. Бонапарт был в активной военной кампании — не смог остаться всего на пару дней после ее прибытия, и вскоре он начал умолять ее присоединиться к нему на поле боя. В конце июля она действительно отправилась в Брешию, где пережила ряд захватывающих приключений. Австрийцы наседали на французов вплотную — ближе, чем предполагал Наполеон; дважды он и она вместе чудом избежали плена; один раз она попала под обстрел. В конце концов Бонапарту пришлось отправить ее через Болонью и Феррару в Лукку, путешествие, которое она совершила в безопасности, но в слезах.

Отныне у Жозефины была веская причина не присоединяться к мужу на поле боя. И Наполеон не просил ее об этом. Все, о чем он просил сейчас, это письма, письма, письма. “Ваше здоровье и ваше лицо никогда не выходят у меня из головы. Я не могу успокоиться, пока не получу ваши письма. Я жду их с нетерпением. Вы не можете себе представить мое беспокойство”. И снова: “Я тебя совсем не люблю; напротив, я тебя ненавижу. Ты жалкое, неуклюжее, глупое маленькое создание. Ты мне совсем больше не пишешь; ты не любишь своего мужа. Ты знаешь, какое удовольствие доставляют мне твои письма, и все же пишешь мне не больше шести строк, да и то случайно. Чем вы занимаетесь весь день, мадам? Но если серьезно, я очень обеспокоен, моя дорогая, тем, что от вас нет вестей. Быстро напишите мне на четырех страницах о тех вещах, которые наполняют мое сердце радостью”. Несколько дней спустя он пишет: “От тебя нет писем. По правде говоря, это меня беспокоит. Мне сказали, что у тебя все хорошо и что ты даже был на озере Комо. Я каждый день с нетерпением жду курьера, который принесет мне весточку о тебе”. И снова: “Я пишу тебе очень часто, моя дорогая, а ты пишешь мне так редко”. И так продолжалось все лето и осень 1796 года. В то время как она принимала в Милане почести, подобающие жене завоевателя, в руках которого были судьбы государств, он на поле боя изнемогал в бешеной борьбе за победу — не за победу для себя, как он сказал Жозефине, и, возможно, на какое-то время убедил себя в этом; но победу потому, что ей было приятно, что он ее завоевал; честь потому, что она дорожила ею; в противном случае, сказал он, “я оставил бы все и бросился к твоим ногам”.

Вся эта безудержная страсть утомляла Жозефину все больше и больше. В ее сердце не пробудилось никакого отклика. То, что она гордилась его любовью, несомненно. Она рассказывала всем о его преданности, как могла: это был ее пропуск к власти. Но она не могла ответить ему тем же и находила оправдания своему пренебрежению своим здоровьем, которое в то время было не в порядке, и социальными требованиями, обусловленными ее блестящим и заметным положением, а часто также тем фактом, что жизнь в Милане, какой бы веселой она ни была, ей не нравилась. Она тосковала по дому, по Парижу. “Месье де Сербеллони расскажет вам, моя дорогая тетя, “ писала она в начале сентября, - как меня принимали в Италии, чествовали везде, где я бывала, все принцы Италии принимали меня, даже великий герцог Тосканский. Ну что ж! Я бы предпочел быть простым частным лицом во Франции; мне не нравятся почести этой страны, мне смертельно скучно. Это правда, что мое здоровье сильно огорчает меня; я совсем нездоров. Если бы счастье могло принести здоровье, я должен был бы быть здоров. У

меня самый добрый муж, какого только можно найти; у меня нет времени ни в чем нуждаться; моя воля принадлежит ему; он стоит передо мной на коленях весь день напролет, как будто я божество. Лучшего мужа и желать нельзя. Господин де Сербеллони расскажет вам, как сильно меня любят; он часто пишет моим детям и очень привязан к ним”.

ДЖОЗЕФИНА.

Автор Дж. Б. Изаби. (Коллекция М. Эдмона Тэньи.) Этот портрет, выполненный мелком, слегка подкрашенный, был выполнен в Мальмезоне, вероятно, в 1798 году. О нем известно очень мало. Изабель, чей карандаш был быстрым и уверенным, должно быть, попросила Джозефину попозировать несколько минут после прогулки в парке. Этот набросок был передан М. Тэньи в исполнении самого Изаби. —А. Д.

Жозефина не только не написала этому “лучшему мужу в мире”, как она сама называла Бонапарта, но и провела много часов в Милане, демонстративно флиртуя с молодыми офицерами, которые были рады оказать ей услугу. Смутные слухи об этих заигрываниях, без сомнения, доходили до ушей Наполеона, хотя несомненно, что он мало думал о них. В его письмах есть упоминания, которые можно было бы списать на ревность, но ясно, что в то время он был так уверен в Джозефине, что ее отказ, обиженный взгляд, слезы упрека заставили его просить прощения и забыть о своих страхах.

Помимо ее беспечности при написании ему писем, самой серьезной претензией, которую он имел к ней, была ее готовность получать ценные подарки. Сокровища Италии были открыты для французов, и Бонапарт отправлял в Париж большое количество редких предметов искусства; но он объявил в высшей степени неприличным, чтобы какие-либо из этих вещей или какие-либо частные подарки достались ему или его свите. Жозефина, однако, не стеснялась подарков и с радостью принимала драгоценности, картины и *нагрудники*, которые ей присылали. Из-за этой неосторожности произошла не одна сцена, но все всегда заканчивалось тем, что сокровище оставалось у нее. Пробыв в Италии недолго, она научилась не говорить генералу о том, что ей подарили, а если он обвинит ее в получении подарков, отрицать это.

Но как бы ни была несчастна Жозефина в отсутствие Бонапарта своим пренебрежением и флиртом, она с лихвой компенсировала это своим дружелюбием, когда он вернулся. Вскоре у него тоже появились основания убедиться, что своим тактом она во многом помогла его делу в Италии. Она была воплощением изящества и жизнерадостности, она была знакома с обычаями хорошего общества, у нее был такт с республиканской частью страны, которая гордилась своими идеалами и патриотизмом, и она умиротворяла дворян, которые чувствовали, что она одна из них. У Наполеона были основания сказать о влиянии Жозефины в Италии то же, что он позже сказал о ее влиянии в Париже, — что без нее он никогда не смог бы добиться того, что сделал. Ее роль в его планах была

особенно очевидна весной и летом 1797 года, которые они провели вместе, частично во дворце Сербеллони, а частично в замке Монтебелло. Их жизнь в то время была скорее жизнью двух коронованных особ, чем жизнью генерала армии и его жены. Они жили в величайшем государстве, защищенные строгим этикетом и окруженные офицерами армии Италии и представителями Австрии и итальянских государств. Аудиенции у генерала ежедневно добивались величайшие люди Италии. Во всем этом зрелище власти Джозефина двигалась так естественно и легко, словно была рождена для этого. Со всех сторон она завоевывала друзей; никто не приходил в замок, кто не уходил бы, чтобы похвалить ее хороший вкус, ее простоту, ее стремление понравиться. Говорили, что она никогда не вмешивалась и в политику, хотя всегда была готова помочь другу заручиться благосклонностью генерала; и все эти похвалы были заслужены. Добрая воля Джозефины была порождена добрым сердцем. Это было не просто самодовольство от лени; у нее не было злобы, она испытывала добрые чувства ко всему миру, она всю свою жизнь была готова использовать все, что в ее силах, для своих друзей. Она была готова сделать это сейчас и оставалась такой до конца своей жизни. Такой характер делает мужчину или женщину любимыми в любую эпоху, в любом обществе, какими бы ни были его недостатки. Это сделало Джозефину особенно любимой в ее возрасте и в ее обществе, где подлинная доброта была редкостью и где ее особые недостатки — возможно, следовало бы сказать пороки — легко не замечались, особенно если с ними обращаться осторожно.

Осенью 1797 года Наполеон перешел к переговорам с Австрией. Какое-то время Жозефина была с ним. Затем, неутомимая и жаждущая увидеть Италию, она оставила его в октябре и отправилась в Венецию, где ей был оказан великолепный прием. Оттуда она отправилась, как подсказывала ее фантазия, в Северную Италию. Куда бы она ни поехала, ее принимали по-королевски и заваливали подарками. Она прибыла в Париж только первого января 1798 года, почти через месяц после Наполеона.

Она вернулась и обнаружила, что ее муж — самый обсуждаемый человек в Европе. Она также обнаружила, что ее возвращения ждали с нетерпением, потому что генерал категорически отказывался быть превознесенным — даже появляться на публичных мероприятиях без нее. Таким образом, ее приход послужил сигналом к раунду увеселений, где, следует признать, Бонапарт скорее играл роль медведя. Он не отходил от Жозефины; он хотел поговорить с ней наедине и открыто заявил, что предпочел бы остаться с ней дома, чем идти на самый блестящий прием, который только мог предложить Париж. “Я люблю свою жену”, — серьезно говорил он тем, кто насмехался над ним или возражал. При всех его честолюбивых мечтах, несомненно, что сейчас она заполнила его жизнь так же полно, как и почти два года назад, когда он женился на ней. Что касается самой Жозефины, то теперь, оказавшись в Париже, она, кажется, была полностью удовлетворена. Она была центром круга восхищенных; ее ежедневно заваливали подарками не только от городов и государственных деятелей, но и от владельцев магазинов и фабрикантов, жаждавших получить ее одобрение, использовать ее имя. Никогда со времени своего замужества она не была так довольна.

Это удовлетворительное положение дел было нарушено в мае, когда Бонапарт отплыл в Египет. Жозефина отправилась в Тулон, чтобы проводить его, пообещав, что вскоре последует за ним, а затем на сезон удалилась на источники в Пломбьер. В Париж она вернулась осенью. Когда она все-таки вернулась, то лишь для того, чтобы окунуться в круговорот легкомыслия и экстравагантности. Самым заметным из ее неблагоприятных поступков было проявление внимания, которое она принимала от молодого человека — Ипполита Шарля, бывшего адъютанта одного из генералов Наполеона. Она знала его еще до поездки в Италию; действительно, он был в ее компании, когда она уезжала в Милан в 1796 году. В Милане он так усердно ухаживал за ней и был так ободрен, что эта новость

дошла до ушей Наполеона, и Карла внезапно уволили со службы. Сплетники говорили, что он нашел место в Париже — благодаря влиянию Жозефины. Во всяком случае, этот молодой человек снова появился теперь, когда Бонапарт был в Египте, и стал постоянным гостем в ее доме; и когда следующим летом она купила Мальмезон и вступила во владение, Шарль был ее первым гостем. “Тебе лучше развестись с Бонапартом и выйти замуж за Шарля”, - сказали ей некоторые из ее откровенных друзей.

Когда такие не слишком щепетильные люди, как сама Жозефина, упрекали ее, можно себе представить, какой эффект это произвело бы на семью Бонапартов, большинство из которых теперь обосновались в Париже или недалеко от него. Они никогда не заботились о Джозефине и никогда не имели с ней особого дела. Люсьен и Жозеф были единственными членами семьи, которые видели ее до замужества с Наполеоном, и для всех них этот брак стал шоком, поскольку Бонапарт не объявил об этом даже своей матери. Они смотрели на нее как на незваную гостью— которая могла лишить их некоторых наград гения Бонапарта: эти награды, по-видимому, с самого начала казались всей семье принадлежащими им и только им. До этой зимы ни у кого из них не было возможности поближе познакомиться с Джозефиной. Они были раздражены, обнаружив, что она, очевидно, женщина более высокого положения, чем они сами; они были возмущены ее расточительностью и нескромностью. Джозефина, со своей стороны, не приложила особых усилий, чтобы завоевать их расположение. В конце концов, они были всего лишь корсиканцами, а не забавными, как Наполеон. Без сомнения, она чувствовала к ним то же, что Александр де Богарне чувствовал к ней, когда она впервые приехала в Париж, — необученную маленькую островитянку, провинция сквозила в каждом жесте. К чести Жозефины, следует сказать, что она никогда не была виновна в попытках подорвать место его семьи в сердцах своего мужа; она никогда не препятствовала их продвижению; она всегда, в меру своих возможностей, помогала Наполеону в любых планах, которые он строил в отношении них. Это гораздо больше, чем можно сказать об отношении Бонапартов к Богарне.

Каким бы шокирующим ни был флирт Жозефины, Бонапарты смотрели на ее экстравагантность с еще большим ужасом. Особенно для мадам Бонапарт это был непростительный грех; и, фактически, расточительность едва ли могла зайти дальше. Бонапарт не был богат. Действительно, он гордился тем, что вернулся из Италии бедным. Но он оставил изрядный доход в руках своего брата Джозефа, часть которого должна была перейти Жозефине. Она, совершенно не считаясь с размером этого дохода, жила в роскоши, принимала гостей по-королевски и расточительно покупала все, что ей нравилось. Чтобы удовлетворить свои насущные потребности, она занимала направо и налево. Наконец, летом 1799 года она купила Мальмезон, загородное поместье, которое они с Наполеоном осмотрели перед его отъездом в Египет. Цена покупки составляла около 50 000 долларов, и ей пришлось занять 3000 долларов для предоплаты. Она немедленно отправилась на место, задолжав за ремонт и мебель.

Жозеф Бонапарт испытывал глубокое отвращение к безрассудным тратам Жозефины, и ей лишь с большим трудом удалось получить от него хоть какие-то деньги. Он был еще более нелюбезен, потому что он и другие члены семьи верили, что теперь у них есть доказательства, которые наверняка убедят Наполеона в неверности Жозефины и заставят его добиться развода, как только он вернется из Италии. И действительно, их дело уже продвинулось в Египте далеко за пределы их знаний. Перед отплытием Наполеона Жозеф внушил ему такие подозрения в неверности Жозефины и направил его за доказательствами к таким членам своего штаба, что генерал, оказавшись в море, расследовал это дело и убедился в правдивости обвинений. Это откровение повергло его в уныние на несколько недель. “Жить больше не для чего”, - написал он Джозефу. В

двадцать девять лет он разочаровался. Почести утомляли его, слава была бесцветной, чувства умерли, люди не интересовали. Он должен вернуться во Францию и удалиться в деревню. Но он не мог сразу покинуть свой пост, и по прошествии недель безрассудство сменилось унынием. Если его жена была неверной, почему он должен быть верным? С этого времени исключительное влияние Джозефины было нарушено. Мужчина, который ради нее отверг всех женщин, открыто разъезжал по улицам Каира с хорошенькой маленькой мадам, мужа которой внезапно отправили во Францию. Слава любви навсегда ушла от Бонапарта, и бедная Жозефина потеряла самую редкую драгоценность в своей жизни. Возможно, самым печальным из всего этого было то, что она никогда не осознавала, чем обладала, никогда не осознавала своей потери.

Неизвестно, насколько Жозефина знала о перемене чувств своего мужа к ней. Существует письмо, якобы принадлежащее ей, написанное в это время в ответ на обвинения, выдвинутые Наполеоном из Египта, в котором она отвергает обвинения с добродетельным негодованием и приписывает их своим врагам, предположительно Бонапартам:

Невозможно ли, генерал (пишет она), чтобы письмо, которое я только что получил, исходило от вас? Я едва могу поверить в это, когда сравниваю это письмо с другими, лежащими сейчас передо мной, которым ваша любовь придает столько очарования! Мои глаза, действительно, убедили бы меня, что эти строки были начертаны вашей рукой; но мое сердце отказывается верить, что ваше письмо могло когда-либо вызвать ту смертельную муку, которую я испытываю, читая эти выражения вашего недовольства, которые огорчают меня еще больше, когда я думаю о том, сколько боли они, должно быть, причинили вам.

Я не знаю, что я такого сделал, что спровоцировало какого-то злобного врага нарушить мой покой, потревожив вас; но, несомненно, на кого-то должен повлиять мощный мотив, заставляющий постоянно возобновлять клевету на меня и придающий ей достаточную видимость вероятности, чтобы навязать ее человеку, который до сих пор считал меня достойным его привязанности и доверия. Эти два чувства необходимы для моего счастья, и если они так скоро покинут меня, я могу только сожалеть о том, что мне когда-либо посчастливилось обладать ими или знать вас

Вместо того чтобы слушать клеветников, которые по причинам, которые я не могу объяснить, стремятся помешать нашему счастью, почему бы вам не заставить их замолчать, перечислив те блага, которые вы оказали женщине, сердце которой никогда нельзя было упрекнуть в неблагодарности? Знание того, что вы сделали для моих детей, остановило бы злобу этих клеветников, ибо тогда они увидели бы, что сильнейшее звено моей привязанности к вам зависит от моего материнского характера. Ваше последующее поведение, вызвавшее восхищение всей Европы, не могло иметь иного эффекта, кроме как заставить меня боготворить мужа, который подал мне руку, когда я была бедна и несчастна. Каждый твой шаг приумножает славу имени, которое я ношу; и все же именно этот момент был выбран для того, чтобы убедить тебя, что я больше не люблю тебя! Несомненно, ничто не может быть более порочным и абсурдным, чем поведение тех, кто находится рядом с вами и завидует вашему явному превосходству!

Да, я все еще люблю тебя, и не менее нежно, чем когда-либо. Те, кто утверждает обратное, знают, что говорят неправду. Именно этим людям я часто писал, чтобы узнать о вас и порекомендовать им утешить вас своей дружбой в отсутствие той, кто является вашим лучшим и вернейшим другом.

И все же, как вели себя люди, которым вы доверяете и на основании чьих показаний у вас сложилось столь несправедливое мнение обо мне? Они скрывают от вас все обстоятельства, рассчитанные на то, чтобы облегчить боль нашей разлуки, и они стремятся заронить в ваш разум подозрения, чтобы изгнать вас из страны, которой они недовольны. Их цель - сделать тебя несчастным. Я вижу это ясно, хотя ты слеп к их вероломным намерениям. Не будучи больше равным им, вы стали их врагом, и каждая ваша победа - это новая почва для зависти и ненависти.

Мне известны их интриги, и я презираю мстить за себя, называя имена людей, которых я презираю, но чья доблесть и таланты могут пригодиться вам в великом предприятии, которое вы так благосклонно начали. Когда ты вернешься, я разоблачу этих врагов твоей славы — но нет; счастье снова видеть тебя изгладит из моей памяти те страдания, которые они пытаются причинить мне, и я буду думать только о том, что они сделали для успеха твоих проектов.

Я признаю, что вижу много людей; ибо каждый стремится похвалить меня за ваш успех, и, признаюсь, у меня нет решимости закрывать дверь перед теми, кто говорит о вас. Я также признаюсь, что большая часть моих посетителей - джентльмены. Мужчины понимают ваши смелые проекты лучше, чем женщины, и они с энтузиазмом говорят о ваших славных достижениях, в то время как мои подруги жалуются только на то, что вы увели их мужей, братьев или отцов. Я не получаю удовольствия от их общества, если они не хвалят вас; и все же среди них есть такие, чьи сердца и понимание заслуживают моего высочайшего уважения, потому что они питают к вам искреннюю дружбу. В этом ряду я могу выделить мадам д'Эгийон, Тальена и мою тетю. Они почти постоянно со мной, и они могут сказать вам, каким бы неблагодарным вы ни были, кокетничала ли я *со всеми*. Это ваши слова, и они были бы ненавистны мне, если бы я не был уверен, что вы отречлись от них и сожалеете о том, что написали их....

Иногда я получаю здесь почести, которые вызывают у меня немалую степень смущения. Я не привык к подобному почтению, и я вижу, что это неприятно нашим властям, которые всегда подозрительны и боятся потерять свою недавно обретенную власть. Не обращайтесь на них внимания, скажете вы; и я не должен был бы, но я знаю, что они попытаются причинить вам вред, и я не могу вынести мысли о том, чтобы каким-либо образом способствовать возникновению тех чувств вражды, которые в достаточной степени объясняются вашими победами. Если они завидуют сейчас, какими они будут, когда ты вернешься, увенчанный свежими лаврами? Бог знает, до каких пределов доведет их злоба! Но ты будешь здесь, и тогда ничто не сможет меня разозлить....

Что касается меня, то все мое время уходит на то, чтобы писать вам, выслушивать ваши похвалы, читать дневники, в которых ваше имя встречается на каждой странице, думать о вас, с нетерпением ждать того времени, когда я смогу видеть вас ежечасно, жаловаться на ваше отсутствие и страстно желать вашего возвращения; и когда моя задача выполнена, я начинаю ее заново. Являются ли все это доказательствами безразличия? Вы никогда не получите от меня ничего другого, и если я не получу от вас ничего худшего, у меня не будет особых причин жаловаться, несмотря на злонамеренные истории, которые я слышу о *некой леди*, к которой вы, как говорят, проявляете живой интерес. Но почему я должен сомневаться в тебе? Ты уверяешь меня, что любишь меня, и, судя по твоему сердцу по моему собственному, я верю тебе.

Жозефина, похоже, не сомневалась в своей способности умиловить Наполеона по его возвращении. Однако она не рассчитывала, что его братья увидят его раньше нее; но так получилось. Бонапарт, стремясь произвести эффект, неожиданно высадился во Франции 6 октября 1799 года. Братья Бонапарт, как только услышали о его прибытии, поспешили на юг, не уведомив об этом Жозефину, которая впервые узнала о его приезде, когда ужинала в ресторане 10 октября. Она сразу же отправилась ему навстречу, но выбрала неверный маршрут. Вернувшись в Париж одна, она обнаружила, что ее муж приехал домой на двенадцать часов раньше нее.

Поспешив в маленький дом на улице Вектуар - улице, которая недавно сменила название в честь него; и в дом, в котором она впервые приняла его, который он купил впоследствии из-за связанных с ним связей и который, как он заявил после разочарования в Египте, он всегда будет хранить, — Жозефина нашла Наполеона запертым в его комнате. Джозеф и Люсьен воспользовались предоставленной им возможностью и вырвали у него обещание больше не видеться с женой, чтобы добиться развода. Бросившись на колени перед дверью, Жозефина плакала и умоляла в течение нескольких часов, пока дверь не открылась; а затем с помощью Гортензии и Эжена она попросила прощения. Власть, которую она все еще имела над этим человеком, была слишком велика, чтобы он мог долго сопротивляться. На следующее утро, когда братья Бонапарт позвонили, они застали семью в полном согласии.

Насколько полным было примирение, они поняли, когда увидели, что Наполеон выплатил 200 000 и более долларов, причитающихся в Мальмезоне, и погасил долги слугам, торговцам, ювелирам, поставщикам провизии, флористам, ливрейщикам, фактически всем, кого Жозефина подрядила направо и налево в его отсутствие. Он не только оплатил ее обязательства, лишь поморщившись, но и искренне поддержал ее

планы по ремонту и украшению их нового дома. Эти двое постоянно появлялись вместе на публике, где их очевидное счастье, так близко подошедшее к слухам о разводе, вызывало бесконечные сплетни.

ГЛАВА IV

БОНАПАРТ СТАНОВИТСЯ ПЕРВЫМ КОНСУЛОМ—ТАКТ ЖОЗЕФИНЫ В ОБЩЕСТВЕННОЙ ЖИЗНИ— ЕЕ ЛИЧНОЕ ОБАЯНИЕ—МАЛЬМЕЗОН

Жозефина полностью осознала, что если ее победа над зятями была полной, то она могла продолжаться только при ее собственном хорошем поведении — что, если она когда-нибудь снова даст им повод жаловаться на ее поведение, ей, вероятно, придется понести полное наказание за свой проступок. Она, должно быть, тоже поняла, что верховной власти, которую она когда-то имела над Наполеоном, пришел конец, что он прекрасно может обойтись и без нее. Всепоглощающая страсть итальянской кампании превратилась в комфортную, неискоренимую привязанность, которая была бы ей так желанна в 1796 году. Она хорошо знала, что перемены, пусть и более мирные, таили в себе опасности. Это означало, что если она удержит его сейчас, она не только должна быть безупречной в своей жизни, но и должна своей преданностью укреплять его привязанность, развлекать его, поддерживать его в его честолюбии; теперь она должна быть поклонницей. У нее не было сомнений в том, что он того стоил. Если бы это когда-либо было, удивительный энтузиазм людей по его возвращении из Египта рассеял бы сомнения. Ее курс был очевиден, и она немедленно приняла его и отнеслась к нему с большей серьезностью, чем когда-либо к чему-либо прежде в своей жизни. Действительно, единственная серьезная цель, которой последовательно следовала Жозефина в жизни, — это принятое после египетской кампании решение, бессознательно, без сомнения, сохранить то, что осталось у нее от привязанности Наполеона, сделать себя необходимой ему.

Очень скоро представилась возможность показать ему, насколько полезной она может быть в его карьере. *Государственный переворот* 18-го и 19-го Брюмера (9 и 10 ноября 1799 г.) привел к тому, что Наполеон был назначен первым консулом в новом правительстве, пришедшем на смену Директории. Бонапарты сразу же переехали жить в Люксембургский дворец и оставались там до февраля, когда Тюильри был превращен в Дом правительства. Как Первая леди Страны, Джозефина находилась в положении, когда она могла бесконечно навредить или помочь своему мужу. Любое легкомыслие, своеволие или злоба в управлении толпами людей, которые она видела изо дня в день, были бы фатальными как для нее, так и для Наполеона. Такт, который она проявила с самого начала, сыграв хозяйку Франции, был изысканным. То, что женщина, которая в течение тридцати семи лет была игрушкой судьбы, которая не проявила никаких моральных принципов или высокой цели в преодолении жизненных кризисов, чьей главной целью всегда было удовольствие, и чьим единственным оружием были ее мягкий нрав и слезы, должна руководить официальным обществом недавно сформированного правительства и не только не совершать ошибок, но с каждым днем все теснее сплачивать несогласованные элементы этого общества, является одним из чудес женской интуиции и приспособляемости.

Несомненно, что в отношении Джозефины ее совершенная доброта лежала в основе такта. У нее не было злого умысла, она предпочитала видеть даже своих врагов

счастливыми, а не несчастными, и хотя она могла плакать и жаловаться на их недоброжелательность, если бы у нее была возможность, она оказала бы им услугу. Ее доброта произвела впечатление на всех. Самые недовольные, проведя несколько минут с женой Первого консула, уходили успокоенные, если не удовлетворенные; и повторный визит обычно их удовлетворял. Она льстила грубым солдатам, когда Наполеон, всегда стремившийся проявить внимание к армии, представил их ей, благодаря ее знанию их подвигов. Она смягчила подозрения радикальных республиканцев своей демонстрацией *санкюлотства* и своим знакомством с членами жирондистского и террористического правительств. Она пробудила надежду среди аристократов, что обеспечит им благосклонность правительства — разве она не была одной из них? Разве ее первый муж не был виконтом и жертвой гильотины. Она действительно хотела, чтобы все были довольны, и своим простым дружелюбием она была настолько близка, насколько это вообще возможно для человека, к тому, чтобы понравиться всем.

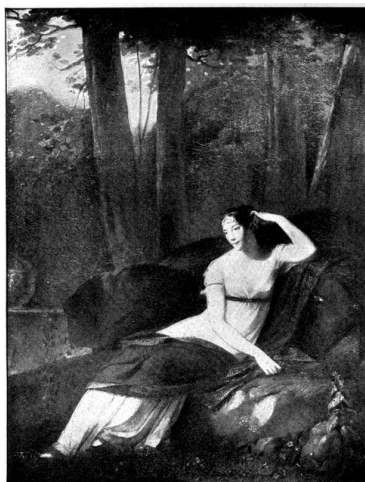
Она также была мудра в своих отношениях с людьми. Она никогда не притворялась, что разбирается в политике — это было делом Наполеона; но если бы она могла оказать им услугу, она бы сделала это; и сразу же написала записку или взяла свой экипаж, чтобы лично заступиться за них. Если ей отказывали, она с большим трудом объясняла причину; если ей это удавалось, она радовалась, как ребенок. Сотни ее записочек с просьбами об одолжении можно увидеть в коллекциях Европы. Наполеон предоставил ей полную свободу действий в этом вопросе, поскольку ценил, насколько чисто ее вдохновляла добрая воля, а не какое-либо желание вмешиваться в политику. Он также понял, как ценно для Первого консула иметь кого-то, у кого всегда найдется друг, независимо от того, добьется она благосклонности или нет.

Несомненно, во многом влияние Жозефины было обусловлено ее личным обаянием. Она никогда не была строго красивой женщиной, но ее грация была такой изысканной, ее туалет таким совершенным, выражение лица таким обаятельным, что недостатки были забыты в восхищении ее личностью. Мадам де Ремюза, описывая Жозефину, говорит, что, не будучи красавицей, она обладала особым шармом. Черты ее лица были тонкими и гармоничными; выражение лица — приятным; маленький рот умело скрывал плохие зубы; довольно смуглый цвет лица подчеркивали румяна и пудра; ее фигура была совершенной, конечности — гибкими и изящными, и каждое движение ее тела было легким. “Я никогда не знала никого, — пишет г-жа де Ремюза, — к кому можно было бы более уместно применить стихи Лафонтена *”И грация, и красавица на бис, и красота“*.”

Одним из величайших обаяний Жозефины был ее голос: мягкий, хорошо поставленный и очень музыкальный; он всегда приводил Наполеона в особое очарование. Она была превосходной читательницей и, казалось, никогда не уставала читать вслух. В интимной обстановке их апартаментов она проводила много времени, читая Наполеону вслух, и часто, когда он не мог уснуть после тяжелого дня, она сидела с книгой у его кровати, пока он не засыпал. Многие из тех, кто слышал, как она читала, говорили, что очарование ее голоса было таково, что человек полностью забывал, о чем она говорит, и просто слушал музыку звука.

Констант говорит, описывая Жозефину: “Она была среднего роста и на редкость совершенной фигуры; ее движения были гибкими и легкими, что придавало ее походке сказочное очарование, не мешая при этом придавать ей некое величие, присущее монархине; ее лицо менялось с каждой мыслью ее души и никогда не теряло своей очаровательной прелести; как в радости, так и в печали, на нее всегда было приятно смотреть. Никогда не было женщины, которая лучше нее доказывала бы, что ‘глаза — зеркало души’; у нее были темно-синие глаза, почти всегда полуприкрытые длинными, слегка изогнутыми веками, окаймленными самыми красивыми ресницами в мире. У нее

были очень красивые волосы, длинные и мягкие; она любила повязывать их по утрам красным мадрасским платком, который придавал ей креольский вид, что было очень пикантно”.

ЖОЗЕФИНА В МАЛЬМЕЗОНЕ.

Автор Прудон. Этот очаровательный портрет, являющийся одной из самых успешных работ Прудона, а также одним из самых грациозных и точных подобию Жозефины, несомненно, был выполнен в то же время, что и картина Изаби, изображающая Наполеона, одинокого мечтателя, бродящего по длинным аллеям Мальмезона (1798). (См. стр. [88](#).) Прудон показывает нам Жозефину в саду замка, который она так любила и в котором провела самые счастливые моменты своей жизни, прежде чем найти там последнее убежище от своего горя и отчаяния. Императрица представляет собой портрет в полный рост, повернутый влево; она сидит на каменной скамье среди парковых рощ в задумчивой позе и одета в белое *платье с декольте*, расшитое золотом. Вокруг нее накинута малиновая шаль. —А. Д.

Жозефина с самого начала консульства проявила свою мудрость, уступив пожеланиям Наполеона относительно того, кого она должна принять. Представления Первого консула об официальном обществе были строгими и зрелыми. Не следует допускать никого, кто не поддерживал бы его правительство. По крайней мере, если они критиковали, то должны делать это тихо. Армия должна быть почитаема там в первую очередь. Республиканцев, конечно, нужно заставить почувствовать, что это их общество. Аристократов следовало поощрять, насколько это было возможно, не вызывая тревоги у людей. На самом деле он стремился к слиянию всех элементов, но никто не осмеливался упомянуть об этом факте. Интуиция Жозефины, похоже, почти безошибочно вела ее через трудную задачу - оказывать каждому нужное количество поддержки и внимания.

Прежде всего, в этом новом обществе не должно быть нарушений, скандалов. Правительство должно быть респектабельным. Здесь не должно быть ни спекулянтов, ни подрядчиков, ни факиров, ни каких-либо безнравственных личностей; только честные люди, и они должны вести себя прилично. В консульстве должны были царить порядок, порядочность и достоинство. Больше никаких импровизированных ужинов для Жозефины, никаких ужинов с Баррасом и мадам. Тальен и им подобными, никаких прогулок при луне в саду Мальмезона. "*Жизнь Богемы*" закончилась, и ей хватило мудрости принять ситуацию и извлечь из нее максимум пользы.

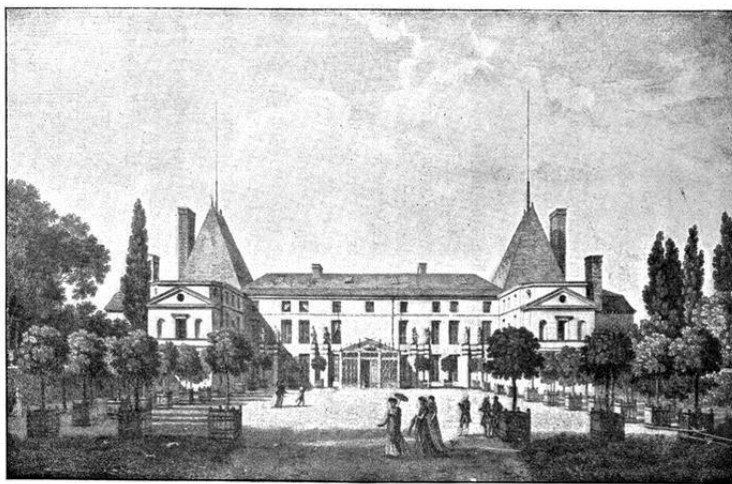
В течение почти двух лет развлечения, которыми руководила Жозефина в качестве жены Первого консула, были очень простыми. Были балы, парады и праздники, но они

проводились как торжественные мероприятия в большом частном доме, где соблюдается только необходимый этикет для обеспечения порядка и уюта. Это был республиканский суд, который проводился в Тюильри и Мальмезоне, поскольку загородный дом Бонапартов превратился почти в официальную резиденцию, так много они проводили там времени и так много приезжало гостей. Это место очень понравилось Жозефине. Она перестраивала замок и заново разбивала сады, и при этом полностью потакала своим прихотям. У нее должна быть новая столовая, достаточно большая, чтобы при необходимости вместить большую дипломатическую компанию. Там должны быть новая бильярдная, новая библиотека, новые частные апартаменты, больше места для гостей и слуг, больше конюшни. Но перестроить старый дом таким замысловатым способом было непростой задачей, особенно когда владелец каждый месяц расширял и менял свои планы. Архитекторы предупредили Бонапарта, что снести старый замок обойдется дешевле, чем перестраивать, но работа шла полным ходом, и она должна продолжаться. Через полтора года после начала ремонта, еще до того, как что-либо было завершено, были отправлены счета — 120 000 долларов уже были потрачены. “На что?” — спросил разъяренный Первый консул. Как бы он ни протестовал, работа должна была продолжаться. В течение многих лет Мальмезон был предметом постоянных расходов — Жозефина никогда не была довольна, постоянно расширялась и менялась. В конце концов, замок был почти вдвое больше первоначального размера, но его внешний вид никогда не отличался по-настоящему. Интерьер, однако, был наиболее интересен из-за огромного количества редких и красивых предметов искусства, которые в нем находились и которые, по большей части, Жозефина либо получила в подарок, либо привезла из Италии. Там была чудесная каминная доска из белого мрамора, украшенная мозаикой, подаренная ей папой римским, и стояли берлинские вазы от короля Пруссии. Здесь были редкие образцы древних и современных работ всех итальянских художников, скульпторов, гончаров, металлистов, а также картины всех великих французских художников того времени, среди них множество портретов Наполеона — в Египте, в Италии, при переходе через Альпы.

Парк и огороды Мальмезона интересовали Жозефину даже больше, чем замок. Она страстно любила цветы и сразу же взялась разводить в Мальмезоне сад редких растений, подобный тому, который Мария-Антуанетта завела в Малом Трианоне. Вскоре, по предложению профессиональных ботаников, которых она пригласила помочь ей в сборе растений, это место превратилось в настоящий Ботанический сад. Она собиралась со всего мира, и ее прихоти становились известны, послы, купцы и путешественники, иностранцы и французы, прилагали все усилия, чтобы угодить ей. В конце концов, благодаря умелым садовникам, которых она наняла, ее растения приобрели большую общественную ценность и интерес. Массон говорит, что между 1804 и 1814 годами 184 новых вида растений попали в страну через сад Жозефины. Впервые она вырастила эвкалипт, гибискус, катальпу и камелию, не говоря уже о многих разновидностях вереска, мирта, герани, кактуса и рододендрона.

Когда она впервые стала владелицей Мальмезона, земля была покрыта парком или виноградниками, и там было несколько длинных аллей с прекрасными деревьями. Здесь не было сложного английского садоводства, которое было тогда в моде. Жозефине ничего другого не хотелось. Так были уничтожены прекрасные аллеи и газоны, а их место заняли группы кустарников, длинные ряды живых изгородей, ручей, озера, извилистые тропинки, швейцарская деревня, храм любви, гроты, каскад — бесконечное разнообразие искусственных и сентиментальных приспособлений. Чтобы украсить этот парк Мальмезона по вкусу Жозефины, правительство передало ей десятки бронзовых и мраморных бюстов, ваз, колонн и статуй, некоторые из которых представляют огромную ценность.

Одной из любопытных и забавных особенностей парка были обитавшие в нем животные. Жозефина любила домашних животных не меньше, чем цветы. У нее всегда была одна или несколько собак, с которыми она никогда не расставалась — даже Наполеон не мог заставить ее отказаться от них, как бы он их ни ненавидел. В Мальмезоне она дала волю своим желаниям. Птицы были ее главным удовольствием, и она покупала их десятками. За три года ее счет за птиц у одного дилера превысил 4500 долларов. Озера были полны лебедей, черных и белых, и уток из Америки и Китая; в парках водились кенгуру, олени, газели, серны; повсюду водились обезьяны; и не было конца дрессированным домашним животным всех видов — обычно подаркам. Ни одно из этих животных не имело никакого практического применения; конечно, там было стадо ценных овец, но их держали просто как украшение определенного поля, а пастухов, которые их охраняли, привезли в их местных костюмах из Швейцарии.

MALMAISON.

Интерес Жозефины к своему саду, цветам и животным был выше, чем у простого расточителя, который покупает ради покупки и теряет интерес к обладанию. Одним из удовольствий ее жизни в Мальмезоне было ежедневное посещение своих животных, к каждому из которых она проявляла живейший интерес. Она внимательно следила за своими цветами и получала огромное удовольствие, раздавая их. Сегодня во многих садах Франции растут растения, которые, как говорят, были выращены из черенков, присланных Жозефиной какому-то умершему предку.

В течение первых двух лет консульства, несмотря на все происходящие перемены, Мальмезон был источником блестящей жизни. Здесь, когда весть о Маренго достигла Парижа, Жозефина раскинула палатки и устроила большой праздник в честь победы; здесь собрались все художники, писатели и музыканты того времени; сюда съехались выдающиеся путешественники. Во всех развлечениях была большая простота, и когда присутствовал только личный круг консула, происходило многое, что напоминало резвость, причем Бонапарт и Жозефина лидировали в играх.

Любимым развлечением были частные театральные представления. Бонапарт очень любил драму, тщательно изучал ее в течение многих лет и уделял большое внимание представлениям в Мальмезоне. Небольшая труппа там была очень хорошей: Гортензия де Богарне и Бурьен, секретарь Бонапарта, были актерами более чем обычных способностей. О том, с какой тщательностью готовилось представление, свидетельствует тот факт, что сам Тальма обычно приходил на репетиции, чтобы покритиковать. Театральные

представления заняли такое место в жизни Мальмезона, что в конце концов был построен маленький театр . Он вмещал около 200 человек и соединялся с салонами замка длинной галереей.

В Тюильри Бонапарты находились в Доме правительства; в Мальмезоне они были как дома, и нигде они не были так веселы, так заняты и так счастливы вместе. Несомненно, за эти два года Жозефина превосходно преуспела в достижении своей цели - исправить зло, которое она причинила своими прошлыми неосторожными поступками. Не только ее такт в обществе и его ценность для него покорили Наполеона. Дело было в том, что она была для него непрестанной радостью и утешением. Она подчинилась его воле беспрекословно и охотно, и эта уступчивость была тем более желанной, что его собственная семья постоянно выступала против его желаний. Она всегда была под рукой, готовая прогуляться, сесть за руль, поехать с ним куда угодно. Она была неутомима в своих усилиях угодить людям, которым он хотел доставить удовольствие, успешно выполнять обременительные функции официальной жизни, обеспечивать развлечения, которые ему нравились. Она изучала его вкусы и предвидела его желания. Она старалась угодить ему в малейших деталях. Наполеону нравилось видеть ее в белом, поэтому она так часто не надевала другого платья. Ему нравилось слушать, как она читает, и, как бы она ни устала, она могла часами сидеть у его постели, если он хотел, и читать без жалоб. Неудивительно, что с течением недель Жозефина становилась все дороже и дороже Наполеону или что она, видя свою хватку, тщательно следила за тем, чтобы ничто не ослабляло ее.

ГЛАВА V

ВОПРОС О ПРЕСТОЛОНАСЛЕДИИ—БРАК ГОРТЕНЗИИ—ЖОЗЕФИНЫ, ИМПЕРАТРИЦЫ ФРАНЦУЗСКОГО НАРОДА—КОРОНАЦИЯ

Т Первая реальная угроза положению Джозефины возникла в политическом вопросе. Чтобы придать новому правительству видимость стабильности, было предложено предоставить первому консулу право назначать преемника. Но если бы у Наполеона было это право, разве он не пожелал бы иметь сына, которому мог бы передать его, разве он не пожелал бы учредить наследственную должность? Жозефина не подарила ему детей. Ему был всего тридцать один год; не мог ли он, несмотря на всю свою привязанность, развестись с ней ради этого престолонаследия, которое, по его словам, было необходимо для будущего консульства? Жозефина обратила всю свою силу обождения на Наполеона. “Не делай себя королем”, - умоляла она; и когда он рассмеялся над ней и сказал, что закрепление за собой права назначать преемника в консульстве было ничем подобным — всего лишь уловкой, чтобы предотвратить свержение правительства в случае его отсутствия во главе армии или в случае его внезапной смерти, она не была убеждена. Она действительно заговорила о целесообразности возвращения бурбонов и назвала себя роялисткой.

Однако решение Наполеона было принято. Он должен назначить преемника, и это должен быть кто-то из его собственной семьи. Но который? Жозеф не разбирался в делах. С Люсьеном он поссорился. Но был Луи, у которого не было ни одного из недостатков своих братьев и были все их хорошие качества. Луи должен был быть таким. Знание того, что Наполеон, несомненно, благоволил Людовику как своему преемнику, побудило Жозефину устроить брак между ним и своей дочерью Гортензией.

В то время, в 1800 году, Гортензии было семнадцать лет, хотя исключительные переживания ее детства придали ей вдумчивость, значительно превосходящую ее возраст. Ей было всего десять лет, когда ее мать, чтобы не вызвать подозрений в ее патриотизме из-за того, что она воспитывала своих детей в праздности, отдала ее в ученицы к портнихе. Ей было всего одиннадцать лет, когда ее родители были заключены в тюрьму, и тогда, переодевшись детьми рабочих, они с Эженом часто посещали лес Карм и не раз ходили вместе умолять власть имущих сохранить жизнь их отцу и матери. После революции Гортензию поместили в дом мадам . Школа Кампан в Сен-Жермене - школа, созданная для того, чтобы дать молодым девушкам из высшего класса, чьи родители были рассеяны или гильотинированы во время революции, возможность узнать обычаи и изящество того общества, которое так долго пытались искоренить патриоты. На Мадам. Кампан, а Гортензия проявили себя ее нежностью и ее добротой, расторопностью, с которой она узнала все, что учил, и ее энтузиазм и идеалы. Она покинула школу совершенно очаровательной и образованной девушкой, чтобы присоединиться к своей матери, ныне жене Первого консула. Она обладала всеми прелестями личности Джозефины, ее грацией и гибкостью, ее красивой фигурой, ее интересным и подвижным лицом; но она была более жизнерадостной, чем Джозефина, и более умной. Что касается ее достижений, то их было много. Она играла на фортепиано и арфе и хорошо пела. Ее рисунок и вышивка

были не плохими, как показывают многие сохранившиеся образцы. Она танцевала с изысканной грацией; даже в то время у нее были литературные устремления, и она была звездой труппы, которая поставила так много пьес в малом театре Мальмезона.

Гортензия была любимицей Наполеона. Он полюбил ее первой, потому что она была дочерью Жозефины. После того как она бросила школу и постоянно занималась домашним хозяйством, он все больше и больше привязывался к ней, все больше и больше беспокоился о ее счастье. Гортензия, хотя и не переставала бояться Наполеона, любила его с энтузиазмом юной девушки по отношению к герою-победителю. Кажется, она никогда не подвергала сомнению его волю — никогда не сомневалась в его привязанности к ней.

Брак Гортензии, конечно, был важным вопросом для Бонапартов, и рассматривались различные претенденты. Сама девушка не была амбициозной. Ни богатство, ни положение в обществе не мешали ей принимать решения. По ее словам, она хотела выйти замуж по любви. Одно время она испытывала сильные чувства к Дюроку, и Наполеон решительно одобрял этот брак. Дюрок был из хорошей семьи и храбрым солдатом, и Гортензия любила его; что может быть лучше? Жозефина воспротивилась этому. Она отдала свое сердце Луи Бонапарту, несмотря на то, что Гортензия испытывала к молодому человеку нечто вроде антипатии. Сам Луи поначалу не одобрял этот брак. Он перенял от своей матери и братьев идею о том, что Богарне были естественными врагами Бонапартов, и брак с Гортензией, по их общему мнению, был бы предательством. Однако в сентябре 1801 года, когда Луи вернулся в Париж после нескольких месяцев отсутствия и увидел Гортензию на балу, он был настолько впечатлен ее очарованием, что сразу же уступил желанию Жозефины и попросил ее руки. Наполеон согласился с немного жалею; Гортензия повиновался, как долг, призывают к этому, как она была одновременно матерью и Мадам. Капано. Свадьба состоялась в начале января 1802 года. Это была победа Жозефины над Бонапартами, так говорили ее друзья, и Бонапартам было горько. Но, увы, это была победа, за которую Гортензия поплатилась. К концу года стало очевидно, что мадам Дж. Луи Бонапарт была очень несчастна; ее муж был ревнивым и требовательным и постоянно пытался настроить ее против матери в семейной вражде. Даже рождение сына в октябре не заставило его надолго замолчать, хотя для Наполеона и Жозефины появление маленького Наполеона-Шарля, как его называли, было невыразимой радостью. Для Жозефины ребенок был новой опорой в ее положении, новой причиной, по которой можно было установить престолонаследие, не разводясь с ней и не вступая в повторный брак. Это тоже было наследство по ее линии, поскольку это был ребенок ее дочери.

Сам Наполеон вскоре стал более предан ребенку, чем когда-либо был его отец. В некотором смысле его собственное горячее желание отцовства было удовлетворено присутствием ребенка, которого он держал при себе столько, сколько мог, катая его на спине, наступая ему на ногу, катаясь с ним по полу, лежа рядом с ним ночью, пока он не уснет, — трогательное доказательство страсти этого необыкновенного человека обладать любовью, которая была верной и бескорыстной. По мере того как шло время и вопрос о престолонаследии был вынесен на рассмотрение сената, борьба между братьями за то, как следует регулировать наследование, достигла своего апогея. Наполеон решил усыновить ребенка Гортензии и сделать его своим наследником. Жозеф, Люсьен и сам Людовик отказались отказаться от того, что они называли своими правами, и у каждого были важные сторонники в его положении. Люсьен в этой борьбе полностью порвал с Наполеоном.

Но если вопрос о престолонаследии должен был быть решен к удовлетворению Жозефины, то были и другие вопросы, которые беспокоили ее в начале жизненного

консульства. Главным из них было то, что Наполеон настоял на том, чтобы уехать из Мальмезона в Сен-Клу. Интерес Жозефины к прежнему месту жительства был так велик, ее жизнь там была такой счастливой, что она яростно выступала против любых перемен. Сент-Клауд был слишком велик; в нем слишком сильно отдавало королевской властью, мысль о которой вызывала у нее такую смутную тревогу; ассоциации с ним были слишком печальными. Но ее сопротивление ни к чему не привело. Бонапарт чувствовал, что необходима резиденция большего размера. Мальмезон был частным домом, Сен-Клу принадлежал государству, и он, как глава государства, желал занять его дворцы. Как только они захватили Сен-Клу, весь образ их жизни изменился; простые, неформальные обычаи Мальмезона были отброшены в сторону, и был принят строгий этикет. Есть управляющий дворцом, есть дворцовые префекты, есть дворцовые дамы. Жозефина и Наполеон больше не принимают всех домочадцев за своим столом, а едят в одиночестве, приглашая два или три раза в неделю тех, кого они хотели бы особенно выделить. У леди и джентльменов, принадлежащих ко дворцу, есть свои столики, совершенно отдельно друг от друга. К Сен-Клу примыкает военный особняк с четырьмя генералами и многочисленной охраной - изысканной свитой, которая сопровождает первого консула, когда он выезжает. Каждое воскресенье огромная толпа высокопоставленных лиц — сенаторов, кардиналов, епископов, послов, всех известных людей Парижа — стекается на приемы Первого консула. Засвидетельствовав ему свое почтение, они проходят в апартаменты мадам Бонапарт. Это бывшие апартаменты Марии-Антуанетты, и саму королеву не принимали с большим почетом, чем жену Первого консула. То же самое происходит и на службах в часовне, которые проводятся каждое воскресенье и которые, по настоянию Бонапарта, должны посещать все. В театре паласа, где до сих пор повторяются маленькие пьесы, которыми они так наслаждались в Мальмезоне, наблюдается такое же ужесточение этикета. Жозефина и Бонапарт больше не сидят со своими друзьями, а занимают ложу отдельно; и когда они входят, все собрание встает и отдает честь. Люди тоже присутствуют там по приглашению, и никто не притворяется, что аплодирует, если только Первый консул не подаст соответствующего сигнала.

День за днем Жозефина оплакивала этот новый отъезд; и когда до нее донеслись враждебные замечания и насмешки, она воспротивилась переменам. Ее протесты были бесполезны: “Жозефина, ты утомительна, ты ничего не понимаешь в этих вещах”, — наконец сказал ей Наполеон, и Фуше, ее друг, наконец заставил ее замолчать своим циничным советом. “Успокойтесь, мадам; вы напрасно раздражаете своего мужа. Он будет пожизненным консулом, королем или императором, кем угодно. Ваши страхи беспокоят его; ваш совет ранил бы его. Занимай свое надлежащее место и позволяй событиям, которые ни ты, ни я не знаем, как предотвратить, свершиться”.

Она действительно согласилась и встала на свою сторону. Если это правда, что Наполеон собирался провозгласить себя императором, она должна, прежде всего, вести себя так, чтобы он предпочел ее на троне рядом с собой всему миру. По мере того как шли недели и становилось очевидно, что вскоре будет провозглашена Империя, Жозефина все больше нуждалась в осмотрительности. Семья Бонапартов снова поставила перед собой задачу не допустить перехода престола к Богарне. Жозефина должна быть разведена, говорили они; Эжена, к которому Наполеон был очень привязан, следует отослать вместе с его матерью. Что касается его усыновления маленького Наполеона-Шарля, ребенка Гортензии, то ни Жозеф, ни Луи, отец, и слышать об этом не хотели. “Почему я должен уступать своему сыну часть вашего наследства?” - сказал Луи своему брату. “Что я такого сделал, что меня лишили наследства? Каково будет мое место, когда этот ребенок станет твоим и окажется в положении, намного превосходящем мое, независимым от меня, выше меня по званию, смотрящим на меня с подозрением и, возможно, с презрением? Нет, я никогда не соглашусь на это, и вместо того, чтобы склонить голову перед моим

сыном, я покину Францию; я заберу Наполеона с собой, и мы посмотрим, осмелишься ли ты украсть ребенка у его отца”.

Сестры Наполеона, особенно Каролина, мадам. Мюрат, были не менее полны решимости, чем братья, извлечь все возможные выгоды из его славы. В своем рвении они проявили такую зависть и горечь, что Наполеон испытал глубокое отвращение и не дал им никакого удовлетворения относительно своих намерений. Он даже приложил некоторые усилия, чтобы подразнить их. Однажды, когда семья была вместе и он играл с маленьким Наполеоном, он сказал: “Знаешь ли ты, малыш, что тебе грозит стать королем в один прекрасный день?”

“А Ахилл? - Воскликнул Мюрат, имея в виду своего собственного сына.

“О, Ахилл будет хорошим солдатом”, - смеясь, ответил Наполеон и, увидев мрачные взгляды Каролины и Мюрата, добавил: “В любом случае, моя бедняжка, я советую тебе, если хочешь жить, не отказываться от еды, которую предлагают тебе твои кузены”.

Несмотря на все заговоры и протесты Бонапартов, Жозефина была провозглашена императрицей, и закон о престолонаследии был принят так, как это нравилось Наполеону: “Французский народ желает наследования императорского достоинства по прямой естественной или *приемной* линии происхождения от Наполеона Бонапарта и по прямой естественной, законной линии происхождения от Жозефа Бонапарта и Луи Бонапарта”. Наполеон был волен усыновить либо Эжена, либо Наполеона-Шарля и сделать его своим наследником. Закон не упоминал ни Жозефа, ни Луи в качестве наследников. Победа Джозефины в данном случае была во многом обусловлена тем фактом, что она не протестовала по поводу наследования престола и ни о чем не просила, как и всем остальным. Ее кажущаяся уверенность (на самом деле, она боялась худшего для себя) и ее щедрое удовольствие от удовлетворения, которое окружающие получали от своих новых почестей, представляли такой контраст с ревностью и придирчивостью Бонапартов, что Наполеон чувствовал себя все более и более, как он часто говорил ей во время семейных ссор: “Ты мое единственное утешение, Жозефина”. Не только Жозефина, но и Гортензия и Эжен проявили себя в течение всего этого периода мудрыми и великодушными. Двое последних, по-видимому, искренне считали, что Наполеон сделал для них больше, чем они имели право ожидать. Благодарность и бескорыстие, которые они проявляли, действительно были одним из немногих реальных удовольствий в жизни Наполеона, поскольку он, кажется, всегда верил, что они были искренними, чего он никогда не испытывал к выражениям своей собственной семьи.

К удовлетворению Жозефины, закон о престолонаследии был не только установлен, но, к ее невыразимой радости, Наполеон наконец сообщил ей, что она будет коронована одновременно с ним. В новом правительстве у нее не было политических прав, но в этой высшей церемонии она должна участвовать. И здесь, возможно, к такому решению Наполеона в конце концов привело не столько противостояние семьи, сколько любовь к Жозефине и желание связать ее с собой в этом величайшем из королевских зрелищ. Точно так же, как до провозглашения Империи Бонапарты ссорились из-за престолонаследия, теперь они изводили императора из-за своего положения и привилегий. “Можно подумать, ” раздраженно сказал он однажды Каролине, когда она упрекала его за то, что, по мнению его сестер, они не оказали им должных почестей, - что я лишил тебя наследства покойного короля, нашего отца”. Джозеф не стеснялся говорить саркастические вещи, даже на официальных собраниях, о неприличии короновать женщину, которая не дала своему мужу преемника. Наполеон терпел это некоторое время и, наконец, в яростном порыве страсти заставил его замолчать, по крайней мере, на время. Объявление о том, что Жозефина будет коронована и что шлейф ее мантии будут

нести ее невестки, вызвало еще больший переполох, но распоряжение было принято, и все, наконец, подчинились.

Однако летом и осенью 1804 года новый двор был слишком занят, чтобы уделять слишком много времени ссорам. Сам по себе вопрос ознакомления с новым кодексом этикета достаточно хорошо, чтобы не навлечь на себя насмешек тех, кто был воспитан в соответствии с придворными обычаями, был достаточно серьезным, чтобы отнять большую часть их времени и энергии. Они преуспели довольно успешно, хотя аристократы Сен-Жерменского предместья рассказывали бесконечные истории о допущенных ими ошибках, истории, которые усердно распространялись при дворах Европы. Однако их неудача произошла не из-за недостатка усилий. Джозефина и ее дамы энергично взялись за код — это было новое развлечение, и в течение нескольких недель они разучивали свои роли и репетировали так, словно готовили пьесу для постановки. Еще до коронации они освоились с придворными обычаями и были готовы с новой энергией приступить к репетициям этой церемонии.

Действительно, по меньшей мере месяц весь Париж был поглощен приготовлениями к коронации. Фонтенбло предстояло привести в порядок для приема папы. Собор Парижской Богоматери, где должна была состояться церемония, должен был быть великолепно украшен. Должны были быть предоставлены великолепные экипажи, попона для лошадей и ливреи. Для актеров должны были быть приготовлены халаты и униформа. Все декораторы, ювелиры, костюмеры, торговцы всех мастей в городе были заняты днем и ночью. Что касается самого двора, то там не было слышно ничего, кроме разговоров о предстоящем зрелище. Под руководством Великого магистра церемонии были спланированы вплоть до самых незначительных деталей, и все были заняты изучением и отработкой своей роли.

ИМПЕРАТРИЦА ЖОЗЕФИНА.

По карандашному наброску, сделанному Дэвидом в соборе Нотр-Дам во время коронации Жозефины и подаренному его сыну. Оригинал сейчас находится в Версальском музее.

К тому времени, когда папа прибыл в Фонтенбло 25 ноября, все было практически готово. Двор отправился в Фонтенбло на встречу с Его Святейшеством, и за те несколько дней, что он оставался там перед отъездом в Париж, Жозефина одержала победу, которая на время завершила ее счастье. Между ней и Наполеоном никогда не заключался религиозный брак, и хотя восстановление церкви было частью политики Наполеона с тех пор, как он пришел к власти, и хотя он настаивал на соблюдении всех ее церемоний, он всегда отказывал Жозефине в просьбе о религиозном браке. Теперь, однако, у нее появился могущественный защитник — папа римский, которому на исповеди она рассказала о своей беде. Он заявил, что не может присутствовать на коронации, если не будет заключен религиозный брак. В ночь перед коронацией Наполеон дал свое согласие, и служба прошла в Тюильри в обстановке строжайшей секретности, при этом присутствовали только два свидетеля.

2 декабря было назначено на коронацию. В Тюильри, откуда королевская свита должна была отправиться в Собор Парижской Богоматери, поднялись очень рано, так как папа должен был покинуть дворец в девять, а император и императрица - на час позже. Утро было посвящено одеванию — долгой задаче в случае Джозефины, но она оправдывала труд и мысли, затраченные на ее костюм. Никогда еще она не выглядела так прекрасно, как тогда, когда присоединилась к императору и своим фрейлинам. Наполеон был в восторге от ее внешности, а мадам де Ремюза заявила, что на вид ей не больше двадцати пяти.

Коронационное платье Жозефины было из белого атласа, искусно расшитого серебром и золотом; оно ниспадало с плеч и перехвачено поясом, усыпанным драгоценными камнями. К этому платью был прикреплен шлейф из белого бархата, расшитый золотом и серебром. Вырез был низким и квадратным, а рукава длинными. По верху рукавов был отделан золотой оборкой, которая высоко поднималась за головой. Узкий корсаж и верхняя часть рукавов были украшены бриллиантами. На ней было великолепное ожерелье из резных камней, окруженных бриллиантами, а на голове - диадема из жемчуга и бриллиантов. Ее туфли были из белого бархата, расшитого золотом; на руках у

нее были белые перчатки, вышитые золотом. Интересна стоимость частей этого костюма — платье оценивается в 2000 долларов; бархатный шлейф - в 1400 долларов; туфли - в 130 долларов.

Папская процессия покинула дворец более часа назад, когда Наполеон и Жозефина в сопровождении Жозефа и Луи Бонапартов спустились вниз и сели в великолепную парадную карету, запряженную восемью лошадьми в богатой сбруе. Поскольку борта автомобиля были полностью стеклянными, зрители могли легко любоваться великолепием вечеринки внутри. Из Тюильри процессия медленно проследовала ко дворцу архиепископа по улицам, запруженным людьми и украшенным всеми возможными приспособлениями, какие только могли предоставить мастерство и деньги. На протяжении всей процессии артиллерийские залпы с интервалами приветствовали императора. Гости вошли во дворец архиепископа, и здесь Наполеон облачился в свою коронационную мантию, а Жозефина завершила свой костюм, сменив диадему на аметистовую и прикрепив к левому плечу королевскую мантию из красного бархата, расшитую золотыми пчелами и императорской буквой N, окруженную гирляндами, отороченную горностаем. Эта мантия упала с плеч и волочилась по полу на целых два ярда.

После этих изменений туалета кортеж тронулся в путь — пажи, *кирасиры* и герольды, Великий церемониймейстер и его помощники, — маршал нес подушку, на которой лежало кольцо императрицы, другой маршал нес на подушке корону. За императрицей и ее приближенными следовал кортеж императора; первыми маршалы несли корону, скипетр и меч Карла Великого, а также кольцо и глобус, принадлежавшие Наполеону; затем император, увенчанный венком из золотых лавровых листьев, со скипетром в одной руке и жезлом—эмблемой правосудия в другой, его тяжелую королевскую мантию несли несколько принцев, за ними следовала гвардия из богато одетых декоративных особ.

При входе в собор императору и императрице была поднесена святая вода, а затем они начали свое медленное путешествие по проходу собора к главному алтарю, где проходила служба. Скипетр, корона, меч, кольцо и глобус императора были положены на алтарь, а рядом с ними - корона, кольцо и мантия императрицы. Затем папа помазал елеем голову и руки императора, и сразу после этого та же услуга была использована при помазании Жозефины. Последовала месса, во время которой папа благословил императорские украшения Наполеона и Жозефины.

По окончании этой службы император поднялся по ступеням к алтарю, на котором была возложена императорская корона, поднял ее и сам надел себе на голову; затем, взяв корону императрицы в руки, он спустился по ступенькам к тому месту, где стояла на коленях Жозефина. Жестом, одновременно таким нежным и таким гордым, что это произвело впечатление на всю великолепную аудиторию, он возложил корону на ее голову, в то время как папа произнес молитву: “Пусть Бог увенчает вас венцом славы и справедливости; пусть Он даст вам силу и мужество, чтобы через это благословение, а также через вашу собственную веру и умноженные плоды ваших добрых дел вы могли достичь короны вечного царства по милости Того, чье правление и империя простираются из века в век”.

ИМПЕРАТОР НАПОЛЕОН I. ВРУЧЕНИЕ КОРОНЫ ИМПЕРАТРИЦЕ ЖОЗЕФИНЕ, 2 декабря 1804 г.

Когда стихли последние слова молитвы, кортеж отвернулся от главного алтаря и медленно двинулся по нефу к тому месту, где был установлен трон. Наверху лестницы примерно из двадцати девяти ступеней находился большой помост, на котором для Наполеона было установлено роскошное кресло, богато украшенное вышивкой и золотыми символами. Справа от этого кресла, ступенькой ниже, стояло кресло поменьше, с похожими украшениями, для Жозефины. Император и императрица поднялись по ступенькам и сели. За ними последовал папа, который благословил их, а затем, поцеловав императора в щеку, повернулся к собравшимся и произнес слова: *“Виват императору в вечности”*. Последовали *Те Деум*, молитвы, чтение Священных Писаний, подношения; а затем, когда месса закончилась, была принесена присяга, Наполеон и Жозефина спустились вниз в сопровождении своей свиты, покинули собор и сели в свою карету. Церемония, прошедшая с момента выхода из Тюильри, заняла пять часов. Прошло еще три с половиной часа, прежде чем длинная процессия завершилась, и они снова вернулись во дворец.

В тот вечер Наполеон и Жозефина ужинали наедине, императрица надела корону по просьбе своего мужа, настолько он был доволен изяществом и достоинством, с которыми она ее несла.

ГЛАВА VI

ЭТИКЕТА, РЕГУЛИРУЮЩИЕ ЖОЗЕФИНЫ ЖИЗНИ КОРОЛЕВСКИХ ПУТЕШЕСТВИЙ—ТАКТУ ИМПЕРАТРИЦЫ—ЭКСТРАВАГАНТНОСТЬ В ОДЕЖДЕ.

Сосвященная папой римским, коронованная наполеоном, позиция жозефины казалась неприступной в глазах всего мира. Это был дом ослепительного великолепия. Маленькая креолка, чья юность прошла в сахарной лавке, которая провела месяцы в тюремной камере, которая много раз занимала деньги, чтобы заплатить за квартиру, теперь стала хозяйкой не дворца, а целых дворцов — Фонтенбло, Тюильри, Версаля, Рамбуйе. Она, которая столько лет просила милостей у чужих дверей, теперь была центром огромной машины, называемой “Домашним хозяйством”, посвященной служению ей. Там были Первый Раздаватель Милостыни, Фрейлина, Камеристка, множество придворных дам Дворца, первый камергер, Первый конюший, Личный секретарь, главный распорядитель - у каждого из них были свои сопровождающие; и, кроме них, были камердинеры, лакеи, пажи и слуги всех рангов. Ее жизнь, так долго состоявшая из бездумной свободы, теперь была регламентирована до мельчайших деталей. Апартаментов во дворце, предназначенных для ее личного пользования, было два — апартаменты чести и личные апартаменты. Перед дверью в переднюю почетных апартаментов днем и ночью стоял привратник; внутри находились четыре камердинера, два *швейцара*, два пажа (для выполнения поручений), от двенадцати до двадцати шести лакеев, готовых оказать честь входящим и выходящим гостям. В салонах, где ожидали посетителей, были другие декоративные лакеи и пажи — свита в десять раз больше, чем требовалось для обслуживания, но не слишком большая для глаза, привыкшего к придворному этикету. Именно через эту изгородь слуг проситель, льстец или друг, который сейчас увидит Джозефину, должен проложить свой путь — путь медленный, часто достигаемый только честным обращением, крепкими связями и разумными подарками. Жозефина, по натуре самая доступная из смертных, теперь была вынуждена отвергать старых друзей, потому что они не нравились Его Величеству императору. О том, что он часто был совершенно прав, свидетельствует следующее ее откровенное маленькое письмо:

“Мне жаль, мой дорогой друг, что мои желания не могут быть исполнены, как вы и другие мои старые друзья воображаете, что они могут. Вы, кажется, думаете, что если я вас не вижу, то это потому, что я вас забыл. Увы! нет, напротив, моя память более цепкая, чем я хотел бы. Чем больше я думаю о том, кто я есть, тем больше меня огорчает то, что я не могу повиноваться велениям своего сердца. Императрица Франции - самая настоящая рабыня в Империи, и она не может вернуть долг мадам де Богарне. Это делает меня несчастным, и это объясняет, почему вас нет рядом со мной; почему я не вижу мадам Тальен; почему, короче говоря, многие из моих бывших друзей были бы забыты мной, но моя память верна.

“Император, недовольный господствующей распущенностью нравов и стремящийся сдержать их развитие, желает, чтобы его дворец представлял собой пример добродетельного и религиозного поведения. Стремясь укрепить религию, которую он восстановил, и не имея права изменять законы, с которыми он дал свое согласие, он

решил исключить из Суда всех лиц, которые воспользовались законом о разводе. Он дал это обещание Папе Римскому и не может нарушить его. Только по этой причине он отказался от услуги, о которой я просил, - иметь вас при себе. Его отказ огорчает меня, но он слишком убедителен, чтобы допускать какую-либо надежду на то, что он будет отменен”.

Почетные апартаменты были предназначены для приема гостей, и передвижения Джозефины там были подробно расписаны. Костюм, который она должна была надеть, стул, на котором она должна была сидеть, ранг человека, которого следовало впустить в комнату при приеме, кто должен был объявить, кто отнести записку, кто принести стакан воды, - все это было заказано и точно выполнено. В ее личных апартаментах царила большая видимость свободы, хотя все было регламентировано кодексом, в какое время она должна выпить утреннюю чашку чая и чьей рукой это должно быть подано, кто должен впустить ее любимую собаку, каким должен быть ее утренний костюм и кто должен это организовать.

Когда императрица покинула дворец, бланки были размножены. Сопровождаемая своими фрейлинами, она прошла по ковру, расстеленному для ее прохода, через шеренгу ливрейных слуг, украшавших все покои. Перед ней шествовала младшая из двух хороших пажей, всегда ожидавших во внешней гостиной, в то время как старшая несла шлейф ее платья. Когда она проходила мимо, великолепный *швейцар* апартаментов ударил алебардой об пол, когда она проходила мимо. Ее ждал один из дюжины экипажей в ее конюшнях, запряженных обычно восемью лошадьми. Впереди, рядом и позади нее ехали слуги в роскошных ливреях, верхом или пешком; блестящее зрелище для прохожего, но утомительное для бедной Джозефины.

Не лучше было и в путешествиях, поскольку она много путешествовала, особенно в первые два года после коронации. Таким образом, весной 1805 года она сопровождала Наполеона в Милан, где он должен был короноваться королем Италии. Путешествие представляло собой длинную череду блестящих мероприятий: в Лионе — триумфальная арка, прием у императрицы, представление в театре; в Турине - лестные церемонии; на поле Маренго - имитация битвы под руководством Мюрата, Ланна и Бессьера, за которой с трона наблюдали Наполеон и Жозефина, а после маневров - закладка краеугольного камня в память о тех, кто погиб на поле боя; в Милане 26 мая - коронация Наполеона, которая состоялась 26 мая. Жозефина наблюдала с галереи собора за великолепными народными гуляниями, длившимися несколько дней; мимическим представлением на поле битвы при Кастильоне; визитами в Болонью, Модену, Парму, Женеву, Турин, сопровождавшимися самыми экстравагантными празднествами. Это путешествие длилось с 4 апреля по 18 июля, в день их возвращения в Сен-Клу, и все это время Джозефина едва ли на час освобождалась от утомительных обязанностей великой государыни.

Наполеон вернулся в Париж из Италии, чтобы готовиться к войне с Австрией, и в сентябре выступил в поход. Жозефина отправилась с ним до Страсбурга, где перевела свою семью в Императорский дворец, который был построен там для использования Наполеоном. В течение двух месяцев она оставалась в Страсбурге, в то время как Наполеон ослепил Европу кампанией, кульминацией которой 2 декабря стал Аустерлиц. В одиночестве она руководила своим двором так, как это было бы в Париже, так же великолепно и блистательно. В ноябре она покинула Страсбург и отправилась в Мюнхен — поистине триумфальное шествие, ибо везде ее встречали с королевскими почестями. О ее приближении к каждому городу, через который ей предстояло проехать *в пути*, возвещали звоном колоколов и артиллерийскими залпами; ей навстречу выходили пышные процессии высокопоставленных лиц; для нее воздвигались триумфальные арки;

преподносились прекрасные подарки; устраивались иллюминации, балы и всевозможные государственные представления. Она прибыла в Мюнхен 5 декабря и оставалась здесь до конца 14 января, когда была отпразднована другая грандиозная церемония – бракосочетание ее сына с принцессой Августой Баденской.

Судя по тому, как он был устроен, от этого союза можно было ожидать только несчастий. Юная принцесса была категорически против этого и согласилась только по просьбе своего отца — “жертва отцу, семье и стране”, - сказала она. Эжен ничего не знал о предполагаемом браке, пока не прибыл по приказу Наполеона в Мюнхен. Молодые люди не увидели друг друга за четыре дня до свадьбы. К счастью, они сразу полюбили друг друга, и их супружеская жизнь была полна исключительной преданности и счастья. Наполеон был так доволен ходом событий, что усыновил Эжена во время бракосочетания, что стало большим ударом для Бонапартов и новым счастьем для Жозефины.

Утомительные обязанности, связанные с официальными поездками по чужим странам и проведением суда в чужом городе, снова повторились в 1806 году. В январе, после женитьбы Эжена, Жозефина вернулась в Париж вместе с императором; но в сентябре он уехал в кампанию против Пруссии и России, а она отправилась в Майнц, чтобы основать свой двор. На этот раз путешествие было совершено не в соответствии с кодексом, поскольку Наполеон хотел, чтобы императрица оставалась в Париже во время его отсутствия, и только в последний момент, охваченный ее горем, он согласился, чтобы она поехала с ним в его карете. Ее сопровождала только одна горничная — королевский дом не мог наладить свою громоздкую жизнь в течение нескольких дней. В Майнце Жозефина оставалась до января. Гортензия, ныне королева Голландии (Людовик стал королем в 1806 году), была с ней, с двумя ее маленькими сыновьями, и во многих отношениях двор был благосклонен; но Жозефина хотела присоединиться к императору, и только когда он приказал ей ехать в Париж, она согласилась вернуться и открыть там свой двор.

Такт и здравый смысл, с которыми Жозефина вела себя в своем требовательном и рабском положении, грация и терпение, с которыми она носила свою королевскую сбрую, столь же трогательны, сколь и изумительны. Управлять своим семейством, со всей ревностью и подлостью, естественными для такого сочетания женщин, так, чтобы не было скандалов и чтобы члены семьи уважали и любили ее, было деликатной задачей; но она никогда не терпела неудачу в этом. Она сохранила их любовь и свое превосходство — даже превосходство красоты. Многие молодые женщины, принятые Первым консулом, были достаточно рады затмить Жозефину, но она почти всегда перехитряла их. Забавным примером ее мастерства является встреча, произошедшая между ней и ее невесткой Полиной. Паулину, молодую, жизнерадостную и очень хорошенькую, всегда немного возмущало очарование, которым обладала Джозефина, и она получала немалое удовольствие, пытаясь превзойти ее. В 1803 году она вышла замуж за принца Боргезе в замке Жозефа Бонапарта в Мортefonтене. Через несколько дней после замужества она появилась в Париже, где была официально представлена в Сен-Клу. Вполне естественно, что Полин хотела затмить всех на этой презентации, но Жозефина особенно желала, чтобы она сама не была настолько отброшена в тень, чтобы Наполеон это заметил. Она поступила очень умно. Хотя стояла зима, она надела легкое платье из белого индийского муслина, которое всегда было ее лучшим нарядом и в котором Наполеон был рад ее видеть. Платье было сшито очень просто, и ее единственными украшениями были покрытые эмалью львиные головы, которые прикрывали рукава на плечах и образовывали пряжку на поясе. Ее руки и шея были обнажены, а волосы собраны на макушке. Она представляла собой совершенно очаровательную картину; и когда Первый консул увидел ее, он сказал: “Ну, Джозефина, что это значит? Я ревную, ты наряжаешься ради кого-то. Что делает вас такой красивой сегодня? Даже после того, как они оказались

в салоне, его комплименты продолжались. Принцесса Боргезе немного опоздала с прибытием. Когда она все-таки появилась, она была великолепна; ее платье было из ярко-зеленого бархата, расшитого бриллиантами; на боку у нее был большой букет бриллиантов; на голове - диадема из изумрудов и бриллиантов. Джозефина в своем простом платье стояла в конце гостиной, ожидая, как будто она была монархиней, когда к ней подойдет ее невестка. Полине пришлось пройти через весь салон, чтобы поприветствовать ее. После представления она сказала мадам Жюно, которая рассказывает эту историю: “Моя невестка думала, что ей будет неприятно, когда она заставит меня пересечь салон; на самом деле, она привела меня в восторг, потому что иначе шлейф моего платья не был бы виден”. Однако вскоре Паулина впала в отчаяние. Она совершенно забыла, что большая гостиная, где их принимали, была обставлена в голубых тонах и что, хотя для белого муслина Джозефины он был очаровательным фоном, для ее зеленого бархата он был чем-то прискорбным. Жозефину, конечно, нельзя было обвинить в том, что она это спланировала; именно собственная забывчивость Полины привела ее в замешательство. Белое платье и царственные манеры были излюбленным приемом Джозефины, когда она подозревала, что какая-нибудь молодая и обворожительная женщина готовится затмить ее.

Одной из очень трудных задач для Жозефины при ее дворе было держаться особняком с женщинами благородного происхождения, которых постепенно допускали, но она делала это благодаря сочетанию любезности, почтения и величия, которые не подлежали анализу и которые можно объяснить только почти безграничным тактом. Это был такт рождается добрая воля—добрая воля, которая все о ней признался. “Никто никогда не отрицал, изысканный доброте мадам Бонапарт,” Мадмуазель Avrillon говорит. “Она была чрезвычайно приветлива со всеми, кто ее окружал. Я не верю, что когда-либо была женщина, которая заставляла своих товарищей чувствовать свою зависимость меньше, чем она ”. Мадам де Ремюза говорит, что к доброте она добавила удивительно уравновешенный нрав и способность забывать любое зло, которое кто-либо причинил ей. Другой член ее семьи сказал о ее доброте, что она была так же неотделима от ее характера, как изящество от ее личности: “она была добра до крайности, невыразимо чувствительна, щедра до расточительности; она старалась, чтобы все были довольны ею, и ни одна женщина никогда не была так любима теми, кто служил ей и заслуживал этого больше.... Поскольку она познала несчастье, она знала, как сочувствовать бедам других. Ее нрав всегда был милым, всегда ровным, она была услужлива как к своим врагам, так и к друзьям; она умиротворяла всех, где возникали проблемы или раздоры”.

В путешествиях Джозефина была не менее счастлива, чем дома. Она покорила всех. Не было представлено никого, кто не ушел бы с чувством, что императрица каким-то образом особенно отличила его. На самом деле она тщательно подготовилась к встречам с иностранцами, наняв инструктора, который рассказывал ей об их семьях, их подвигах, их книгах, их дипломатических победах. Она так тщательно усвоила это наставление, что у нее на языке всегда вертелось какое-нибудь лестное упоминание. Усердие и энергия, которые она проявила, готовясь к официальным мероприятиям, тем более удивительны, если вспомнить ее природную леность.

У Джозефины было мало ресурсов, в которых она могла бы найти облегчение от бремени этикета. Книги ее мало интересовали — занятия спортом на свежем воздухе утомляли ее, а охота, на которой она часто сопровождала императора, была тяжким испытанием. Начнем с того, что она была напугана и никогда не переставала плакать над раненым зверем. Она была плохим музыкантом. Конечно, она вышивала, но не потому, что ей это нравилось, она любила карты и играла в триктрак, когда это позволял этикет.

Она также хорошо играла в вист и очень любила гадать на картах — действительно, не проходило и дня, чтобы она не пыталась предсказать будущее по картам.

ЖОЗЕФИНА, ИМПЕРАТРИЦА ФРАНЦИИ И КОРОЛЕВА ИТАЛИИ. 1805.

Разработан компанией Buguet.

Единственным настоящим удовольствием в ее жизни, несомненно, был туалет. Она всегда была экстравагантной любительницей личных украшений — ей нравились блестящие камни, яркие шелка, тонкие кружева, мягкие кашемировые тона; и когда она стала императрицей, у которой были все основания и все возможности для того, чтобы потакать своей любви к нарядам, она предавалась этому удовольствию до тех пор, пока ее гардероб не стал главным развлечением в ее жизни.

Почти каждый день мужчины и женщины, вооруженные всевозможными вещами — драгоценностями, моделями, кружевами, короче говоря, всем, что только могла придумать французская фантазия для женского туалета, — попадали в личные апартаменты Жозефины. Перед этими коварными торговцами у нее не было самообладания — пожалуй, следовало бы сказать, никакого самоуважения, — поскольку почти неизменно она позволяла уговорить себя на покупку. Количество вещей, ежегодно пополняющих ее гардероб, свидетельствует о поразительной расточительности. Таким образом, за один год она купила сто тридцать шесть платьев, двадцать кашемировых шалей, семьдесят три корсета, сорок восемь предметов элегантной материи, восемьдесят семь шляп, семьдесят одну пару шелковых чулок, девятьсот восемьдесят пар перчаток, пятьсот двадцать пар обуви. Если бы это была необычная покупка, это можно было бы объяснить; но это было не так. С каждым сезоном происходила одна и та же бездумная покупка всего, что поражало ее воображение. О том, чтобы надеть все, что она купила, не могло быть и речи, потому что Джозефина была не из тех, кто гордится тем, что никогда не появляется дважды в одном и том же костюме. Многие из купленных вещей она вообще никогда не надевала; а когда ее гардероб был перегружен, она устраивала небольшой праздник, облегчая их, раздавая кусочек за кусочком неразрезанные кружева, узор за узором бархат, шелк или муслин, роскошные платья, шляпы, чулки, туфли. Все и вся было разбросано таким же безрассудным образом, каким и было приобретено. Не то чтобы ее дарение личных вещей ограничивалось этой случайной распродажей; она

делала дарения в качестве одной из своих королевских привилегий, когда ей это было угодно. Часто она снимала со своих плеч тонкий шарф или превосходную кашемировую шаль, чтобы накинуть на кого-нибудь из своих фрейлин, которые, как она слышала, восхищались ими, и нередко посылала платье той, кто хвалил ее красоту. Мlle. Дюкрест говорит, что однажды она услышала, как один из придворных, восхищаясь кашемировым платьем, которое носила императрица, заметил, что такой узор очень подошел бы для жилета. Жозефина взяла ножницы, разрешила юбку своего платья на три части и раздала по одной каждому из трех джентльменов, находившихся в комнате.

Расточительность Джозефины привела к большой путанице в ее бюджете. В начале ее правления ей разрешалось платить 72 000 долларов в год за свой туалет, а позже эта сумма была увеличена до 90 000 долларов. Но за все это время не проходило и года, чтобы она не превысила свои карманные расходы и не вынудила императора прийти ей на помощь. Согласно оценке Массона, Жозефина тратила в среднем 220 000 долларов в год на свой туалет во время своего правления. Только просмотрев статью за статьей свой гардероб и отметив стоимость и количество каждой вещи, можно понять, как женщина могла потратить эту сумму. Возьмем такой простой предмет, как ее чулки, которые почти всегда были из белого шелка, часто богато расшитые или ажурные. У нее под рукой было 150 или более пар, и они стоили от 4,00 до 8,00 долларов за пару. Она наняла двух парикмахеров — одного на каждый день за 1200 долларов в год; другого для торжественных случаев за 2000 долларов в год; и она платила каждому из них от тысячи до двух тысяч долларов в год за мебель. То же самое было и со всеми мелкими предметами ее туалета.

Что касается платьев, то суммы, которые они стоили, были огромными. Ее простые муслиновые платья, которых в ее гардеробе всегда было двести и более, стоили от ста до четырехсот долларов за штуку. Ее кашемировые и бархатные платья были гораздо дороже, многие из них были украшены горностаем, пряжками, пуговицами и поясами, усыпанными драгоценными камнями. Одной из ее самых больших причуд были кашемировые шали. У нее их никогда не было в достаточном количестве — это правда, что она раздавала много — и она редко появлялась без одной в пределах досягаемости. Говорят, что ее коллекция шалей была самой ценной из когда-либо виденных в Европе. Многие из них были сшиты по образцам, которые она сама отправляла на Восток. Они были всех нежнейших оттенков, а по текстуре напоминали паутинку. Ее кокетство с этими прекрасными портьерами было похоже на кокетство испанской синьоры с веером. Она сказала им все.

Большая часть годового кармана Джозефины на одежду уходила на драгоценности. Ее расточительность в этом вопросе была менее оправдана, чем в любом другом, потому что, когда она стала императрицей, у нее уже было большое количество драгоценных камней всех видов, многие из которых были подарены ей в Италии, и потому что как императрица она имела в своем распоряжении великолепные драгоценности короны — драгоценные камни стоимостью 1 000 000 долларов, фактически, принадлежали ей, когда она того желала. Тем не менее, она накупила — очевидно, просто ради удовольствия купить и убрать — бесчисленное количество всевозможных украшений, десятки из которых она, вероятно, никогда не надевала: кольца, браслеты, ожерелья, пояса, пряжки, все сотнями. Ни один камень, известный коммерции, не был представлен в ее коллекции. Нет такой формы, в которую можно было бы придать золоту и серебру, которая не была бы найдена там. У нее были образцы украшений всех эпох и всех стран, а также новинки того времени, которые она покупала десятками. Она не только непрерывно добавляла, но и обменивала, сбрасывала, пересчитывала, фактически вела обмен. До конца своей жизни она сохраняла интерес к своим драгоценностям и любила показывать их своим

товарищам, играть с ними, украшать ими себя. Они хранились вместе много лет после ее смерти, но в конце концов были проданы Гортензией. Когда эксперты приступили к их оценке, оказалось, что по установленным ими ценам — на треть ниже себестоимости — одни только крупные украшения, такие как ее бриллиантовая диадема и великолепное жемчужное ожерелье, стоили почти миллион долларов; а что касается мелких украшений — бесчисленных безделушек всех размеров, видов и стилей, — их стоимость так и не была подсчитана.

Можно себе представить, какое впечатление произвела на императора расточительность Жозефины. Он оценил, как никогда не смогла бы оценить она, отсутствие достоинства в ее безрассудных тратах, и сделал все возможное, чтобы убедить ее держать свои счета в порядке. Он даже прибегнул к суровым мерам, выгнав из дворца торговцев, которые, как он знал, слонялись по ее покоям, ожидая возможности показать ей новинку в моде или украшениях, редкую драгоценность или богатую шаль. Он распорядился, чтобы ее расходы регулировал человек, специально назначенный для этой цели, и чтобы самой Джозефине не разрешалось ничего покупать без присмотра. Ни одно из этих средств ничего не дало. Ежегодно у нее накапливался большой долг, и когда больше нельзя было откладывать выплату, Джозефина признавалась. Она всегда называла сумму намного ниже той, которая была на самом деле, и только после долгих приставаний Наполеон мог понять реальное положение вещей. Затем была сцена, всегда заканчивающаяся слезами Жозефины. Они неизменно побеждали Наполеона. “Ну же, ну же, милая, вытри слезы, “ умолял он, - не волнуйся”; и он заплатил долги и увеличил ее доход. Через двенадцать месяцев сцена повторилась.

ГЛАВА VII

ЖОЗЕФИНЕ НЕ РАЗРЕШИЛИ ПОЕХАТЬ В ПОЛЬШУ—СТРАХ РАЗВОДА—ПРИМИРЕНИЕ 1807-1808
ГОДОВ—КАМПАНИЯ 1809 ГОДА И ЕЕ ВЛИЯНИЕ НА НАПОЛЕОНА.

Через два года после того, как она взошла на трон, Жозефина чувствовала себя в относительной безопасности при его обладании. Только зимой 1806-1807 годов, когда Наполеон был занят войной против России и Пруссии, призрак, который тревожил ее в начале Пожизненного консульства и снова при провозглашении Империи, возник снова. Ее первая тревога была вызвана тем фактом, что, когда она захотела отправиться к императору из Майнца, куда она перевезла своих домочадцев, он оттолкнул ее. Иногда он даже упрекал ее за упорство в цеплении за эту идею. “Приходит Талейран и говорит мне, что ты только и делаешь, что плачешь”, - написал он ей 1 ноября. “Но чего ты хочешь? У тебя есть твоя дочь, твои внуки и хорошие новости; конечно, у тебя есть материалы для счастья и удовлетворенности”. Чаше он льстил и баловал, как тогда, 28 ноября, когда писал из Варшавы: “Все польские женщины - француженки, но для меня есть только одна женщина. Ты ее знаешь? Я мог бы нарисовать ее портрет для вас; но мне пришлось бы слишком льстить вам, чтобы вы могли его узнать; тем не менее, по правде говоря, мое сердце могло бы сообщить вам только хорошее”. И снова, несколько дней спустя: “Я получил ваше письмо от 26 ноября. Я замечаю две вещи: ты говоришь: ‘Я не читаю твоих писем’; это несправедливо. Я сожалею о твоем плохом мнении. Ты говоришь мне, что не ревнуешь. Я давно заметил, что люди, которые злятся, всегда говорят, что они не злятся, что люди, которые боятся, говорят, что они не боятся; таким образом, вы уличены в ревности; я в восторге! Кроме того, вы ошибаетесь, и в пустынях прекрасной Польши мало думают о хорошеньких женщинах. Вчера я был на балу провинциальной знати; довольно симпатичные женщины, довольно богатые, довольно плохо одетые, хотя и по парижской моде”. Весь декабрь он продолжал пытаться отговорить ее. “У меня есть твое письмо от 27 ноября, и я вижу, что твоя маленькая головка очень взволнована. Я помню строчку: ‘Желание женщины - это всепожирающее пламя’, и я должен тебя успокоить. Я написал тебе, что я в Польше, что, когда мы устроимся на зимние квартиры, ты, возможно, приедешь; так что тебе придется подождать несколько дней. Чем могущественнее человек становится, тем меньше у него должно быть воли; это зависит от событий и обстоятельств. Вы можете отправиться во Франкфурт или Дармштадт. Я надеюсь вызвать вас через несколько дней, но все должны решить события. Теплота вашего письма убеждает меня, что вы, милые женщины, не обращаете внимания на препятствия; то, чего вы хотите, должно быть исполнено; но я должна сказать, что я величайшая рабыня на свете; у моего хозяина нет сердца, и этот хозяин - природа вещей”.

Однако Жозефина не отказывалась от своего плана, и в доводах Наполеона о том, что поездка из Майнца в Варшаву была слишком долгой — дороги слишком плохими, погода слишком холодной, чтобы она отважилась на это, что она нужна в Париже, она увидела только желание освободиться от ее присутствия; и когда, наконец, он приказал ей “возвращаться в Париж, чтобы быть там счастливой”, она повиновалась со слезами и

причитаниями. Ревность Джозефины в то время была более чем оправдана. На самом деле, в течение многих месяцев она, несомненно, знала о различных изменах Наполеона и подозревала, что истинная причина, по которой он отклонил ее просьбу позволить ему поехать к нему, заключалась в том, что он нашел новую любовницу. А не может ли быть, спросила она себя, что он планирует развод и повторный брак. Первое предположение было верным. Именно мадам Валуа была главным препятствием для поездки Жозефины в Варшаву, хотя причины, которые привел Наполеон — опасность путешествия и необходимость присутствия Жозефины в Париже — на данный момент были достаточно правдоподобными.

Только в июле 1807 года император поднял вопрос о разводе со своими советниками как о политической необходимости. Во время пребывания в Тильзите с императором России и королем Пруссии обсуждался развод, и Наполеон приказал составить для него список принцесс Европы, достигших брачного возраста. Без сомнения, смутные слухи о сделках в Тильзите дошли до Жозефины. Она приняла их тем более близко к сердцу, что в мае того же года (1807) умер старший сын Гортензии, Наполеон-Шарль. Смерть мальчика разрушила одну из ее главных надежд. Это лишило ребенка, которого, как она знала, Наполеон так любил, что был бы вполне доволен, если бы сделал его своим преемником. У Гортензии был второй ребенок, Наполеон Луи, но император не питал к нему таких же чувств.

Когда Наполеон вернулся в Париж после встречи в Тильзите, Жозефина была готова сделать все возможное, чтобы отвоевать место в сердце своего мужа, которое' безусловно, ослабило многомесячное отсутствие. С ней даже был маленький сын Гортензии Луи, постоянное напоминание Империи о том, что в ее жилах течет кровь Бонапартов и Богарне. Ее надежды вскоре были разрушены Фуше, который обратился к ней с призывом. Разве ради страны, династии, Наполеона она сама добровольно не предложила уйти? Охваченная паникой, но не осмеливаясь пойти прямо к мужу, чтобы узнать, такова ли его воля, Жозефина могла только плакать. Наполеон видел ее горе, но не имел мужества заговорить с ней. Наконец Талейран, взяв дело в свои руки, убедил Жозефину сначала поговорить с Наполеоном. Совершенно ошеломленный, император изобразил изумление, возмущался низостью Фуше, плакал над Жозефиной, клялся, что не может оставить ее; но он не обманул ни ее, ни себя. Жозефина поступила умно — она сказала ему, что тихо согласится с его волей из любви к нему и ради трона, если он прикажет ей. Но этого Наполеон сделать не мог. Он распорядился, чтобы вопрос о разводе был снят, оказал Фуше такое отношение, какого, возможно, человек никогда прежде не получал за выполнение воли своего начальника, и какое-то время оказывал Жозефине знаки внимания, подобные любовным, настолько заметным, что весь двор наблюдал за этим и удивлялся.

ИМПЕРАТРИЦА ЖОЗЕФИНА.

Фрагмент из картины бракосочетания Жерома Бонапарта и принцессы Екатерины.

Осенью 1807 года император стремился сделать очень веселой, и во время пребывания в Рамбуйе на охоте и месяца в Фонтенбло императрица действительно была на пике своей власти. Он не мог отказаться от нее, не мог, несмотря на свою династию, несмотря на мадам Валуевскую, женщину, которая пожертвовала собой ради Польши и к которой он испытывал большое уважение, а также горячую страсть. Жозефина была ему необходима. Это была нежность, рожденная общением — всеми тысячами сладких уз, которые сформировались за двенадцать лет совместной жизни. Какое значение имело то, что она старела; какое значение имело то, что он мог взять в жены королевскую принцессу — его сердце принадлежало мадам Валуевской, это была Жозефина, и никто никогда не вызывал в нем такой нежности, как она — и никто больше не смог бы этого сделать. Двор мог только смотреть и удивляться, видя слабость тирана перед этой женщиной. Они даже заметили, как он ревновал ее той осенью, когда молодой немецкий принц Мекленбург-Шверин влюбился в нее и не стеснялся этого показывать. Сама Жозефина смеялась над пылом молодого человека, но Наполеон смотрел на него косо и удвоил свою нежность.

Зима 1807 и 1808 годов прошла в Париже, и тень не была большой. Правда, мадам Валуевская теперь была в городе, но если Жозефина и знала об этой связи, то полностью игнорировала ее. Пока она была императрицей, измены не оказывали на нее большого влияния. Мадам де Ремуза говорит, что Жозефина не только закрывала на них глаза, но и «доходила в своей снисходительности до того, что оказывала особые милости некоторым из его любовниц». Весной и летом ее влияние на императора, как ей самой, так и окружающим казалось, укрепилось благодаря четверем с половиной месяцам, которые они провели с небольшой свитой в Байонне, где присутствие императора было необходимо для ведения дел с Испанией. Наполеон опередил императрицу, которая ждала в Бордо новостей об Ортенсе, у которой 20 апреля 1808 года родился третий сын. Эта новость принесла Жозефине большую радость и, без сомнения, повлияла на ее счастье в последующие несколько месяцев. Она обеспечила второго наследника и сделала развод менее необходимым.

Несмотря на зловещие события пребывания в Байонне — именно здесь король Испании Карл IV и его наследник Фердинанд отреклись от своих прав, а Жозеф Бонапарт был провозглашен королем Испании — вокруг Жозефины царил веселая атмосфера. Проводились ужины, праздники и прогулки, и французская императрица и испанская королева Луиза, казалось, наслаждались обществом друг друга, как будто трон не переходил из рук в руки, а благородный род не падал из-за позорной бездеятельности и ревности одного правителя и циничной амбиции и самоуверенности другого.

Самой приятной частью жизни Жозефины в Байонне была неформальная близость, которой она и Наполеон наслаждались. Со времен Малмезона они никогда не были вместе так долго и так свободно. Они максимально использовали свою свободу, даже резвились на глазах у членов своей небольшой свиты самым некоролевским образом. Замок Маррак, в котором они жили, находился недалеко от берега, и они проводили много времени на пляже, где император, таща императрицу к воде, толкал ее в воду или обсыпал песком, смеясь при этом, как озорной мальчик. Во время одной из таких игр маленькие низкие шелковые туфли, которые императрица всегда носила, соскользнули с ее ног, и Наполеон, схватив их, бросил в прибой, заставив Жозефину идти к карете в чулках. Именно такими шалостями они с Наполеоном скрашивали дни в Марраке летом 1808 года. Их путешествие обратно в Париж было триумфальным шествием, в котором Жозефина своим тактом, любезностью и неустанным интересом завоевала все сердца. Никогда еще она не казалась Наполеону более восхитительной как императрица и более очаровательной как женщина.

В августе 1808 года Жозефина вернулась в Париж после четырех с половиной месяцев, проведенных с мужем. Через несколько дней он уехал в Эрфурт, где должен был встретиться с Александром I и германскими правителями для обсуждения европейских дел. На собрании такого масштаба и великолепия, как в Эрфурте, было бы уместно присутствие императрицы, но Наполеон не считал целесообразным, чтобы она покидала Францию. Неясно, хотел ли Наполеон, оставив ее дома, дать понять, что его решение о разводе принято и что это начало разлуки, хотя несомненно, что эта тема сильно занимала его в Эрфурте. Стабильность, которую наследник принес бы его трону, и ценность союза с одним из старинных родов Европы теперь стали для него яснее, чем когда-либо, и, несомненно, Наполеон вернулся к Жозефине с еще более твердым намерением, чем раньше. Те, кто видел их вместе после Эрфурта, говорили себе: «Он снова подумывает о разводе». Жозефина боялась этого. Чем еще можно было объяснить его короткие резкие замечания, его явное желание уйти от нее, его отвернутый взгляд?

Как бы она ни боялась будущего, она ничего не могла сделать. Спрашивать Наполеона означало раздражать его, и она знала, что нет ничего более неразумного. Показывать грустное лицо, плакать означало прогнать его от себя, потому что он ненавидел слезы со всей силой сильного, рассудительного человека, который видит в них только бессмысленную трату сил. Она слишком хорошо знала власть Наполеона над всеми окружающими, чтобы пытаться создать собственную партию, которая в конечном итоге оказала бы влияние в ее пользу. Было только одно, что могло противостоять властной воле ее мужа — его любовь к ней. Лелеять эту любовь, не делая ничего, на что он мог бы пожаловаться, ничего, что могло бы раздражать или утомлять его; при каждой встрече демонстрировать ему свою любезность, преданность, такт, добиваться от него признания, что ни одна женщина не смогла бы с большей грацией и успехом, чем она, выполнять свои сложные обязанности — такова была линия поведения Жозефины, которой она неуклонно следовала после беседы в 1807 году. Конечно, после Эрфурта страх постоянно жил в ее сердце, но она не давала ему этого понять. Она была нежной, казалось, доверчивой, тактичной и осторожной — именно те качества, которые Наполеон больше

всего ценил в женщинах и считал самыми редкими. Каждый день общения делал ему все труднее принять решение, а ей — все труднее сдерживать свое беспокойство.

Всего через десять дней после Эрфурта война в Испании вынудила Наполеона покинуть Париж. Жозефина осталась одна. В письмах, которые она получала из Испании, не было ничего, что могло бы нарушить ее душевное спокойствие; как всегда, в них сообщалось о здоровье императора, выражалась забота о ее здоровье, приводились краткие новости — всегда оптимистичные; в письмах к Жозефине редко появлялись слова о бедствиях — инструкции о праздниках, о приеме лиц, которые должны были быть отправлены к ней, комментарии и запросы по семейным делам: короче говоря, такие письма, какие она всегда получала. Тем не менее, в душе Жозефины таилось беспокойство, которое она не могла преодолеть; оно подпитывалось слухами, распространяемыми праздношатающимися и более или менее злобными языками в ее окружении.

Ее беспокоила не только неопределенность собственной судьбы; еще одним поводом для печали было несчастье Ортенс, которая на время помирилась с мужем, но теперь была несчастна как никогда, и чьи частые письма к Жозефине, должно быть, раз за разом пронзали ей сердце. Ее нежность и мудрость в советах, которые она давала дочери в это время, да и вообще всегда, достойны восхищения. Не было бы удивительно, если бы, получая ежедневные жалобы Ортенс в момент такой большой тревоги по поводу своего настоящего положения, она возмущалась несчастьем своей дочери, но в ее письмах нет и тени раздражения.

В январе Жозефина испытала радость от возвращения Наполеона. В течение двух с половиной месяцев, которые он провел в Париже, она внимательно наблюдала за ним, но безрезультатно. Действительно, государственные дела были в таком состоянии, что император не имел времени уделять ей внимание. Он работал день и ночь, в безумных попытках избавить Францию от предателей, которые в его правительстве, да и в его собственной семье, замыслили его свержение, и привести армию в порядок для войны, которую, как он видел, готовили против него Австрия и ее союзники. Зимой 1808 и 1809 годов не было времени для размышлений о разводе и браке, и если в Эрфурте и было принято решение о разводе, то его реализация была еще далеко. Судя по всему, Жозефина была в безопасности. Она была также довольна, когда в апреле наступил день отъезда императора, поскольку ей разрешили сопровождать его до Страсбурга, где она обосновалась на следующие несколько месяцев. Здесь вскоре вокруг нее собрались несколько членов семьи: Ортенс с двумя маленькими сыновьями, королева Вестфалии и великая герцогиня Баденская. Здесь она получила от самого императора первые известия о череде побед, с которых началась кампания 1809 года. Сначала он рассказал ей об Абенсберге, затем об Экмюле, а потом о Ратисбоне. Как всегда, это был триумфальный поход, но в Ратисбоне произошло нечто, что повергло Жозефину в смятение. Наполеон был ранен пулей. Новость дошла до императрицы косвенно, и она поспешила отправить курьера, чтобы узнать о реальном состоянии раны. «Пуля, которая попала в меня, не ранила меня, — ответил он, — она едва задела ахиллесову пяту. Мое здоровье очень хорошее. Вы зря беспокоитесь. Все идет хорошо».

Через четыре дня императрица получила специального курьера от императора, который сообщил ей о капитуляции Вены. Жозефина была очень счастлива. Это говорило о скором окончании кампании. Ее счастье было недолгим. Поражение при Эсслинге и смерть маршала Ланнеса наполнили ее тревогой. Она, как и многие другие в то время, смотрела на карьеру императора с суеверным трепетом. Это была удача — звезда. Если чары были сломаны, звезда затмевалась, все было потеряно. Сомнительно, что Жозефина, как и сотни других, окружавших императора, когда-либо осознавала его потрясающий гений или гигантские усилия, которые этот человек прилагал, чтобы

вырвать победы у судьбы. Это была обычная история человека, который тратит себя на достижения, а в конце концов слышит, как его называют «везучим парнем». После поражения при Эсслинге Жозефина повсюду видела радость врагов Наполеона, видела тревогу его друзей, слышала в своем сердце колокол судьбы. Чтобы довершить свое несчастье, она боялась, что обидела императора. Ортенс, которая некоторое время находилась в Страсбурге, получила от своего врача предписание отправиться в Баден на лечебные воды. Император приказал, чтобы никто из членов королевской семьи не менял место жительства без его согласия. Ортензия отправилась в Баден без его согласия, взяв с собой двух молодых принцев. Император был раздражен. «Дочь моя, — написал он ей менее чем через неделю после Эсслинга, — я недоволен тем, что ты покинула Францию без моего разрешения, и прежде всего тем, что ты увезла моих племянников. Раз ты уже в Бадене, оставайся там, но в течение часа после получения этого письма отправь моих двух племянников в Страсбург к императрице. Они никогда не должны покидать Францию. Это первый случай, когда я недоволен тобой, но ты никогда не должна принимать никаких решений относительно моих племянников без моего согласия. Ты должна понимать, к каким плохим последствиям это может привести».

Это письмо было отправлено Ортенсе через Жозефину, которая открыла его, думая, что это новости от Наполеона, о котором она очень беспокоилась. Это стало новым поводом для беспокойства. Не будет ли он винить ее за поступок Ортенсы? По крайней мере, двух детей уже отправили обратно к ней — это было поводом для радости; но она поспешила написать Ортенсе, призывая ее попытаться умиротворить императора. Ее беспокойство стало настолько сильным, что ее здоровье начало ухудшаться, и в июне ей тоже пришлось покинуть Страсбург, чтобы пройти лечение в Пломбьере, в Вогезах.

Жозефина часто бывала в Пломбьере, но, конечно, никогда раньше не бывала там так тихо, как после того, как стала императрицей. Ее сопровождала обычная свита, та же внушительная ливрея, тот же великолепный гардероб, но ее пребывание не было отмечено ни приемом, ни балами, ни экскурсиями. Она жила почти как императрица на пенсии, раздавая повсюду милостыню и развлекаясь в основном своими маленькими внуками, которых она осыпала игрушками всех видов с той же щедростью и расточительностью, с которыми она всегда осыпала себя драгоценностями и нарядами. С каждым днем она все больше и больше любила Луи. «Я так счастлива, что твой сын здесь, — писала она Ортенсе. — Он очарователен, и я все больше и больше привязываюсь к нему... Его маленькие рассуждения чрезвычайно меня забавляют».

ЖОЗЕФИНА, ПЕРВАЯ ЖЕНА НАПОЛЕОНА.

Гравюра Одуэна по мотивам Лорана. Этот портрет «Жозефина, императрица французов, королева Италии» окружен сложной рамкой с имперскими эмблемами. После развода портрет Жозефины был удален с пластины, а на его место вставлен портрет Марии Луизы.

Быстрое восстановление удачи, последовавшее за поражением при Эсслинге, вскоре успокоило Жозефину. Из писем Наполеона она поняла, что, как бы ни считали его критики, что его звезда заходит, он сам не потерял мужества. Он презирал их ликование. «Они договорились встретиться у моей могилы, — писал он, — но не осмелятся это сделать». Его поступки подтверждали его слова. В течение короткого времени он прислал Жозефине известия о серии побед, которые ознаменовали вторую половину июня 1809 года и достигли своего апогея 6 июля в Ваграме. Через неделю она получила известие о прекращении военных действий.

Императрица снова вздохнула свободно: Наполеон был в безопасности и одержал победу. Теперь его письма были длиннее, веселее и нежнее, чем за многие месяцы. Он радовался сообщениям, которые она посылала ему из Пломбьера о том, что она набирает силы. «Я рад, что воды так хорошо на вас действуют», — писал он, а также: «Я слышал, что вы крепкие, румяные и выглядите очень хорошо». Он не возражал против планов, которые она предлагала для себя. Пусть остается в Пломбьере, если хочет, почему бы и нет; а когда в августе будет готова, пусть едет в Париж. Если ее письма задерживаются, он ее упрекает. «Я не получал от тебя писем уже несколько дней. Удовольствия в Мальмезоне, прекрасные оранжереи и сады заставляют тебя забыть обо мне. Так бывает, говорят». Когда приближалось время его возвращения — переговоры в Шёнбрунне, которые последовали за войной, продолжались до октября, — он начал проявлять нечто похожее на нетерпение. Каждый день он посылал короткую записку о своем скором возвращении. «Я сообщу тебе за сутки до своего прибытия». «Я устрою праздник в честь нашего воссоединения. Я с нетерпением жду этого момента». Правда, в этих ежедневных сообщениях не было ничего от любовника (этого и не следовало ожидать, если помнить, что в течение большей части кампании 1809 года мадам де Валевски жила во дворце в Вене, где Наполеон постоянно с ней виделся); но в них была уверенность, привязанность, интерес; никаких признаков приближающейся разлуки; и все же Наполеон, несомненно,

покинул Шёнбрунн в октябре, убежденный в необходимости развода и решивший сообщить Жозефине о своем решении, как только прибудет во Францию.

ГЛАВА VIII

НАПОЛЕОН ВОЗВРАЩАЕТСЯ В ФРАНЦИЮ — НЕСЧАСТЬЕ ЖОЗЕФИНЫ — ВЗГЛЯД НАПОЛЕОНА НА РАЗВОД — СПОСОБ, КОТОРЫМ БЫЛ ОСУЩЕСТВЛЕН РАЗВОД

К несчастью для императрицы, ее воссоединение с Наполеоном было омрачено задержкой, которая не мало раздражала императора. Жозефина находилась в Сен-Клу, когда около 24 или 25 октября получила записку от Наполеона, в которой он сообщал, что 26 или 27 октября будет в Фонтенбло и что ей лучше отправиться туда со своей свитой. Позже курьер сообщил, что император прибудет вечером 27-го. Каким ужасом охватила Жозефину весть, принесенная курьером из Фонтенбло во второй половине дня 26-го, о том, что император прибыл утром и встретил его только консьерж! Нельзя было отрицать, что такой прием был плохим для завоевателя-императора, который впервые за шесть месяцев ступил на землю своего королевства. Жозефина обоснованно опасалась, что Наполеон будет раздражен, и именно сейчас, когда ей так нужно было ему угодить!

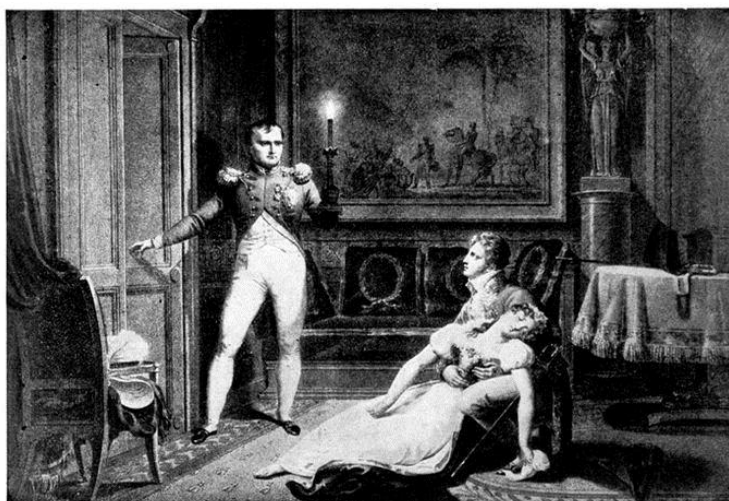
Она поспешила в Фонтенбло. Император не вышел ей навстречу, и она была вынуждена подняться в его библиотеку, где его скудное приветствие охладило ее сердце. Он намеревался объявить о разводе. Однако вскоре она поняла, что причиной его холодности было негодование императора по поводу того, что она, по его мнению, не вышла ему навстречу. Дрожащее объяснение, несколько слез, и он успокоился, и они провели счастливый вечер.

Наполеон использовал совсем другой, и весьма тревожный способ, чтобы намекнуть Жозефине, что развод находится на стадии рассмотрения. Апартаменты императора и императрицы в Фонтенбло, как и в других местах, были соединены частной лестницей. Когда Жозефина осмотрела свою недавно отремонтированную свиту, она обнаружила, что этот проход был запечатан. В смутении она обратилась к своему другу из окружения Наполеона и спросила, почему это было сделано и по чьему приказу. Она не получила удовлетворительного ответа, только уклончивые ответы и неясные объяснения. Встревоженная, но боясь подойти к императору, она показала ему свое озабоченное лицо и заплаканные глаза. Ничто так не беспокоило Наполеона, как видеть Жозефину в печали. Это зрелище и знание его причины вывели его из себя. Он поступил так, как поступает авторитарный человек, привыкший к беспрекословному повиновению со стороны окружающих, когда он решает заставить кого-то, кого любит, совершить неприятный поступок: он избегал присутствия Жозефины, почти не разговаривал с ней, если это не требовалось по придворному этикету, редко встречался с ней взглядом. Императрица чувствовала, что его холодность может означать только одно. Вскоре она начала слышать шепотки о решении при дворе, поскольку император сообщил о своем решении нескольким лицам, и уже велись необходимые приготовления. Жозефина не могла не заметить, что ее враги — семья Бонапарт и их союзники — и те, кто ее окружал, а были просто конъюнктурщиками, существенно изменили свое отношение к ней. Было не одно лорд или леди, которые не колебались пренебрегать, даже презирать императрицу. Она была человеком, с которым больше не нужно было поддерживать отношения; кроме того, разве император- , не мог бы принять это как комплимент своему суждению, видя, что та, которую он собирался отвергнуть, игнорировалась его последователями?

Неуверенность Жозефины в том, что именно означал развод, еще больше усиливала ее тревогу. В тот момент она, несомненно, видела в этом только позор и наказание. Ее собирались изгнать — лишить почестей, отнять друзей, положить конец роскошной жизни. Она не только должна была расстаться с императором, которого любила и счастливому и успешному существованию которого, по своему суеверию, считала себя необходимой, но и, без сомнения, будет изгнана из Франции. Она видела себя в изгнании, бедной, без друзей, одинокой — она, которая была императрицей Франции, супругой Наполеона. А ее дети: ее падение означало и их падение. Что теперь станет с Ортенцией, чье счастье было разрушено браком? А что станет с Эженом, которого император так любил, доверял и уважал?

Но представление Жозефины о разводе как о позоре и наказании не совпадало с представлением Наполеона. То, что он никогда не объяснял ей, что он имел в виду, было следствием его собственной трусости. В 1807 году, когда этот вопрос был поднят, он полностью сдался и отбросил эту мысль. Теперь он придерживался своего решения, но не имел мужества сообщить ей об этом. Он притворялся раздраженным и холодным, чтобы скрыть свою слабость.

На самом деле Наполеон рассматривал развод как важное государственное дело. Для сохранения мира, стабильности и славы Франции был необходим наследник, поэтому он и Жозефина, которые любили друг друга, расстались. Они страдали, чтобы Франция могла жить. Развод, таким образом, должен был рассматриваться как жертвенный обряд, а Жозефина должна была предстать перед страной как благородная жертва, которой следует оказать величайшую честь тогда и всегда. Такова была идея Наполеона, и в этом месяце, после своего возвращения из Шёнбрунна, он тихо готовил церемонию, которая представила бы это дело в таком свете перед страной. Именно по этой причине он созвал всех членов семей Бонапарт и Боарне из ближних и дальних мест; собрал во Франции всех великих людей империи и своих союзников; превратил Фонтенбло в настоящий королевский двор. Для бедной Жозефины все это выглядело жестоким уловкой, чтобы выставить напоказ ее горе и позор.

РАЗВОД НАПОЛЕОНА И ЖОЗЕФИНЫ.

Примерно в середине ноября двор прибыл в Париж, но император все еще медлил, не мог произнести это слово. Напряжение между ними постоянно нарастало; страдания обоих, как было очевидно всем их близким друзьям, усиливались. Наконец, 30 ноября, после молчаливого и унылого ужина, Наполеон привел Жозефину в салон « », отпустил

их свиту и сообщил ей о своем решении. Жозефина, не поняв ничего из его обрывочных слов, кроме того, что они должны расстаться, разрыдалась и упала на диван, где лежала, громко рыдая. Ее отнесли в ее апартаменты, где ее слуги тщетно пытались успокоить ее безумное горе. Ее спокойствие восстановилось только поздно вечером, когда к ней пришла Ортенс с объяснением ситуации, которое, по-видимому, было для нее совершенно новым. Император, потрясенный вспышкой Жозефины, укрепил себя в своем решении, немедленно созвав к себе некоторых советников, которые поддерживали развод. Поговорив с ними, он послал за Ортенс и довольно грубо начал разговор, сказав ей, что слезы не помогут, что он решил, что развод необходим для безопасности империи, и что она и ее мать должны принять его как неизбежное. Ортензия с достоинством ответила, что императрица, каким бы ни было ее горе, подчинится его воле, и что она и Эжен последуют за ней в изгнание; что никто из них не будет жаловаться на свою позорную судьбу, что все будут помнить его прошлую доброту. По-видимому, это было первым проблеском в голове Наполеона идеи о разводе, которую вынашивал Боарне. Он начал плакать. «Что!» — воскликнул он, — «ты и Эжен собираетесь покинуть меня? Вы не должны этого делать, вы должны остаться со мной. Ваше положение, будущее ваших детей требуют этого. Как бы ни был жесток развод для вашей матери и для меня, он должен быть осуществлен с достоинством, которого требуют обстоятельства». Он сказал, что нужно сделать все, что возможно, чтобы смягчить ситуацию для Жозефины. Она должна остаться первой по рангу после императрицы на троне. Она должна получить почести, положенные ей за ее жертву; она должна остаться во Франции. Ее доход должен соответствовать ее рангу, ей должны предоставить дворцы, свиту — короче говоря, все, что может сделать благодарная Франция, должно быть сделано. Что касается Ортенс и Эжена, он считал их своими детьми и должен был поступать с ними так же, как со своими собственными.

Эта новая идея о ее судьбе произвела на Жозефину большое впечатление; и когда ее друзья пришли к ней, чтобы утешить ее, она, несмотря на слезы, защищала Наполеона и представляла развод как жертву, которую они вместе приносили во имя Франции. «Император так же разбит горем, как и я», — рыдала она. «Ничего не поделаешь. Должен быть наследник, чтобы укрепить империю».

Теперь, когда Жозефина знала о его решении, сдержанность и холодность Наполеона исчезли. Он уделял ей все свое внимание, старался предугадывать каждое ее желание, окружал ее нежностью. Это изменение в поведении удивило и сбило с толку двор, где развод пока оставался предметом догадок для всех, кроме доверенных советников Наполеона. Разве он передумал? Видя, как императрица с улыбкой участвует в больших празднествах, они начали говорить, что, в конце концов, он не нашел в себе мужества развестись. Доброжелательное отношение Наполеона, по-видимому, дало Жозефине надежду, что он передумал. Но через неделю после ее беседы с ним в Париж прибыл Эжен, и она скоро поняла, что развод неизбежен и что первые шаги для его осуществления уже сделаны. Затем последовала еще одна мучительная беседа между самой Жозефиной () и императором, на которой присутствовал Эжен, и здесь Наполеон снова пообещал ей свою заботу, свою любовь, постоянную заботу о ее детях. Когда она ушла с этой беседы, она знала, что через несколько дней двор, Париж, Франция узнают о ее судьбе. Несмотря на то, что она была подавлена, ослаблена постоянными слезами в уединении, преследуемая сотнями необоснованных страхов за свое будущее, Жозефина все же выполняла свои обязанности в эти последние дни с мужественным лицом и милой улыбкой. Никогда еще она не пользовалась большей благосклонностью со стороны лучшей части двора; никогда еще она не заслуживала ее больше, чем за свое мужество в этот момент.

15 декабря было назначено первое действие в официальной части драмы. В девять часов утра Жозефина отправилась в салон императора в сопровождении Эжена и Hortense. Здесь она застала всех членов семьи Бонапарт, которые находились в Париже: Наполеона, короля Людовика, короля Жерома, короля Мурата и королей Испании, Неаполя и Вестфалии, а также французского архиканцлера и государственного министра. Церемония была немедленно открыта Наполеоном. Если кто-то из Бонапартов надеялся увидеть Жозефину наконец униженной, то он, должно быть, был глубоко разочарован. Каждое слово императора было направлено на то, чтобы представить ее в глазах Франции как главную благодетельницу и подругу — женщину, пожертвовавшую собой ради блага страны. Высказывания Наполеона перед небольшой компанией точно отражают то, как он хотел, чтобы был истолкован этот акт, и нет никаких оснований полагать, что он не был искренен в своих словах в этот момент. Сломанным от волнения голосом он объявил, что он и императрица решили аннулировать свой брак. Обращаясь к архиканцлеру, он сказал:

«Я послал вам запечатанное письмо с сегодняшней датой, в котором просил вас прийти в мой кабинет, чтобы сообщить вам о решении, которое приняли императрица, моя дорогая жена, и я. Я рад, что короли, королевы и принцы, мои братья и сестры, мои зятья и невестки, моя падчерица и мой пасынок, мой приемный сын, а также моя мать присутствуют на этой встрече. Моя политика, интересы и нужды моего народа, которые всегда направляли мои действия, требуют, чтобы я оставил после себя детей, наследников моей любви к этому народу и к этому трону, на который меня посадила providence. Однако уже несколько лет я потерял всякую надежду на то, что у меня будут дети от моей любимой жены, императрицы Жозефины. Именно это заставило меня пожертвовать самыми нежными чувствами моего сердца и прислушаться только к идее блага государства и, следовательно, расторгнуть наш брак. Достигнув сорокалетнего возраста, я смею надеяться, что проживу достаточно долго, чтобы воспитать, в соответствии с моими собственными представлениями, детей, которых providence соизволит мне даровать. Бог знает, как дорого мне стоило это решение, но нет такой жертвы, которая была бы выше моего мужества, когда я убежден, что она будет полезна Франции. Должен добавить, что, не имея ни малейшего повода жаловаться на свою жену, я могу только восхвалять ее любовь и нежность. На протяжении пятнадцати лет она была украшением моей жизни. Это воспоминание навсегда останется в моем сердце; она была коронована моей рукой, и я намерен, чтобы она сохранила звание и титул императрицы, и я надеюсь, что, прежде всего, она никогда не усомнится в моих чувствах к ней и всегда будет считать меня своим лучшим и самым верным другом».

Когда император закончил свою речь, Жозефина попыталась прочитать небольшую речь, которая была подготовлена для нее, но голос ее подвел, и она передала бумагу одному из участников вечеринки:

«С позволения моего августейшего и дорогого супруга, — гласила ее речь, — я заявляю, что, отказавшись от всякой надежды родить детей, которые удовлетворили бы политические потребности и благосостояние Франции, я рада дать ему самое большое доказательство привязанности и преданности, которое когда-либо давалось в этом мире. Все, что я имею, я имею благодаря его доброте; это его рука венчала меня, и с моего трона я получала только любовь и привязанность французского народа. Я считаю, что выражаю свою благодарность за эти блага, соглашаясь на расторжение брака, который отныне является препятствием для благосостояния Франции, лишает ее счастья быть когда-нибудь управляемой потомками, столь очевидно возвышенными Providением, чтобы искоренить зло ужасной революции и восстановить алтарь, трон и социальный порядок; но расторжение моего брака никогда не сможет изменить чувства моего сердца. Во мне

император всегда будет иметь своего лучшего друга. Я знаю, как сильно этот акт, требуемый политикой и высшими интересами, ранил его сердце, но мы оба гордимся жертвой, которую приносим во благо страны».

На следующий день после этой сцены в Сенате были выполнены необходимые формальности. Эжен, тогдашний вице-король Италии, в тот день принес присягу сенатора, а затем выступил по поводу развода. Его интерпретация разлуки была такой же, как и у Наполеона. «Вы только что заслушали проект, который Сенат представляет вам на рассмотрение, — сказал Эжен. — В данных обстоятельствах я считаю своим долгом выразить вам чувства моей семьи. Моя мать, моя сестра и я обязаны всем императору; он был для нас настоящим отцом; он всегда найдет в нас преданных детей и покорных подданных. Для счастья Франции необходимо, чтобы основатель этой четвертой династии был окружен прямыми потомками, которые будут гарантией для всех, защитой народа, страны. Когда моя мать была коронована перед всей нацией руками своего августейшего супруга, она взяла на себя обязательство пожертвовать всеми своими привязанностями ради блага Франции; она выполнила свой долг с мужеством, благородством и достоинством; ее сердце часто сжималось от болезненных мучений человека, привыкшего покорять судьбу и всегда твердо шагать вперед к осуществлению великих замыслов. Слезы, которые стоило императору это решение, достаточны, чтобы прославить мою мать. В своем новом положении она не будет чуждой новому процветанию, которого мы ожидаем, и с удовлетворением, смешанным с гордостью, она будет смотреть на счастье, которое ее жертвы принесли стране и императору».

Статьи, аннулирующие брак и определяющие будущее положение Жозефины, были приняты на том же заседании. Они гласят:

Статья I. Брак между императором Наполеоном и императрицей Жозефиной настоящим расторгается.

Статья II. Императрица Жозефина сохраняет титул и звание коронованной императрицы.

Статья III. Ее годовой доход устанавливается в размере двух миллионов франков [400 000 долларов], которые будут выплачиваться из казны государства.

Статья IV. Все обязательства, принятые императором в отношении императрицы Жозефины из государственной казны, являются обязательными для его преемников.

Статья V. Настоящий сенатский консультативный документ должен быть отправлен посыльным Ее Величеству, императрице-королеве.

В тот же день после душераздирающей сцены с Жозефиной Наполеон покинул Тюильри и отправился в Трианон. Через несколько часов Жозефина, измученная слезами, села в карету и в сильную грозу была отправлена в Мальмезон.

ГЛАВА IX

ПОСЛЕ РАЗВОДА — НАВАРРА — ПОДОЗРЕНИЯ ЖОЗЕФИНЫ В ОТНОШЕНИИ ИМПЕРАТОРА — ЕЕ ПОСТЕЛЬНОЕ ВОЗВРАЩЕНИЕ К СЧАСТЬЮ

Несмотря на развод, Жозефина по-прежнему оставалась императрицей французского народа, и ее доходы и положение соответствовали ее титулу. Постановлением Сената ее доход был установлен в размере 2 000 000 франков (400 000 долларов), но император нашел способ увеличить его, делая ей многочисленные роскошные подарки и распоряжаясь, чтобы любые необычные расходы, такие как ремонт в Мальмезоне, оплачивались из гражданского списка. У нее было три отдельных дома: Мальмезон, всегда ее любимая резиденция, на замок и территорию которой она в течение многих лет тратила огромные деньги и в которой она воплощала в жизнь все свои фантазии по поводу строительства, украшения и садоводства, которые приходили ей в голову; Елисейский дворец в Париже, в настоящее время резиденция президентов Французской Республики; и Наварра, замок недалеко от Эвре.

Жозефина не только получила деньги и имущество; Наполеон позаботился о том, чтобы ее свита соответствовала ее рангу. Она была столь же многочисленна, как и свита многих правящих монархов Европы, и включала в себя некоторых из самых умных и остроумных мужчин и женщин Франции. К чести императора, все выбранные лица симпатизировали императрице и были ею любимы. Более чем один из членов дома Жозефины, безусловно, был бы приветствован в свите Марии Луизы, но, получив возможность выбора, Элизабет де Ремуза () осталась с Жозефиной. Мадам де Ремуза была ярким примером. Она осталась с Жозефиной исключительно из-за своей привязанности и чувства лояльности, несмотря на то, что ее муж был первым камергером Наполеона.

Если Жозефина и предполагала, что развод отдалит ее от Парижа и общества друзей, то она сразу же поняла свою ошибку. На следующий день после ее прибытия в Мальмезон, несмотря на сильный ливень, дорога из Парижа была забита длинной колонной карет, спешащих в замок, чтобы выразить ей свое уважение. Те, кто не пришел, потому что не был уверен в искренности императора, когда он заявил, что Жозефина сохранит свой титул императрицы, подверглись суровому порицанию. «Вы были у императрицы Жозефины?» — начал он спрашивать через день или два, и если придворный отвечал «нет», император хмурился и говорил: «Вы должны пойти, сэр!» В результате все пошли и продолжали ходить. Действительно, позже зимой, когда Жозефина на короткое время приехала в Елисейский дворец, ее дом стал настоящим двором.

Но Жозефина получила удар, который не могли исцелить ни богатство, ни звание, ни друзья. Человек, который когда-то утомлял ее своей страстью и который должен был умолять и угрожать, чтобы убедить ее провести с ним неделю в Италии, в свою очередь стал объектом такой же страстной любви, на какую она была способна. Уже много лет она выполняла его малейшие желания. Посвятив себя Наполеону, чтобы спасти свое положение, она научилась любить его. Ее боль была тем сильнее, что она не могла поверить в искренность Наполеона, когда он говорил, что по-прежнему будет любить и защищать ее и что будет чтить ее за ее жертву как никогда раньше. Ей казалось, что,

попросившись с ним в Тюильри, она больше никогда его не увидит. Она полностью поддалась своему горю, плача день и ночь. Однако Наполеон сдержал свое слово. Через два дня после ее прибытия в Мальмезон он пришел к ней и в последующие дни, вплоть до своей свадьбы с Марией Луизой в конце марта, часто навещал ее. Эти визиты всегда были формальными, в присутствии слуг, но они во многом убедили императрицу в том, что Наполеон намерен сдерживать свои обещания. Однако после каждого визита она впадала в приступы рыданий. Наполеон держал себя в курсе состояния Жозефины и часто писал ей записки, упрекая ее за эту слабость, уверяя в своей любви и умоляя ее набраться мужества.

«Я нашел тебя слабее, чем ты должна была быть, — написал он однажды. — Ты проявила некоторую храбрость; ты должна найти способ сохранить ее. Ты не должна поддаваться меланхолии, ты должна стараться быть довольной и, прежде всего, заботиться о своем здоровье, которое так дорого мне. Если ты любишь меня, ты должна стараться быть сильной и счастливой. Ты не должна сомневаться в моей постоянной и нежной дружбе. Ты совершенно неправильно понимаешь мои чувства, если полагаешь, что я могу быть счастлив, когда ты не счастлива, и, прежде всего, когда ты не довольна».

«Савари сказал мне, что вы вчера плакали», — написал он на следующий день. «Надеюсь, что сегодня вы смогли выйти на улицу. Я посылаю тебе результаты вчерашней охоты. Я приду к тебе, как только ты пообещаешь мне, что восстановила самообладание и что твое мужество взяло верх. До свидания, дорогая; я тоже грущу сегодня, потому что мне нужно знать, что ты довольна и мужественна».

Вернувшись в Тюильри, он написал ей: «Эжен сказал мне, что вчера ты была грустна. Это нехорошо, дорогая, это противоречит тому, что ты мне обещала. Мне было грустно снова увидеть Тюильри; великий дворец кажется пустым, и я теряюсь здесь».

Визиты, подарки, письма императора на самом деле ухудшали состояние императрицы, а не улучшали его; и в конце концов мадам де Ремуза взяла дело в свои руки.

«Императрица провела очень несчастное утро, — писала она мужу, — она приняла несколько визитов, которые только усилили ее горе, и теперь каждый раз, когда приходит что-нибудь от императора, она впадает в ужасный приступ. Надо найти способ убедить императора смягчить выражения сожаления и привязанности, потому что всякий раз, когда он дает знак своей печали, она впадает в отчаяние, и, по-настоящему, кажется, что у нее закружилась голова. Я забочусь о ней, как могу, но она причиняет мне огромную боль. Она милая, страдающая, ласковая; в общем, все, что может разорвать сердце. Проявляя свою любовь, император только ухудшает ее состояние. Как бы она ни страдала, она никогда не жалуется; она действительно нежна, как ангел... Постарайтесь, если сможете, чтобы император написал ей письмо, чтобы подбодрить ее, и пусть он никогда не посылает ничего вечером, потому что это приносит ей ужасную ночь. Она не может выносить его выражения сожаления. Несомненно, она еще меньше могла бы вынести холодность, но должен быть какой-то средний путь. Вчера, после последнего письма императора, она была в таком состоянии, что я была готова сама написать ему в Трианон».

Со временем Жозефина поняла, что у нее действительно нет оснований подозревать императора в отказе от обещанной дружбы, и начала думать, что он намерен держать ее всегда в Мальмезоне, не позволяя ей больше возвращаться в Париж. Эта тревога, вероятно, была вызвана слухами, которые дошли до нее. Без сомнения, она предпочла бы остаться в Мальмезоне, если бы не возник этот страх. Она была настолько охвачена подозрениями, что проверила его искренность, попросив разрешения поехать в Париж. Она сделала это, несмотря на то, что разговоры о предстоящей свадьбе — еще не решенной, но находящейся в стадии переговоров — были у всех на устах. Ответ

императора на ее просьбу был любезным. «Я буду рад знать, что ты в Елисейском дворце, и счастлив видеть тебя чаще, потому что ты знаешь, как сильно я тебя люблю». Однако в ходе этой переписки о ее приезде он не смог удержаться от небольшого упрека. «Я только что сказал Эжену, что ты предпочитаешь слушать городские сплетни, а не то, что я тебе говорю».

И все же даже в этот период страданий Жозефина не бездействовала; она не была настолько эгоистична в своем горе, чтобы забыть о своих друзьях. В письмах Наполеона к ней есть более одного обещания оказать кому-то услугу, о которой она просила. Она даже активно интересовалась поиском принцессы для императора. Вызвав к себе только что прибывшую в Париж графиню Меттерних, она откровенно сказала ей, что считает ее жертву пустой тратой, если император не женится на эрцгерцогине Австрии. В то время Наполеон еще не определился со своей будущей императрицей, но переговоры, начатые Жозефиной, позволили Меттерниху подготовить почву в Австрии, так что, когда пришло время, не было никаких задержек, которые раздражали Наполеона, когда он просил руки русской принцессы, как он делал в первый раз. Переговоры о руке Марии Луизы завершились благополучно, и свадьба была назначена на март.

По мере приближения этого дня Наполеон все больше осознавал, что Жозефине не подобает оставаться в Мальмезоне во время церемонии, и попросил ее провести апрель в Наварре. Она прибыла туда в тот же день, когда Мария Луиза въехала в Париж. Наварра не была привлекательным местом для проживания с таким большим хозяйством, как у Жозефины, в то время года, и компания, привыкшая к роскоши Мальмезона, была вынуждена разместиться в старом, сыром, наполовину меблированном замке, где ни двери, ни окна не закрывались надежно, а из каждой трубы валил дым. Однако ремонт был быстро выполнен (), и из Парижа прислали большое количество мебели. В промежутке времени вся свита, по-видимому, терпеливо перенесла это испытание, а Жозефина приложила действительно мужественные усилия, чтобы приспособиться к новой ситуации и забыть о своем горе. Она занялась изучением ресурсов своего нового поместья, ежедневно катаясь по паркам; она курировала сады, планировала ремонт и улучшения в замке, навещала бедных и больных, приглашала людей из Эвре, с которыми хотела познакомиться, и каждый вечер играла в свою любимую игру трик-трак с епископом епархии. Это было хорошее начало полезной и, в конечном итоге, счастливой жизни для нее, и все бы сложилось очень хорошо, если бы она могла отбросить мысль о том, что Наполеон все-таки не собирался выполнять свои обещания, что это был лишь вопрос времени, когда он потеряет к ней интерес, откажет ей в поддержке и изгонит из Франции.

Прошло две недели после свадьбы, и от императора не поступало никаких известий. Тем временем она получала письма от Эжена и Ортенс, которые должны были присутствовать на церемонии, и каждый член ее свиты ежедневно сообщал ей о веселье в столице и о ее сплетнях. До нее дошли намеки, что император, вероятно, не сочтет уместным, чтобы она вскоре вернулась в Мальмезон, если вообще вернется. Ее беспокойство переросло в настоящую панику, и, не пробыв и трех недель в Наварре, она попросила разрешения вернуться в Мальмезон. Разрешение было дано сразу, после чего она отправила императору напыщенное благодарственное письмо. Ее письмо и ответ, который она получила от императора, являются прекрасными примерами мужского и женского взглядов на одну и ту же ситуацию. Письмо Жозефины гласило:

Сир: я только что получил от моего сына заверение, что Ваше Величество дает согласие на мое возвращение в Мальмезон и что Вы были так добры предоставить мне деньги, о которых я просил, чтобы сделать замок Наварре пригодным для проживания (). Эта двойная милость, сир, в значительной степени рассеяла беспокойство и даже опасения, которые вызвало долгое молчание Вашего Величества. Я боялась, что я полностью исчезла из вашей памяти,

но вижу, что это не так. Сегодня я менее несчастна, я даже счастлива настолько, насколько это вообще возможно для меня.

В конце месяца я отправлюсь в Мальмезон, поскольку Ваше Величество не видит в этом ничего предосудительного, но я должен сказать вам, сир, что я не стал бы так скоро воспользоваться свободой, которую дало мне Ваше Величество, если бы дом в Наварре не нуждался в стольких ремонтах, как для моего здоровья, так и для здоровья моей свиты. Я планирую остаться в Мальмезоне на очень короткое время. Вскоре я отправлюсь в Спрингс. Но пока я буду в Мальмезоне, Ваше Величество можете быть уверены, что я буду жить так, как будто нахожусь за тысячу лиг от Парижа. Я пошел на большую жертву, сир, и с каждым днем чувствую это все сильнее. Однако эта жертва будет полной; Ваше Величество не будет беспокоить в своем счастье никакими выражениями сожаления с моей стороны. Я буду неустанно молиться о счастье Вашего Величества, но Ваше Величество может быть уверено, что я всегда буду уважать его новое положение; я буду уважать его в молчании, доверяя чувствам, которые он когда-то испытывал ко мне. Я не буду пытаться пробудить новые доказательства этого; я буду доверять вашей справедливости и вашему сердцу. Я прошу только об одной милости: чтобы Ваше Величество соизволило время от времени давать мне какие-нибудь доказательства того, что я занимаю небольшое место в ваших мыслях и большое место в вашем уважении и вашей дружбе. Это смягчит мою печаль, не ставя, как мне кажется, под угрозу то, что для меня гораздо важнее всего, — счастье Вашего Величества.

ЖОЗЕФИНА.

Наполеон ответил:

Моя дорогая! Я получил ваше письмо от 19 апреля. Стиль очень плохой. Я всегда такой же; люди, как я, никогда не меняются. Я не знаю, что Эжен мог вам сказать. Я не писал вам, потому что вы не писали мне; мое единственное желание — быть вам угодным. Я рад, что ты едешь в Мальмезон и что ты довольна. Я поеду туда, чтобы узнать, как у тебя дела, и рассказать тебе о себе. Теперь сравни это письмо с твоим, и после этого я позволю тебе судить, какое из них более дружеское, твое или мое. Прощай, моя дорогая. Береги себя и будь справедлива к себе и ко мне.

НАПОЛЕОН.

Получив разрешение вернуться в Мальмезон, Жозефина была довольна тем, что осталась в Наварре. На самом деле, она начала наслаждаться этим местом и особенно планами по его улучшению (). Только в мае она вернулась в Мальмезон, где пробыла месяц. Позже она провела три месяца в Экс-ан-Савоие, а затем совершила поездку в Швейцарию.

В целом лето и осень 1810 года были неплохими. Она на время отбросила свои сомнения по поводу императора и страдала только от разлуки с ним. Наполеон сделал все, что позволяла ситуация, чтобы смягчить эту разлуку. В мае, после ее возвращения в Мальмезон, он приехал к ней, и визит, по-видимому, прошел так свободно и без печали, как только можно было ожидать. Жозефина была очень довольна вниманием императора. «Вчера был для меня день радости», — писала она Ортенсе. «Император пришел ко мне. Его присутствие сделало меня счастливой, хотя и пробудило мою печаль. Пока он был со мной, я имела мужество сдерживать слезы, но когда он ушел, я не смогла их сдержать и почувствовала себя очень несчастной. Он был ко мне так же добр, как и всегда, и я надеюсь, что он прочитал в моем сердце всю преданность и нежность, которые я испытываю к нему».

Наполеон не только навестил ее, но и зародил в своем уме, непостижимом для женского разума, мысль о том, чтобы однажды взять Марию Луизу, и однажды, когда они ехали на карете возле Мальмезона в отсутствие Жозефины, затронул эту тему, спросив императрицу, не хотела бы она побывать в замке. Мария Луиза сразу же расплакалась, и Наполеон, потрясенный своим поступком, хотя, вероятно, и не понимая его смысла, не осмелился пойти дальше. Вероятно, он не видел причин, по которым две женщины не могли бы быть друзьями в частной жизни.

Везде, где Жозефина бывала в этих первых путешествиях после развода, ее принимали с такой преданностью и интересом, что она, должно быть, была убеждена, что народ разделял точку зрения императора на развод и смотрел на нее как на человека, пожертвовавшего собой ради страны. Любопытно, что люди приносили ей прошения, умоляя ее передать их императору; таким образом, ее влияние на него и ее отношения с ним были публично признаны. Во всех беседах, которые Жозефина вела с людьми, обращавшимися к ней во время путешествий, она проявляла чрезвычайную сдержанность; особенно восхищало то, как она говорила об императоре. Она говорила о нем как о брате, которого она горячо любила и чьи интересы были ей глубоко дороги. Хотя, как правило, она радушно принимала всех, кто обращался к ней, она отказывала тем, кого считала враждебными Наполеону. В сентябре, когда Жозефина находилась в Швейцарии, мадам де Сталь, тогда находившаяся в изгнании, пыталась добиться встречи. Жозефина отказала. «Я слишком хорошо ее знаю, — сказала она, — чтобы хотеть встречи. В первой книге, которую она опубликует, она расскажет о нашей беседе, и одному Богу известно, сколько вещей она заставит меня сказать, о которых я никогда не думала».

ЭЖЕНИ ОРТЕНЗИ ДЕ БОАРНЭ. 1783–1837.

Дочь Жозефины, жена Людовика, короля Голландии, и мать Наполеона III.

Одна из реальных и серьезных причин несчастья Жозефины была частично устранена этим летом. Это были проблемы ее дочери Ортенс. Бедная королева Голландии долгое время была в безнадежном конфликте с королем Луи Бонапартом, и ее ежедневные письма матери зимой и весной были истерическими воплями горечи и отчаяния. Жозефина нигде не проявляет себя в лучшем свете, чем в своих ответах. На протяжении всего этого периода собственного горя она постоянно писала Ортенсе письма, полные бодрости, мудрых советов и нежной любви. Она никогда не позволяла Ортенсе поддаваться сомнениям в императоре, которые время от времени одолевали ее саму. Она никогда не советовала ей ничего, кроме мужества и терпения в отношениях с королем Людовиком. Она напоминала ей о ее долге перед маленькими сыновьями, перед народом Голландии, который всегда любил ее, и перед ее матерью. В июле Людовик положил конец этой печальной ситуации, отрекшись от престола, который по Конституции перешел к королеве. Наполеон незамедлительно присоединил Голландию к Франции. «Это освобождает королеву, — писал император Жозефине, — и ваша несчастная дочь может приехать в Париж, где она будет совершенно счастлива со своими сыновьями».

Однако не поездка в Париж радовала Ортенс, а освобождение от Луи, забота о сыновьях и воссоединение с матерью. Действительно, трусливое поведение Луи Бонапарта в Голландии принесло большое облегчение как Ортенс, так и Жозефине, особенно последняя была счастлива, что смогла забрать к себе детей, Наполеона Луи и Луи Наполеона, или маленького *Уи-уи*, как она его называла (впоследствии Наполеон III). Она действительно была идеальной бабушкой, с чем соглашались все, в первую очередь дети. Их мнение однажды счастливо выразил Луи, который, когда одна дама двора уходила, чтобы увидеться с мужем, сказал с серьезным видом: «Она, должно быть, очень любит мсье А., раз оставляет бабушку, чтобы пойти к нему».

Когда Жозефина покинула Мальмезон в июне, она намеревалась поехать в Италию, а затем в Швейцарию, и провести зиму в Милане со своим сыном. Однако в сентябре ее охватил старый страх быть забытой императором и изгнанной из Франции, и в течение нескольких недель она мучилась мыслью, что Наполеон не позволит ей вернуться во Францию. У нее не было никаких оснований для таких предположений, кроме слухов, которые доходили до нее, и страхов ее собственного раненого сердца, но этого было достаточно, чтобы убедить ее в том, что она будет сослана, и ее здоровье начало ухудшаться. Ей удалось также передать свои страхи дамам своей свиты, и эта маленькая компания по-женски пришла в отчаяние из-за возможности, для которой не было никаких оснований.

ЛУИ БОНАПАРТ. 1778–1846.

Король Голландии в 1806 году. Отказался от престола в 1810 году, приняв титул графа Сен-Лё.

В конце концов Жозефина написала Наполеону смиренное письмо, прося разрешения провести зиму в Наварре. Он сразу же ответил, что, конечно, она может туда поехать, если хочет. Это разрешение вызвало у членов свиты истерическую радость, и они поспешили на север, чтобы провести долгую зиму в провинциальном замке, как будто Италия была для них тюрьмой, а почести, которые они там получили бы, — насмешкой и оскорблением.

Несмотря на то, что Наварра не была подходящей зимней резиденцией даже в лучшем состоянии, а запланированные изменения и ремонтные работы еще не были завершены, Жозефина и ее семья провели там действительно счастливую зиму и весну. Жизнь была простой и здоровой, свободной от строгих церемоний и утомительных ограничений

двора, и здоровье всех, и в особенности Жозефины, улучшилось. Вместо поздних часов, перегретых комнат и больших скоплений людей были здоровые привычки деревни, постоянные занятия спортом на свежем воздухе, простые люди Эвре. Жозефина обнаружила, что головные боли, которые так долго мучили ее, почти полностью исчезли. По мере улучшения здоровья она меньше плакала, и ее глаза, которые она серьезно повредила после развода постоянными слезами, стали лучше. Ее неизменная доброта характера в испытаниях до этого времени сочеталась с такой слабостью и подозрительностью, что ее красота была затмлена. Когда одно за другим ее опасения оказались необоснованными; когда каждый раз она получала то, о чем просила; когда Наполеон продолжал писать ей как дорогой друг, время от времени навещать ее, заботиться о ее детях; когда после рождения короля Рима он даже устроил так, чтобы она могла увидеть ребенка, и когда со всех сторон она продолжала слышать похвалу за свою жертву, которая сделала возможным появление наследника, она обрела мужество. С возвращением покоя в ее расстроенное сердце она начала наполнять свою жизнь полезными и приятными занятиями. Она основала школу в Наварре, где обучали бедных детей; она благоустроила городскую набережную и построила небольшой театр; она кормила голодных, ухаживала за больными; она действительно проявила себя настоящим провидением для всей округи.

НАПОЛЕОН И КОРОЛЬ РИМА.

Бронза из коллекции принца Виктора. Эта элегантная фигура является точной копией медальона, изготовленного Андре в честь рождения короля Рима.

В своей собственной семье она тоже была добрым гением. Ортенс теперь находилась при дворе Марии Луизы, а Жозефина, как и прежде, была ее доверенным лицом и советником. Она часто держала двух маленьких принцев при себе, освобождая Ортенс от забот о них. Наполеон был особенно доволен таким расположением дел, зная, как это сделает Жозефину счастливой, и чувствуя, что ее воспитание было отличной вещью для мальчиков. Даже когда дети были с Ортенс, большую часть своего времени она

посвящала тому, чтобы обеспечить игрушками их и других маленьких жителей Милана. Мадемуазель Дюкрест говорит, что салон в Мальмезоне часто напоминал склад на улице Кок, настолько он был завален игрушками, и не было более верного способа порадовать Жозефину, чем восхищаться мелочами, которые она постоянно покупала для своих внуков.

Эжен часто наносил краткие визиты Наполеону, и Жозефина очень гордилась им и тем уважением и любовью, которые он пользовался у императора. Она радовалась, что Эжен был счастлив в браке, любил свою жену, добрую и красивую Августу, дочь короля Баварии; и когда она отправилась в Италию, чтобы посетить двор в Милане, как она сделала в 1812 году в отсутствие Эжена, когда принцесса была в положении, она уехала с сердцем, переполненным материнской радостью.

Действительно, Жозефина становилась все более любимой в течение 1811 и 1812 годов, поскольку к своей приветливости она добавила веселье и мужество. «Тебя обожают в Милане», — написал ей однажды Эжен. «Мне пишут о тебе восхитительные вещи. Ты сводишь с ума всех, кто к тебе приближается». Даже Мария Луиза отбросила свою ревность к Жозефине после рождения короля Рима и многими маленькими знаками внимания к Ортенсе добавила к счастью Жозефины (). Она чувствовала, что она что-то значит во Франции; ее уважали, ее положение было надежным.

Никто не был более доволен, чем сам Наполеон, видя, что Жозефина заняла то положение, которое он для нее предусматривал, и ее возвратившаяся жизнерадостность доставляла ему постоянное удовольствие. В этот период между ними, по-видимому, возник только один предмет спора — старая проблема расточительности Жозефины. Ее невозможно было убедить жить по средствам, и в конце концов Наполеон взялся за дело с жесткой рукой, написав министру казначейства следующее письмо:

1 ноября 1811 года.

Вы поступите правильно, если тайно вызовете контролера императрицы Жозефины и сообщите ему, что ему не будет выплачено ничего, пока не будет представлено доказательство отсутствия долгов; и, поскольку я не допущу никаких колебаний по этому вопросу, это должно быть гарантировано собственным имуществом контролера. Поэтому вы должны уведомить контролера, что с 1 января следующего года никаких выплат не будет производиться ни в вашем ведомстве, ни из казны короны, пока он не даст обязательство об отсутствии долгов и не обеспечит его выполнение своим собственным имуществом. Мне известно, что расходы в этом доме чрезвычайно небрежны. Поэтому вы встретитесь с контролером и ознакомитесь со всеми фактами, касающимися денежных вопросов, поскольку абсурдно, что вместо того, чтобы сэкономить два миллиона, как должна была сделать императрица, у нее появилось еще больше долгов, которые необходимо выплатить. Вам будет легко узнать правду об этом от контролера и дать ему понять, что он сам может оказаться в серьезном затруднительном положении.

Воспользуйтесь возможностью, чтобы лично встретиться с императрицей Жозефиной и дайте ей понять, что я надеюсь, что ее хозяйство будет вестись более экономно, и что, если останутся какие-либо долги, она навлечет на себя мое суверенное недовольство. Императрица Луиза имеет только 100 000 крон; она платит все каждую неделю; она обходится без платьев и отказывает себе во всем, чтобы никогда не быть в долгах.

Поэтому я намерен с 1 января не производить никаких выплат на содержание дома императрицы Жозефины без справки от контролера о том, что у нее нет долгов. Просмотрите ее бюджет на 1811 год и подготовленный на 1812 год. Он не должен превышать миллион. Если у нее слишком много лошадей, некоторые из них должны быть убраны. Императрица Жозефина, у которой есть дети и внуки, должна экономить и тем самым приносить им пользу, а не влезать в долги.

Я прошу вас больше не производить никаких выплат королеве Ортенсе, ни по ее аппанажу, ни за вырубку леса, без моего разрешения. Проконсультируйтесь также с ее контролером, чтобы ее хозяйство велось должным образом и она не только не влезала в долги, но и регулировала свои расходы надлежащим образом.

ГЛАВА X

ВЛИЯНИЕ КАТАСТРОФ В РОССИИ НА ЖОЗЕФИНУ — БЕСПОКОЙСТВО ВО ВРЕМЯ КАМПАНИИ 1813 ГОДА — БЕГСТВО ИЗ ПАРИЖА — СМЕРТЬ В 1814 ГОДУ

К весне 1812 года Жозефина прекрасно приспособилась к новой жизни. Она поборолa свои подозрения, обрела самоконтроль, взяла на себя полезные обязанности. Ее положение признавали во всей Франции. Ее любили и уважали повсюду. Никогда еще в своей беспорядочной, изменчивой жизни она не была столь достойна уважения и любви. С каждой неделей ее самоконтроль и способность к счастью, казалось, росли. Весной она провела некоторое время с Ортенс в замке Сен-Лё, загородном доме последней. После возвращения в Мальмезон она написала письмо, которое показывает, насколько она вновь обрела удовлетворение. «Те несколько дней, которые я провела с тобой, — писала она Ортенсе, — были очень счастливыми и принесли мне огромную пользу. Все, кто приходит ко мне, говорят, что я никогда не выглядела лучше, и я не удивлена этому. Мое здоровье всегда зависит от моих переживаний, а те, что были с тобой, были сладкими и счастливыми».

В июне началась кампания против России, к которой Наполеон готовился в течение нескольких месяцев, но нет никаких признаков того, что Жозефина испытывала какое-либо беспокойство, видя, как Великая армия выдвигается в поход. Разве она не видела, как император возвращался из Италии, из Аустерлица, Йены и Ваграма? В июле она отправилась в Милан, чтобы остаться с принцессой Августой, женой Эжена, на время ее родов. Похоже, что она получила большое удовольствие от своего визита (). Принцесса показалась ей очаровательной, дети были просто замечательными, все относилось к ней с вниманием и любовью, что глубоко тронуло ее. Похоже, она была счастлива в Милане по самым естественным и благотворным причинам — потому что жена ее сына была хорошей женщиной и любила своего мужа; потому что новая внучка была здоровым ребенком; потому что добрые миланцы помнили ее и любили.

Жозефина также испытывала большое удовлетворение от успехов Эжена. Он полностью оправдывал в России хорошее мнение, которое император всегда имел о нем, и его письма матери были почти ликующими. «Сегодня император одержал великую победу над русскими», — писал он ей 8 сентября. «Мы сражались тринадцать часов, и я командовал левым флангом. Мы все выполнили свой долг, и я надеюсь, что император доволен». И еще: «Я пишу вам всего два слова, моя добрая мать, чтобы сказать, что я в порядке. Вчера у моего корпуса был блестящий день. С утра до вечера я сражался с восемью дивизиями врага и удержал свою позицию. Император доволен, и вы можете поверить, что я тоже».

Но радость победы длилась недолго. 15 сентября 1812 года войска вошли в Москву. Ликование, которое вызвал во Франции захват столицы врага, было недолгим. Вскоре поступили сообщения о пожарах в городе, об ужасных потерях во время похода вглубь страны, о страданиях, которые переживала армия. Когда Жозефина прибыла в Париж в октябре, город был полон зловещих сообщений о поражении. Заговор с целью захватить власть, основанный на сообщении о смерти Наполеона, был только что подавлен. В письмах из Эпона () Эжен говорил только о победе. Что это могло означать? Слушая

разносившиеся слухи и поддавшись мрачному предчувствию, охватившему город, она была охвачена смертельным отчаянием. При одном только упоминании имени Наполеона она плакала. Ее лицо было настолько опечалено, что ее слуги боялись, что на них обрушится нечто худшее, чем они могли себе представить, и в течение нескольких недель в Мальмезоне царила мрачная атмосфера.

ЭЖЕН ДЕ БОАРНЭ, ПАССИВНЫЙ СЫН НАПОЛЕОНА. («ЭЖЕНИО НАПОЛЕОН, ПРИНЦ ФРАНЦИИ, ВИЦЕ-КОРОЛЬ ИТАЛИИ, 1813 ГОД»).

Гравюра Лонги по мотивам Жерара, Милан, 1813 г.

В таком состоянии она находилась, когда внезапно поступило известие о том, что Наполеон неожиданно вернулся из России. Удивленный масштабами заговора, который возник в его отсутствие, и нестабильностью трона при одном лишь сообщении о его смерти, а также опасаясь еще более серьезных последствий, когда полная новость о катастрофе в России дойдет до Франции, император днем и ночью мчался через Европу в Париж. Его присутствие вселяло мужество, но не могло закрыть уши Франции от ужасных рассказов об отступлении из Москвы и не могло ослепить ее глаза от изможденных остатков людей, которые ежедневно стекались в город. Было видимое веселье, потому что император приказал его, но в зимних празднествах было мало душевного тепла.

Возвращение Наполеона не восстановило уверенности Жозефины. Ее суеверие, всегда живое, проявилось в полной мере. Первый день нового 1813 года был пятницей. Предчувствия Жозефины были самыми мрачными. Она заявила, что этот год принесет Наполеону горе и утраты. Франция должна была страдать. Ничто не могло вернуть ей спокойствие. Во всей этой скорби она постоянно думала о том, что развод был причиной несчастий Наполеона. Он уничтожил свою Звезду. И она была далеко не единственной, кто придерживался этой теории. Скорее всего, она переняла ее от других, потому что многие люди во Франции всегда в это верили. Даже в Великой армии, во время кампании против России, солдаты говорили, что после начала поражений это произошло из-за развода. «Он не должен был бросать старушку, — говорили они, — она приносила ему удачу — и нам тоже».

Весной 1813 года император снова отправился во главе армии, которую он лихорадочно собрал и оснастил. Жозефина с тревожным предчувствием наблюдала за началом новой кампании (); она следила за ее сомнительным ходом с растущим отчаянием, и, наконец, когда в ноябре французская армия, потерпев поражение и ежедневно теряя союзников, перешла Рейн, ее страдания были жалкими. Имя Наполеона не сходило с ее губ, и всем, кто попадался ей на пути и знал о нем что-нибудь, она задавала сотни нетерпеливых вопросов. Как он выглядел? Был ли он бледен? Спал ли он? Верил ли он, что его звезда покинула его?

Когда тесть Эжена, король Баварии, отказался от союза с императором, Жозефина призвала сына к верности и энергичности; а когда Луи Бонапарт, тронутый несчастьями своего брата, поспешил предложить свои услуги, Жозефина указала Ортенсе, которая, по ее мнению, могла бы вполне обоснованно ожидать новых неприятностей, если предложение Луи будет принято, что поступок ее мужа был благородным и что Ортенса должна так к нему относиться. Хортензия, по-видимому, действительно почувствовала к мужу больше уважения, когда услышала о его предложении вернуться, чем за многие годы до этого.

Во время наступления союзников на Париж и чудесного сопротивления, которое Наполеон оказывал в течение многих недель, Жозефина оставалась в Мальмезоне, лихорадочно расспрашивая всех, кто приходил. По мере приближения сражений она заинтересовалась работой в госпитале и поручила своим слугам изготавливать марлю. Время от времени она получала записки от императора — характерные записки, полные триумфа, но никогда страха или жалоб. Она всегда уединялась, чтобы прочитать эти записки и поплакать, а потом часами рассказывала о них своим служанкам.

К концу марта союзники подошли так близко к Парижу, что Жозефина видела, как возле Малмезона проходят и возвращаются отряды людей в странной форме — казаки, австрийцы, пруссаки. Что все это могло означать? Ортенс, находившаяся при дворе Марии Луизы, ежедневно посылала ей записки, рассказывая о надеждах и страхах Парижа (). Эти записки были неизменно мужественными и свидетельствовали о полной уверенности в окончательной победе Наполеона. Когда наконец, 28 марта, Ортенс узнала, что Мария Луиза и двор покидают город, ее возмущение было огромным. Однако она ничего не могла поделать. Ее долгом было сопровождать Марию Луизу, и перед отъездом у нее было время только отправить записку Жозефине, призывая ее уехать в Наварру.

«Моя дорогая Ортенс, — ответила Жозефина, — до того момента, как я получила твое письмо, я сохраняла мужество. Я не могу вынести мысли, что мне предстоит расстаться с тобой, и Бог знает, на сколько! Я следую твоему совету; завтра я уезжаю в Наварру. У меня здесь только шестнадцать человек охраны, и все они ранены. Я оставлю их, но на самом деле они мне не нужны. Я так несчастна из-за разлуки с детьми, что мне безразлично, что со мной будет. Постарайся прислать мне весточку о том, как ты, что будешь делать и куда пойдешь. Я постараюсь следовать за тобой хотя бы издалека».

Рано утром 29 марта маленькая свита отправилась в путь под дождем и по грязи. Жозефина была в полном ужасе. Она боялась, что ее задержат казаки, и однажды, увидев приближающуюся группу солдат, она выскочила из кареты и убежала одна через поля Эн-де- . Ее слугам с трудом удалось убедить ее, что незнакомцы были французами, а не иностранными солдатами.

Оказавшись в Наварре, она проводила большую часть времени в одиночестве — что было совершенно не в ее характере — читая и перечитывая письма Наполеона. Одно из них она всегда носила при себе. Оно было отправлено из Бриенна незадолго до отречения и содержало самые трогательные выражения его любви к ней из всех его поздних писем:

«Я искал смерти в бесчисленных сражениях; я больше не боюсь ее приближения; теперь я приветствую ее как благо... Тем не менее, я все еще хочу увидеть Жозефину еще раз».

Через несколько дней после прибытия Жозефины в Наварру к ней присоединилась Ортенс, и там обе узнали об отречении Наполеона и возвращении Бурбонов. После первой волны горя они начали строить планы на будущее. Ортенс заявила, что уедет с детьми в Америку. Там она сможет воспитать их так, чтобы они были готовы к любому будущему. Но Жозефина не собиралась отказываться от своего положения. Она начала лихорадочно писать во все стороны, по-видимому, надеясь заинтересовать своих друзей в том, чтобы они сохранили для нее что-нибудь в общем перевороте. Однако союзники не были настроены лишать Жозефину ни ее ранга, ни всего ее дохода. Император Александр, который был настоящим арбитром в этой игре, счел разумным позаботиться о материальных интересах семьи Бонапарт и в договоре оговорил, что Жозефина должна получать годовой доход в размере 1 000 000 франков и что она должна сохранить всю свою собственность, распоряжаясь ею по своему усмотрению. Александр проявил сильное желание завоевать расположение Жозефины. Узнав, что она находится в Наварре, он пригласил ее в Мальмезон, заверив, что там она будет в безопасности. До конца апреля она приехала с Ортенс, и здесь к ним присоединился Евгений. Александр вскоре приехал в Мальмезон, чтобы увидаться с императрицей. Его внимание к ней стало модным явлением при дворе, и Жозефина получала со всех сторон заверения, что ее положение и положение ее детей в новом *режиме* в безопасности. Но Жозефина не могла в это поверить. Ее дни и ночи были полны предчувствий — скорби о судьбе императора. Однажды, после обеда с Александром в замке Сен-Лё, она вернулась в свою комнату в полном отчаянии.

«Я не могу преодолеть ужасную печаль, которая овладела мной, — сказала она. — Я делаю все, чтобы скрыть это от своих детей, но только страдаю еще больше. Я начинаю терять мужество. Император России, безусловно, проявил к нам большое уважение и привязанность, но это всего лишь слова. Что он решит сделать с моим сыном, моей дочерью и ее детьми? Разве он не в состоянии что-то для них сделать? Знаете ли вы, что произойдет, когда он уедет? Ни одно из его обещаний не будет выполнено. Я буду видеть, как мои дети несчастны, и я не могу вынести эту мысль; она причиняет мне ужасные страдания. Я и так уже достаточно страдаю из-за судьбы императора Наполеона, лишенного всего своего величия, сосланного на остров вдали от Франции, брошенного на произвол судьбы. Должна ли я, кроме этого, видеть, как мои дети скитаются? Лишенные состояния? Мне кажется, эта мысль убьет меня... Это Австрия препятствует продвижению моего сына? Это Бурбоны? Конечно, они достаточно обязаны мне, чтобы быть готовыми расплатиться, помогая моим детям. Разве я не был добр ко всем их сторонникам в их несчастьях? Конечно, я никогда не думал, что они вернутся во Францию, но тем не менее мне было приятно быть их другом; они были французами, они страдали, они были моими бывшими знакомыми, и положение этих принцев, которых я видел в их молодости, трогало мое сердце. Разве я не просил Бонапарта двадцать раз позволить герцогине Орлеанской и герцогине Бурбонской вернуться? Именно благодаря мне он помог им в их беде, разрешил им получать пенсию, которую они получали в чужой стране».

Внимание, которое уделяли ей союзники, казалось, не оставляло места для каких-либо опасений. Король Пруссии и его сыновья, великие князья России, все великие люди Парижа, по сути, неоднократно обращались к Жозефине. Она не доверяла всему этому и в один момент плакала над судьбой своей и своих детей, а в следующий — над Наполеоном, одиноким на своем острове. Она неоднократно заявляла, что присоединится к нему, если

бы не боялась, что это вызовет недоразумение между ним и Марией Луизой и помешает последней отправиться на Эльбу, как, по мнению Жозефины, она должна была сделать. В своем нервном состоянии она искала признаки пренебрежения и невежливости, которые, как она полагала, ждали ее. Она планировала продать свои драгоценности. Все в доме были глубоко встревожены ее состоянием. «Моя мать мужественна и приветлива, когда принимает гостей, — сказала однажды Ортенс, — но как только она остается одна, она поддается горю, которое приводит меня в отчаяние. Я боюсь, что несчастья, которые обрушились на нас, слишком глубоко повлияли на нее и что ее здоровье никогда не восстановится».

Жозефина находилась в таком нервном состоянии, когда сильно простудилась, и 25 мая ее состояние было настолько серьезным, что были вызваны лучшие врачи Парижа. Император России прислал своего личного врача и сам часто приезжал в Мальмезон. Было сделано все, что можно было сделать, но силы бедной Жозефины были на исходе. Час за часом она беспокойно ворочалась на подушке, время от времени шепча: «Бонапарт», «Эльба», «Мария Луиза», — и пролежала так четыре дня. Утром 29-го для Ортенс и Эжена, как и для самой Жозефины, стало очевидно, что она не проживет долго. Был вызван священник, и наедине с ним она в последний раз исповедовалась, а в часовне под ней ее дети стояли на коленях и слушали мессу, отслуженную за их мать. После исповеди члены семьи собрались вокруг ее постели, пока ей давали причастие. Через несколько мгновений после последних слов торжественной службы императрица была объявлена мертвой.

Известие о смерти Жозефины произвело глубокое впечатление на Париж. Говорили, что она умерла от горя, от горя по поводу падения Наполеона. Даже те, кто не испытывал к ней симпатии при ее жизни, были тронуты трагическими обстоятельствами ее кончины и поспешили воздать последнюю дань ее памяти. В течение трех дней тело императрицы лежало на катафалке в вестибюле замка в Мальмезоне, и за это время его осмотрели более 20 000 человек.

На похоронах, которые состоялись 2 июня в маленькой церкви в Рёйле, недалеко от Мальмезона, Жозефине были оказаны королевские почести; однако по-настоящему трогательным моментом процессии и службы было присутствие сотен людей — солдат, крестьян, стариков, детей, — которые пришли, чтобы отдать единственную возможную дань уважения «доброй Жозефине», «звезде» императора.

Императрица до сих пор покоится в маленькой церкви в Рёйле, где она была похоронена восемьдесят шесть лет назад, а ее могила и замок Мальмезон до сих пор остаются местами паломничества для тех, кто знал и любил ее при жизни, а также для многих тысяч людей, чьи сердца тронула меланхоличная история ее жизни, полной приключений, славы и печали. В июне 1815 года, перед отправлением в Ватерлоо, Наполеон посетил замок. Его приняла Ортенс, которая не была там со смерти своей матери. В течение часа он гулял по парку, разговаривая о Жозефине, затем обошел замок, осмотрев каждую комнату и почти каждый предмет мебели. Говорят, что у двери комнаты, где умерла Жозефина, он остановился и сказал Ортенсе: «Дочь моя, я хочу войти один». Когда он вышел, его глаза были влажными.

Чуть более чем через две недели он вернулся в Мальмезон. Потерпев поражение при Ватерлоо, он стал изгоем, если только Франция не поддержала бы его. Но страна не могла этого сделать. Итак, из дома Жозефины Наполеон отправился в плен.

В 1824 году Эжен и Ортенс, оба изгнанные из Франции с 1815 года, купили одну из часовен в церкви в Рёйи и установили в ней прекрасный памятник Жозефине, который

можно увидеть там и сегодня. В 1831 году Ортенс инкогнито пересекла Францию вместе с Луи-Наполеоном, и тогда они впервые увидели этот памятник. Из Реуиля они отправились в Мальмезон, но только до ворот. Пятью годами ранее замок был продан шведскому банкиру, и швейцар отказал Ортенс во входе, поскольку у нее не было пропуска от владельца.

Семь лет после этого печального визита Ортенс привезли в Рёй, чтобы похоронить рядом с матерью. Но только двенадцать лет спустя, когда ее сын, любимый Жозефиной Уи-Уи, Луи-Наполеон, стал императором, в церкви был установлен памятник в ее честь. С возвращением Бонапартов к власти память о Жозефине стала культом. Наполеон III сказал своему народу, что из всех женщин, которые в течение семидесяти лет правили Францией, только она принесла им счастье. В Париже была возведена ее статуя, ее именем была названа большая аллея, был куплен Малмезон, который стал более великолепным, чем когда-либо, и открыт для посетителей. Ее жизнь восхваляли со всех сторон, ее характер прославляли. В результате этой попытки канонизации Жозефина стала для всего мира чистой и нежной героиней, жертвой своей бескорыстной преданности любимому мужчине. С уходом династии Наполеонов стало возможным беспристрастно изучать ее жизнь. Исследования показывают, что она была гораздо менее святой, чем Наполеон III хотел, чтобы мир верил.

Жозефина по рождению и воспитанию была жертвой порочной системы. По своей природе она была довольно поверхностной, ее самые сильные страсти были связаны с вниманием, весельем и обладанием красивой одеждой и драгоценностями. Ничто в ее раннем окружении не показывало ей, что в жизни есть более важные вещи, к которым стоит стремиться. Никакие тяжелые испытания позднейшей жизни не смогли затмить эти страсти. Чтобы удовлетворить их, она была готова приспособливаться к любому обществу и свободно отдавать себя любовнику, который обещал ей больше всего. Было бы несправедливо судить ее по строгим стандартам современной англосаксонской морали — она, креолка XVIII века, почти ребенок, оказалась в хаосе французской революции. Какой чистоты или достоинства можно было ожидать от ребенка с ее характером, когда ее главные защитники — отец, тетя и муж — были известны своей неверностью в самых священных отношениях жизни! Если Жозефина, брошенная мужем и впоследствии оставленная на произвол судьбы в обществе, пронизанном пороком, пошла по пути своего мира, то ее можно только пожалеть.

Нет сомнений, что если бы она была верна Наполеону с самого начала их брака, ее будущее с ним было бы другим. Роковое разочарование, которое он пережил в 1797 году, сделало развод для него возможным. До тех пор, пока Жозефина была верна, для него не могло существовать никакой другой женщины. Такова странная исключительность в любви такой природы, жестокой, сладкой и сильной, как у Наполеона. Однако не следует забывать, что когда бедная маленькая креолка поняла, что для сохранения своего положения она должна быть верной, она больше никогда не давала повода для обид, и с годами ее преданность мужу превратилась в культ. Действительно, в истории женщин нет ничего более трогательного, чем терпение и мягкость, с которыми Жозефина выполняла все требовательные и неприятные обязанности своего положения императрицы.

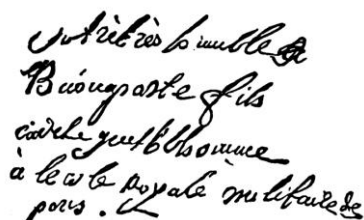
Хотя Жозефина не обладала ни одним из качеств, которые делают душу героической, не знала истинного самоотречения, была трусом в опасности, никогда не теряла из виду личные интересы, была униженной карьеристкой, немногие женщины были так искренне любимы окружающими. Для этого были веские причины. Ни одно злобное слово не переходило через ее губы, она не испытывала радости, видя страдания врага, никогда не интриговала, никогда не уставала в доброжелательном служении. Если она и была неспособна к героическим поступкам, то, по крайней мере, ее дни были наполнены

мелкими любезностями, добрыми словами, щедрыми поступками. Честный взгляд на ее жизнь разрушает образ героини, но оставляет женщину, которая на протяжении бурной жизни сохраняла доброжелательное сердце по отношению к друзьям и врагам и которая в конце концов достигла праведности поведения.

И это самое большее, что можно сказать о ней. Это касается только женщины Жозефины. Что же касается императрицы Жозефины, то она — лишь имя. Она удержала свой трон благодаря случайному браку и никогда не относилась к нему серьезно. Она никогда не понимала идей, которые он олицетворял в сознании великого тирана, который его установил. Процветание французского народа — слава французского оружия, распространение справедливых законов, установление стабильной системы — все эти понятия, за которые боролся Наполеон, не имели для нее никакого значения, за исключением того, что они влияли на ее собственное положение. Единственную выдающуюся возможность служить идее Наполеона — развод — она приняла только тогда, когда поняла, что не может от него уклониться. Несомненно, что ее любезность и доброжелательность облегчили Наполеону трудную задачу создания двора и дворянства. Но это была услуга, оказанная мужу тактичной женщиной мира, а не императрицей своему народу. Французский народ действительно не значил для нее ничего больше, чем ее трон. Он просто заполнял фон сцены, на которой она играла свою роль. Она была императрицей только по имени, но никогда по душе.

Автографы Наполеона с 1785 по 1816 год ^[3]

В 1785 году Наполеон покинул Военную школу в Париже и был принят в качестве второго лейтенанта в полк Ла Фер. В это время он подписывался так же, как его отец: «Буонапарт, младший сын, кавалер, в Королевской военной школе Парижа».

В 1789 году Наполеон получил роту, а в 1792 году его отправили во главе батальона добровольческой пехоты, который должен был принять участие в экспедиции против Сардинии. По возвращении из этой экспедиции он командовал артиллерийским батальоном () при осаде Тулона. Тогда его подпись выглядела следующим образом:

После захвата Ольяля 3 декабря 1793 года Наполеон был произведен в генералы, а в 1794 году он командовал артиллерией Итальянской армии. В начале 1795 года ему было приказано присоединиться к пехоте в Вандее, но он отказался и остался в Париже, где был прикомандирован к министру войны. 5 октября этого года он командовал под началом Барраса армией Конвента против секций Парижа и благодаря ему стал генералом дивизии.

Чуть позже Баррас назначил его главнокомандующим армией внутренних войск.

До этого момента Наполеон не менял написание своего имени. В заголовке своих писем он писал «*Buonaparte, general en chef de l'armée de l'interieur*» и подписывался «*Buonaparte*».

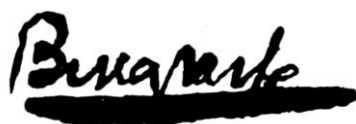

Следующая подпись находится в конце записки об Армии Италии от 19 января 1796 года: *Le Général Buonaparte*.

A handwritten signature in cursive script, reading "Buonaparte". The ink is dark, and the signature is written on a light background.

В «Мемуарах с острова Святой Елены» Наполеон пишет, что в молодости он подписывался *Буонапарт*, как его отец, а после того, как получил командование Армией Италии, изменил это написание, которое было итальянским, но несколько лет спустя, находясь среди французов, он подписывался *Бонапарт*.

Наполеон был назначен главнокомандующим Итальянской армией 23 февраля 1796 года и до 29 числа того же месяца подписывался *Буонапарт*. Он покинул Париж, чтобы присоединиться к армии в середине следующего месяца, и в первом письме, которое он направил Директории из своего штаба в Ницце 28 марта, он сообщил, что накануне принял командование армией, и подписался как *Бонапарт*.

A handwritten signature in cursive script, reading "Bonaparte". The ink is dark, and the signature is written on a light background.

С этого момента изменение было принято повсеместно, и официальные письма стали подписываться «*Бонапарт, главнокомандующий армией Италии*».

Из своего штаба в Каркаре Наполеон направил Директории в Париже свои отчеты о сражении при Монтенотте, которое открыло итальянскую кампанию. Это письмо было датировано 14 апреля 1796 года и подписано *Бонапарт*.

A handwritten signature in cursive script, reading "Bonaparte". The ink is dark, and the signature is written on a light background.

В своей знаменитой прокламации из Милана от 20 марта 1796 года Наполеон обратился к своей армии со следующими словами: «Солдаты, вы устремились, как поток с вершин Апеннин, Милан ваш!» и подписался «*Бонапарт*».

A handwritten signature in cursive script, reading "Bonaparte". The ink is dark, and the signature is written on a light background.

Как главнокомандующий египетской экспедицией Наполеон подписался следующим образом:

A handwritten signature in cursive script, appearing to read 'Buonaparte', with a long horizontal stroke at the bottom.

Из Каира, 30 июля 1798 года, он подписался «Бонапарт».

A handwritten signature in cursive script, appearing to read 'Buonaparte', with a long horizontal stroke at the bottom.

Когда он впервые стал императором, он подписался как *Наполеон*.

A handwritten signature in cursive script, appearing to read 'Napoleon', with a long horizontal stroke at the bottom.

Вышеприведенная подпись является одной из первых подписей императора. Она была поставлена в Сен-Клу 25 мая 1804 года. Первые три буквы NAPoleon, и именно так в середине его подписи, когда он привык подписываться BuonAParte. До 1805 года он продолжал подписываться своим полным именем. 18 сентября 1805 года он подписался:

A handwritten signature in cursive script, appearing to read 'Napoleon', with a long horizontal stroke at the bottom.

После битвы при Аустерлице, которая положила конец кампании 1805 года, прокламация Наполеона, датированная 3 декабря 1805 года и подписанная в императорском лагере Аустерлица, была подписана *Наполеоном*.

Начиная с кампании 1806 года, он подписывался только первыми пятью буквами своего имени, то есть *Napol*.

26 октября 1806 года в Потсдаме император подписался следующим образом:

29 октября 1806 года из Берлина он подписался следующим образом:

27 января из Варшавы

Из императорского лагеря в Тильзите, 22 июня 1807 года, император подписался только своей инициалом, как показано ниже, и очень редко после этого своим полным именем: *N.*

7 декабря 1808 года он подписался из Мадрида следующим образом: *N.*

В начале кампании 1809 года, в письме маршалу Массена, он подписался следующим образом:

Из императорского лагеря в Ратисбоне 24 апреля 1809 года император обратился к армии с прокламацией, которая заканчивалась так: «Не пройдет и месяца, как я буду в Вене», и подписался

A handwritten signature in black ink, featuring a stylized 'N' and 'B' followed by a long horizontal stroke.

Менее чем через три недели французская армия была в Вене, и 13 мая император подписал свои указы из дворца Шенбрунн:

A handwritten signature in black ink, featuring a stylized 'N' and 'B' followed by a long horizontal stroke.

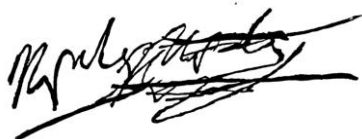
Такие же разнообразные подписи встречаются в приказах, датированных Москвой, городом, в который он вступил как завоеватель 12 сентября 1812 года.

A handwritten signature in black ink, featuring a stylized 'N' and 'B' followed by a long horizontal stroke.

21 сентября 1812 года в 3 часа утра император подписался следующим образом:

A handwritten signature in black ink, featuring a stylized 'N' and 'B' followed by a long horizontal stroke.

Во время кампании 1813 года император отправил из Дрездена приказ генерал-майору, датированный 1 октября в полдень. Генерал Пти рассказывает, что он некоторое время раздумывал, прежде чем отправить его (), поскольку подпись была дважды зачеркнута и написана в третий раз.

Одной из следующих необычных подписей императора является следующая, которую он поставил в Эрфурте 13 октября 1813 года:

4 апреля 1814 года, Фонтенбло, таким образом, *N.*

9 сентября 1814 года с острова Эльба он пишет следующее: *Нап.*

14 июля 1815 года император писал принцу-регенту Англии и подписался

В Лонгвуде, на острове Святой Елены, 11 декабря 1816 года император написал графу Лас-Касусу письмо с соболезнованиями по поводу приказа, полученного графом покинуть остров. Это была его первая подпись на острове Святой Елены.

3. Этот сборник подписей воспроизведен из книги Армана Дайо «Наполеон, рассказанный изображениями».

ТАБЛИЦА СЕМЬИ БОНАПАРТ.

ШАРЛЬ БОНАПАРТ.

(1746–1785)

МАРИ ЛЕТИТИЯ РАМОЛИНО.

(1750–1836)

ЖЕНИЛИСЬ В 1765 ГОДУ.

От этого брака:

1. *Джозеф* (1768–1844), женился в 1794 году на Мари Жюли Клари.

От этого брака:

(1) Зенаида Шарлотта (1801–1854), вышла замуж в 1832 году за своего двоюродного брата, Карла Бонапарта, принца Канино.

(2) Шарлотта (1802–1839), в 1831 году вышла замуж за своего двоюродного брата Наполеона Луи, второго сына Луи.

- 2-й. НАПОЛЕОН I (1769–1821), женился

(1) Мари Жозефину Розу Ташер де ла Пажери в 1796 году.

(2) Марией Луизой, эрцгерцогиней Австрийской, в 1810 году.

Усыновил двух детей от первой жены:

(1) Эжена (1781–1824), который женился на принцессе Августе Амелии, дочери короля Баварии.

От этого брака:

(a) Максимилиан Иосиф, герцог Лейхтенбергский, который в 1839 году женился на дочери царя Николая.

(b) Жозефина, в 1823 году вышла замуж за Оскара Бернадота, впоследствии короля Швеции под именем Карла XIV.

(c) Эжени Ортенс, в 1826 году вышла замуж за принца Фридриха Гогенцоллерна-Хехингена.

(г) Амелия Августа, в 1829 году вышла замуж за Дома Педру, императора Бразилии.

(e) Огюст Шарль, женившийся в 1835 году на Донне Марии, королеве Португалии.

(f) Теоделин Луиза, вышла замуж в 1841 году за Вильгельма, графа Вюртембергского.

(2) Эжени Ортенс (1783–1827), вышла замуж за Луи Бонапарта. (См. Луи.)

От второго брака:

Франсуа Шарль Жозеф (НАПОЛЕОН II), король Рима, впоследствии герцог Рейхштадтский (1811–1832).

3. *Люсьен* (1775–1840), женился:

(1) в 1794 году, Кристина Элеонора Буайе.

(2) в 1802 году, мадам Жубертон.

От первого брака:

(1) Шарлотта, в 1815 году вышла замуж за принца Марио Габриелли.

(2) Кристина Египта, в 1818 году вышла замуж за графа Авреда Поссе, шведа, а в 1824 году — за лорда Дадли Куттса Стюарта.

От второго брака:

(1) Шарль Люсьен Жюль Лоран, принц Канино, женился на старшей дочери Жозефа Бонапарта. У Шарля Люсьена было восемь детей: Жозеф, умерший в молодом возрасте; Люсьен, ставший кардиналом в 1868 году; Наполеон, служивший во французской армии; Жюли, вышедшая замуж за маркиза де Боккаджовина; Шарлотта, ставшая графиней Примоли; Августа, впоследствии принцесса Габриелли; Мари, вышедшая замуж за графа Кампелло; Батильда, вышедшая замуж за графа Камбасереса.

(2) Леттиция, вышла замуж за сэра Томаса Уайза.

(3) Пол, убит в 1826 году.

(4) Жанна, умерла в 1828 году.

(5) Луи Люсьен, известный как принц Люсьен, прославившийся как писатель.

(6) Пьер Наполеон, известный как принц Пьер, женился на швее и отказался от нее. Старший сын принца Пьера — принц Роланд Бонапарт. Он был бы главой дома Бонапарт, если бы Люсьен не был лишен права на престол.

(7) Антуан.

(8) Мария, вышла замуж за виконта Валентини.

(9) Констанция, которая приняла постриг.

4-я. *Мари Анна Элиза* (1777–1820), вышла замуж за Феликса Баччочи в 1797 году.

От этого брака:

(1) Шарль Жеро — Баччоки, 1810–1830.

(2) Наполеоне Элиза, вышла замуж за графа Камерату.

5-й. *Луи* (1778–1846) женился в 1802 году на Эжени Ортенс де Боарне, дочери Жозефины.

От этого брака:

(1) Наполеон-Шарль, наследник престола Голландии, умер в 1807 году.

(2) Шарль Наполеон Луи, женился на своей кузине Шарлотте, дочери Жозефины; умер в 1831 году.

(3) Шарль Луи Наполеон, император Франции в 1852 году под именем НАПОЛЕОН III, женился в 1857 году на Эжени де Монтихо де Гусман, графине Теба.

От этого брака:

Наполеон Эжен Луи Жан Жозеф, императорский принц, родился в 1856 году; погиб в Зулуленде в 1879 году.

6. *Мария Полина* (1780–1825), вышла замуж

(1) в 1801 году за генерала Леклерка.

(2) в 1803 году за принца Камилла Боргезе. Детей не было.

7-я. *Каролина Мари Аннунсиада* (1782–1839), вышла замуж за Иоахима Мюрата в 1800 году.

От этого брака:

(1) Наполеон Ахилл Шарль Луи Мюрат (1801–1847), уехал во Флориду, где женился на внучатой племяннице Джорджа Вашингтона.

(2) Леттиция Жозеф, вышла замуж за маркиза Пеполи.

(3) Люсьен Шарль Жозеф Франсуа Наполеон Мюрат, женился на американке, мисс Фрейзер, в 1827 году. В этом браке родилось пятеро детей.

(4) Луиза Жюли Каролина, вышла замуж за графа Росполи.

8-й. Жером (1784–1860), женился:

(1) в 1803 году за мисс Элизу Паттерсон из Балтимора; и

(2) в 1807 году за принцессу Катарину Вюртембергскую.

От первого брака:

Джером Наполеон Бонапарт-Патерсон (1805–1870) женился в 1829 году на мисс Сюзанне Гей. В этом браке родились двое детей:

(1) Джером Наполеон Бонапарт (1832–1893).

(2) Шарль Бонапарт, в настоящее время проживающий в Балтиморе.

От второго брака:

(1) Джером Наполеон Чарльз, умерший в 1847 году.

(2) Матильда Лэтита Вильгельмина, в 1840 году вышла замуж за русского князя Демидова, но развелась с ним: известна как принцесса Матильда.

(3) Наполеон Жозеф Шарль Поль, называемый принцем Наполеоном, также известный как Плон Плон, в 1859 году женился на принцессе Клотильде, дочери короля Виктора Эммануила Итальянского. После смерти императорского принца в 1879 году стал главой бонапартистской партии. Умер в 1891 году. У принца Наполеона было трое детей:

(а) Наполеон Виктор Жеро — ∠ Фредерик, родившийся в 1862 году, называемый принцем Виктором и нынешний глава дома Бонапартов.

(б) Наполеон Луи Жозеф Жеро — ∠.

(с) Мари Леттиция Эжени Катарина Аделаида.

ХРОНОЛОГИЯ ЖИЗНИ НАПОЛЕОНА БОНАПАРТА

ВОЗРАСТ. ДАТА.	СОБЫТИЕ.
1769.	15 августа — Наполеон Бонапарт родился в Аяччо на Корсике. Четвертый ребенок Шарля Бонапарта и Леттиции, <i>урожденной</i> Рамолино.
9. 1778	Декабрь — Наполеон отправляется во Францию вместе со своим отцом, братом Жозефом и дядей Фешем.
9. 1779.	1 января — Наполеон поступает в колледж Отона.
9. 1779.	23 апреля — Наполеон поступает в Королевскую военную школу в Бриенне.
15. 1784.	23 октября — Наполеон поступает в Королевскую военную школу в Париже.
16. 1785.	1 сентября — Наполеон назначен вторым лейтенантом артиллерийского полка де ла Фер.
16. 1785.	29 октября — Наполеон покидает Военную школу Парижа.
16. 1785.	5 ноября — 11 августа 1786 г. — Наполеон находится в Валансе со своим полком.
17. 1786.	15 августа — 20 сентября. Наполеон в Лионе со своим полком.
17. 1786.	17 октября — 1 февраля 1787 года — Наполеон в Дуэ с полком.
17. 1787.	1 февраля — 14 октября — Наполеон в отпуске на Корсике.
18. 1787 год.	15 октября — 24 декабря — Наполеон покидает Корсику, прибывает в Париж, получает новый отпуск.
18. 1787.	25 декабря — май 1788 г. — Наполеон отправляется на Корсику и возвращается в начале мая.
18–19. 1788.	Май — 4 апреля 1789 г. — Наполеон в Оссоне с полком.

19. 1789.	5 апреля — 30 апреля. — Наполеон в Саре, командует отрядом.
19–20 мая 1789 года.	1 мая — 15 сентября. — Наполеон в Оссоне с полком.
20–21. 1789.	16 сентября — 1 июня 1791 г. — Наполеон на Корсике.
21–22. 1791.	2 июня — 29 августа. Наполеон вступает в четвертый артиллерийский полк в Валансе в звании первого лейтенанта.
22. 1791.	30 августа. — Наполеон отправляется на Корсику в отпуск на три месяца; 2 мая 1792 года покидает Корсику и отправляется во Францию, где его увольняют за самовольное отсутствие.
23. 1792.	30 августа. — Наполеон восстановлен в должности.
23. 1792.	14 сентября — 11 июня 1793 г. — Наполеон на Корсике участвует в революционных попытках; выступив против Паоли, он и его семья вынуждены покинуть Корсику.
23. 1793.	13 июня — 14 июля. Наполеон со своей ротой в Ницце.
24. 1793.	9 октября — 19 декабря. — Наполеон поставлен во главе части артиллерии армии Карто перед Тулоном, 19 октября; Тулон взят 19 декабря.
24. 1793.	22 декабря — Наполеон временно назначен генералом бригады; позже утвержден в этой должности; получает звание 16 февраля 1794 года.
24. 1793.	26 декабря — 1 апреля 1794 г. — Наполеон назначен инспектором побережья от Роны до Вара, выполняющим инспекционные функции.
24. 1794.	1 апреля — 5 августа — Наполеон с армией Италии; в Генуе с 15 по 21 июля.
24–25. 1794.	6–20 августа 1794 г. — Наполеон под арестом в Сен-Сен-Круа () после падения Робеспьера.
25. 1794.	14 сентября — 29 марта 1795 года — Наполеон командует артиллерией в запланированной морской экспедиции на Корсику.
25. 1795.	27 марта — 10 мая. — Наполеон получает приказ из южных районов присоединиться к армии в Вандее для командования ее артиллерией; 10 мая прибывает в Париж.
25–26. 1795.	13 июня. — Наполеон получает приказ

присоединиться к армии Хоша в Бресте, чтобы командовать пехотной бригадой; остается в Париже; 21 августа присоединяется к Комитету общественного спасения в качестве одного из четырех советников; 15 сентября исключен из списка действующих генералов за неподчинение приказу не продвигаться на запад.

26. 1795. 5 октября (13 вендемьера, День секций). — Наполеон защищает Конвент от восстания секций.
26. 1795. 16 октября — Наполеон временно назначен генералом дивизии.
26. 1795. 26 октября. — Наполеон назначен генералом дивизии и командующим армией внутренних войск (*т. е.* Парижа).
26. 1796. 2 марта — Наполеон назначен главнокомандующим армией Италии; 9 марта женится на мадам де Боарне, *урожденной* Ташер де ла Пажери.
26. 1796. 11 марта — покидает Париж и отправляется в Италию.
26. 1796. Первая итальянская кампания Наполеона против австрийцев под командованием Болю и сардинцев под командованием Колли. Сражение при Монтенотте, 12 апреля; Миллезимо, 14 апреля; Дего, 14 и 15 апреля; Мондови, 22 апреля; перемирие в Чераско с сардинцами, 28 апреля; сражение при Лоди, 10 мая; австрийцы изгнаны из Ломбардии, Мантуя осаждена.
26. 1796 год. Июль и август. Первая попытка австрийцев освободить Мантую; сражение при Лонато, 31 июля; Лонато и Кастильоне, 3 августа; и снова Кастильоне, 5 и 6 августа; Вурмсер отбит, и Мантуя снова осаждена.
27. 1796. Сентябрь. Вторая попытка австрийцев освободить Мантую (); сражение при Каллиано 4 сентября; Примолано 7 сентября; Бассано 8 сентября; Св. Георг 15 сентября; Вурмсер отеснен в Мантую и осажден там.
27. 1796. Ноябрь — третья попытка австрийцев освободить Мантую; сражения при Кальдиеро 11 ноября и Арколе 15, 16 и 17 ноября; Альвинци отбит.
27. 1797. Январь — Четвертая попытка освободить Мантую; сражения при Риволи 14 января и Фаворита 16 января; Альвинци снова отбит.
27. 1797. 2 февраля — Вурмсер сдаёт Мантую с 18 тысячами человек.

27. 1797. 10 марта — Наполеон начинает наступление на эрцгерцога Карла; наносит ему поражение при Тальяменто 16 марта; 18 апреля — заключение временного договора с Австрией в Леобене.
28. 1797. 17 октября — договор Кампо-Формио между Францией и Австрией, заменяющий договор Леобена; Венеция разделена и теперь переходит к Австрии.
28. 1798. Египетская экспедиция. Наполеон отплывает из Тулона 19 мая; 10 июня захватывает Мальту; 1 июля высаживается вблизи Александрии; 2 июля захватывает Александрию; 21 июля — битва при Пирамидах; 23 июля входит в Каир.
28. 1798. 1 и 2 августа — Битва на Ниле.
29. 1799. 3 марта — Наполеон отправляется в Сирию; 7 марта — захватывает Яффу; 18 марта — осаждают Сен-Жан-д'Акр; 16 апреля — сражение на горе Табор; 22 мая — снята осада Акры; 14 июня — Наполеон достигает Каира.
29. 1799. 25 июля — сражение при Абукире; поражение турок.
30. 1799. 22 августа — Наполеон отплывает из Египта; 6 октября высаживается во Фреже.
30. 1799. 9 и 10 ноября (18 и 19 брюмера). — Наполеон захватывает власть.
30. 1799. 25 декабря. — Наполеон — первый консул; Камбасерес — второй консул; Лебрен — третий консул.
30. 1800. Май и июнь. — Маренгоская кампания. 14 июня — сражение при Маренго; 15 июня — подписание Наполеоном перемирия с Меласом.
31. 1800. 24 декабря (3-е Нивоза). — Попытка убийства Наполеона с помощью взрывного устройства.
31. 1801. 9 февраля. — Лунёвский договор между Францией и Германией.
31. 1801. 15 июля. — *Конкордат* с Римом.
32. 1801. 1 октября — Подписание в Лондоне предварительного мирного договора между Францией и Англией.
32. 1802. 26 января — Наполеон становится вице-президентом Итальянской Республики.
32. 1802. 27 марта — Амьенский договор.

32. 1802. 19 мая — учреждение Ордена Почётного легиона; упразднен 14 июля 1814 года.
32. 1802. 4 августа — Наполеон становится пожизненным первым консулом.
33. 1803. Май — война между Францией и Англией.
33. 1803. 5 марта — принят Гражданский кодекс (позже Кодекс Наполеона).
34. 1804. 21 марта — герцог Энгиенский расстрелян в Венсенне.
- 34-35. 1804. 18 мая — Наполеон, император французского народа; коронован 2 декабря.
34. 1805. 26 мая — Наполеон коронован королем Италии в Милане железной короной.
36. 1805. Ульмская кампания; 25 сентября Наполеон пересекает Рейн; 14 октября — битва при Эльхингене; 20 октября — Мак сдаёт Ульм.
36. 1805 г. 21 октября — сражение при Трафальгаре.
36. 1805. 2 декабря — поражение русских и австрийцев при Аустерлице.
36. 1805. 26 декабря — Пресбургский договор.
36. 1806. 1 июля — образована Рейнская конфедерация; Наполеон — ее покровитель.
37. 1806. Йенская кампания с Пруссией. Сражения при Йене и Ауэрштадте, 14 октября; Берлин занят, 27 октября.
37. 1806. 21 ноября — изданы Берлинские декреты.
37. 1807. 8 февраля — сражение при Эйлау с русскими, безрезультатное; 14 июня — сражение при Фридланде, решающее.
37. 1807. 8 и 9 июля — подписание Тильзитского договора.
38. 1807. 27 октября — Секретный договор в Фонтенбло между Францией и Испанией о разделе Португалии.
38. 1808. Март. — Французы постепенно оккупируют Испанию; Жозеф Бонапарт переводится из Неаполя в Испанию; его место в Неаполе занимает Мюрат.
39. 1808. 27 сентября — 14 октября — Конференции в Эрфурте между Наполеоном, Александром и германскими правителями.

39. 1808. Ноябрь и декабрь — Наполеон разгромил испанские войска; входит в Мадрид; выдвигается против Мура, но в январе 1809 года внезапно возвращается во Францию, чтобы подготовиться к австрийской кампании.
39. 1809. Поход на Ваграм. Австрийцы наступают 10 апреля; Наполеон занимает Вену 13 мая; терпит поражение при Эсслинге 22 мая; наконец переправляется через Дунай 4 июля и наносит поражение австрийцам при Ваграме 6 июля.
40. 1809. 14 октября — Шёнбруннский или Венский договор.
40. 1809. Декабрь — развод с Жозефиной.
40. 1810. 1 и 2 апреля — Брак 40-летнего Наполеона с 18-летней Марией Луизой.
41. 1810. Декабрь — Ганзейские города и все северное побережье Германии присоединены к Французской империи.
41. 1811. 20 марта — Рождение короля Рима, сына Наполеона.
- 43-43. 1812. Война с Россией; 24 июня Наполеон пересекает Неман; 7 сентября — битва на Моске или Бородино; 15 сентября Наполеон входит в Москву; 19 октября начинает отступление.
43. 1812. 22-23 октября — заговор генерала Мале в Париже.
43. 1812. 26-28 ноября — Переход через Березину; 5 декабря Наполеон покидает свою армию; 18 декабря прибывает в Париж.
- 43-44. 1813. Лейпцигская кампания. 2 мая Наполеон наносит поражение русским и пруссакам при Лютцене; и снова, 20-21 мая, при Бауцене; 26 июня, встреча Наполеона и Меттерниха в Дрездене; 10 августа, в полночь, Австрия присоединяется к союзникам; 26-27 августа Наполеон наносит поражение союзникам под Дрезденом, но Вандамм терпит поражение под Кульмом 30 августа, а 16-19 октября Наполеон терпит поражение под Лейпцигом.
44. 1814 год. Союзники вступают во Францию; 29 января, сражение при Бриенне; 1 февраля, сражение при Ларотье.
44. 1814. 5 февраля — 18 марта — Конференции в Шатийон-сюр-Сен.

44. 1814. 11 февраля — сражение при Монмирале; 14 февраля — при Вошампе; 18 февраля — при Монтеро.
44. 1814. 7 марта — сражение при Краоне; 9-10 марта — при Лаоне; 20 марта — при Арси-сюр-л'Обе.
44. 1814. 21 марта — Наполеон начинает свой поход, чтобы перерезать коммуникации союзников; 25 марта союзники начинают свой поход на Париж; сражение при Ла-Фер-Шампенуаз, Мармон и Мортье потерпели поражение; 28 марта Наполеон разворачивается в Сен-Дизье, чтобы преследовать союзников; 29 марта императрица и двор покидают Париж.
44. 1814 год. 30 марта — Париж капитулирует; 1 апреля в город входят союзные монархи.
44. 1814. 2 апреля — Сенат объявляет о свержении Наполеона, который 4 апреля условно отрекается от престола в пользу своего сына, а 6 апреля — безоговорочно; 5 апреля корпус Мармона вступает в линию противника; 11 апреля Наполеон подписывает договор, по которому ему на всю жизнь предоставляется остров Эльба; 20 апреля Наполеон прощается с гвардией в Фонтенбло; 3 мая Людовик XVIII входит в Париж; 4 мая Наполеон высаживается на Эльбе.
45. 1814 год. 3 октября — Венский конгресс собирается для урегулирования положения в Европе; фактически открывается 3 ноября.
45. 1815. 26 февраля — Наполеон покидает Эльбу; высаживается недалеко от Канн 1 марта; 19 марта Людовик XVIII покидает Париж; 20 марта Наполеон входит в Париж.
45. 1815. 16 июня — сражение при Линьи и Катр-Бра; 18 июня — сражение при Ватерлоо.
- 45-46. 1815. 29 июня — Наполеон покидает Мальмезон и отправляется в Рошфор; 15 июля сдается англичанам; 8 августа отплывает на остров Святой Елены; 15 октября прибывает на остров Святой Елены.
- 51 год 8 месяцев.
1821. 5 мая — Наполеон умирает в 17:45; похоронен 8 мая.
1840. 15 октября — тело Наполеона извлекают из могилы; 16 октября погружают на корабль «Belle Poule» под командованием принца Жуанвиля, сына Луи-Филиппа; 15 декабря 1840 года помещают в Дом инвалидов.

ПРИМЕЧАНИЕ ПЕРЕПИСЧИКА

1. Типографские ошибки и различия в написании исправлены без указания.
 2. Сохранены анахроничные, нестандартные и неопределенные варианты написания, как в печатном тексте.
 3. Сноски были переиндексированы с использованием цифр и собраны вместе в конце каждой главы.
-